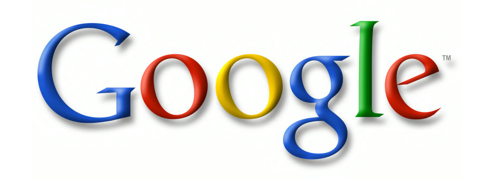
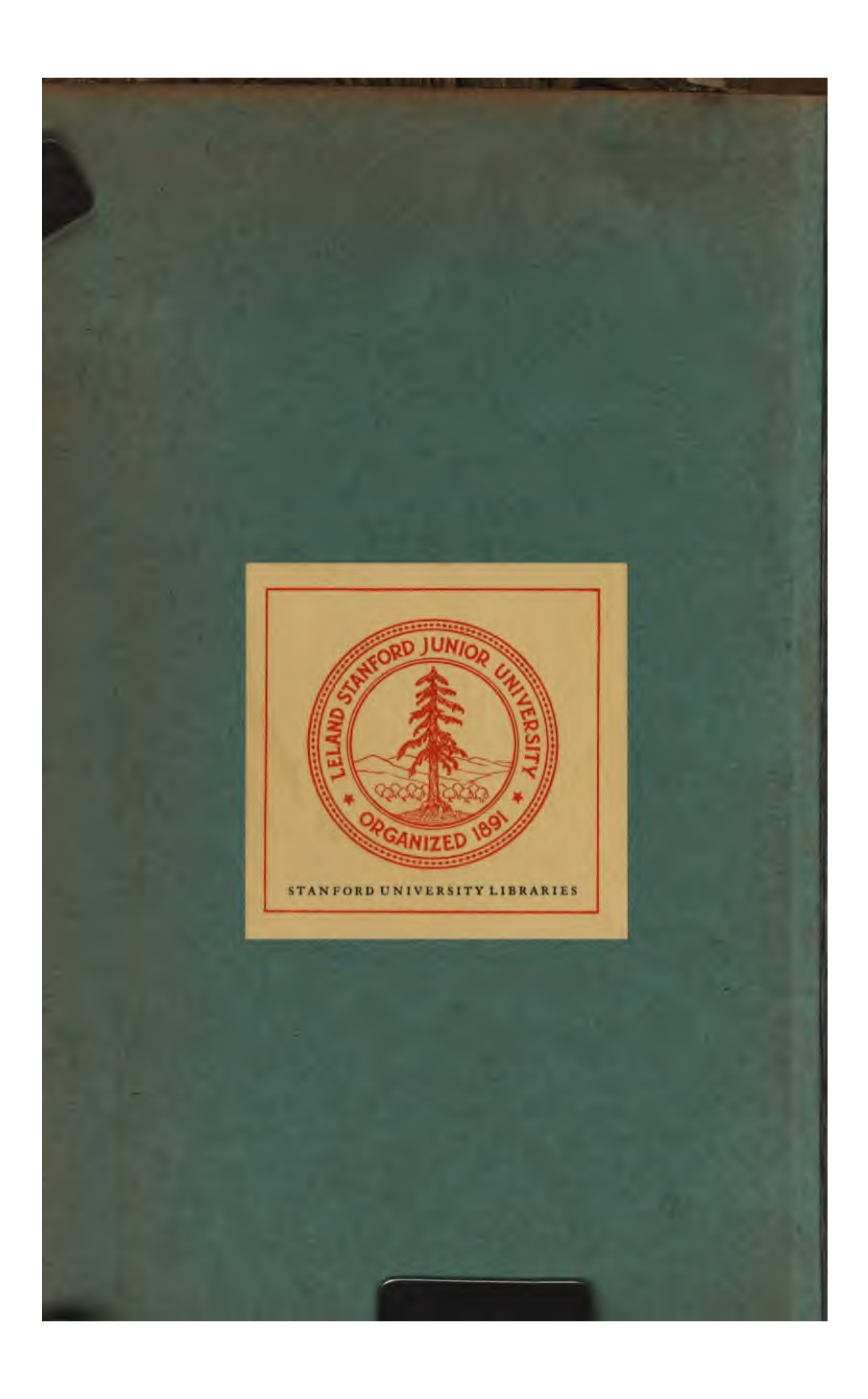


C 845


LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

И. ФИЛЕВИЧЪ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ТОМЪ I.

Территорія и населеніе.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Франца Черпака,
Краковское Предмѣстье № 6.

1896.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

И. ФИЛЕВИЧЪ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ТОМЪ I.

Территорія и населеніе.

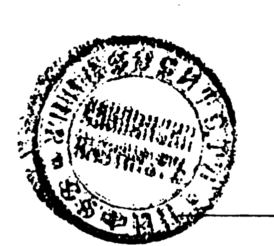
ВАРШАВА.
Въ типографіи Франца Чернака,
Краковское Предмѣстье № 6.
1896.

И. ФИЛЕВИЧЪ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ТОМЪ I.

Территорія и населеніе.



ВАРШАВА.
Въ типографіи Франца Чернака,
Краковское Предмѣстье № 6.
1896.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ **П. Ковалевскій**.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческое изложеніе жизни русскаго народа представляетъ одно существенное отличіе отъ историческаго изложенія жизни другихъ европейскихъ народовъ: оно не обнимаетъ содержанія жизни всего русскаго народа. Этотъ недочетъ обнаруживается не только въ изложеніи извѣстнаго періода русской исторіи, а характеризуетъ ее всю отъ начала и до сего дня.

Этотъ особенный характеръ историческаго изложенія русской жизни не можетъ быть объясняемъ многочисленностью русскаго народа и необъятностью его территоріи, ибо это — явленіе не новое: не только теперь, но уже въ XII в. Русь представляла цѣлый особый міръ (quasi alter orbis), а родъ русскій, по своей многочисленности, уподоблялся звѣздамъ. Были особыя обстоятельства, обусловившія этотъ исключительный характеръ историческаго изложенія русской жизни. Считаемъ умѣстнымъ вкратцѣ указать на нихъ.

Въ исторической жизни славяно-русскаго міра вторая половина XIV в. составляетъ эпоху въ полномъ смыслѣ слова. Удары степи, подмывавшей съ незапамятныхъ временъ устои русской жизни, обрушиваются въ это время на болгарское и сербское славянство, съ которымъ древняя Русь была въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Къ этому присоединяются чувствительные удары и на другихъ пунктахъ. Время угорскихъ Анжуйцевъ — особенно Людовика — озна-

меновано полнымъ переломомъ во внутреннемъ строѣ жизни угорскаго государства, въ ущербъ тѣмъ славянскимъ началамъ, на которыхъ этотъ строй покоился въ прежнее время. Такимъ же характеромъ отличается и время Казиміра польскаго. Оба эти государя, нерѣдко называемые Великими, соединенными силами открываютъ наступленіе на сосѣднее съ ихъ владѣніями русское покарпатье. Благодаря этому, карпатскія окраины русскаго міра окончательно отрываются отъ своего цѣлаго и подвергаются усиленному воздѣйствію чуждыхъ началъ, вполнѣ восторжествовавшихъ въ Польшѣ и Угріи. Въ то же время литовско-русскій государь Ягайло связываетъ свое государство съ Польшей. На широкомъ пространствѣ западно-русскихъ земель начинаетъ сказываться вліяніе католицизма и нѣмецкаго права, съ теченіемъ времени значительно измѣнившихъ духовный и общественный складъ жизни этихъ земель.

Всѣ указанныя обстоятельства окончательно довершаютъ тотъ погромъ, какой былъ нанесенъ русскому міру Татарами; они окончательно нарушаютъ его цѣлостность, прекращаютъ возможность болѣе или менѣе свободнаго обмѣна и взаимодѣйствія отдѣльныхъ его частей и — что, быть можетъ, еще хуже — вносятъ въ него начала духовнаго раздвоенія. Такимъ образомъ, конецъ XIV в. проводитъ въ исторіи русской жизни рѣзкую грань. Значительная часть русскаго міра теряетъ самостоятельность, и слѣдовательно, *перестаетъ быть самоопредѣляющеюся частью славяно-русскаго цѣлаго.*

Дальнѣйшая историческая жизнь этой несамостоятельной Руси опредѣляется уже обстоятельствами и воздѣйствіями извнѣ. Потерявъ возможность естественнаго развитія и роста, эта жизнь, въ смыслѣ *русской исторической жизни* все болѣе и болѣе суживается въ своихъ рамкахъ, такъ сказать, уходитъ въ корни, ограничиваясь въ концѣ концовъ кругомъ одного народа, то есть простонародья. Верхи общественнаго организма, которыми жизнь движется и направляется, измѣняютъ русскимъ началамъ, переходятъ въ чужой лагерь.

Лишь сѣверо-восточная часть славяно-русскаго міра сохранила прежнюю самостоятельность. Оставшись, благодаря географическому положенію, свободной отъ чуждыхъ, подавляющихъ вліяній, она не испытала и естественнаго ихъ слѣдствія — гибельнаго раздвоенія и взаимнаго отчужденія составныхъ частей своего народнаго организма. Какъ будто во вниманіе къ тому, что произошло на старыхъ русскихъ займищахъ, эта самостоятельная часть русскаго славянства передвигаетъ свой центръ на 200 верстъ съ сѣвера на юго-западъ: изъ Владиміра въ Москву, и въ то же самое десятилѣтіе XIV вѣка, когда вся западная часть русскаго міра окончательно теряетъ возможность дальнѣйшаго свободнаго развитія, а болгарское и сербское славянство падаетъ на Коссовомъ полѣ подъ ударами турецкихъ степняковъ, Москва на Куликовомъ полѣ наноситъ грозное пораженіе другимъ степнякамъ — Татарамъ.

Побѣда Москвы естественно обращаетъ на нее вниманіе всей остальной несвободной Руси. Москва получаетъ значеніе центра, на которомъ только и могли сосредоточиться надежды русскаго міра, *ибо только здѣсь и осталась возможность свободнаго славяно-русскаго самоопредѣленія и вполнѣ самостоятельнаго развитія.* Неудивительно поэтому, что сюда именно склонилась обще-русская тяга. Эта тяга перенесла сюда и литературные памятники, и то добро, какое можно было перенести, и завѣтныя преданія о старыхъ займищахъ. На далекомъ русскомъ сѣверѣ и понынѣ поютъ „о славномъ Волынцѣ городѣ, красномъ Галичьѣ, о князѣ Романѣ Митріевичѣ“, о борьбѣ съ степнымъ Змѣемъ-Горынычемъ, о Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, о тихомъ, синемъ Дунаѣ...

Но какъ бы ни было полно перенесеніе стараго на новую почву, не все, конечно, могло быть перенесено. Съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Московская Русь, представляя лишь часть русскаго міра, по условіямъ своей исторической обстановки, была въ многихъ отношеніяхъ отлична отъ другихъ частей этого міра. Перенесенное на новую почву должно было естественно

подвергаться ея вліянію, иногда въ значительной степени измѣнять свой первообразъ. Между тѣмъ историческія обстоятельства сложились такъ, что эта часть выступила—да только она и могла выступить — въ роли цѣлаго. Уже подъ конецъ XV вѣка Московская Русь стала „всею Русью". Это обозначеніе было прежде всего выраженіемъ историческихъ правъ Москвы (такъ и понимали его въ Польшѣ); но права эти обусловливались какъ тѣмъ, что только Московская Русь сохранила возможность самостоятельнаго русскаго самоопредѣленія, такъ и тѣмъ, что на московской почвѣ дѣйствительно собирались понемногу элементы „всея Руси".

Собственно говоря, эти элементы всегда выводили Москву изъ областнаго равновѣсія. Они являлись въ Москвѣ нагляднымъ показателемъ ея общерусскихъ задачъ и такимъ образомъ подвигали ее на общерусское дѣло. Въ свою очередь, эти элементы, въ силу естественныхъ условій, должны были подвергаться московской переработкѣ, и вотъ почему освобождая потомъ старую подневольную Русь, Москва нерѣдко заставляла ее выравниваться съ собой иногда даже въ коренныхъ историческихъ древне-русскихъ особенностяхъ. Благодаря этому, дальнѣйшая историческая жизнь русскаго народа складывалась все болѣе и болѣе по риторической фигурѣ: pars pro toto.

Совершенно естественно, что та же риторическая фигура повторилась и въ историческомъ изложеніи русской жизни. Содержаніе этого изложенія далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительному объему и содержанію русской исторической жизни. Въ частности, это несоотвѣтствіе особенно чувствительно въ исторіи древней Руси.

Исторія цѣлой территоріи, особенно близкой и памятной древне-русскимъ преданіямъ, письменно закрѣпленнымъ въ начальной „Повѣсти о русской землѣ", до сихъ поръ не включена въ историческое изложеніе древне-русской жизни. Понятно, что такое исключеніе цѣлой части древне-русской земли изъ историческаго изложенія древне-русской жизни самымъ существеннымъ обра-

зомъ вліяетъ на историческое освѣщеніе всей нашей древности. Восполнить, по мѣрѣ силъ, этотъ чувствительный пробѣлъ — вотъ задача „Исторіи древней Руси", первый томъ которой предлагается благосклонному вниманію читателей.

Подъ „древней Русью" мы разумѣемъ ту часть славянскаго цѣлаго, съ которою русское имя, *какъ обозначеніе земли и народа*, было наиболѣе крѣпко связано съ самаго начала исторической эпохи. Въ этомъ случаѣ древняя Русь представляетъ для насъ фактъ этнографическій, какъ коллективное обозначеніе извѣстной части славянскихъ колѣнъ. Опредѣлить объемъ этой части и взаимное отношеніе составлявшихъ ее элементовъ — вотъ задача изслѣдованія, предлагаемаго въ настоящемъ вводномъ томѣ.

Этимъ изслѣдованіемъ мы имѣемъ въ виду подготовить опредѣленную почву для дальнѣйшаго историческаго изложенія, которое мы предполагаемъ довести до обозначенной выше грани — до конца XIV вѣка. Такимъ образомъ, несмотря на видимо общее заглавіе, наша работа не выходитъ изъ круга тѣхъ монографическихъ излѣдованій, какія опредѣляются общимъ состояніемъ современной науки, вынужденной пока ограничиться лишь частными сводами по исторіи русскаго цѣлаго.

Дальнѣйшее подробное изложеніе исторической жизни древней Руси внесетъ, безъ сомнѣнія, поправки въ содержаніе настоящаго тома. Мы позволяемъ себѣ питать надежду, что предпринятый нами трудъ будетъ завершенъ, и что тогда окажется возможность „возвратиться на первое", т. е. переработать настоящее введеніе, сообразно той суммѣ данныхъ, какую укажетъ намъ дальнѣйшая разработка предмета.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ мнѣ разное содѣйствіе: Императорской Академіи Наукъ, доставившей мнѣ возможность совершить лѣтомъ 1895 г. путешествіе по карпатскимъ землямъ; генералу А. К. Пузыревскому, предоставившему въ мое распоряженіе подробныя геогра-

фическія карты; акад. И. В. Ягичу за разные совѣты и указанія; профф.: А. А. Кочубинскому, І. Пичу (Прага), Фр. Пастрнеку (Вѣна), П. А. Кулаковскому, Г. Э. Зенгеру за разныя указанія и совѣты; чиновнику архива М-ва Вн. Дѣлъ въ Буда-Пештѣ г. К. Тагани за весьма цѣнныя указанія, а равно начальству этого архива за его истинно просвѣщенную любезность; библіотекарю Императорской фамильной библіотеки въ Вѣнѣ г. А. Годинкѣ; начальнику архива „саксонской націи“ въ Цыбинѣ (Германштадтъ) г. Фр. Циммерману и канонику Молдовану въ Блажѣ (Блазендорфъ), за ихъ содѣйствіе какъ въ архивныхъ поискахъ, такъ и въ поѣздкахъ во время путешествія; добрымъ друзьямъ въ Словачинѣ и Угорской Руси, особенно одному изъ нихъ, обозначившему на церковныхъ схематизмахъ мѣстныя народныя названія поселеній; наконецъ Е. В. Филевичъ за помощь при чтеніи корректуръ и особенно географическихъ картъ.

Авторъ.

Варшава, 29 февраля 1896.

ПАМЯТИ

Н. И. НАДЕЖДИНА.

Задача и методъ изслѣдованія.

I.

Вопросъ о русскомъ имени и о русскомъ племени на Карпатахъ имѣетъ въ наукѣ свою исторію. Одновременно съ формулировкой норманнизма у насъ, угорскіе ученые утверждали старобытность русскаго племени въ предѣлахъ нынѣшней Угріи, какъ на Карпатахъ, такъ и за Карпатами. М. Бѣлъ и А. Сирмай не питали никакихъ сомнѣній насчетъ старобытности русскаго племени въ нынѣшней такъ наз. Угорской Руси, считали ея жителей остатками древнѣйшихъ обитателей страны. И Бѣлъ, и Сирмай выражаются на ученомъ языкѣ своего времени, и потому Сарматы и Роксоланы играютъ у нихъ въ данномъ случаѣ главную роль. Но для насъ важны взгляды этихъ ученыхъ, отражавшіе, очевидно, мнѣніе, установившееся въ жизни и не противорѣчившее тогдашней наукѣ [1]). Но старые

---

[1]) Вотъ что говоритъ *Сирмай* въ описаніи Угочскаго комитата: „invaluerunt iterum (послѣ Гепидовъ) partim Sarmatae, partim Russi, quos Hunni atque Avari in deditionem acceptos tenuerunt intemeratos... Hodie Hungari potissimum, post hos Russi et Valachi regione potiuntur. Singulis nationibus sui sunt mores institutaque... Rutheni quidem Roxolanorum seu Russorum sunt reliquiae, sed Valachos recentiori aetate a principibus Transylvaniae, quum istis partibus Hungariae imperitabant huc deductos et in tribus vicis Batares, Sösujfalu, Nagy et Kis Gercze collocatos accepimus." Miscellanea ad historiam ctus Ugotsensis, Пештск. муз. fol. lat. Nr. 308. Тоже Бѣлъ: „Colunt regionem

угорскіе писатели, современники началъ нашего норманнизма, отмѣтили старобытность русскихъ не только въ предѣлахъ нынѣшней Угорской Руси, а сообщили драгоцѣнные намеки и относительно русскихъ въ Трансильваніи. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ случаѣ показанія I. Бенкё. Онъ различаетъ древнихъ руссовъ (veteres Russi) въ селахъ: Orosz-falu, Orosz-faja, Orosz-hegy и руссовъ или Рутеновъ селъ: Бонгарда, Рейсдöрфлейна и обоихъ Чергедовъ, переселившихся, по мнѣнію Бенкё,

---

Hungari... qui vero ii fuerint, quos sedibus his vel ejecere vel misere sub iugum difficile est ad indagandum, но затѣмъ склоняется къ мысли, что это былъ сарматскій родъ, покоренный Гуннами, затѣмъ Мадьярами и оставшійся на своихъ мѣстахъ, преимущественно въ горахъ, sicuti id ex Sarmatarum et Ruthenorum heic adhuc colentium reliquiis liquido colligas, quippe qui et linguae dialecto et moribus a genuinis Slavis multum discreti, sarmaticam produnt originem non alio commodius, quam ad primos regionis incolas referendam." Descriptio histor-geogr. inclyti ctus Aba-Vyvariensis; Пештск. муз. fol. lat. Nr. 268.

Не мѣшаетъ замѣтить, что нѣкоторые труды обоихъ этихъ ученыхъ могутъ имѣть интересъ и нынѣ. Географическо-статистическія и вмѣстѣ этнографическія описанія отдѣльныхъ комитатовъ составлялись для нихъ людьми мѣстными, и, какъ видно, близко знакомыми съ предметомъ. Таково, напр., описаніе бережскаго комитата, составленное для Бѣла Христіаномъ Лауренцикомъ, настоятелемъ мукачевской церкви и провѣренное библіотекаремъ I. Бенцикомъ, тоже, вѣроятно, мѣстнымъ человѣкомъ. Пештск. муз. fol. lat. Nr. 3377.

Таково же описаніе Землинскаго комитата, составленное въ 1732 г., но не изданное, и переписанное съ автографа для Сирмая въ 1793, особенно богатое живыми подробностями о бытѣ и нравахъ русскихъ жителей этого комитата. Пештск. муз., fol. lat. Nr. 274.

Иногда въ этихъ описаніяхъ попадаются славянскія названія мѣстъ, хотя вообще Бѣлъ сильно мадьяризовалъ славянскія формы. Особенно къ русскимъ Бѣлъ относился съ полнымъ презрѣніемъ: atrox et ignobile genus... Suppar sed utilior tamen istis Zingarorum est natio, говоритъ онъ въ описаніи Саболчскаго комитата. Пештск. муз., fol. lat. Nr. 3371. Тоже и Сирмай: Rutheni ruditatis habent plurimum.

e Russia Alba (впрочемъ, по другому мѣсту: e Servia) въ VIII вѣкѣ. Относительно первыхъ прибавлено важное замѣчаніе, что они переродились частью въ Мадьяръ, частью въ Волоховъ [1]).

---

[1]) *I. Benkő*, Transilvania, pars generalis, Vindob. 1777. стр. 497, 590. Въ оставшейся ненапечатанной Transilvania pars specialis Б. сообщаетъ, что на мѣстахъ, занятыхъ Секлерами, жили прежде Bisseni или Biceni, которыхъ онъ отождествляетъ съ русскими, прибавляя: magnas autem et numerosas Bissenorum seu Ruthenorum in Ungaria Transilvania fuisse hac tempestate (въ древнѣйшую пору) colonias extra controversiam est. Ex quibus tamen pauciores longe in Transilvaniam, quam Ungariam coloniae profectae fuerint, cum illic ita in Ungaros et Siculos transformati sint, ut ne vestigium quidem eorum nisi in chartis invenias. Эти биссены были первоначально свободны, впослѣдствіи были закрѣпощены.

Въ отождествленіи Бисеновъ и Рутеновъ, Бенкё слѣдовалъ главнымъ образомъ за *P. Ivan Szegedi*; Synopsis vitae Belae IV. Такое же мнѣніе высказывалъ и Эдеръ, предоставляя впрочемъ обоснованіе его будущему: fuerintne Rutheni Bissenorum posteri et quae sunt eius modi abstrussae vetustatis erotemata, aliis expedienda relinquo. По поводу этихъ словъ Эдера, проф. Кочубинскій замѣчаетъ: „мы не будемъ говорить о невозможности, какъ будто допускаемой Эдеромъ связи между „Русскими" и „Бисенами," т. е. печенѣгами, но весьма можно говорить о связи *именъ* обоихъ народовъ въ трансильванскихъ грамотахъ съ самаго стараго времени," и затѣмъ, по поводу жалованной грамоты Андрея нѣмецкимъ колонистамъ Трансильваніи въ 1224, *Teutsch u. Firnhaber*, Urkb., Nr. 28, гдѣ упоминаются вмѣстѣ Blaci et Bisseni проф. Кочубинскій полагаетъ, что „подъ этими „Bisseni" только и можно понимать Rutheni." Такую же терминологію онъ допускаетъ и въ грамотѣ 1324, гдѣ упоминается о самовольномъ закрѣпощеніи владѣльцами Шарошъ-Потока нѣсколькихъ свободныхъ семей „Bissenorum." *Hurmuzaki*, Documente, 587. Тоже *Szabó Károly*, Szekely oklevéltar I, Nr. 29 и 30. — Это логическое предположеніе проф. Кочубинскаго (Дунайское Залѣсье, 63) блистательно подтвердилось. Въ Пештскомъ Архивѣ Минист. Внутр. Дѣлъ имѣется подлинникъ второй грамоты, Nr. 30612, гдѣ дѣйствительно: *Rutheni*, а не Bisseni. Такимъ образомъ связь этихъ именъ подтверждается документально. — Упомянутый подлинникъ

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о русскомъ племени за Карпатами въ угорской наукѣ прошлаго вѣка.

Въ 1802 г. появилось въ Цыбинѣ сочиненіе С. Вольфа „De vestigiis Ruthenorum in Transilvania“ причемъ нельзя не отмѣтить характернаго совпаденія: оно напечатано въ одинъ годъ съ шлецеровой кодификаціей Нестора.

Дальше этого случайнаго совпаденія общность впрочемъ не простирается. Трудъ Шлецера составилъ эпоху, брошюрка Вольфа не удовлетворила даже рецензента „Зибенбюргскихъ провинціальныхъ листовъ,“ гдѣ за 1807 г. помѣщена была слѣдующая краткая ея оцѣнка. Автору (Вольфу) не удалось освѣтить существованія приблизительно 200 семей трансильванскихъ русскихъ, за недостаткомъ историческаго матеріала. Онъ не приложилъ никакого искусства, чтобы сдѣлать этотъ недостатокъ менѣе чувствительнымъ, отмѣтивъ лишь наличность русскихъ и ихъ черты, но такъ какъ послѣднія уже не отличаются оригинальностью, то и брошюра не имѣетъ интереса [1]).

Съ своей точки зрѣнія рецензентъ совершенно правъ; тѣмъ болѣе, что имѣлъ возможность упрекнуть автора въ неособенно внимательномъ изученіи предмета, ибо даже число русскаго населенія въ 4-хъ селахъ (Рейсдорфлейнъ, великій и малый Чергедъ и Бонгардъ) Вольфъ опредѣлилъ невѣрно: въ 130 душъ, тогда какъ рецензентъ, по собственнымъ наблюденіямъ, опредѣляетъ это число въ 200 душъ.

грамоты 1324 г. любезно указалъ мнѣ секретарь Архива, г. Тагани.

Рукописью Бенкё, Transilvania, pars specialis я пользовался въ музеѣ бар. Брукенталя въ Цыбинѣ. Это прекрасный экземпляръ. Имѣется также и въ библіотекѣ Jos. Fr. Trautsch въ Брашовѣ (Кронштадтъ). Указываю на это въ дополненіе къ сообщенію проф. Кочубинскаго. Дун. Зап. 60 пр. 1. Поиски за рукописью Влад. Бало, на которую указываетъ Бенкё, какъ на главный источникъ свѣдѣній о русскихъ въ Трансильваніи, должны бы еще продолжаться. См. мой Отчетъ о заграничной командировкѣ лѣтомъ 1895 г. Тамъ же копія съ подлинника грамоты 1324 г.

[1]) Siebenb. Provinzialblätter, 1807, II, 174.

Для насъ, однако, брошюра Вольфа имѣетъ не малый интересъ. Въ литературной исторіи вопроса она представляетъ, во 1-ыхъ, напоминаніе о русскомъ имени за Карпатами въ важный моментъ научныхъ разслѣдованій о началѣ Руси. Во 2-ыхъ, она представляетъ наиболѣе полное описаніе состоянія трансильванскихъ русскихъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Вотъ почему мы считаемъ нелишнимъ привести главнѣйшія сообщенія Вольфа. Русскіе четырехъ историческихъ селъ находились въ то время въ состояніи этнографическаго перерожденія, причемъ это состояніе въ двухъ селахъ — Бонгардѣ и въ великомъ Чергедѣ достигло уже послѣдней стадіи: жители ихъ удержали „только имя, унаслѣдованное отъ предковъ," въ остальномъ же они вполнѣ оволошились. Въ двухъ другихъ селахъ еще продолжалась борьба, но исходъ ея былъ, очевидно, предрѣшенъ: въ Рутеніи (Reussdörflein) побѣда склонялась на сторону нѣмцевъ. Женщины тамъ уже ничѣмъ, по крайней мѣрѣ по костюму, не отличались отъ Саксонокъ, мужчины—очень мало; въ маломъ Чергедѣ побѣда склонянялась на сторону Волоховъ, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, рѣшительное вліяніе имѣли преданія о старой вѣрѣ, служившія и въ Рутеніи главной помѣхой къ сліянію съ нѣмцами, ибо даже наиболѣе онѣмеченные русскіе въ Рутеніи чтили православные праздники. [1]). 175, 269.

---

[1]) Publica quidem sua sacra ad ritus ecclesiae cui nunc se addicunt instituunt, studium vero et favor eorum in avitae ecclesiae, scilicet graeci ritus instituta, inde quoque palam est, quod non modo ea in exercendis sacris partim utuntur lingva quam nunc adhuc huius religionis plurimi in Transylvania habent vernaculam, sed etiam potissimos veteris ecclesiae Graecorum dies festos celebrandos officii esse censeant; de qua opinione melius edoceri, quamquam saepissime tentatum sit, repudiant. Ex hoc Ruthenorum in Religionem, quam olim exercebant favore, *cuiusque vestigia jam nunc etiam animis eorum vigent* omnem degenerationem in Valachos, religione olim ac indole sibi proximos repetendam, eamque non aliter, nisi haec graecae religionis praedilectio penitus exstirpetur, coercendam esse censemus. § 8.

Неизвѣстно, сохранились ли какія-нибудь преданія о старой вѣрѣ, но есть указанія на прямыя насилія въ религіозномъ и національномъ отношеніи [1]).

Это обстоятельство получаетъ особенно важное значеніе въ виду отмѣченной Вольфомъ ненависти Русскихъ къ Валахамъ. Она поражала Вольфа, и какъ несомнѣнный фактъ отмѣчена имъ въ жителяхъ Рутеніи, а какъ преданіе въ жителяхъ малаго Чергеда [2]). Эти немногія строки

---

[1]) Foret hic oportunissimus etiam locus dissertationis de transmutatione Ruthenorum in Christianos, nisi et in his scrutandis inopia omnis historici argumenti impediremur, quae enim inter eos hanc ecclesiae mutationem explicans versatur traditio, eos nempe necessitate coactos puriori se addixisse dogmati, omnem excedit fidem, quare circa tempora reformationis in Transylvania novae doctrinae veritates eorum quoque animos aliqua ex parte incessisse verisimillimum habetur. § 8.

О мѣрахъ къ уничтоженію славянскаго языка въ мал. Чергедѣ см. *Амлахеръ*, Dac. Slaven, 267. Живыя преданія объ этомъ, слышанныя мною отъ м. чергедскаго пастора I. Андреси, а равно о бонгардской записи см. мой Отчетъ 1895 г. Замѣчаніе Вольфа о „невѣроятности" насилій звучитъ поэтому очень странно.

[2]) Gente vero valachica commisceri Valacho aut Valachae nubere nefas sibi videtur, qua opinione eo usque ducuntur ut nec facile Valachorum quenquam penes se patiantur, nisi certum aliquem eorum numerum munera pastorum pecoris fungentem, in quem autem vix aliud praeter huic muneri proprium extendunt commune emolumentum. Haec Rutheniensium a gente Vallachica alienatio, ac in populum aversatio, quem ceterum lingva quotidiana, multisque aliis sequuntur, eo magis miranda, quod huic plus quam saxonibus, quorum connubium et consortium non repudiant, favere videantur; nihilominus tamen nationis suae socium, flagitii ut credunt huiusce reum, odio persequantur, et gravissime aversentur. § 3.

Ferunt quidem et Ruthenos Csergedino minore degentes, exemplum sequi Rutheniensium, eodemque consilio, ut se puros, incorruptosque quantum possint servent, omnem impedire cum alienis consagvinitatem arctiusque consortium. Quem autem conditio rerum, inopia et servitus animi consilia rudiorum evertat, ea aboleat, eosque leves torpidosque reddat, plurima in Cserge-

какъ нельзя ярче рисуютъ положеніе послѣднихъ русскихъ въ Трансильваніи [1]) и сообщаютъ брошюрѣ Вольфа не малый, съ нашей точки зрѣнія, интересъ. Указавъ, наконецъ, что слѣды древняго языка русскихъ, хотя и не сохранились на письмѣ, но удержались еще въ устахъ стариковъ, Вольфъ сообщаетъ 27 отдѣльныхъ словъ, счетъ и 8 фразъ [2]).

Всѣ отмѣченныя указанія на русскій элементъ въ Карпатахъ и за Карпатами остались неизвѣстными русской наукѣ [3]), усердно продолжавшей скитанія по отдаленному европейскому сѣверу, сѣверо- и юго-востоку.

Съ 20-хъ годовъ вопросъ о Карпатской Руси проникаетъ и въ нашу науку, на первый разъ случайно и, повидимому, мимолетно, но въ дѣйствительности уже не сходитъ съ ея страницъ. Развитіе этого вопроса въ нашей наукѣ весьма интересно и потому не лишне будетъ отмѣтить главнѣйшіе моменты. Такое разсмотрѣніе во многомъ поможетъ уясненію объема и характера самого вопроса, а слѣдовательно, и предстоящей намъ задачи.

Впервые на него наткнулся П. И. Кеппенъ, попавшій случайно въ 1822 году въ дунайское Залѣсье и нашедшій тамъ горсточку какихъ то славянъ. „Онъ занялся

dinensibus hoc fato pressis habebis exempla haec eorum consilia offendentia. § 4. О латыни Вольфа неодобрительно отзывается и упомянутый его рецензентъ.

[1]) Miranda sane haec in Ruthenis libido et vituperanda mentis est pertinatia: religioni addicti sunt nostrae praecepta huius religionis plurimum nostra iis traduntur lingva, nostratibus se committunt pastoribus, rectoribus, lingvam callent nostram, nec tamen in communi consortio sermonem sequuntur gentis, quam quidem olim indole et religione aequabant, nunc tamen omnibus superant, et eius contra populi lingvam repudiant, cuius instituta inde a temporibus reformationis venerari videntur. § 10.

[2]) Подробности въ моемъ Отчетѣ о заграничной командировкѣ.

[3]) У Погодина въ Обзорѣ мнѣній о Руси, Изслѣдов. II, объ этомъ нѣтъ ни слова.

даже ими, но затѣмъ забылъ, хотя и отмѣтилъ ихъ въ своемъ историческомъ планѣ ученаго славянскаго путешествія, появившемся въ „Библіографическихъ Листахъ.“ Когда же черезъ 20 лѣтъ подневольный житель Одессы, Н. И. Надеждинъ повторилъ путешествіе Кеппена въ Трансильванію (свѣдомый о его планѣ) и сталъ разыскивать тѣхъ славянъ, ему указали лишь однѣ свѣжія славянскія могилы“ [1]).

Такимъ образомъ научное преемство мысли о Карпатской Руси установляется несомнѣнно отъ Кеппена къ Надеждину. Но въ этой цѣпи недостаетъ еще одного звена — Венелина, который въ Москвѣ былъ представителемъ Карпатской Руси во плоти, и былъ, повидимому, въ близкихъ сношеніяхъ съ Надеждинымъ [2]).

Нельзя допустить, чтобы угро-руссъ не разсказывалъ Надеждину о своей родинѣ, какъ равно нельзя допустить, чтобы Надеждинъ не интересовался этими разсказами. Быть можетъ, Надеждину была даже извѣстна венелинская рукопись объ Угорской Руси. Вѣроятно, въ ней было коечто заслуживающее вниманія, если, даже на взглядъ акад. Куника, замѣчанія Венелина объ Угорской Руси представляютъ „единственное сносное изъ всѣхъ его писаній,“ а извѣстно, что нѣкоторыя изъ этихъ писаній возбуждали интересъ. Мы склонны приписать знаменитому Гуцѣ (такова дѣйствительная фамилія Ю. И. Венелина) нѣкоторую долю вліянія въ томъ, что славянскія могилы въ Трансильваніи не оказались для Надеждина нѣмыми.

25 марта 1839 умеръ въ Москвѣ представитель Карпатской Руси; къ 40-мъ годамъ относятся блестящія статьи Н. И. Надеждина по вопросу о началахъ русскаго имени и русскаго племени и о значеніи Карпатъ въ этихъ отношеніяхъ. Въ торжественномъ засѣданіи Одесскаго

---

[1]) *А. Кочубинскій*, Дунайское Залѣсье, 48.

[2]) Къ Надеждину — первому — отправился Венелинъ изъ Университета, по полученіи аттестата. Древн. и нын. Словене. Біографія Венелина, стр. 49.

общества любителей исторіи и древностей 4-го февраля 1840 г. Надеждинъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ предстоящія обществу научныя задачи: „изучать Новороссію не только въ мертвыхъ и нѣмыхъ ея остаткахъ, которыми усыпана поверхность, упитаны нѣдра нашихъ степей, но и въ дышащихъ, говорящихъ памятникахъ національности народовъ, жизнью которыхъ наполнялись нѣкогда эти степи" [1]).

Не малая роль, по мнѣнію Надеждина, принадлежала здѣсь съ отдаленной древности и русскому племени. Надеждинъ вкратцѣ прослѣдилъ эту роль, развернувъ передъ слушателями картину, исторически обоснованный фонъ которой — IX в.— теряется „въ сѣромъ мракѣ, окружающемъ колыбель первоначальнаго заселенія Европы." Обозрѣвъ громадное пространство „отъ гирлъ Дуная до устья Ріона, отъ хребта Балканскаго до хребта Кавказскаго", Надеждинъ закончилъ указаніемъ на особенно важное значеніе Дуная въ исторической жизни нашего племени. Черезъ два года, вернувшись изъ путешествія по славянскимъ землямъ, Надеждинъ прочиталъ въ торжественномъ засѣданіи того же общества (22 марта 1842) свой Отчетъ о путешествіи. Здѣсь онъ открывалъ русской наукѣ новый міръ славянскаго юга, связанный съ русскимъ югомъ неразрывными историческими связами съ древнѣйшихъ временъ, но „къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ русскихъ не только совсѣмъ неизвѣстный, но даже считавшійся какъ бы недостойнымъ извѣстности" [2]).

---

[1]) Торжеств. засѣданіе. Одесса 1840, стр. 34.

[2]) „Не столько варварство, до послѣднихъ временъ затруднявшее къ нимъ (юго-слав. землямъ) доступъ изслѣдователямъ, сколько несчастное предубѣжденіе отвратило отъ нихъ всякую внимательность, всякое любопытство. Съ самаго рожденія у насъ исторической критики, она приняла у насъ исключительное, одностороннее направленіе на сѣверъ, махнувъ рукою на югъ, обратившись къ нему рѣшительно тыломъ. Наши изыскатели древностей какъ будто приколдованы къ Балтикѣ, къ одной Балтикѣ: кружатся вокругъ ней, въ туманахъ Фин-

Въ томъ же году напечатана была въ Журн. Мин. Нар. Просв. представленная Надеждинымъ „Записка" о путешествіи по славянскимъ землямъ, гдѣ съ силой полнаго убѣжденія была высказана мысль, что начала нашей исторической жизни связаны съ Карпатами и Дунаемъ [1]).

По переѣздѣ въ Петербургъ, Надеждинъ принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ русскаго географическаго общества. Имя его не обозначено въ числѣ учредителей только потому, что, при открытіи его, Надеждина не было въ Петербургѣ [2]).

Въ первомъ годовомъ собраніи новаго ученаго общества, 22 ноября 1846 г. Надеждинъ читалъ рѣчь: „Объ этнографическомъ изученіи народности русской" [3]).

И здѣсь, какъ и въ Одессѣ, выпала ему счастливая роль указывать задачи, намѣчать пути для работъ общества. Надеждинъ съ необыкновенной яркостью представилъ современную картину русскаго міра на Карпатахъ и, въ виду существованія Руси внѣ Россіи, поставилъ новому ученому обществу высокую задачу полнаго и всесторонняго изученія того, „что дѣлаетъ Россію Россіей", т. е. народности рус-

---

ляндіи и Скандинавіи, и много-много если иногда отваживаются нисходить до болотъ и лѣсовъ сѣверной Германіи. Тамъ ищутъ они главнаго ключа къ разрѣшенію тайнъ нашей отечественной старины. Конечно, нельзя было заткнуть уши отъ раздающихся съ юга голосовъ Византійцевъ: ихъ приняли въ матеріалъ, необходимый для древней исторіи народа Русскаго и земли Русской. Въ послѣднія времена сдѣлана уступка еще значительнѣе: наши оріенталисты, которыхъ ученостью и дѣятельностью мы имѣемъ полное право гордиться, начали собирать жатву для отечественной исторіи еще южнѣе, у Арабовъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, пристрастіе къ сѣверу все еще остается преобладающимъ; показанія и Арабовъ, и Византійцевъ непремѣнно должны ложиться на прокрустово ложе сагъ скандинавскихъ, и съ ними выравниваться волею или неволею". Отчетъ, 528.

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1842, ч. 34.

[2]) *А. Пыпинъ*, Этнографія I, 267.

[3]) Зап. Геогр. Общ. кн. 1—2 изд. 2-е, Спб. 1849.

ской. Задача эта, по мысли Надеждина, могла быть достигнута только полнымъ и всестороннимъ изученіемъ всего русскаго міра внутри и за предѣлами русскаго государства, въ послѣднемъ случаѣ—по преимуществу Руси Карпатской.

Указанныя статьи Надеждина не были изслѣдованіями въ строгомъ смыслѣ слова. Non docendi magis quam admonendi gratia scripta можно бы сказать про нихъ, но несомнѣнно, что, вмѣстѣ съ другими его работами, онѣ должны были придать особенное значеніе его заявленію о роли карпато-дунайской территоріи въ исторіи русскаго племени. Къ уразумѣнію этой роли Надеждинъ, какъ увидимъ ниже, былъ подготовленъ какъ никто другой.

Но голосъ Надеждина не оказалъ на развитіе вопроса въ нашей наукѣ никакого вліянія. Почему? Мы врядъ ли ошибемся, если причину этого укажемъ въ одновременномъ появленіи куниковыхъ „Родзовъ“[1]). Акад. Куникъ не обошелъ Карпатской Руси. Фактъ существованія русскаго имени и русскаго племени въ той части, которая, повидимому, съ древнѣйшаго времени была отрѣзана отъ русскаго корня, налагалъ на изслѣдователя непремѣнную обязанность освѣтить этотъ фактъ. Взглядъ Куника состоитъ, въ немногихъ словахъ, въ слѣдующемъ. Возможно, что Карпаты были прародиной славянъ; возможно, что до нашей эры они жили и въ Паннонія, но невозможно опредѣлить ихъ нарѣчіе и всего менѣе можно допустить, что въ Панноніи жила восточно-славянская вѣтвь. Изъ Галиціи въ VII в. вышли Сербы и Хорваты, но, даже при близости ихъ языка къ русскому, трудно считать ихъ предковъ людьми русскаго языка. И во времена Владиміра Св. жили здѣсь Хорваты, „которыхъ лѣтопись отдѣляетъ отъ господствующаго племени Русскихъ“. Они потомъ совсѣмъ исчезаютъ, и возбужденный Норманами восточно-славянскій міръ занялъ Галицію, истребивъ при этомъ остатки ляшскихъ и другихъ (какихъ?) вѣтвей“. Съ основаніемъ въ VI в.

---

[1]) *E. Kunik*, Die Berufung d. Schwedischen Rodsen durch d. Finnen u. Slaven. St.-Ptg. 1844—45.

въ Галичинѣ владѣній Рюриковичей. имя Руси должно было здѣсь особенно укрѣпиться (почему?). Объ угорскихъ русскихъ ничего опредѣленнаго по источникамъ неизвѣстно, но не слѣдуетъ забывать, что они не поднялись до ступени общественно-государственнаго развитія. они и теперь народъ первобытный. не имѣющій никакого государственнаго обозначенія, а въ качествѣ отдѣльной славянской племенной вѣтви, они не имѣютъ никакой самостоятельной исторіи — ни политической. ни культурной. Свое названіе они должны были заимствовать у чужанъ. Правда, употребленіе названія *Orosz* для Русскихъ, Словаковъ и Мадьяръ, но не для Сербовъ и Волоховъ, указываетъ не на южное, а на сѣверное происхожденіе этого названія. но дѣло въ томъ, что народъ не называетъ свою страну Русью, а Угорщиной (!!). „Въ виду тѣсной связи названій *Русь* и *Русинъ* въ языческомъ и политическомъ отношеніи въ Россіи, а также въ Галиціи, можно бы ожидать, что и почва, на которой якобы родились эти названія будетъ называться Русь, но Русь для нея чужая страна — за горами, по преимуществу Галиція; и только славянскіе этнографы нашего времени ввели въ употребленіе терминъ „Угорская Русь“. Возможно, впрочемъ, что этотъ терминъ существовалъ и прежде“...

Русскіе епископы въ Угріи титуловали себя „епископами мукачевскими, ужгородскими, пряшевскими, маковицкими и всѣхъ угорскихъ русскихъ“, но, за недостаткомъ письменныхъ данныхъ, нельзя установить времени возникновенія такого титула. Такъ какъ, однако, въ титулѣ соединяется „финнское словоупотребленіе съ греческимъ способомъ выраженія“, то ясно, что онъ обязанъ вліянію русской церкви на закарпатскія области. „Какъ шло это вліяніе — это вопросъ, подлежащій разъясненію мѣстныхъ русскихъ или мадьяръ“. Во всякомъ случаѣ, „имя Руси за Карпатами имѣетъ болѣе церковный, чѣмъ политически-національный смыслъ, въ основѣ его не лежитъ живая Русь, ибо за Карпатами не было никогда русскаго государства. Нельзя допустить, чтобы русская вѣтвь простиралась въ до-мадьярскія времена до Дуная, а слѣдовательно,

названія, связанныя съ именемъ *Русь* въ Угріи и Трансильваніи, не могли принадлежать древнѣйшему времени. Всѣ они ничего не могутъ говорить противъ норманнства, пока не опровергнуто показаніе Нестора о заморскихъ Русскихъ. Даже существованіе живого дѣйствительнаго смысла слова *Русь* за Карпатами не можетъ ничего значить, ибо онъ могъ проникнуть туда позже" [1]).

Также точно расправляется Куникъ съ слѣдами названія Руси въ „Великой Моравіи" (почему то отдѣляя ее отъ Руси Карпатской) и въ Прикавказьѣ.

Однимъ словомъ, всѣ мѣста, гдѣ прозвучивало имя Руси, кромѣ скандинавскаго сѣвера, признаны неотносящимися къ дѣлу и, въ отличіе отъ истинной скандинавской Руси, названы „псевдорусью". Оцѣнивать взгляды почтеннаго академика съ точки зрѣнія современныхъ данныхъ было бы большею несправедливостью: со времени выхода въ свѣтъ „Родзовъ" прошло больше полувѣка. Но слѣдуетъ замѣтить, что и въ 1844 г. нельзя было говорить о племенной отдѣльности угорскихъ русскихъ отъ остального русскаго міра. Ихъ племенное единство было прямо засвидѣтельствовано Срезневскимъ [2]). Нельзя было говорить, что лѣтопись отдѣляетъ карпатскихъ Хорватовъ отъ остальныхъ русскихъ колѣнъ, ибо лѣтопись говоритъ прямо: „и живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичи, и Вятичи, и Хорвате". Наконецъ, ужъ никакъ нельзя было говорить объ исчезновеніи племени. Очевидно также, что если самъ Куникъ признавалъ неясность нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ Угорскою Русью, и предоставлялъ раз-

---

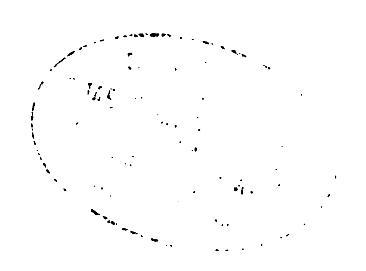
[1]) *E. Kunik*, Beruf. гл. V—VI.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1843, II: ужгородскіе „Русины въ полномъ смыслѣ слова родные братья малороссіянъ, однокровые дѣти старой Руси по народности и большею частью по самымъ воспоминаніямъ. Отсюда на сѣверъ и востокъ, а отчасти и на югъ простираются они въ Галицію и Буковину..." Какъ пользовался Куникъ статьей Срезневскаго, см. *Ламанскій*, Славяне въ Малой Азіи, прилож. II; ср. также мою Угорскую Русь, Варш. Унив. Изв.. 1894, V, стр. 6—9.

фическія карты; акад. И. В. Ягичу за разные совѣты и указанія; профф.: А. А. Кочубинскому, І. Пичу (Прага), Фр. Пастрнеку (Вѣна), П. А. Кулаковскому, Г. Э. Зенгеру за разныя указанія и совѣты; чиновнику архива М-ва Вн. Дѣлъ въ Буда-Пештѣ г. К. Тагани за весьма цѣнныя указанія, а равно начальству этого архива за его истинно просвѣщенную любезность; библіотекарю Императорской фамильной библіотеки въ Вѣнѣ г. А. Годинкѣ; начальнику архива „саксонской націи" въ Цыбинѣ (Германштадтъ) г. Фр. Циммерману и канонику Молдовану въ Блажѣ (Блазендорфъ), за ихъ содѣйствіе какъ въ архивныхъ поискахъ, такъ и въ поѣздкахъ во время путешествія; добрымъ друзьямъ въ Словачинѣ и Угорской Руси, особенно одному изъ нихъ, обозначившему на церковныхъ схематизмахъ мѣстныя народныя названія поселеній; наконецъ Е. В. Филевичъ за помощь при чтеніи корректуръ и особенно географическихъ картъ.

Авторъ.

Варшава, 29 февраля 1896.



ПАМЯТИ

Н. И. НАДЕЖДИНА.

господствовали Варяги, а жители тамошніе и всегда назывались, и теперь называются Руссами" [1]).

Но уже въ 1865 г. А. Петрушевичъ, въ объясненіе названія Карпатской Руси, указывалъ на „германскихъ" Руговъ. Эти „Руги", конечно, не вносили никакого свѣта въ вопросъ о Карпатской Руси, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлана была характерная попытка закрѣпить терминъ Куника — „псевдоруссы" — за русскимъ подкарпатьемъ [2]).

Въ теченіе 60-хъ годовъ норманнизмъ, хотя и не чистый, а въ формѣ компромисса, царилъ у насъ неограниченно. Карпатская Русь никого не смущала. Но въ 71 году, т. е. какъ разъ тогда, когда русская наука совсѣмъ забыла идеи Надеждина [3]), нѣмецкій ученый Рэслеръ снова напомнилъ о Карпатской Руси. Указавъ на русскій характеръ географической номенклатуры Молдавіи и Трансильваніи, причемъ многія изъ названій, въ частности названія отъ корня *рус*, встрѣчаются въ документахъ половины XII в., Рэслеръ въ то же время указалъ и на общее географическое положеніе карпато-русской территоріи, представляющей лишь окраину сплошного русскаго міра въ Галиціи и остальной Россіи [4]). Вопросъ о Карпатской Руси, выдвинутый Надеждинымъ, опять, такимъ образомъ, былъ поставленъ въ наукѣ въ той же самой формѣ.

Вскорѣ затѣмъ появились отчеты о занятіяхъ за границей А. А. Кочубинскаго, гдѣ довольно ярко указывались многоразличныя задачи, предстоящія русской наукѣ на Карпатахъ [5]). Наконецъ, со взглядами Кочубинскаго на древность русскаго племени на карпато-дунайской территоріи отчасти согласился и Ѳ. И. Успенскій [6]).

---

1) *Зубрицкій*, Исторія I, 121, пр. 15.

2) *Петрушевичъ*, О паннонскихъ ругахъ или псевдоруссахъ, Науков. Сборн. 1865.

3) *В. Г. Васильевскій*, Византія и Печенѣги, Ж. М. Пр. ч. 164, стр. 303.

4) Romän. Studien, 319.

5) Зап. Новор. Ун., XIII, XVIII, XX.

6) Образованіе втор. болг. царства. Одесса, 1879. Прилож. V.

Такимъ образомъ въ 70-хъ годахъ опять былъ выдвинутъ вопросъ о связи Карпато-дунайской территоріи съ древнѣйшимъ періодомъ нашей исторической жизни. Карпатская территорія заняла нѣкоторое мѣсто въ „Очеркахъ русской исторической географіи“ Н. П. Барсова и особенно въ статьяхъ В. П. Ключевскаго, посвященныхъ уясненію вопроса о возникновеніи того склада русской жизни, какой открывается въ неподлежащихъ сомнѣнію древнѣйшихъ нашихъ историческихъ памятникахъ [1]).

Въ 80-хъ же годахъ вопросъ этотъ дополняется новыми данными, отчасти благодаря новымъ открытіямъ, отчасти благодаря естественному развитію научной мысли. Особенная заслуга въ разработкѣ вопроса принадлежитъ безспорно А. А. Кочубинскому. Онъ много путешествовалъ по славянскимъ землямъ, и уже въ своихъ отчетахъ ярко выдвинулъ вопросы, связанные съ русскимъ племенемъ на Карпатахъ — по преимуществу въ нынѣшней Угорской Руси: опредѣлилъ съ возможной точностью ея территорію, далъ нѣсколько важныхъ намековъ на отношенія Русскихъ къ Полякамъ и Словакамъ. Открытая Кочубинскимъ рукопись Пештскаго музея съ пѣснопѣніями трансильванскихъ славянъ [2]) побудила Миклошича заняться вновь пересмотромъ вопроса. Миклошичъ издалъ рукопись и вмѣстѣ съ тѣмъ отказался отъ прежняго мнѣнія о болгаризмѣ трансильванскихъ славянъ, признавъ языкъ ихъ остаткомъ языка славянъ дакійскихъ [3]).

Въ неоконченной, къ сожалѣнію, статьѣ „Славянская рукопись Пештскаго Музея“ [4]) Кочубинскій далъ нѣсколько интересныхъ указаній на возможность болѣе широкаго распространенія нынѣшняго русскаго элемента въ древнѣй-

---

[1]) Боярская дума, Р. Мысль 1880.

[2]) Зап. Новорос. Ун., XX, 126—130.

[3]) Gesch. d. Lautbezeichnung im Bulgarischen, Denkschr. XXXIV.

[4]) Р. Филол. Вѣстн. 1881, I.

шее время въ сторону мадьярскаго юга, выставилъ предположеніе, что „православные мадьяре — это только омадьярившіеся Русскіе, мадьярившіеся незамѣтно вѣками“. Въ рѣчи 6 апрѣля 1885 г. Кочубинскій сгруппировалъ рядъ вопросовъ, связанныхъ съ русско-словацкимъ и русско-румынскимъ рубежомъ. Въ мастерскомъ сопоставленіи данныхъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, гдѣ съ необыкновенной яркостью выступаетъ не только чувство, но и живое сознаніе славянской общности (лѣтопись), ярко обнаруживаются факты живого взаимообщенія (нпр. почитаніе Русскими владимірова времени чешскихъ Вячеслава и Людмилы), наконецъ незатертыя черты меѳодіева духа въ нашей церкви, Кочубинскій объединяетъ меѳодіеву Нитру, нынѣшній румынскій югъ и Русь днѣпровскую въ одно органическое цѣлое. Эту рѣчь Кочубинскаго [1]) нельзя не поставить на ряду съ знаменитыми рѣчами Надеждина. Наконецъ на Ярославскомъ съѣздѣ (1887) Кочубинскій представилъ соображенія о „Дунайскомъ Залѣсьѣ“. Отмѣтивъ теперешній этнографическій его характеръ, Кочубинскій останавливается на славянской хоро- и топографіи края и славянскихъ же слѣдахъ дѣятельности народа, отразившихся въ славянскихъ названіяхъ: „окно“, „сольникъ“, „баня“; на славянствѣ относящихся сюда мадьярскихъ терминовъ, очевидно, заимствованныхъ у Славянъ. Обзоръ и оцѣнка всего этого матеріала приводитъ Кочубинскаго къ твердому обоснованію существованія въ дунайскомъ Залѣсьѣ „не признаваемаго исторіей славянскаго элемента въ такое раннее время, какъ эпоха прибытія мадьяръ и ранѣе, и элемента не некультурнаго“ [2]). Анализъ данныхъ, заключающихся въ грамотахъ, доказываетъ, что элементъ этотъ удерживался сравнительно долго, что удерживались даже своеобразныя черты общественнаго славянскаго строя. Со всѣмъ этимъ вполнѣ гармонируютъ какъ указанія археологіи, такъ и позднія письменныя свидѣтельства, а мно-

---

[1]) Добрый пастырь и добрая нива, Одесса 1885.

[2]) Труды VII Археол. съѣзда, II, 24,

гочисленность мѣстныхъ названій отъ корня *рус* заставляетъ считать этихъ славянъ не чуждыми именно русскому міру.

Своимъ докладомъ Кочубинскій имѣлъ въ виду „обратить вниманіе русскихъ историковъ на забытую русской наукою *Русскую* стихію въ далекомъ подунайскомъ Залѣсьѣ, въ надеждѣ, что совокупными трудами историковъ и филологовъ вопросъ объ имени — „русскій" и начальномъ происхожденіи имени Русской земли и самого народа получитъ болѣе естественное разрѣшеніе, чѣмъ какое дается этому вопросу обыкновенно" [1]).

Зимою того же 1887 г. пражскій профессоръ І. Пичъ получилъ отъ г. Амлахера изъ Трансильваніи списокъ Чергедскихъ кантиленъ вмѣстѣ съ описаніемъ (XVII в.) нѣкоторыхъ обрядовъ чергедскихъ же жителей (малаго Чергеда). Тотъ же Амлахеръ извѣщалъ затѣмъ профессора Пича объ открытіи въ одномъ изъ Трансильванскихъ селъ рукописнаго нѣмецкаго канціонала XV — XVI в. съ одновременными славянскими глоссами. Много поработавшій въ области древней карпатской исторіи проф. Пичъ немедленно же откликнулся на возбужденный вопросъ. Онъ высказалъ слѣдующія положенія. Номенклатура Трансильваніи свидѣтельствуетъ несомнѣнно о русскомъ характерѣ страны [2]), а типъ населенія въ Молдавіи, Валахіи и долинахъ Трансильваніи, отличается отъ южно-славянскаго и вполнѣ отвѣчаетъ русскому типу Галичины и Угорской Руси („высокая жилистая фигура, русые волосы и борода, голубые глаза, продолговатое лицо"). На основаніи этого можно считать дакійскихъ славянъ западной вѣтвью южнорусскаго племени, говоръ которой, однако, отличался ринезмомъ и особеннымъ сочетаніемъ согласныхъ [3]).

---

[1]) Труды VII Археол. съѣзда, II, 66.

[2]) Къ изслѣдованію приложена карта, наглядно представляющая распространеніе названій отъ корня *рус*.

[3]) Dr. *I L. Pič*, Die Dacischen Slaven. Sitzungsber. d. k. böhm. Gesellsch. d. Wissensch., Prag. 1888.

Вотъ краткій обзоръ главнѣйшихъ трудовъ, имѣющихъ отношеніе къ занимающему насъ вопросу [1]).

Изъ этого обзора оказывается: 1) вопросъ о Карпатской Руси такъ же старъ въ наукѣ, какъ и теорія норманская; 2) онъ возбуждался несомнѣннымъ фактомъ существованія съ древнѣйшихъ временъ славяно-русскаго племени на Карпатахъ и за Карпатами; 3) этотъ фактъ не подлежалъ никакому сомнѣнію для старыхъ угорскихъ ученыхъ (прошлаго вѣка); новѣйшіе ученые (Кочубинскій, Пичъ) подтвердили его документальными данными.

Но остается вопросомъ — связь Руси Карпатской съ остальнымъ русскимъ міромъ, точнѣе — остается вопросомъ теперь уже безспорный фактъ существованія своеобразной по языку, но несомнѣнно славянской Руси рядомъ съ русскимъ моремъ на сѣверѣ и востокѣ, славянскимъ моремъ на западѣ и югѣ отъ нея. Дѣло, очевидно, не въ одной лишь такъ наз. Угорской Руси, а въ цѣлой полосѣ южнаго покарпатья, теперь уже румынскаго, но не потерявшаго и нынѣ славянскаго, даже русскаго (по названіямъ отъ корня: *рус*) характера въ номенклатурѣ, да и въ другихъ отношеніяхъ представляющаго не мало загадочнаго.

Имѣютъ ли древнія судьбы этого не малаго края отношеніе къ древней исторіи русскаго племени или нѣтъ? Вопросъ этотъ для русской науки имѣетъ совсѣмъ особенный интересъ, сравнительно съ румынской и мадьярской. Для румынъ и мадьяръ этотъ благодатный край представляетъ залогъ будущаго. Румыны мечтаютъ о цѣлокупной „patria Romana“, долженствующей охватить весь нынѣшній составъ румынской территоріи. Мадьяре мечтаютъ о цѣлокупномъ „Мадьярорсагѣ“, въ которомъ должно быть омадьярено все, что историческія права предоставляютъ коронѣ св. Стефана. Для Русскихъ съ этимъ связаны лишь чисто теоретическіе вопросы о прошлыхъ судьбахъ русскаго племени, о его взаимоотношеніяхъ и связяхъ.

---

[1]) Краткое обозрѣніе вопроса было сообщено мною на IX арх. съѣздѣ. Варш. Унив. Изв. 1894, V.

Изслѣдователь русской исторической древности на Карпатахъ окажется очень близкимъ къ тѣмъ мѣстамъ, о которыхъ разсказываетъ лѣтописная повѣсть о началѣ Руси— къ землѣ угорской и болгарской; къ той рѣкѣ, которую помнитъ русскій народъ въ своихъ пѣсняхъ, названіе которой онъ превратилъ въ нарицательное имя—къ Дунаю; къ тѣмъ центрамъ, съ которыми связано духовное просвѣщеніе Руси, къ тѣмъ, наконецъ, окраинамъ русскаго міра, которыя не могутъ не изумлять неизсякаемостью силъ своего русскаго духа. Но со всѣми этими мѣстами связаны темныя преданія не одного лишь русскаго вида, а всего славянскаго рода.

Какую роль въ общемъ-славянскомъ играетъ частное-русское? Какую роль въ русскомъ родѣ играютъ отдѣльные его виды?—Вотъ вопросъ! Какой отвѣтъ даетъ на него наша историческая наука? Никакого.—Она отсылаетъ изслѣдователя къ филологіи, ибо доселѣшнее состояніе нашей археологіи и этнографіи исключаетъ возможность серьезно привлекать ихъ къ отвѣту. Но и филологія представитъ немного утѣшительнаго. И она еще, повидимому, не справилась съ вопросами, какіе возбуждаются сѣв.-вост. и зап. окраинами южно-русскаго нарѣчія [1]).

Такимъ образомъ изслѣдователь древне-русской жизни на Карпатахъ прежде всего осязательно чувствуетъ полное отсутствіе связи въ нашей наукѣ между исторіей славяно-русскаго вида и славянскаго рода, чувствуетъ шаткость научной постановки вопросовъ даже о взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ частей русскаго вида, чувствуетъ изолированность своего положенія въ общемъ ходѣ развитія науки, такъ какъ неоднократныя, какъ мы видѣли, ея указанія на русскій юго-западъ и вообще славянскій югъ представляются, однако, крайне отрывочными и случайными [2]). Вопросъ о на-

---

[1]) *А. И. Соболевскій,* Чтен. въ общ. Нестора, II, 215; его же Очерки, 68 и Отзывъ о моей „Угорской Руси", Жив. Стар. 1894, III—IV.

[2]) Сравнительно большей извѣстностью пользовался у насъ вопросъ о россизмѣ южной Руси, поднятый Погодинымъ, вѣр-

чалахъ русской жизни шелъ въ нашей наукѣ, какъ извѣстно, совсѣмъ другими путями. Карпаты предложатъ изслѣдователю цѣлый рядъ вопросовъ, весьма далекихъ отъ тѣхъ, на которые обыкновенно до сихъ поръ обращалось вниманіе. Изслѣдователь карпатской древности не только не избѣгнетъ опасности встрѣтиться съ тѣми чудовищами, какія угрожаютъ изслѣдователямъ, выбирающимъ другіе пункты—скиѳами, сарматами, роксоланами, хозарами; не только окажется окруженнымъ не менѣе страшными сфинксами—даками, ѳраками; но передъ нимъ во всей грозѣ станутъ вопросы *славянской древности*, возбуждающіе, особенно въ послѣднее время, столько тяжелыхъ недоумѣній. Въ частности: вопросы объ отношеніяхъ частей русскаго вида остаются все еще открытыми; связь русскаго вида съ славянскимъ родомъ точно не установлена. По особымъ обстоятельствамъ развитія нашей науки—слишкомъ хорошо извѣстнымъ, чтобы о нихъ здѣсь распространяться — наша наука совершенно уклонилась отъ того вопроса, который ставитъ ей прямо главнѣйшій ея источникъ — лѣтопись, начинающая исторію славяно-русскаго вида указаніемъ на раздѣленіе рода. Вмѣсто научнаго разслѣдованія этого показанія нашего главнаго источника, мы предпочли ограничиваться общими замѣчаніями о славянахъ въ видѣ введенія къ исторіи русскихъ славянъ. Такое введеніе естественно оказывалось или лишь пристегнутымъ [1]), или, въ виду явной его

ніе — *Венелинымъ*, Споръ между южанами и сѣверянами насчетъ ихъ россизма, Чтен. М. Общ. 1847, IV, но статья написана въ 30-хъ годахъ. Вопросъ этотъ считается теперь вообще рѣшеннымъ, *Грушевскій*, Кіевск. з., 427 слл. Напрасно! Конечно постановка Погодина теперь уже невозможна, но многія, даже существенныя подробности и теперь неясны. Вопросъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ обслѣдована исторія обоихъ склоновъ горъ.

[1]) При этомъ не обходилось безъ характерныхъ фактовъ. Карамзинъ, напр. послѣдовалъ за Гебгарди. Какое впечатлѣніе произвело это въ славянской наукѣ, см. у Суровецкаго Dzieła, 481 пр. 2. Какъ смотрѣлъ Шафарикъ на наше отно-

несущественности, сокращалось до $1^1/_2$ странички (Соловьевъ), или наконецъ совсѣмъ отбрасывалось (Иловайскій). Мы искали Русь съ напряженіемъ и самопожертвованіемъ, но, въ результатѣ длиннаго и усиленнаго труда, оказалось то безвыходное положеніе, которое такъ ярко представилъ Гедеоновъ въ предисловіи къ „Варягамъ и Руси". Многое въ его замѣчаніяхъ сохраняетъ полную силу и теперь. Оставляя въ сторонѣ поморскую школу, можно сказать, что главное наклоненіе современной русской исторической науки въ вопросахъ нашей древности обращено на югъ. Карпато-дунайской Руси въ этомъ случаѣ не миновать. До сихъ поръ, однако, нѣтъ труда, который бы на ней сосредоточился. Мы имѣемъ множество статей, относящихся къ отдѣльнымъ частямъ Карпатской Руси; нѣкоторыя изъ нихъ (нпр. отмѣченныя выше) весьма замѣчательны, но онѣ ставятъ и затрогиваютъ лишь отдѣльные вопросы—ни малѣйше не исчерпывая ихъ; остальныя или не имѣютъ никакого значенія, или являются наглядным доказательствомъ, до какой степени наши свѣдѣнія о древнѣйшей исторіи Карпатской Руси и ея отношеніяхъ къ русскому міру скудны, не точны и сбивчивы [1]).

Всѣми указанными обстоятельствами и опредѣляется задача настоящаго изслѣдованія. Оно имѣетъ въ виду посильное восполненіе чувствительнаго въ нашей исторической наукѣ пробѣла: уясненіе вопроса о территоріи, этнографическомъ составѣ и связи Руси Карпатской съ остальнымъ русскимъ міромъ съ одной стороны; указаніе ея отношеній къ славянскому роду — съ другой.

шеніе къ древности см. *Древн.* II, 1, 239. Исключеніе представляетъ лишь Русская Исторія *К. Н. Бестужева-Рюмина.*

[1]) Объ объемѣ такъ называемой литературы предмета, можно судить по тому, что перечень трудовъ, относящихся къ одной лишь Буковинѣ, т. е. пожалуй, наименѣе обработанной области, составляетъ цѣлую брошюру, Repertorium d. landeskundl. Literatur d. Bukovina v. Dr. *Joh. Polek*, Czernowitz 1892.

Понятно, настоящее изслѣдованіе представляетъ лишь опытъ разработки указанныхъ вопросовъ. На полную разработку ихъ можно будетъ разсчитывать еще не скоро. До сихъ поръ мы держались вообще слишкомъ далеко отъ Карпатъ, и потому у насъ почти совсѣмъ не тронутъ матеріалъ, необходимый для рѣшенія вопросовъ о Карпатской землѣ. Наша этнографія и археологія вращаются и понынѣ преимущественно въ областяхъ финнскихъ, разработка географической номенклатуры у насъ и не начата, а объ архивныхъ поискахъ въ предѣлахъ Австро-Угріи, Румыніи и на Балканскомъ полуостровѣ, для русской исторіи, у насъ и вопроса не возникало; хотя поѣздки Венелина въ 1830 году (Влахо-болгарскія грамоты), Надеждина въ 40-хъ годахъ могли бы указать на значеніе такихъ поисковъ. То, что найдется индѣ, такъ разбросано, что собрать существующій матеріалъ весьма нелегко. Кромѣ того, и въ томъ, что имѣется въ трудахъ нашихъ сосѣдей—Поляковъ, Мадьяръ, Румынъ, цѣли и задачи изслѣдователей вовсе не заключаются въ постановкѣ и обслѣдованіи вопросовъ, связанныхъ съ русскимъ племенемъ. Это отвлекаетъ вниманіе изслѣдователя по сторонамъ, заставляетъ его много разъ терять нить и почти безнадежно опускать руки... Однимъ словомъ, научные вопросы, связанные съ Карпатами, такъ широки, запутаны, такъ скуденъ относящійся къ нимъ матеріалъ, такъ онъ, при всей своей скудости, неясенъ и критически неразработанъ, что развѣ только будущему удастся разсѣять туманъ, окутывающій древность Карпатъ непроглядною мглою. Разработка карпатскихъ вопросовъ составляетъ насущную необходимость русской науки, ибо они, какъ красная нить, тянутся въ исторіи русской научной мысли и жизни черезъ длинный рядъ вѣковъ. Но на этой нивѣ еще долго одно поколѣніе русскихъ ученыхъ будетъ соревновать съ другимъ. Будущее — дай Богъ не особенно отдаленное! — прольетъ, безъ сомнѣнія, полный свѣтъ на затронутые въ настоящемъ изслѣдованіи вопросы... но собираніе матеріала безконечно, а для научнаго движенія необходимы попытки сводить существующія данныя.

II.

Методъ каждой научной работы зависитъ какъ отъ общаго состоянія науки, такъ и отъ характера спеціальнаго вопроса. Бываютъ случаи, когда разработка вопроса требуетъ совершенно новой его постановки для того, чтобы удовлетворять общему уровню науки, но бываютъ счастливые случаи, когда разработка вопроса стоитъ вообще па вѣрной почвѣ и требуетъ лишь отдѣлки подробностей. Какъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ о Карпатской Руси? Разсмотримъ подробнѣе его постановку съ методической точки зрѣнія. Мысль о карпато-дунайской Руси высказалъ впервые Надеждинъ, и притомъ высказалъ не только съ полнымъ убѣжденіемъ, но и опредѣленностью. Какъ пришелъ онъ къ ней? За отвѣтомъ мы должны обратиться къ самому Надеждину. Вотъ что говоритъ онъ въ „Запискѣ о путешествіи по южно-славянскимъ странамъ“.

„...Теперь я убѣдился вполнѣ, неопровержимыми доказательствами, что *русская стихія простиралась на юго-западъ, по обѣ стороны Карпата, вплоть до Дуная, задолго до вторженія Мадьяровъ въ Панонію;* что Мадьяры не привели сюда съ собою Руссовъ, а нашли ихъ здѣсь, осилили, расположились жить и господствовать межъ нихъ, и такимъ образомъ разорвали то непосредственное сосѣдство, въ которомъ Руссы, по свидѣтельству и нашихъ отечественныхъ, и чужихъ преданій, находились нѣкогда съ Сербами, Хорватами и Славяно-Чехами. Доказательства, на коихъ основалось мое переубѣжденіе, суть: историческія, этнографическія, топографическія и даже лингвистическія. На сей разъ упомяну объ одномъ, у насъ едва-ли извѣстномъ фактѣ, но котораго важность чрезвычайна: въ Трансильваніи, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокѣ Ольты, между Румынами, Мадьяро-Секлерами и Саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются „русскими“, жители которыхъ, на памяти нынѣ живущаго поколѣнія, говорили еще между собою „по русски“. Никто не знаетъ и не помнитъ, какимъ образомъ и когда

образовались здѣсь эти оазисы: они, очевидно, отмыты отъ родного материка приливомъ Мадьяровъ и Нѣмцевъ. Что можно сказать противъ этого живого вопіющаго свидѣтельства?"

Убѣжденіе возникло, такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ факта незапамятнаго существованія русской народности внѣ предѣловъ русскаго государства. Непосредственное знакомство съ этой народностью открывало въ ней неподлежащіе никакому сомнѣнію „слѣды старой самородной русской жизни, въ языкѣ земли и народа, бытѣ, историческихъ воспоминаніяхъ". Все это, конечно, подлежало подробному и точному раскрытію (что, какъ увидимъ, предполагалъ и самъ Надеждинъ), но все это вообще представлялось именно такъ. Были и другіе факты, возбуждавшіе въ Надеждинѣ необычное для тогдашнихъ ученыхъ направленіе мыслей. Около Любляны Надеждинъ испытывалъ странное чувство: „можно позабыться и подумать, что находишься на нашей родной Руси". „Странствуя подъ сѣнью Карпата и по предгорьямъ Альпъ и Гемоса, въ степяхъ Венгріи и на островахъ Далмаціи, мы какъ будто не выѣзжали изъ Россіи, какъ будто переходили только изъ губерніи въ губернію..." [1]). На пытливый умъ Надеждина подобные факты не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія. Они не могли не привести Надеждина къ мысли, что въ жизни племенъ и народовъ государство— еще не все, что племена и народы могутъ жить независимо и даже наперекоръ государству, и потому, какъ бы ни было важно государственное развитіе народа, въ его жизни есть нѣчто еще важнѣе, и притомъ нѣчто такое, что налагаетъ неизгладимый отпечатокъ не только на отдѣльный племенной видъ, но и на цѣлый родъ. „Слѣды старой самородной русской жизни", сохранившіеся далеко за предѣлами русскаго государства, несмотря на цѣлые вѣка полнаго разобщенія, несмотря на воздѣйствія, которыя должны бы стереть эти „слѣды"; сохраненіе поразительной родственной

---

[1]) Записка, 91; Отчетъ, 522.

близости даже за предѣлами этнографической непрерывности племени — все это факты, которые Надеждинъ почерпалъ не изъ книгъ и рукописей, а прямо изъ жизни; факты, довольно плохо укладывавшіеся въ рамки книжной учености, хотя, впрочемъ, и не противорѣчившіе ей, какъ показываетъ отношеніе Шафарика и даже Копитара къ взглядамъ Надеждина [1]), но, тѣмъ не менѣе, факты такого рода, что отвергать ихъ не было возможности. Исторія въ этомъ случаѣ давала лишь неполное объясненіе, приходилось обращаться къ другимъ вѣдѣніямъ.—Вотъ причина, заставившая Надеждина обратить вниманіе на тѣ источники, какіе только теперь играютъ такую видную роль: языкъ, топографію, этнографію, археологію. „Живой народный бытъ, способный хранить въ себѣ слѣды отдаленной старины; земля, упитанная памятью вѣковъ; могила, высыпанная, можетъ быть, современниками Анахарсиса, и въ то же время со слѣдами казацкаго куреня или редута, языкъ", но опять таки не искусственный, книжный, а живой народный говоръ во всѣхъ его едва уловимыхъ переливахъ — вотъ что представляло для Надеждина глубокій научный интересъ, вотъ что казалось ему особенно важнымъ въ разъясненіи вопросовъ, связанныхъ съ сѣдою древностью племенъ и народовъ.

Это интересы для того времени совершенно необычные и притомъ не только у насъ, но и въ Европѣ. Интересъ къ народу началъ, правда, пробуждаться, но въ науку еще не проникалъ, и опять таки не только у насъ. Вотъ что, напр. говоритъ о себѣ акад. Куникъ, младшій современникъ Надеждина, человѣкъ заграничнаго воспитанія: „Для меня наибольшую прелесть имѣла та часть исторіи, предметъ которой составляетъ *государственное* развитіе народа или племени" [2]). Куникъ только повторялъ въ этомъ случаѣ Шлецера, для котораго *бытъ догосударственный* имѣлъ чрезвычайно малый интересъ [3]). Вспомнимъ, что

[1]) Записка, 105.

[2]) Berufung, I, IV.

[3]) До Рюрика, говоритъ Шлецеръ, были, конечно, люди, но люди „безъ государства; они жили, какъ лѣсные звѣри, ни-

Куникъ приковалъ къ себѣ вниманіе науки, сталъ ея оффиціально признаннымъ представителемъ, и долго спустя считалъ возможнымъ называть Надеждина только „талантливымъ“ [1]).

Научныя заслуги Надеждина, ни при его жизни, ни вскорѣ послѣ смерти не получили признанія (кромѣ рѣчи Срезневскаго); труды его остались разбросанными по журналамъ и газетамъ, а къ 70-мъ годамъ совершенно забыты. Надеждинъ слишкомъ опередилъ свое время. Быть можетъ, онъ и чувствовалъ это, по тѣмъ усиленнѣе онъ обращалъ вниманіе на тотъ родъ источниковъ, который казался ему не менѣе важнымъ, чѣмъ эдикты, „подписываемые на берегахъ Тибра, подъ сѣнію Капитолія“. Надеждинъ призывалъ къ изученію этихъ источниковъ и словомъ, и дѣломъ. Въ рѣчахъ въ Одессѣ и въ Петербургѣ онъ предлагалъ ученымъ обществамъ программу работъ, историко-этнографическихъ изученій, въ статьѣ „О нарѣчіяхъ русскаго языка“ указывалъ необходимость изученій діалектологическихъ, и въ этихъ данныхъ отмѣчалъ, между прочимъ, указанія на историческое отношеніе племенъ: преданія лѣтописи объ Ольгѣ и Древлянахъ, и особенно ея намеки на антагонизмъ между полоцкими и кіевскими князьями, получаютъ, по взгляду Надеждина, твердое обоснованіе

чѣмъ не выдѣляясь, безъ всякаго общенія съ міромъ и потому никѣмъ изъ южныхъ культурныхъ европейцевъ не отмѣченные и не описанные“, Несторъ II, 298. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что въ равнодушіи къ „дикарямъ“ Куникъ превзошелъ Шлецера. Шлецеръ считалъ необходимымъ введеніе въ русскую исторію, т. е. обзоръ быта „дикарей“, и при томъ въ связи съ славянскимъ родомъ, „da Slaven das Ganze, das genus, und Russen ein Theil, eine species sind“ (II, 299). Кунику, какъ показываетъ его изслѣдованіе, подобное введеніе (по Шлецеру „Vorgeschichte“) казалось совершенно излишнимъ. Только черезъ 30 лѣтъ послѣ „Родзовъ“ Куникъ заговорилъ о необходимости „исторической этнографіи, безъ которой вступленіе способныхъ къ культурѣ народовъ не можетъ быть понято вѣрно“. Каспій, 697.

[1]) Каспій, 369.

въ отношеніи двухъ русскихъ нарѣчій [1]). Все это обусловливалось, безъ сомнѣнія, основнымъ вопросомъ, всегда занимавшимъ Надеждина; вопросомъ, который поставленъ былъ Надеждину фактами, многократно наблюдаемыми имъ во время путешествій.

Надеждинъ много путешествовалъ и именно по тѣмъ областямъ, которыя всего рѣже посѣщаются путешественниками, но которыя, послѣ классическихъ странъ Италіи и Греціи, всего болѣе связаны съ географическими и историческими свидѣтельствами древнихъ. Несомнѣнно, много разъ онъ обращался за справками къ древнимъ историкамъ и особенно географамъ, несомнѣнно, многократно пытался разъяснить ихъ показанія, съ помощью ученыхъ коментаріевъ, но, должно быть, не совсѣмъ удовлетворяли его эти коментаріи. „Отчего, спрашиваетъ онъ, нигдѣ нѣтъ столько произвола въ догадкахъ, столько противорѣчій въ выводахъ, столько шаткости и запутанности въ соображеніяхъ, какъ въ области археографической критики и герменевтики? Оттого, что изслѣдователи и толковники обыкновенно истощаютъ свою ученость надъ древними памятниками, запершись въ четырехъ стѣнахъ кабинетовъ и библіотекъ, обложась грудами пыльныхъ фоліантовъ и гнилыхъ хартій, прикованные, или лучше, приросшіе къ буквѣ, къ одной мертвой буквѣ. Нѣтъ! Если уже вдохновенія поэтовъ, которыя въ-половину только принадлежатъ матеріальной дѣйствительности, если и они не иначе могутъ быть постигаемы и разгадываемы вполнѣ, какъ на ихъ родинѣ, подъ тѣмъ небомъ и на той землѣ, гдѣ они вылились изъ нѣдръ свободно-творящаго духа; то возможно ли думать объ уразумѣніи степенной прозы историковъ и географовъ, *безъ непрерывнаго, непосредственнаго совѣщанія съ дѣйствительностью*, которой она, по существу своему, должна быть самымъ вѣрнымъ и точнымъ отголоскомъ [2]).

---

[1]) Mundarten, 225.

[2]) Геродотова Скиѳія, объясненная черезъ сличеніе съ мѣстностями. Зап. Од. Общ. I, 3. Съ какимъ трудомъ новыя

И онъ въ своей „Геродотовой Скиѳіи" далъ образецъ такого изученія письменныхъ памятниковъ, можетъ быть, и не совершенный, но, во всякомъ случаѣ, достойный вниманія и замѣчательный по новизнѣ, оригинальности и безспорной справедливости основной мысли. Значеніе трудовъ Надеждина въ области этнографіи и языка теперь вообще признается [1]), и намъ поэтому незачѣмъ останавливаться подробно на этой сторонѣ. Но тѣмъ больше вниманія мы должны удѣлить одному изъ первыхъ трудовъ Надеждина въ области изученія древности. Имѣемъ въ виду его „Опытъ исторической географіи русскаго міра". Значеніе этого „Опыта" чувствовалось давно и признавалось всѣми, но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что еще сравнительно недавно, онъ больше поражалъ грандіозностью набросанной картины, чѣмъ важностью основнаго пріема и значеніемъ представленныхъ въ немъ фактовъ. Послѣднее стало яснымъ, собственно говоря, только теперь. Въ виду этого мы позволимъ себѣ передать вкратцѣ содержаніе „Опыта".

„Первой страницей исторіи должна быть географическая ландкарта: должна не какъ только вспомогательное средство, чтобы знать, *гдѣ* что случалось, но какъ богатый архивъ самыхъ документовъ, *источниковъ*. Люди находятся въ тѣсной связи съ окружающею природою. Съ одной стороны, жизнь ихъ подлежитъ необходимой зависимости отъ физическихъ условій мѣстопребыванія, и потому географическія особенности ихъ родныхъ странъ даютъ множество посылокъ къ важнымъ выводамъ объ ихъ историческомъ развитіи. Но эти выводы все еще подернуты неопредѣленною тѣнью догадокъ, не выходятъ изъ сумрака пред-

---

географическія понятія вытѣсняли въ ученомъ мірѣ старыя представленія Птоломея, см. *Д. Н. Анучинъ*, Рельефъ поверхности европ. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій. Землевѣдѣніе 1895, I, стр. 90.

[1]) См. *А. Н. Пыпинъ*, Этнографія, I, 267; *Д. Н. Анучинъ*, О задачахъ русской этнографіи, Этнограф. Обозр. 1889, I; *А. И. Соболевскій*, Русская діалектологія, 1892, Жив. Стар. I.

положительной возможности. Гораздо опредѣленнѣй и яснѣй говорятъ слѣды, которые сами люди, въ свою очередь, оставляютъ на мѣстностяхъ. Въ этихъ слѣдахъ выражается уже дѣйствительность, то, что было. И между ними краснорѣчивѣе всѣхъ географическія названія, въ которыхъ звучитъ языкъ, это первое свидѣтельство, первый актъ историческаго существованія народовъ. Вотъ почему съ изученія ландкарты должно начинаться изученіе исторіи" [1]).

Важность географической номенклатуры чувствовалась издавна, повсемѣстно: „такъ естественно чувство, что земля есть книга, гдѣ исторія человѣческая записывается въ географической номенклатурѣ". „Но это чувство также естественно подало поводъ къ злоупотребленіямъ... слово, все въ нашей власти. Оно беззащитно, и изъ него можно вымучить всякій смыслъ этимологическою пыткою". Всевозможнѣйшія и невозможнѣйшія этимологіи, практикующіяся и понынѣ, представляютъ лучшее доказательство этого. Но крайности могутъ быть устранены надлежащимъ употребленіемъ этимологіи въ географіи. Зачѣмъ заходить слишкомъ далеко? „Зачѣмъ домогаться невозможнаго?... Не нужно доискиваться, что собственно значитъ каждое названіе; довольно, если опредѣлится его происхожденіе, если откроется, къ какому языку принадлежитъ оно. Результатъ будетъ очень достаточный: тогда обозначится народъ, который далъ имя мѣсту, который, слѣдовательно, былъ тутъ, и былъ не проходнымъ гостемъ, а осѣдлымъ хозяиномъ, или, по крайней мѣрѣ, частымъ бывалымъ посѣтителемъ. Только, разумѣется, подобные выводы не иначе могутъ быть вѣрны и благонадежны, какъ подъ условіемъ, что изслѣдуемыя имена были точныя, настоящія, а не обезображенныя искаженіями. Поэтому требуется предварительная работа надъ географическою номенклатурою, восходящая отъ нынѣшнихъ названій къ древнимъ, старобытнымъ, первоначальнымъ, черезъ весь рядъ измѣненій, которыя они вытерпѣли". „Когда такимъ образомъ каждое названіе получитъ

[1]) Библіотека для Чтенія 1837, XXII, 27.

свою исторію, тогда самыя искаженія ихъ, размѣстясь по вѣкамъ и народамъ, которымъ принадлежатъ, будутъ служить объясненіями основнымъ типамъ, скрывающимся подъ ихъ разноцвѣтною накипью. Особенно здѣсь важны имена народныя, сохраняющіяся въ устахъ туземцевъ, которыя гораздо надежнѣе книжной ученой номенклатуры; въ нихъ меньше участвуютъ умничанье и произволъ; слышнѣе и самая сущность слова, которая часто подвергается новымъ искаженіямъ отъ недостатка знаковъ въ письменной азбукѣ. Да и въ приведеніи ихъ къ основнымъ типамъ не должно держаться только литературной, выработанной формы языковъ, въ какой они являются въ книгахъ. *Надо вслушиваться въ живую рѣчь народовъ*, которая всегда вѣрнѣе своему первообразному характеру, чѣмъ искусственное книжное слово. Такъ Гумбольдтъ прочелъ первобытную исторію Пиренейскаго полуострова, возстановивъ его географію изъ нынѣшняго живаго языка Басковъ. Такъ ландкарта противоположнаго, восточнаго полуострова Европы должна ожидать полнаго объясненія не изъ одного классическаго языка Гомеровъ и Пиндаровъ, но и изъ темной, безвѣстной рѣчи нынѣшнихъ Скипетаровъ (Албанцевъ). „Отважимся, продолжаетъ Надеждинъ, на подобную работу для нашей отечественной исторіи. Это тѣмъ легче, что безпредѣльное пространство нынѣшняго Русскаго міра меньше было подвержено накипи народовъ, чѣмъ юго-западныя оконечности Европы, куда прибивали всѣ волны покрывающаго ее населенія. Наша ландкарта не такъ пестра; слѣдовательно, и читать ее проще“ [1]).

Раздѣливъ затѣмъ номенклатурный матеріалъ на хоро- и топографію и указавъ преимущественное значеніе первой, Надеждинъ даетъ краткую, но чрезвычайно яркую картину, поверхности территоріи Россіи. Это не схема политическихъ отношеній частей русскаго міра, какую представилъ Соловьевъ въ первой главѣ своей „Исторіи“. Надеждинъ подвергъ разсмотрѣнію не „природу русской государствен-

---

[1]) Библіотека д. Чт. 35—36.

ной области", а территорію восточной Европы, и въ свое разсмотрѣніе не вносилъ апостеріорныхъ фактовъ сравнительно поздняго хода русской жизни, а отмѣчалъ лишь то, что давала сама территорія, точнѣе—географическая карта. Отмѣтивъ естественный пробѣлъ въ географическихъ названіяхъ на безмѣрномъ пространствѣ степей [1]), Надеждинъ переходитъ въ область Волги. Здѣсь „во всѣхъ хорографическихъ названіяхъ нѣтъ рѣшительно и тѣни русскихъ, славянскихъ звуковъ". Тоже и въ полости с.-двинской, гдѣ въ названіяхъ рѣкъ слышатся тѣ же самые звуки. „Наконецъ, ту же физіономію гидрографической номенклатуры найдемъ мы и въ полости озерной, которая соприкосновенна волжской и с.-двинской". Въ области зап. Двины „сначала (т. е. по направленію съ востока) попадаются еще тѣ же звуки; потомъ замѣчаются другіе, неслыханные на сѣверѣ и востокѣ". Они слышатся за то далеко на западѣ. Но начиная съ Немана, гидрографическая номенклатура „имѣетъ физіономію чисто славянскую. Вступивъ въ эту огромную равнину западной Европы, мы находимъ себя въ родной стихіи, проникающей далеко, очень далеко, даже до рейнской долины". Центръ этой равнины составляетъ громадный карпатскій „горбъ", урочища котораго прозваны, а слѣдовательно, и заселены Славянами. Этотъ горбъ лежитъ въ центрѣ территоріи, языкъ которой звучитъ по славянски, а слѣдовательно, онъ — основное гнѣздо племени. Съ горъ Надеждинъ спускается къ сѣверо-востоку. „Полость Днѣстра представляетъ тѣ же признаки несомнѣннаго славянства". Тоже утверждаетъ Надеждинъ относительно верхняго теченія южнаго Буга и праваго берега Припяти. „Не такой, однако, представляется Припять съ лѣвой стороны". Здѣсь — смѣшеніе звуковъ въ гидрографической номенклатурѣ, исчезающее впрочемъ, по мѣрѣ прибли-

¹) „Здѣсь нѣтъ названій, потому что называть нечего... На однообразной равнинѣ такъ мало естественныхъ урочищъ!" 48.

женія къ ложу Днѣпра, гдѣ замѣтны лишь славянскія имена; но на лѣвомъ его берегу встрѣчаются опять имена, созвучныя съ номенклатурою сѣверо-восточныхъ полостей [1]).

Повторяемъ, здѣсь нѣтъ никакихъ апостеріорныхъ привнесеній. Надеждинъ лишь размежевалъ области тѣхъ языковъ земли, какіе запечатлѣлись на территоріи нынѣшней Россіи. Руководимый какимъ то поистинѣ изумительнымъ чутьемъ, Надеждинъ отмѣтилъ голый фактъ чрезвычайной важности. Фактъ этотъ ждетъ и понынѣ своего истолкователя... Далѣе, въ разсмотрѣніи нашей сѣверо-восточной полосы, Надеждинъ представилъ образецъ разысканія по вопросу о взаимоотношеніяхъ племенъ обширной „чудской" группы. И это разысканіе основано было главнымъ образомъ на названіяхъ чудскихъ племенъ. По этимъ названіямъ Надеждинъ добирается до древнѣйшаго гнѣзда европейской Чуди „въ томъ узлѣ высотъ, гдѣ Уралъ даетъ отъ себя длинный сѣв.-зап. отпрыскъ, гдѣ находилась Великая Пермь нашихъ предковъ. Въ самомъ дѣлѣ, сюда примыкаются древнія преданія, здѣсь сосредоточены древнѣйшіе памятники Чуди. Этотъ узелъ былъ исконнымъ путемъ сообщенія между сѣверомъ и югомъ восточной Европы, между Европой и Азіей: миѳическое имя Желѣзныхъ Воротъ давалось ему издревле, а оно имѣетъ глубокое историко-географическое значеніе. Къ этому гнѣзду примыкаютъ съ одной стороны Удорскіе Самоѣды, съ другой Обдорская Югра или Угра, народы уже азіатскіе, но съ печатью того же самаго происхожденія и національнаго характера, какъ Чудь финнская; имя Чуди уносится ими за Уралъ, гдѣ остается и донынѣ общимъ прозвищемъ всего инороднаго населенія безпредѣльныхъ пустынь Сибири" [2]). Такимъ же образомъ опредѣляются и предѣлы разлива Чуди на западъ. Если въ первомъ случаѣ главное основаніе даетъ анализъ

[1]) Опытъ, 49, 52—53.
[2]) Тамъ же, 60—61.

племенныхъ названій Чуди [1]), то во второмъ — хорографическая номенклатура.

Покончивъ съ племенами Чуди, Надеждинъ переходитъ къ славянамъ. „Но гдѣ же взялись, откуда пришли и какъ столкнулись съ этой Чудью наши предки? Слѣдуя избранному здѣсь пути, мы находимъ, что нынѣшнее пространство Россійской имперіи представляетъ въ ландкартѣ своей приливъ славянскихъ звуковъ съ запада, постепенно рѣдѣющій и наконецъ исчезающій совсѣмъ на востокѣ. Исключительное господство ихъ замѣчается въ юго-западномъ углу имперіи, въ нынѣшнихъ Волынской и Подольской губерніяхъ, около Авратынской возвышенности; здѣсь все проникнуто, все звучитъ славянизмомъ, — хорографія и топографія, естественныя урочища и людскіе послѣды, рѣки и города, ручьи и деревни, ключи и хутора. Утвердившись на этой возвышенности, мы видимъ себя не на краю, а внутри славянскаго міра, который распространяется отсюда во всѣ стороны, преимущественно на западъ, на неизмѣримую обширность. Это приводитъ насъ естественно къ карпатскому хребту, для котораго Авратынская возвышенность служитъ подножьемъ. Карпатъ оказывается первоначальнымъ гнѣздомъ славянскаго народонаселенія въ Европѣ. Если взрыть позднѣйшій слой венгерскій, настланный по ту сторону Горбовъ уже на памяти исторіи, мы находимъ непрерывное продолженіе славянизма во всей западной Европѣ, разливающееся изъ Карпата какъ изъ средоточія“ [2]).

Здѣсь мы можемъ остановиться.

Прибавимъ только, что, на основаніи однородности хорографическихъ названій—„особенно названій рѣкъ явно

---

[1]) Ср. замѣчаніе Фэрстемана: „die Völkernamen... je mehr die Völker sesshaft werden und je mehr sich ihre genealogische Reinheit trübt, desto mehr einen starren local geographischen Charakter annehmen“. Die deutsch. Ortsnamen, Nordhausen 1863, стр. 2.

[2]) Опытъ, 65.

одного чекана“ — и сопоставленія данныхъ, указываемыхъ этой однородностью, съ темными намеками древнихъ писателей, Надеждинъ приходитъ къ слѣдующему выводу: рубежи славяно-вендской стихіи, главнымъ образомъ по отношенію къ русскому племени, онъ опредѣляетъ такимъ образомъ: 1) „низь, поросшая лѣсами, затопленная болотами“, къ востоку отъ Вислы и особенно отъ Немана, и 2) „степи Днѣпровскаго и Донскаго понизовья, около Азовскаго моря“; 3) центръ, съ котораго разлилась славянская стихія — Карпаты [1]).

Мы уже замѣтили, что факты, представленные здѣсь Надеждинымъ, ждутъ еще своего истолкованія. „Гдѣ взялись, откуда пришли, когда и какъ столкнулись съ Чудью наши предки?“ — это вопросы, не только не порѣшенные, но именно теперь настойчиво, хотя все еще напрасно, добивающіеся рѣшенія. Удовлетворительнаго отвѣта придется ждать вѣроятно еще долго, но уже и теперь несомнѣнно, что Надеждинъ стоялъ на вѣрномъ пути, что отвѣтъ этотъ можетъ быть добытъ прежде всего только точнымъ изученіемъ языка земли, т. е. именно тѣмъ путемъ, какой указалъ Надеждинъ въ своемъ „Опытѣ“. Мы этимъ вовсе не утверждаемъ, что всякое слово надеждинскаго „Опыта“ — неоспоримая истина. Кое въ чемъ Надеждинъ ошибался, но основная мысль статьи выдерживаетъ самую строгую критику современной науки, а методъ во всѣхъ отношеніяхъ безупреченъ.

Въ дальнѣйшихъ главахъ „Опыта“ Надеждинъ предполагалъ „прочесть постепенное образованіе народа Руси по окаменѣлостямъ географической номенклатуры“, но предположеніе такъ и осталось предположеніемъ. „Опытъ“ не былъ законченъ.

Важныя указанія на постепенное образованіе Руси Надеждинъ представилъ въ своей знаменитой рѣчи 4 февр. 1840 г. въ одесскомъ обществѣ; но это была рѣчь, а не изслѣдованіе. Надеждинъ писалъ ее, правда, „своего ради

---

[1]) Опытъ, 73, 74, 78.

отечества русскія земли", какъ обозначено въ эпиграфѣ, но скорѣе admonendi, чѣмъ docendi gratia. Мы видѣли уже, что, начавъ съ дальняго востока — съ Подкавказья, Надеждинъ неуклонно влечется къ Дунаю, „къ тому Дунаю, который донынѣ по всему безпредѣльному пространству земли русской величается роднымъ Дунаемъ". „Слѣдъ русской жизни, трепетаніе русскаго духа, отзвукъ русскаго имени", гдѣ бы ни замѣчались, ни съ какой, однако, территоріей не казались Надеждину такъ органически связанными, какъ съ дунайско-карпатской. Только здѣсь могъ представлять себѣ Надеждинъ русское племя въ связи съ славянскимъ родомъ, въ той связи, на которую такъ ясно указываетъ начальная лѣтопись и живо сохранили до сихъ поръ преданія народныя.

Здѣсь и нигдѣ болѣе!

Надеждинъ высказялъ это не только съ необыкновенной силой убѣжденія [1]), но и указалъ путь, которымъ фактъ этотъ можетъ быть констатированъ научно. „Географическая номенклатура не только сопредѣльныхъ съ нами Молдавіи и Валахіи, но даже Трансильваніи и Венгріи, почти вплоть до Дуная во всю длину теченія его по Паннонiи, подъ толстымъ слоемъ румынскаго и мадьярскаго наноса, скрываетъ основной кряжъ — мало того славянскій — *собственно и именно русскій!* Развить это — смѣю сказать — неожиданное, для насъ особенно драгоцѣнное открытіе, я предоставляю времени и времени, находя, что въ такомъ щекотливомъ пунктѣ, больше чѣмъ гдѣ либо, должна имѣть приложеніе мудрая рѣчь стариковъ: festina lente" [2]).

Все сказанное можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ.

1) Въ изысканіяхъ русской древности Надеждинъ исходилъ отъ фактовъ, дающихъ изслѣдователю твердую точку опоры. Такимъ фактомъ былъ для него прежде всего *языкъ земли.* Заключеніе объ „одинаковости чекана" хорографи-

---

[1]) Записка.

[2]) Отчетъ, 545.

ческихъ названій на извѣстномъ пространствѣ территоріи есть лишь прямой результатъ сопоставленія отдѣльныхъ фактовъ языка земли, который, при такомъ сопоставленіи, самъ ясно говоритъ, самъ опредѣляетъ предѣлы своего распространенія.

2) Этотъ языкъ земли можетъ ставить наукѣ разные вопросы и задачи. Къ уясненію ихъ наука, въ извѣстной своей ступени, можетъ оказаться неподготовленной, но, во всякомъ случаѣ, этотъ языкъ не можетъ лгать. Если, слѣдовательно, фактъ, на который указываетъ языкъ земли, представляется не вполнѣ яснымъ, то это не можетъ давать основаній отвергать самый фактъ, а лишь указываетъ на необходимость всесторонняго его обслѣдованія.

3) Путь этихъ изслѣдованій тоже указанъ Надеждинымъ.

а) „Предварительная работа надъ географической номенклатурой, восходящая отъ нынѣшнихъ названій къ древнимъ, старобытнымъ, первоначальнымъ, черезъ весь рядъ измѣненій, которыя они вытерпѣли“ [1]).

б) Изученіе народныхъ названій въ самомъ ихъ источникѣ—„въ устахъ туземцевъ. Надо вслушиваться въ живую рѣчь народовъ, которая всегда вѣрнѣе своему первообразному характеру, чѣмъ искусственное книжное слово“ [2]).

в) Изученіе языка, лучшаго показателя народности, а слѣдовательно, племенной и колѣнной разновидности. Особенно, „изученіе словопроизношенія, гдѣ ярче, нежели во всемъ прочемъ, выражаются мельчайшія черты народнаго различія: въ какихъ географическихъ предѣлахъ заключается это видоизмѣненіе, какъ раздробляется потомъ каждое изъ нихъ на свои тѣни и оттѣнки“ [3]). Говоря языкомъ современной науки — изученіе діалектологіи.

---

[1]) Опытъ, 35.

[2]) Тамъ же, 36.

[3]) Объ этнограф. изуч. народн. русской. Вѣстн. Геогр. общ. I, 157.

4) Надеждинъ требовалъ самой широкой постановки этнографическихъ изученій: ему принадлежитъ первая программа собиранія этнографическаго матеріала, время его предсѣдательства въ этнографическомъ отдѣленіи географическаго общества представляетъ самую блестящую и плодотворную страницу въ исторіи отдѣленія.

5) Надеждинъ указывалъ важность для древнѣйшей исторіи антропологическихъ и археологическихъ изученій.

6) Наконецъ, Надеждинъ указывалъ необходимость критическаго обслѣдованія древнихъ письменныхъ памятниковъ, какъ своихъ, такъ и иностранныхъ.

Прибавимъ, что Надеждинъ не только указалъ программу работъ, но и представилъ образцы [1]). Все это да-

---

[1]) Относительно обработки письменныхъ памятниковъ Надеждинъ первый указывалъ средній путь между шлецеровскимъ догматизмомъ и скептицизмомъ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, онъ самъ принялъ участіе въ разработкѣ древнихъ нашихъ лѣтописей. „Памятники нашей древности и старины, говоритъ Срезневскій, равно какъ и записки иноземцевъ о Россіи и народахъ, въ ней обитающихъ, суть богатые рудники драгоцѣнныхъ свѣдѣній этнографическихъ... Должно вскрыть эти рудники, сдѣлать ихъ общедоступнымъ достояніемъ... Надеждинъ выражалъ эту мысль и, возбудивъ къ ней сочувствіе, привелъ ее въ состояніе дѣла понятаго и разрѣшимаго. Положено было и начало ему... Самъ онъ принялъ личное участіе въ этнографической разработкѣ древнихъ русскихъ лѣтописей. — Неизвѣстно, на чемъ именно остановился онъ въ этомъ трудѣ, на сколько довелъ его до полнаго исполненія; но предварительный переборъ матеріала съ критическимъ его разборомъ былъ имъ оконченъ еще къ лѣту 1853 года". Вѣстн. Геогр. общ., XVI, стр. 12. Этотъ трудъ Надеждина, повидимому, совсѣмъ пропалъ, такъ же какъ и оставленныя имъ въ рукописи: 1) Духовная статистика Сиріи и Палестины — большое сочиненіе, повидимому, окончательно отдѣланное; 2) Исторія православной церкви въ Молдавіи, Валахіи, Булгаріи и матеріалы для полной исторіи православія внѣ Россіи; 3) Путешествіе за границу въ видѣ дневныхъ записокъ. Потеря громадная, незамѣнимая! О взглядахъ Надеждина на лѣтописаніе даетъ нѣкоторое понятіе его статья: „Объ историческихъ тру-

етъ право утверждать, что значеніе Надеждина въ разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ нашей древностью, заключаются не въ томъ, что онъ бросилъ нѣсколько „талантливыхъ“ мыслей, а въ томъ, что онъ предложилъ нашей наукѣ опредѣленный *методъ изученія нашей древности*.

Въ основѣ этого метода лежало, прежде всего, сознаніе невозможности выдѣлять начала вида изъ рода, то сознаніе, которое, какъ извѣстно, было не чуждо и Шлецеру, и давалось простымъ здравымъ смысломъ [1]). Затѣмъ, Надеждинъ,

---

дахъ въ Россіи". Библ. д. Чт. 1837, XX, 124. Надо думать, что надеждинское вліяніе сказалось во взглядахъ Срезневскаго на лѣтопись: они рѣзко выдѣляются среди тогдашняго норманнизма; между прочимъ, здѣсь выдвигается связь Руси съ міромъ южнаго славянства. Чтенія о древнихъ лѣтоп. С.-ПБ. 1862, стр. 8.

Хронологическій списокъ сочиненій Надеждина напечатанъ въ Вѣстн. Геогр. Общ., XVI. Всѣ они разбросаны по журналамъ и вслѣдствіе этого трудно доступны. Скажу—для иллюстраціи — что, имѣя подъ руками недурную университетскую библіотеку и возможность сноситься съ другими библіотеками и учрежденіями, я все же не могъ собрать всего, что напечаталъ Надеждинъ.

[1]) Должно замѣтить, что между Надеждинымъ и Шлецеромъ не мало точекъ соприкосновенія въ основныхъ взглядахъ на задачи и средства нашей науки. И Шлецеръ смѣялся надъ витаніями въ туманахъ, требовалъ прочной основы и опредѣленнаго исходнаго пункта. И Шлецеръ сознавалъ невозможность выдѣлять видъ изъ рода: „da Slaven das Ganze, das genus, und Russen... ein Theil, eine species, sind", а его „Origines slavicae" представляютъ явленіе, не повторявшееся потомъ въ нашей исторической литературѣ. Наконецъ Шлецеръ предполагалъ необходимость введенія въ русскую исторію—Vorgeschichte, а его правила грамматическаго комментарія лѣтописей („значеніе непонятныхъ словъ должно отыскивать въ славянскомъ переводѣ библіи, въ остальныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, должно освѣдомляться у русскихъ людей, знакомыхъ съ древнею отечественною литературою". *Соловьевъ*, А. Л. Шлецеръ. Р. Вѣстн., 1856, II, 518.) могли бы и даже должны были привести къ установленію болѣе тѣсной связи вида съ родомъ и къ разработкѣ тѣхъ вспомогательныхъ дисциплинъ — начиная съ изученія говоровъ — которымъ такое

очевидно, понималъ недостаточность матеріала, обычно принимаемаго въ расчетъ, при раскрытіи нашей древности, а слѣдовательно, не только овладѣлъ этимъ матеріаломъ, но и опредѣлилъ его цѣнность. Наконецъ, Надеждинъ указалъ, чѣмъ слѣдуетъ восполнить существующій матеріалъ и какъ слѣдуетъ разрабатывать необходимыя для полнаго освѣщенія вопроса новыя данныя. До уясненія результатовъ разработки этихъ новыхъ данныхъ, не слѣдуетъ, по мнѣнію Надеждина, выходить на поле отдаленнѣйшей древности, ибо тамъ наука, при теперешнемъ ея состояніи, имѣетъ дѣло не съ фактами, а съ пустыми словами, слу-

---

важное значеніе придавалъ Надеждинъ. Прибавлю еще, что Шлецеръ считалъ своей главной заслугой доставленіе академіи Стриттера, Соловьевъ, к. в. 528, и станетъ понятно, что наша шлецеромахія — отъ *А. Попова*, (Шлецеръ, разсужденіе о русской исторіографіи. Моск. Сборн. 1847 г.) до *М. Кояловича*, (Исторія самосознанія, С-ПБ. 1884 г. гл. VI) — направлялась не совсѣмъ по адресу. Нападки и укоры были бы вполнѣ у мѣста, если бы были адресованы не на Шлецера, а на тѣхъ представителей нашей науки, которые, упустивъ изъ виду основы шлецеровскаго метода и прямо нарушивъ его завѣтъ: „не вѣрь, а испытывай", возвели Шлецера въ боги, а его положенія въ догматы, послѣ чего было возможно лишь дальнѣйшее раскрытіе догмата, одностороннее, какъ всякая подобная работа. При такомъ направленіи, могли получить значеніе только куниковы „Родзы". — Надеждинъ не могъ быть замѣченъ и понятъ, хотя, по существу, онъ былъ гораздо ближе къ Шлецеру, чѣмъ Куникъ, усвоившій только крайности шлецеровскихъ взглядовъ. Онъ и довелъ ихъ до апогея, до крайности сузивъ общую постановку дѣла, а своею „псевдорусью" даже отодвинувъ ее назадъ, ибо ни Байеръ, ни Шлецеръ не отвергали Руси на югъ, а въ частностяхъ договорившись до такихъ абсурдовъ, какъ: признаніе Ильи Муромца норманномъ (Beruf. II, 105: „höchst wahrscheinlich von Normannen abstammte".), а Кія, Щека и Хорива — „хозарскими братьями", или, какъ разсужденіе о роли „славянскихъ нянекъ", обучавшихъ, „какъ бы шутя", славянскому языку дѣтей переселившихся къ намъ норманновъ (Каспій, 396, 451). Идти дальше по этому пути было нельзя; пришлось повернуть поневолѣ.

тайными показаніями. Опираясь на нихъ, изслѣдователь опирается „меньше чѣмъ на песокъ“, а строитъ зданіе „на жидкомъ летучемъ воздухѣ“. Изслѣдованіе древности народа можетъ начинаться лишь съ той поры, когда обликъ его неподлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но въ этой стадіи оно должно быть всестороннимъ, восполняясь данными отъ послѣдующихъ временъ, ибо жизнь народовъ отличается вообще тягучестью, и въ дѣйствительности мѣняется вовсе не такъ быстро, какъ мѣняется историческое изложеніе на книжныхъ страницахъ [1].

Всѣ эти положенія въ настоящее время считаются довольно азбучными истинами въ научной методикѣ. Во имя ихъ усердно разрабатывается географическая номенклатура, не только современная, но и историческая; устраиваются этнографическія и археологическія экспедиціи, выставки и музеи; предпринимаются подробныя діалектологическія изслѣдованія и проч. Было бы, однако, большой ошибкой полагать, что изслѣдованіе древности развивалось правильно въ духѣ идей Надеждина. Хотя, какъ увидимъ ниже, Надеждинъ впервые вполнѣ опредѣленно формулировалъ научный методъ разработки древностей, его имя въ славянской наукѣ почти неизвѣстно, и слѣдовательно, тамъ современный научный методъ развился независимо отъ Надеждина [2], а въ русской наукѣ судьбы надеждинскаго метода имѣютъ свою исторію, и исторію поучительную.

Надеждинъ занимаетъ въ нашей наукѣ совершенно особое мѣсто. Его имя, по крайней мѣрѣ въ наукѣ, всегда произносилось съ уваженіемъ, но на современный ему

---

[1]) Съ чего должно начинать исторію, Р. Инв. 1837 N. 13 и 14. Здѣсь вкратцѣ сгруппированы главнѣйшія основы надеждинскаго метода.

[2]) Славянамъ могла быть извѣстна лишь статья Надеждина о нарѣчіяхъ русскаго языка, напечатанная въ Вѣнскомъ журналѣ. „Опытъ“ цитуется проф. Ничемъ въ Streitfrage, но это счастливое и, конечно, единственное исключеніе.

ходъ научнаго развитія, а равно на развитіе науки въ ближайшее время послѣ смерти, Надеждинъ, повидимому, не имѣлъ никакого вліянія. По вопросу о началахъ нашего быта, по вопросу объ этнографическомъ изученіи Россіи мы пошли не за Надеждинымъ, а за Куникомъ и Бэромъ. Вопросъ о началахъ нашего быта или оставался, въ прежней формулировкѣ—вопросомъ о началахъ нашего политическаго строя, и въ этомъ случаѣ мы крѣпко держались норманнизма, или же въ поискахъ за родомъ мы пускались безъ всякаго компаса въ дебри скиѳо-сарматскія, гунно-болгарскія, совершенно игнорируя то родовое гнѣздо, на которое указывалъ Надеждинъ.

Первая этнографическая экспедиція была снаряжена Географическимъ обществомъ для изученія ливовъ и кревинговъ; „послѣдующія экспедиціи доставили свѣдѣнія о самоѣдахъ, остякахъ, объ амурскихъ инородцахъ, о туранскихъ и другихъ народностяхъ Средней Азіи“ [1]). Изъ того, на что указывалъ Надеждинъ въ области этнографіи у насъ рѣшительно ничего не сдѣлано и не дѣлается. Достаточно пробѣжать оглавленія нашихъ этнографическихъ журналовъ, чтобы убѣдиться, что мы болѣе интересуемся инородцами, чѣмъ Русскими, даже въ предѣлахъ Россіи, а о Русскихъ за предѣлами ея мы совсѣмъ ничего не знаемъ. Статьи, относящіяся къ Карпатской Руси, въ нашей литературѣ стоятъ, такъ сказать, внѣ хода развитія нашей науки: онѣ совершенно случайны. Исключеніе представляетъ одна статья — Гедеонова, почти приготовленная къ печати. Было бы несомнѣнно весьма интересно знать, какъ смотрѣлъ на Карпатскую Русь представитель поморской теоріи; но наука, повидимому, потеряла возможность узнать это [2]).

---

[1]) *Анучинъ*, О задачахъ р. этногр.

[2]) Рукописи Гедеонова разбиралъ академикъ Куникъ (Иконниковъ, Опытъ, 1329). При посредствѣ лица, оффиціально стоящаго довольно близко къ почтенному академику, я наводилъ справку о судьбѣ бумагъ Гедеонова, но получилъ самый неопредѣленный отвѣтъ, какъ равно и насчетъ не безын-

Въ области археологіи мы до самаго послѣдняго времени рылись на территоріи этнографически смѣшанной, и вслѣдствіе этого вопросъ, что у насъ славянское, что у насъ финское — остается и вѣроятно еще долго будетъ оставаться вопросомъ [1], хотя, очевидно, онъ можетъ быть поставленъ сколько нибудь твердо, только путемъ изученія археологическихъ памятниковъ на территоріи непререкаемо славянской, т. е. на той, гдѣ и хоро- и топографія не обнаруживаютъ никакой инородческой примѣси.

Въ діалектологіи ощутительный пробѣлъ, правда, восполненъ проф. А. И. Соболевскимъ въ самое послѣднее время, но разработка діалектологическаго матеріала, безъ всякаго сомнѣнія, не соотвѣтствуетъ у насъ ни огромности, ни важности предмета.

Въ разработкѣ номенклатуры мы имѣемъ лишь нѣсколько незначительныхъ рефератовъ. Нельзя не прибавить, что вопросъ о номенклатурѣ былъ поставленъ лишь въ запросахъ 3-ему археологическому съѣзду. Но самая форма запроса [2]) вполнѣ ясно обличала незнакомство съ „Опытомъ“ Надеждина [3]). Только черезъ 57 лѣтъ мы почувствовали необходимость обратиться къ самому „Опыту“, разыскать старый томъ „Библіотеки для чтенія“ и положить мысль Надеждина въ основу изученія предмета [4]). Такимъ

тересной рукописи Венелина объ Угорской Руси. О послѣдней я справлялся въ Румянцевскомъ музеѣ, но тамъ, по сообщенію В. Ѳ. Миллера, за которое приношу мою благодарность, ея нѣтъ.

[1]) *L. Niederle*, Lidstwo, 644 сл.

[2]) „Нельзя ли сдѣлать нѣкоторыхъ интересныхъ въ научномъ отношеніи обобщеній изъ современной номенклатуры рѣкъ, городовъ и селъ въ разныхъ полосахъ Россіи?“ Труды 3-го Съѣзда. I, стр. VIII.

[3]) То же слѣдуетъ сказать и о частныхъ вопросахъ, тамъ же, стр. IV. Все это вполнѣ подтверждаетъ справедливость указаннаго выше замѣчанія В. Г. Васильевскаго, что идеи Надеждина въ 70-мъ годамъ были у насъ совсѣмъ забыты.

[4]) Моя „Угорская Русь“, Варш. Унив. Изв., 1894, V; *П. В. Голубовскаю*, Ист. Смоленск. земли, 32 пр. 2, Кіевск.

образомъ несомнѣнно, что наша наука вернулась къ Надеждину, и это лучше всего опредѣляетъ цѣнность его метода, но съ другой стороны, также несомнѣнно, что она ступила на надеждинскій путь независимо отъ Надеждина.

III.

Возвратъ нашей науки къ надеждинскому методу произошелъ подъ вліяніемъ общаго хода науки. Отмѣтимъ наиболѣе характерные моменты. Исключительное положеніе изслѣдователей славянской древности, въ виду пробѣла въ опредѣленныхъ свѣдѣніяхъ о Славянахъ для ряда вѣковъ, естественно должно было вызвать въ изслѣдователяхъ сознаніе необходимости особенныхъ пріемовъ изученія славянской древности. Очень ясно это указано Суровецкимъ [1]).

Унив. Изв., 1894, IX. Нельзя не отмѣтить трудъ *Барсова*, Матеріалы для историко-геогр. словаря Россіи, Вильна 1865. Вліяніе Надеждина шло въ этомъ случаѣ черезъ Срезневскаго (Матеріалы, стр. IV). Что касается „Очерковъ“ Барсова, то вопросъ о географической номенклатурѣ разработанъ здѣсь не въ надеждинскомъ духѣ. Барсовъ положилъ въ основу не географическую карту, а лѣтопись. Ея данныя онъ накладывалъ на карту и искалъ здѣсь лишь лѣтописныхъ названій. Очевидно, въ „Очеркахъ“ мы имѣемъ такое же апостеріорное отношеніе къ картѣ, какое указывали у Соловьева. То же должно сказать и о географическихъ очеркахъ, предпосылаемыхъ очеркамъ исторіи отдѣльныхъ земель ю.-з. Руси (цѣлый рядъ въ Кіевск. Унив. Изв. и отдѣльно), гдѣ, кромѣ данныхъ лѣтописи о племенныхъ отношеніяхъ русскихъ Славянъ, принимаются во вниманіе особенно данныя о политическихъ и волостныхъ отношеніяхъ. Карта играетъ лишь служебную роль по отношенію къ даннымъ лѣтописи.

[1]) „Если, не смотря на глубокія изслѣдованія многихъ ученыхъ, мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, это происходитъ именно потому, что въ работахъ шли по обычному пути, слѣдовали ненадежнымъ руководителямъ. Одни хватались за ошибочную номенклатуру и братали Славянъ съ племенами, не имѣющими съ славянствомъ ничего общаго, другіе смѣшивали разныя племена, принимая назва-

Его замѣчаніе о необходимости обратнаго направленія въ изслѣдованіи (отъ извѣстнаго къ неизвѣстному) имѣетъ важное методическое значеніе, и оно въ исторіи науки навсегда останется важной заслугой Суровецкаго. Оно естественно вело къ тому, что на первое мѣсто выдвигался элементъ *антрополого-этнографическій* [1]). Также естественно долженъ былъ выдвинуться и *языкъ* въ лицѣ тѣхъ топографическихъ названій, которыя, встрѣчаясь у древнихъ географовъ и писателей на нынѣшней славянской землѣ, всего естественнѣе могли быть объяснены изъ языка славянскаго. На этотъ рядъ данныхъ языка указалъ Шафарикъ [2]), и это составляетъ главную заслугу его перваго труда, посвященнаго славянскимъ древностямъ.

Такимъ образомъ, уже въ 20-хъ годахъ, при первой серьезной постановкѣ изученія славянской древности, опредѣлился въ общихъ чертахъ и методъ этого изученія. Что онъ требовалъ обширной разработки матеріала и что тогдашней разработки вовсе не хватало для такой широкой постановки, а тѣмъ болѣе рѣшенія вопросовъ, какое предпринялъ Шафарикъ въ своихъ „Древностяхъ“ — понятно. Понятно также и совершенно естественно, что въ его

нія географическія за племенныя, иные, наконецъ, начинали отъ колыбели человѣчества, ведя оттуда генеалогію до послѣдняго славянина. Даже тѣ, кто напалъ на вѣрный путь, не умѣли, однако, указать его другимъ. Во избѣжаніе подобныхъ неудачъ, мы, по зрѣломъ размышленіи, избрали иной путь: мы будемъ исходить не отъ Іафетовъ, Асормотовъ и проч., а отъ послѣдняго слѣда будемъ восходить къ древнимъ жилищамъ Славянъ и, всмотрѣвшись внимательно въ ихъ обликъ, обычаи и другія черты, будемъ затѣмъ далѣе искать истинныхъ ихъ предковъ. Хотя бы мы и не дошли до конца по этому пути, все же путь этотъ нельзя не признать надежнѣе иныхъ“. *Surowiecki*, Dzieła, 379. Ср. также 405.

[1]) *Surowiecki*, 415 слл: Cechy dawnych narodów, то же, что у Надеждина „этнографія физическая“.

[2]) Abkunft, 158 слл.

„Древностяхъ“ должна была произойти путаница [1]). Въ этой путаницѣ представленій и понятій о славянской древности оставалась наука до выхода „Западныхъ Славянъ“ А. Шемберы [2]).

Извѣстенъ отзывъ Рэслера о книгѣ Шемберы [3]). Но отзывъ Крека: „книга заключаетъ, однако, драгоцѣнныя подробности“ [4]) долженъ бы побудить къ нѣкоторой вдумчивости и скептиковъ.

Для насъ наиболѣе достойнымъ вниманія является методъ Шемберы. Шембера останавливается исключительно на разборѣ названій именъ, на хоро- и топографіи древней Германіи и Иллиріи. Въ предисловіи Шембера объясняетъ, какъ зародилась въ немъ та мысль, обоснованію которой посвященъ его трудъ [5]), а въ приложеніи объясняется

[1]) См. *Дриновъ*, Заселеніе, 38—39, 43, а также в. интересныя замѣчанія *Войцѣховскаго*, почему Шафарикъ отступилъ отъ обратнаго метода, Chrobacya, 97—99.

[2]) Západní Slované v pravěku. Vídeň, 1868.

[3]) „Ich kenne wohl die Arbeiten von Šembera, sie aber zu denjenigen zähle, welche von Zeit zu Zeit entstehen um den Forscher bei der ernsten Arbeit aufzuheitern“. Zeitpunkt d. slav. Ansiedlung, Sitzber. Bd. 73, стр. 79, пр. 1.

[4]) Einleitung, 313. Войцѣховскій такъ отзывается о трудѣ Шемберы: „dzieło jego jest prawdziwem odkryciem na polu słowiańśtwa“, Chrobacya, 53.

[5]) Вотъ что говоритъ Шембера въ предисловіи къ своему труду. Уже въ 40-хъ годахъ, занимаясь Славянами въ нижней Австріи, Шембера усумнился въ томъ, что они прибыли сюда только въ концѣ VI в. Въ дальнѣйшихъ занятіяхъ ему пришлось обратиться къ подробнымъ картамъ нижней Австріи гдѣ оказалось множество славянскихъ названій горъ, рѣкъ, потоковъ, возвышенностей, лѣсовъ, гаевъ, болотъ и поселеній большихъ и незначительныхъ, ясно указывавшихъ на славянскій характеръ земли. То же оказалось въ Моравіи, Слезіи и другихъ славянскихъ земляхъ. Отъ картъ Шембера перешелъ къ документамъ, затѣмъ къ древнимъ писателямъ. Оказалось, что никто изъ нихъ не говоритъ о прибытіи Славянъ въ к. н. славянскую землю въ историческое время. Стр. V—VI. Далѣе разсказывается исторія происхожденія, развитія и, наконецъ, утвержденія обычныхъ теорій. Ср. 261 слл.

значеніе мѣстныхъ и народныхъ названій и указываются правила ихъ объясненія. Взглядъ Шемберы представляетъ особенный интересъ, при сопоставленіи его съ взглядомъ Надеждина. Приведемъ его поэтому въ возможной полнотѣ. Мѣстныя и народныя имена—это памятники древнѣйшей поры. Возрастъ многихъ названій восходитъ до тысячелѣтій. Объясненіе ихъ могло бы пролить новый свѣтъ, восполнить столь ощутительный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о древности. Доселѣшнее трактованіе предмета только подрывало его значеніе. Главный вопросъ заключается въ томъ, можно ли объяснить мѣстныя названія, можно ли расчитывать понять языкъ земли, прошедшій всевозможныя ступени искаженій [1]). Шембера предлагаетъ слѣдующія правила объясненія названій: 1) прежде всего должна быть установлена дѣйствительная форма названія [2]); 2) каждое названіе слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ оно указано, а не переносить произвольно въ другое мѣсто [3]); 3) мѣстныя и народныя названія должны быть объясняемы изъ того языка, который существуетъ или, по историческимъ свидѣтельствамъ, существовалъ въ мѣстности, которой принадлежитъ названіе [4]); 4) объясненіе названія дожно быть просто, а не

---

[1]) Здѣсь Шембера сообщаетъ рядъ заслуживающихъ вниманія замѣчаній. Онъ спрашиваетъ, какъ могли Римляне передать на письмѣ, напр. слова: Гданьскъ, Пщина, Чрнчице и др. 369, пр. 2. Указываетъ искаженія названій въ рукописи Козьмы, составленной въ XIV в. однимъ нѣмцемъ. Здѣсь Свинобродъ является въ формѣ Зумпродъ, Бруснича—Бруцитука, Брно—Бруенъ и др. Много подобныхъ примѣровъ указывается въ хроникѣ Энея Сильвія, напечатанной въ Римѣ въ 1475. Наконецъ указывается, что много искаженій произошло отъ неправильнаго разрѣшенія сокращеній. 370.

[2]) То же, что у Надеждина „сравнительная географія".

[3]) Объ этомъ подробно говорилъ Надеждинъ въ „Геродотовой Скиѳіи".

[4]) Замѣчаніе это имѣетъ въ виду кельто- и нѣмцоманію цѣлаго ряда изслѣдователей. Для болѣе яркой иллюстраціи, что подобозвучіе можно найти вездѣ, а этимологической пыткой вымучить что угодно, Шембера указываетъ у Далина на объясненіе слова—Готъ изъ калмыцкаго языка.

вымучено; 5) немыслимо объяснить всѣ названія; 6) при объясненіи названій слѣдуетъ держаться законовъ звукоизмѣненія и словообразованія, но не слѣдуетъ забывать, что измѣненія не всегда происходили по точнымъ законамъ филологической науки [1]). Наконецъ Шембера предостерегаетъ отъ произвольныхъ конъектуръ въ названіяхъ, ука-

[1]) Изъ многихъ примѣровъ, указанныхъ здѣсь Шемберой, приведу одинъ: Бѣлидла—часть Оломуца—въ 1450 г. называются Bielidl, въ 1456 Belliten, въ 1564 Pilitten, теперь—Pilten. Это простое соображеніе, повидимому, совсѣмъ упустилъ изъ виду Крекъ, указывая невозможность славянскаго объясненія названій: березиха (Іерусалимск. дорожникъ), брицице, брицизе (дорожн. Антонина Авг.). Какое значеніе имѣетъ поэтому его рѣшительное заключеніе: „mag jene Nomenclatur gehören welchem Volke immer, so viel ist sicher, dass an Slaven dabei nicht zu denken ist“, Einleit. 281—283, предоставляется судить читателю. Надо впрочемъ замѣтить, что Крекъ не предполагалъ существованія березы на балканскомъ полуостровѣ, къ чему подало поводъ смѣшаніе нѣкоторыми болгарскими писателями двухъ видовъ: береза (betula) и брестъ (вязъ, Ulmus). *К. Иречекъ*, D. Fürstenthum Bulgarien, 34 пр. 1. Говоря объ этимологіяхъ, я, какъ не лингвистъ, могу отмѣтить только то, что принадлежитъ исторіи, ибо споръ объ этимологіяхъ имѣетъ свою исторію. Объ этимологической пыткѣ говорятъ всѣ. Между прочимъ акад. Куникъ указываетъ три рода этимологій: vulgaris, bovina, grammatica. Послѣднюю онъ подраздѣляетъ еще на три вида: возможную, вѣроятную и вѣрную. *Каспій*, 460. Подраздѣленіе все таки не полное: исторія нашего норманнизма указываетъ еще этимологіи *мнимовѣрныя*, т. е. такія, которыя въ извѣстное время считаются вѣрными, а потомъ оказываются невозможными и невѣроятными. *Гедеоновъ*, Варяги и Русь, 190. Ср. Каспій, 440. Думаю, что такихъ этимологій найдется немало особенно въ нѣмецкихъ трудахъ о славянской древности.—Что слѣдуетъ сказать, напр. о томъ различіи, какое дѣлаетъ Мюлленгофъ между германскимъ Анагастомъ и славянскимъ Оногастомъ: der römische Befehlshaber 'Αναγάστης oder 'Ανάγαστος (какая научная точность!) war unstreitig ein germanischer Anagast und nicht ein slavischer Onogast". D. Alt. II, 376.

зываетъ примѣры перевода славянскихъ названій на латинскій и нѣмецкій языки и указываетъ ошибки отъ пріуроченія названій римской эпохи къ мѣстамъ сравнительно поздняго возникновенія. Прибавимъ еще, что, подобно Надеждину, Шембера придавалъ серьезное значеніе діалектологическимъ изученіямъ. Его трудъ—Основы чехо-словенской діалектологіи—не потерялъ значенія и теперь [1]).

Въ оцѣнкѣ этого метода достаточно замѣтить, что то, что указано Надеждинымъ въ концѣ 30-хъ годовъ, Шемберой въ концѣ 60-хъ годовъ, выставляется и теперь какъ существенная задача науки [2]), а самый методъ представляетъ единственныя сколько нибудь опредѣленныя правила, позволяющія избѣгать произвола. Единство основы въ методѣ изслѣдованія древности у Надеждина и Шемберы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Ясно также, что и въ славянской наукѣ повторился тотъ же кругъ, какой мы видѣли въ русской. Какъ ни грустно это обстоятельство само по себѣ, оно безспорно устраняетъ малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ вѣрности основъ надеждинскаго метода, который, послѣ всесторонней провѣрки, является прочнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, незыблемой основой, на которой славянская наука смѣло можетъ строить свое величественное зданіе, а имена Суровецкаго, Шафарика, Надеждина и Шемберы записаны будутъ на фронтонѣ этого зданія, какъ имена первыхъ его строителей.

Главная особенность этого метода заключается въ точкѣ отправленія: не отъ „мрака древностей", а отъ неподлежащаго сомнѣнію факта должно начинаться изслѣдованіе. Изученіе славянской древности должно, такимъ образомъ, начинать не съ Венетовъ, Скиѳовъ и пр., а съ того момента, когда славянскій обликъ племенъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Возможно полное уясненіе чертъ этого

---

[1]) Діалектологическая карта чехо-словенскихъ нарѣчій, составленная по Шемберѣ, занимала видное мѣсто на пражской этнографической выставкѣ.

[2]) *Крекъ*, Einleit., 503.

облика составляетъ первую задачу науки, и только послѣ этого она можетъ возбуждать вопросъ, насколько отъ обслѣдованнаго періода могутъ быть отодвинуты въ древность эти же черты. Всѣ указанныя выше методическія положенія являются только естественнымъ результатомъ этого главнаго требованія, по которому и самый методъ долженъ называться *обратнымъ*, въ отличіе отъ метода филологическаго или прогрессивнаго, начинающаго исторію народа неизмѣнною, оффиціальной, по выраженію Надеждина, фразой: „начало нашей исторіи скрывается во мракѣ древности".

Это исхожденіе отъ мрака древности естественно въ преданіяхъ народныхъ, довольствующихся фантазіей или божественнымъ предкомъ. Въ христіанской письменности оно закрѣплено библіей, и самымъ яркимъ его выраженіемъ служитъ генеалогія нашей лѣтописи: „отъ сихъ же 72 языку бысть языкъ словѣнескъ отъ племени Афетова", а затѣмъ — прямо: „по мнозѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви... и отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по земли и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ". Этого достаточно! Народъ довольствуется преданіемъ, не требуя доказательствъ, или вѣрнѣе, находя ихъ въ своемъ собственномъ чувствѣ. Наука этимъ удовольствоваться не можетъ, она требуетъ доказательствъ старобытности. Характеръ этихъ доказательствъ опредѣляется степенью, на которой находится наука. Очень долго она лишь повторяетъ преданіе, иногда разрабатываетъ его, умножаетъ, поясняетъ. На этой ступени осталась историческая наука въ древности. Тотъ же характеръ объясненій перешелъ отъ древности и къ новымъ народамъ. Въ этомъ случаѣ наука представляла собственно лишь повтореніе народнаго преданія, но въ другой обстановкѣ, или вѣрнѣе, въ новомъ его оформленіи.

Въ примѣненіи къ Славянамъ слѣдуетъ сказать, что никто изъ средневѣковыхъ писателей, касавшихся славянской древности, не сомнѣвался въ ихъ старобытности на значительной части занимаемыхъ ими мѣстъ. Мнѣнія

этого не чуждались многіе ученые и нынѣшняго вѣка, даже ученые такого масштаба, какъ Шлецеръ, но, въ научномъ смыслѣ, всѣ эти мнѣнія были только мнѣніями, совершенно такъ же какъ и мнѣнія объ этно- или географическомъ смыслѣ такихъ терминовъ, какъ Скиѳія, Германія и др. Точныхъ, строго научныхъ критеріевъ не было [1]).

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до 1837 г. Въ научной разработкѣ древностей средней и восточной Европы этотъ годъ вдвойнѣ знаменателенъ: появленіемъ труда К. Цейса „Die Deutschen" и шафариковыхъ „Древностей". О послѣднихъ мы уже говорили. Въ методическомъ отношеніи „Древности" не выдержаны и, въ этомъ отношеніи, безспорно уступаютъ цейсовой кодификаціи, не заключающей въ себѣ методическаго раздвоенія. Цейсъ безъ колебаній связалъ славянскую древность съ первымъ текстуальнымъ упоминаніемъ славянскаго имени у писате-

---

[1]) На географическій смыслъ термина — Скиѳія указывалъ уже Байеръ. Его взглядъ усвоили Миллеръ и Шлецеръ. *П. Н. Милюковъ*, Главныя теченія русской исторической мысли, Р. Мысль, 1893, VII, придаетъ этому важное значеніе. „Если непрерывность названія, говоритъ онъ, не свидѣтельствовала, стало быть, о непрерывности пребыванія одного и того же племени въ странѣ, которую привыкли обозначать этимъ названіемъ, то отсюда самъ собой слѣдовалъ выводъ, что исторію русскаго племени нельзя начинать изслѣдованіями о Скиѳахъ или даже Киммерійцахъ". Выводъ поспѣшный, ибо одно дѣло высказать мнѣніе, другое — доказать. Шлецеръ, напр., доказывалъ географическій смыслъ термина — Скиѳы сравненіемъ его съ терминами: Американцы, Сибиряки. Но сравненіе—не доказательство, и еще Милленгофъ не сомнѣвался въ этнографическомъ смыслѣ названія—Скиѳы. D. Alt. III, 101 слл. Что касается термина — Германія, то тотъ же Милленгофъ придаетъ ему этнографическій смыслъ вплоть до VI в. D. Alt., II, 77 слл. Только о Ѳракахъ, Гетахъ и Дакахъ Милленгофъ не знаетъ, кто они: „wir Deutschen wohl thun, wenn wir die Thraker Thraker, die Geten Geten, die Daken Daken sein lassen (II, 163). Смыслъ всѣхъ этихъ терминовъ и не могъ быть уясненъ путемъ прогрессивнаго метода.

лей. Славяне поэтому появляются у него лишь съ конца VI в. Вѣрно это или нѣтъ — другой вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, это вполнѣ опредѣленно. Мнѣніе Цейса разработали впослѣдствіи Рэслеръ, Милленгофъ и другіе. Разработка славянскихъ древностей по пути Шафарика должна была пріостановиться, ибо самый путь двоился, и дѣйствительно пріостановилась.

Но въ исторіи научнаго развитія нельзя не отмѣтить того факта, что, одновременно съ трудами Шафарика и Цейса, въ скромномъ русскомъ журналѣ появился „Опытъ" Надеждина, а въ скромной русской газетѣ его же статья: „Съ чего должно начинать исторію".

Прошло 30 лѣтъ. Положенія Надеждина были повторены Шемберою почти слово въ слово. Какъ отнеслась къ нимъ наука, мы видѣли. Какъ раздваивается она и по настоящее время, тому можно бы привести не мало примѣровъ. Въ какой мѣрѣ это соотвѣтствуетъ достоинству науки, нечего говорить... Но слѣдуетъ твердо помнить: въ настоящее время раздвоеніе замѣчается только въ области изученія славянскихъ древностей. Во всѣхъ другихъ областяхъ обратный методъ, который съ полнымъ правомъ можно называть надеждинскимъ, имѣетъ полное и въ настоящее время единственное право гражданства. Въ его духѣ разрабатываются теперь древности всѣхъ европейскихъ народовъ, онъ же установленъ Момсеномъ и для древности классической [1]).

Надеждинскій методъ предполагаетъ длинный рядъ частныхъ обслѣдованій. Надеждинъ широко очертилъ древнюю славяно-вендскую территорію, но это былъ лишь набросокъ, рамка, опредѣленная фактомъ одинаковости чекана древнихъ хорографическихъ названій на огромномъ пространствѣ, фактомъ однородности нѣкоторыхъ бытовыхъ проявленій и чертъ въ огромной славянской семьѣ, наконецъ, отдѣльными историческими намеками, подтвержда-

---

[1]) *Th. Mommsen*, Römische Forschungen, I, стр. 132. Berlin 1864.

ющими эти факты. Дальнѣйшее развитіе идей Надеждина должно было постепенно заполнить рамку, точно провѣрить ея размѣръ. Такъ напримѣръ, то, что Надеждинъ назвалъ (довольно неудачно) „сравнительной географіей", предполагало обслѣдованіе постепеннаго измѣненія названій. Работа очень мелкая, кропотливая. Захватить обширный районъ территоріи въ этомъ случаѣ невозможно. Еще болѣе кропотливости и труда предполагало собраніе названій изъ устъ самого народа. Въ этомъ случаѣ не только волость или село, но и отдѣльная деревенька—особенно на порубежьяхъ—могла давать богатый матеріалъ. Не говоримъ уже объ антропологическихъ, археологическихъ и этнографическихъ изученіяхъ, которыя не могли захватывать обширныхъ районовъ, должны были подвигаться медленно, даже при значительныхъ средствахъ, при участіи учрежденій и отзывчивости общества. Однимъ словомъ, идеи Надеждина давали громадный матеріалъ и для работы всего общества, и для нашихъ ученыхъ учрежденій, должны были связать жизнь и науку тою живою связью, которая и выражаетъ собою дѣйствительную культурность народа. Онѣ давали жизнь, потому что порождались жизнью. Мы видѣли, что главнѣйшіе вопросы, опредѣленная формулировка которыхъ такъ рѣзко выдѣляла Надеждина среди ученыхъ его времени, а въ исторіи науки отводитъ ему такое видное мѣсто, заданы были ему тою народною жизнью славянства, какую ему пришлось наблюдать во время его путешествій.

Послѣ Надеждина наука вправѣ указывать въ разработкѣ славянской древности два метода: унаслѣдованный отъ древности *прогрессивный*, котораго держатся по преимуществу нѣмецкіе ученые, впрочемъ только въ примѣненіи къ славянству, и *обратный*, мелькавшій въ умахъ нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ до Надеждина и Шемберы, но только Надеждинымъ, а затѣмъ Шемберой формулированный вполнѣ опредѣленно.

„Въ исторіи науки, говоритъ Пыпинъ, особенный интересъ представляетъ ходъ научнаго развитія ея дѣятелей, особливо тѣхъ, чьи труды отмѣчены особою оригинально-

стью и значительностью научной заслуги" [1]). Особенную силу получаетъ это замѣчаніе въ примѣненіи къ такому дѣятелю, какъ Надеждинъ.

Мы отмѣтимъ двѣ стороны въ его жизни: происхожденіе и путешествія. Сынъ священника (изъ причетниковъ) Рязанской губ., Зарайскаго уѣзда, Надеждинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова сынъ народа. Онъ родился и провелъ дѣтство въ народѣ; свою юность онъ провелъ среди обстановки, которая была у насъ до послѣдняго времени, смѣло можно сказать, наиболѣе исторической обстановкой. Разумѣемъ старую семинарію и академію, преданія которыхъ были тѣсно связаны съ допетровской жизнью. По случайному стеченію обстоятельствъ Надеждинъ проходилъ семинарскій курсъ не совсѣмъ обычно: онъ былъ вмѣстѣ и причетникомъ, и дѣйствительно исправлялъ свою должность во время вакацій. Мы много знаемъ о жестокости старой бурсы. Объ этой сторонѣ ея ничего не говоритъ намъ автобіографія Надеждина [2]): но она открываетъ намъ другую ея сторону: внимательность семинарскаго начальства и визитаторовъ къ проявленіямъ талантливости. Благодаря этому, Надеждинъ попалъ въ семинарію и въ академію. Въ первую, какъ сказано, при не совсѣмъ обычныхъ условіяхъ; во вторую — не въ очередь: раньше срока. Въ этой насквозь русской обстановкѣ Надеждинъ провелъ двадцать лѣтъ; въ ней онъ созрѣлъ и вполнѣ сложился. Всѣ позднѣйшія воздѣйствія, по собственнымъ словамъ Надеждина, „не разрушали, а только просвѣтляли и украшали новою облагородствованною физіономіею" то, что легло въ основу. Въ нашей жизни это примѣръ исключительный. Было еще одно не менѣе исключительное обстоятельство — путешествія. Одни переѣзды по Россіи (нпр. изъ Одессы въ Петербургъ), при тогдашнихъ условіяхъ, давали Надеждину то, чего не въ состояніи дать никакой этнографическій музей.—Но Надеждинъ зналъ не одну Россію, не одинъ

---

[1]) Исторія р. этнографіи II, 422.
[2]) Р. Вѣстн. 1856, II.

лишь русскій племенной видъ, онъ имѣлъ случай близко познакомиться и съ славянскимъ родомъ, и съ тѣми сосѣдними инородцами, которые сыграли въ его исторіи едва ли не самую важную роль — съ Мадьярами и Румынами. Надеждинъ совершалъ путешествіе по Молдавіи, Буковинѣ, Трансильваніи, Банату, дунайской и тисской Угріи, Штиріи, Крайнѣ, Истріи, Далмаціи и Приморью, Албаніи, Черной Горѣ, Славоніи, Сербіи, Чехіи и сѣверной Германіи. Только первые наши слависты—да и то, кажется, не всѣ— могли сравняться съ Надеждинымъ въ отношеніи живого, ничѣмъ не замѣнимаго богатства впечатлѣній. Не даромъ же ими отмѣчена въ нашей наукѣ такая крупная полоса!..

Вотъ гдѣ ключъ къ уразумѣнію и значенія Надеждина, и равнодушія къ нему нашей научной и общественной мысли. Представитель перваго поколѣнія славистовъ, Срезневскій понималъ Надеждина, считалъ его „свѣточемъ“. „Дѣятельности Надеждина, говорилъ Срезневскій, недоставало внѣшней сосредоточенности: но все имъ производимое сосредоточивалось въ душѣ его, было плодомъ одного и того же сѣмени, выраженіемъ однихъ и тѣхъ же убѣжденій. Есть возможность придать и внѣшнюю форму цѣльности всему, имъ высказанному, какъ ни мало имъ высказанное въ сравненіи съ тѣмъ, что утрачено съ нимъ въ могилѣ. Подобрать вмѣстѣ все имъ написанное по каждой отрасли его работъ отдѣльно и въ должномъ порядкѣ по содержанію, съ этимъ вмѣстѣ собрать и съ недосказаннымъ письменно соединить всюду, гдѣ возможно, воспоминанія тѣхъ, которымъ онъ высказывалъ свои ученыя соображенія, выводы, мысли и убѣжденія — вотъ что должно, кажется, сдѣлать, какъ памятникъ Надеждину и вмѣстѣ какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ памятниковъ современной русской науки и литературы. Этотъ сборникъ осязательно укажетъ даже своимъ внѣшнимъ объемомъ значительность ученой дѣятельности Надеждина: онъ займетъ не менѣе шести большихъ томовъ... И явится этотъ сборникъ въ нашей литературѣ, не только какъ памятникъ уже прошедшаго, но какъ *свѣточъ для будущаго*, если не навсегда, то, по крайней

мѣрѣ, надолго, какъ свѣточъ огня, чистой любви къ добру и къ истинѣ, любви къ отечеству и полезному для него труду, отъ котораго займутъ себѣ искру много другихъ свѣточей. О, лишь бы ихъ возгоралось все болѣе и болѣе вокругъ насъ съ тѣмъ неукоризненнымъ безкорыстіемъ, съ какимъ берегъ свою искру нами утраченный, незамѣнимый Надеждинъ" [1]).

Возгораться было очень трудно. Предлагаемое Срезневскимъ собраніе трудовъ Надеждина до сихъ поръ остается благимъ пожеланіемъ. Русская мысль и теперь еще лишена оживляющаго и согрѣвающаго вліянія его идей, а осуществленіе предположенія — собрать то, что не было Надеждинымъ досказано письменно, теперь ужъ и совсѣмъ невозможно: преданіе замолкло...

IV.

Судьба идей Надеждина поселяетъ утѣшительную увѣренность въ томъ, что истина не пропадаетъ; но процессъ ея торжества способенъ возбуждать грустныя мысли. Отмѣтимъ нѣкоторые факты въ послѣднемъ отношеніи, какъ въ области изученія славянской, такъ въ частности русской древности.

Мы указали, что особенные пріемы изученія славянской древности естественно обусловливались состояніемъ относящихся сюда источниковъ и что, вслѣдствіе этого, нѣкоторые пріемы обратнаго метода встрѣчаются уже у Суровецкаго, Шафарика. Въ дѣйствительности основы метода были положены еще раньше. Вотъ что говоритъ гр. Я. Потоцкій въ сочиненіи, посвященномъ древностямъ Сарматіи. Въ историческихъ изученіяхъ изслѣдователю кажется часто, что онъ уже схватилъ всю суть, но одна новая подробность

---

[1]) Вѣстникъ Геогр. XVI.

5 октября 1894 минуло 90 лѣтъ со дня рожденія „свѣточа" русской ученой мысли. Кто вспомнилъ объ этомъ? Или, б. м., мы ждемъ столѣтія? Оно недалеко...

повергаетъ его опять въ неизвѣстность. Все это зависитъ отъ метода, который „отправляется отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, ищетъ опредѣленныхъ свѣдѣній въ такихъ извѣстіяхъ, гдѣ всякое слово требуетъ разъясненія, принимаетъ за основу то, что еще требуетъ доказательства, и вмѣсто доказательства своей системы предлагаетъ убѣжденія въ ея вѣрности". Представивъ затѣмъ обычный путь работъ, исходящихъ отъ мрака древности, Потоцкій сообщаетъ планъ своей работы. Свое изслѣдованіе о Сарматіи Потоцкій хотѣлъ повести иначе: прежде всего онъ старался забыть все то, что сообщали о Сарматіи древніе писатели, чтобы быть свободнымъ отъ ихъ представленій; познакомился съ современнымъ состояніемъ земли и народа, языкомъ, обычаями, преданіями, мѣстной номенклатурой; изучилъ раздѣлы, какимъ подвергалась территорія въ недавнія времена и, такимъ образомъ, дошелъ до той поры, когда на мѣсто точныхъ данныхъ выступаютъ предположенія и догадки. Для Сарматіи — это IX вѣкъ, время посредствующее между наукой и предметомъ изслѣдованій (époque, moyenne, entre l'étude et les recherches). Съ этого пункта и предполагалъ начать свой трудъ Потоцкій, прежде всего съ географіи страны, затѣмъ думалъ перейти къ народамъ, ее занимавшимъ. „Я разскажу, говоритъ онъ, какъ они пришли сюда и кого здѣсь нашли. Это доведетъ меня до 800 г., который я опять таки начну съ географическаго обзора и такимъ образомъ буду поступать дальше обратнымъ путемъ изъ вѣка въ вѣкъ—отъ извѣстнаго къ неизвѣстному" [1]). Нельзя не отмѣтить совпаденія этихъ плановъ съ основной мыслью Надеждина, и мы не рѣшаемся вполнѣ отвергать здѣсь нѣкоторую связь. Извѣстно, что сочиненія Потоцкаго, писанныя на французскомъ языкѣ, имѣли больше правъ гражданства въ Россіи, чѣмъ въ Польшѣ [2]). Но нельзя не отмѣтить несомнѣннаго факта,

---

[1]) Essay sur l'histoire universelle et recherches sur celle de la Sarmatie. Варш. 1789, стр. 83 слл.

[2]) „Wiadomo, że dzieła Potockiego... dały w Rossyi impuls do umiejętnego badania starożytności", говоритъ Войцѣховскій, Chrob. 84.

лей. Славяне поэтому появляются у него лишь съ конца VI в. Вѣрно это или нѣтъ — другой вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, это вполнѣ опредѣленно. Мнѣніе Цейса разработали впослѣдствіи Рэслеръ, Милленгофъ и другіе. Разработка славянскихъ древностей по пути Шафарика должна была пріостановиться, ибо самый путь двоился, и дѣйствительно пріостановилась.

Но въ исторіи научнаго развитія нельзя не отмѣтить того факта, что, одновременно съ трудами Шафарика и Цейса, въ скромномъ русскомъ журналѣ появился „Опытъ" Надеждина, а въ скромной русской газетѣ его же статья: „Съ чего должно начинать исторію".

Прошло 30 лѣтъ. Положенія Надеждина были повторены Шемберою почти слово въ слово. Какъ отнеслась къ нимъ наука, мы видѣли. Какъ раздваивается она и по настоящее время, тому можно бы привести не мало примѣровъ. Въ какой мѣрѣ это соотвѣтствуетъ достоинству науки, нечего говорить... Но слѣдуетъ твердо помнить: въ настоящее время раздвоеніе замѣчается только въ области изученія славянскихъ древностей. Во всѣхъ другихъ областяхъ обратный методъ, который съ полнымъ правомъ можно называть надеждинскимъ, имѣетъ полное и въ настоящее время единственное право гражданства. Въ его духѣ разрабатываются теперь древности всѣхъ европейскихъ народовъ, онъ же установленъ Момсеномъ и для древности классической [1]).

Надеждинскій методъ предполагаетъ длинный рядъ частныхъ обслѣдованій. Надеждинъ широко очертилъ древнюю славяно-вендскую территорію, но это былъ лишь набросокъ, рамка, опредѣленная фактомъ одинаковости чекана древнихъ хорографическихъ названій на огромномъ пространствѣ, фактомъ однородности нѣкоторыхъ бытовыхъ проявленій и чертъ въ огромной славянской семьѣ, наконецъ, отдѣльными историческими намеками, подтвержда-

---

[1]) *Th. Mommsen*, Römische Forschungen, I, стр. 132. Berlin 1864.

отношенія, онъ долженъ уступить мѣсто обратному и терпѣливо ожидать своей очереди, т. е. того времени, когда славянская древность, путемъ обратнаго изученія, будетъ установлена. Наступитъ это, во всякомъ случаѣ, не скоро, ибо обратный методъ можетъ допускать лишь частичное обслѣдованіе древности отдѣльныхъ племенъ славянскихъ, и только послѣ этого, можно будетъ дѣлать заключенія о славянскомъ родѣ, который, слѣдуетъ надѣяться, предстанетъ тогда въ полномъ и дѣйствительно вѣрномъ освѣщеніи.

Въ дополненіе ко всему сказанному необходимо прибавить, что мы имѣемъ полное право считать Надеждина родоначальникомъ современнаго научнаго движенія, можемъ рѣшительно утверждать, что никто другой не указалъ такъ ясно методъ научной разработки нашихъ древностей, какъ нашъ Надеждинъ [1].

Въ русской наукѣ Надеждинъ не составляетъ школы въ собственномъ смыслѣ слова, но, кажется, не безъ основанія должно считать именно его, а не Венелина представителемъ той школы, которая у насъ именуется славянской. Названіе „школы" примѣнимо къ ней лишь въ условномъ смыслѣ. Эта славянская школа не запечатлѣна преемствомъ академическихъ кресел или профессорскихъ каѳедръ, представители ея дѣйствуютъ въ большинствѣ случаевъ вразбродъ, почему и обозначаются нерѣдко разными терминами—оффиціальнаго патріотизма, романтическаго и археологическаго народолюбія, оффиціальной народности и проч. [2]). Все это, конечно, лишь весьма условныя обозначенія того проявленія мысли, которое получа-

---

[1]) Что Надеждинъ указалъ научное значеніе географической номенклатуры раньше нѣмцевъ, см. библіографію предмета у Фэрстемана, Die deutschen Ortsnamen, Nordhausen 1863, стр. 9—19. Что и по вопросу о необходимости сличенія разнородныхъ названій Надеждинъ предупредилъ мыслью нѣмецкихъ ученыхъ, см. тамъ же, стр. 321—328.

[2]) *Пыпинъ*, Исторія р. этногр.

етъ не случайный, а вполнѣ опредѣленный характеръ и смыслъ на почвѣ борьбы двухъ научныхъ методовъ въ изученіи славянской древности вообще. Не простой лишь „здравый смыслъ“, какъ полагаетъ Забѣлинъ—хотя, кажется, и это не такъ легковѣсно — а и ясное сознаніе искусственности, узости и крайней односторонности пріемовъ и взглядовъ господствующей у насъ научной школы возбуждало противъ нея борцовъ отъ Ломоносова и до сегодня.

Было бы, конечно, странно, если бы въ противовѣсъ прогрессивному методу, завѣщанному новой наукѣ древностью, вырабатываемому и совершенствуемому вѣками, сразу былъ поставленъ новый, столь же стройный. Обратный методъ не могъ сложиться сразу, а если и возникали мысли о немъ, то, по отсутствію потребнаго научнаго матеріала, не могли быть въ дѣйствительности осуществлены. Но попытки противодѣйствія господствующимъ взглядамъ получаютъ большой историческій интересъ на почвѣ борьбы двухъ научныхъ методовъ. — „Ежели бейеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сіе подобнымъ образомъ заключить можно, что имя Бейеръ происходитъ отъ россійскаго бурлакъ“. Такъ отозвался Ломоносовъ о байеровыхъ этимологіяхъ. Такой отзывъ, конечно, не убѣдителенъ; но указанія на отсутствіе скандинавизмовъ въ русскомъ языкѣ — это уже пріемъ обратнаго метода. Это указаніе могло быть игнорируемо, при научномъ догматизмѣ, но фактически опровергнуто не было. То же можно сказать и о нѣкоторыхъ положеніяхъ Венелина. Венелинъ вполнѣ понималъ „мизерабельность“ современной ему русской исторической науки въ области изученія древности, и указывалъ необходимость расширенія ея рамокъ, углубленія изслѣдованій [1]), но онъ не вносилъ въ нашу науку новаго, оригинальнаго начала. То, что утверждалъ Венелинъ составляло общее положеніе всей тогдашней угорской

---

[1]) Мысли объ исторіи вообще и о русской въ частности. Чтен. въ Моск. Общ. Ист. и Др. 1847, N. 8.

лишь русскій племенной видъ, онъ имѣлъ случай близко познакомиться и съ славянскимъ родомъ, и съ тѣми сосѣдними инородцами, которые сыграли въ его исторіи едва ли не самую важную роль — съ Мадьярами и Румынами. Надеждинъ совершилъ путешествіе по Молдавіи, Буковинѣ, Трансильваніи, Банату, дунайской и тисской Угріи, Штиріи, Крайнѣ, Истріи, Далмаціи и Приморью, Албаніи, Черной Горѣ, Славоніи, Сербіи, Чехіи и сѣверной Германіи. Только первые наши слависты—да и то, кажется, не всѣ—могли сравняться съ Надеждинымъ въ отношеніи живого, ничѣмъ не замѣнимаго богатства впечатлѣній. Не даромъ же ими отмѣчена въ нашей наукѣ такая крупная полоса!..

Вотъ гдѣ ключъ къ уразумѣнію и значенія Надеждина, и равнодушія къ нему нашей научной и общественной мысли. Представитель перваго поколѣнія славистовъ, Срезневскій понималъ Надеждина, считалъ его „свѣточемъ". „Дѣятельности Надеждина, говорилъ Срезневскій, недоставало внѣшней сосредоточенности; но все имъ производимое сосредоточивалось въ душѣ его, было плодомъ одного и того же сѣмени, выраженіемъ однихъ и тѣхъ же убѣжденій. Есть возможность придать и внѣшнюю форму цѣльности всему, имъ высказанному, какъ ни мало имъ высказанное въ сравненіи съ тѣмъ, что утрачено съ нимъ въ могилѣ. Подобрать вмѣстѣ все имъ написанное по каждой отрасли его работъ отдѣльно и въ должномъ порядкѣ по содержанію, съ этимъ вмѣстѣ собрать и съ недосказаннымъ письменно соединить всюду, гдѣ возможно, воспоминанія тѣхъ, которымъ онъ высказывалъ свои ученыя соображенія, выводы, мысли и убѣжденія — вотъ что должно, кажется, сдѣлать, какъ памятникъ Надеждину и вмѣстѣ какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ памятниковъ современной русской науки и литературы. Этотъ сборникъ осязательно укажетъ даже своимъ внѣшнимъ объемомъ значительность ученой дѣятельности Надеждина: онъ займетъ не менѣе шести большихъ томовъ... И явится этотъ сборникъ въ нашей литературѣ, не только какъ памятникъ уже прошедшаго, но какъ *свѣточъ для будущаго*, если не навсегда, то, по крайней

Мы коснулись этого крайне сложнаго вопроса по тому, что, на нашъ взглядъ, два главнѣйшихъ теченія нашей мысли въ объясненіи нашей древности обусловливались не одними патріотическими чувствами, какъ принято обыкновенно объяснять, а и чисто научными причинами методическаго характера [1]). Разница только въ томъ, что одна сторона стояла на старомъ методѣ, освященномъ авторитетомъ свѣтилъ европейской науки. Она могла искренно вѣрить въ свою ученую высоту и съ пренебреженіемъ смотрѣть на своихъ научныхъ противниковъ. Положеніе этой стороны было во всѣхъ отношеніяхъ удобное. Что могла ей противопоставить другая? Чувство и здравый смыслъ. Это, конечно, не мало, но лишь тогда, когда чувство выступаетъ не порывомъ, когда здравый смыслъ представляетъ методъ. То и другое начинается лишь съ Надеждина. Но и Надеждинъ оказался безсиленъ... Повторяемъ, только на почвѣ борьбы двухъ научныхъ методовъ изученія славянской древности можетъ получить надлежащее объясненіе и наша „славянская“ школа. Это объясненіе — прямая задача будущаго, а по количеству уже накопившагося матеріала, Богъ дастъ, будущаго не особенно далекаго.

Среди представителей этой „школы“ Надеждинъ является гигантомъ во всѣхъ отношеніяхъ, истиннымъ предтечею современнаго научнаго направленія. „И объемъ трудовъ и, главное, множество затронутыхъ имъ вопросовъ, возбужденныхъ именно только славянскою точкою зрѣнія на предметъ“ [2]), даютъ полное право поставить во главѣ школы Надеждина, если нельзя соблюсти принципа хроно-

---

Славяне, вступившіе въ вольную дружину-Русь" и проч. Государства безъ центровъ; внуки, забывающіе имена дѣда, основателя государства — чѣмъ все это лучше увлеченій Морошкина? (см. Источникъ лѣтописнаго сказанія, Ж. М. Пр. 1874, часть 173, 174; особенно послѣдняя, стр. 70—78).

[1]) Ср. интересныя замѣчанія *Милюкова*, Главныя теченія. Р. Мысль, 1893, IX, стр. 13 сля.

[2]) Такъ мотивируетъ Забѣлинъ представительство школы за Венелинымъ, Истор. р. жизни I, 39.

логическаго и называть школу ломоносовскою. Рядомъ съ Надеждинымъ стоитъ, какъ мы видѣли, Шембера, и, благодаря этому, названіе: „школа славянская“ получаетъ свой истинный смыслъ и значеніе.

V.

Какъ выводъ изъ всего сказаннаго опредѣляется, прежде всего, исходная точка нашего изслѣдованія.

„Выборъ эпохи, съ которой можно начинать изслѣдованіе, зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи находятся относящіеся къ ней источники: настолько ли они опредѣленны и точны, чтобы можно было изъ нихъ вывести заключенія, приложимыя къ болѣе древнему періоду. Соотвѣтственно этому, исходный пунктъ можетъ измѣняться...“ [1]). Но, во всякомъ случаѣ, изслѣдователь долженъ начинать съ опредѣленнаго факта, такого факта, который не подлежитъ сомнѣнію въ племенномъ отношеніи. Мы должны поэтому оставить впокоѣ не только скиѳовъ, сарматовъ, даковъ, но и бастарновъ, певкиновъ, арсіетовъ, сабоковъ, костобоковъ, карповъ, карпіановъ и проч. Мѣсто всѣхъ этихъ х-овъ должны у насъ занять — хорваты, дулѣбы, бужане, волыняне, тиверцы и проч. О нихъ мы знаемъ очень мало, но, по крайней мѣрѣ, ихъ существованіе и племенной характеръ въ VIII—IX вв. не могутъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Мы имѣемъ о нихъ хотя и немногія, но опредѣленныя извѣстія отъ этого времени, знаемъ, что „племена“ эти не исчезли и потомъ: многія указанныя названія замѣнились другими: и объ этомъ мы имѣемъ извѣстія, сообщающія даже причину и смыслъ измѣненія; другія названія существуютъ и понынѣ въ устахъ народа и имѣютъ тамъ совсѣмъ опредѣленное значеніе. Несомнѣнно, что возможно полное уясненіе данныхъ, относящихся къ этимъ „племенамъ“ въ VIII — IX в., поможетъ освѣтить ихъ судьбы и въ VII в. и т. д. „Зная, говоритъ

[1]) *Войцѣховскій*, Chrobacya, 48, 76.

Войцѣховскій, что значили Сербы и Венеды въ IX или VIII в., легче понять, какое значеніе имѣли эти имена въ VI в. у Іордана и даже во II-омъ у Птоломея" [1]).

Совершенно согласно съ Войцѣховскимъ опредѣляется исходный пунктъ изслѣдованія и В. О. Ключевскимъ. Изученіе древняго быта русскаго народа привело, какъ извѣстно, Ключевскаго къ карпато-дунайской территоріи, и—что для насъ въ данномъ случаѣ особенно важно—къ опредѣленному методическому положенію, которое формулируется такъ: „если исторія народа должна начинаться изображеніемъ дѣйствительнаго его состоянія въ извѣстное время, съ указаніемъ историческаго происхожденія этого состоянія, а не діалектической импровизаціей на ту или другую бытовую тему, безъ времени и мѣста, съ одними общими мѣстами вмѣсто фактовъ, то надобно признать, что первой общественной формой у восточныхъ Славянъ, историческое изображеніе и объясненіе которой, при настоящихъ научныхъ средствахъ, можно предпринять съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, была та, которая обозначается въ разсказѣ нашей лѣтописи о событіяхъ въ русской землѣ съ половины IX вѣка" [2]).

Во-вторыхъ, сказаннымъ выше опредѣляются главнѣйшіе наши источники: письменныя свидѣтельства, языкъ земли и народа, этнографія и археологія. Занимающіе насъ вопросы, безъ сомнѣнія, могутъ быть рѣшаемы только по совокупности всѣхъ данныхъ, но, къ сожалѣнію, такая совокупность можетъ быть приложена пока далеко не ко всѣмъ мѣстамъ карпатской территоріи. Во многихъ мѣстахъ она и понынѣ terra incognita, особенно въ діалектологическомъ и даже археологическомъ отношеніи. Для нѣкоторыхъ мѣстъ и этнографическія данныя весьма не богаты. Главнѣйшими источниками остаются, такимъ образомъ — письменные и языкъ земли. О значеніи послѣдняго мате-

[1]) Chrobacya, 49.

[2]) Боярская дума. Р. Мысль, 1880, IV стр. 2.

ріала нечего распространяться. На него давно обратила вниманіе наука, но результатъ, извлекаемый изъ его разработки, доказываетъ, что онъ представляетъ почву вообще скользкую. Ступать по ней можно лишь съ крайней осмотрительностью, даже тамъ, гдѣ этнографическая смѣсь не такъ давна. Что же сказать про нашу территорію, особенно при такихъ условіяхъ, когда приходится пользоваться нѣмецкими картами или мадьярскимъ словаремъ рѣкъ, гдѣ въ основу положены мадьярскія формы... Названія мѣстныя (топонимія) служатъ дополненіемъ къ хорографіи. Въ ихъ систематизаціи мы указываемъ лишь самыя общія группы, не считая пока возможнымъ вдаваться въ частности [1]).

Что касается анализа этнографическаго, то для него во многихъ случаяхъ еще менѣе данныхъ. О нѣкоторыхъ частяхъ территоріи мы не имѣемъ почти никакихъ этнографическихъ свѣдѣній, сколько нибудь надежныхъ и удовлетворительныхъ. Всѣ мѣста племенныхъ порубежій—для насъ особенно интересныя—обслѣдованы крайне мало, нѣ-

---

[1]) Войцѣховскій, Chrobacya, сосредоточился на анализѣ топонимическомъ. Путемъ филологическаго анализа онъ отмѣтилъ отдѣльныя группы. Группы въ свою очередь даютъ ему указаніе на систему хозяйства и порядокъ заселенія территоріи. Выводы, извлекаемые отсюда, провѣряются указаніями на экономическій бытъ по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ.—Замѣчанія Войцѣховскаго вообще заслуживаютъ полнаго вниманія, но слѣдуетъ замѣтить одно: опредѣленныя данныя о бытѣ мы имѣемъ лишь съ XIII—XIV в.; постановка дѣла у Войцѣховскаго грѣшитъ поэтому противъ самой основы обратнаго метода, о которомъ такъ хорошо говоритъ авторъ „Хробаціи“, ибо его выводы опираются, собственно говоря, только на филологическомъ анализѣ названій. Правда, здѣсь не можетъ быть того произвола, какъ въ филологическихъ толкованіяхъ древнихъ племенныхъ и географическихъ названій, ибо, по крайней мѣрѣ, этнографическій характеръ изслѣдуемаго не подлежитъ сомнѣнію, но что сюда все же легко могутъ вкрасться ошибки и даже фантазіи, объ этомъ, кажется, нечего и говорить.

которыя и вовсе не тронуты. Крайне скудныя указанія приходилось иногда восполнять аналогіями, которыя нерѣдко выводили насъ за предѣлы нашей территоріи. Такое расширеніе рамокъ изслѣдованія обусловлено и естественною связью нашей территоріи съ прилегающими землями и, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что именно въ послѣднихъ (нпр. западно-русская и польская низь) мы имѣемъ прочную основу для анализа номенклатурнаго и этнографическаго матеріала, такъ какъ эти области всего меньше подвергались этнографическимъ измѣненіямъ.

„Обратный методъ, по справедливому замѣчанію Войцѣховскаго, есть собственно комбинація метода прогрессивнаго и обратнаго. Изслѣдованіе древности должно раздѣляться на два изслѣдованія — этнографическое и историческое; первое идетъ обратнымъ путемъ, второе прогрессивнымъ Главная задача обратнаго изслѣдованія состоитъ въ провѣркѣ этнографическаго тожества изслѣдуемаго предмета и въ подготовкѣ опредѣленной основы для изслѣдованія прогрессивнаго“ [1]).

Въ нашей наукѣ отсутствіе такой подготовительной основы особенно ощутительно. Наша древность въ нашей наукѣ представляетъ, въ полномъ смыслѣ слова, разрушенную храмину: по клокамъ разнесенный норманнизмъ и рядомъ неокрѣпшее поморство, тутъ же блужданія во тьмахъ скиѳо-роксолано-болгарскихъ и скиѳо-гето-дакійскихъ, наконецъ, едва-едва замѣтный готизмъ, который, въ наилучшемъ случаѣ, допустимъ, объяснитъ названіе Руси, но никогда

---

[1]) Chrobacya, 111. Почти то же говоритъ и Костомаровъ: „чтобы уразумѣть и представить теченіе прошедшей жизни народа, необходимо понять и ясно себѣ представить этотъ народъ въ послѣднемъ его развитіи, и наоборотъ—этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело его къ этому образу, что сгруппировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отъ чего онъ сложился такимъ образомъ, а не инымъ". Объ отношеніи русской исторіи къ этнографіи. Исторія моногр. III, 355.

логическаго и называть школу ломоносовскою. Рядом съ Надеждинымъ стоитъ, какъ мы видѣли, Шембера, и, бл годаря этому, названіе: „школа *славянская*" получаетъ сво истинный смыслъ и значеніе.

V.

Какъ выводъ изъ всего сказаннаго опредѣляется, пр жде всего, исходная точка нашего изслѣдованія.

„Выборъ эпохи, съ которой можно начинать изслѣд ваніе, зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи находят относящіеся къ ней источники: настолько ли они опред ленны и точны, чтобы можно было изъ нихъ вывести з ключенія, приложимыя къ болѣе древнему періоду. Соо вѣтственно этому, исходный пунктъ можетъ измѣняться..."[1] Но, во всякомъ случаѣ, изслѣдователь долженъ начина съ опредѣленнаго факта, такого факта, который не подл житъ сомнѣнію въ племенномъ отношеніи. Мы должн поэтому оставить впокоѣ не только скиѳовъ, сарматов даковъ, но и бастарновъ, певкиновъ, арсіетовъ, сабоков костобоковъ, карповъ, карпіановъ и проч. Мѣсто всѣх этихъ *x*-овъ должны у насъ занять — хорваты, дулѣб бужане, волыняне, тиверцы и проч. И о нихъ мы знае очень мало, но, по крайней мѣрѣ, ихъ существованіе и пл менной характеръ въ VIII—IX вв. не могутъ возбужда никакихъ сомнѣній. Мы имѣемъ о нихъ хотя и немног но опредѣленныя извѣстія отъ этого времени, знаемъ, ч „племена" эти не исчезли и потомъ; многія указанн названія замѣнились другими; и объ этомъ мы имѣем извѣстія, сообщающія даже причину и смыслъ измѣнен другія названія существуютъ и понынѣ въ устахъ наро и имѣютъ тамъ совсѣмъ опредѣленное значеніе. Несо нѣнно, что возможно полное уясненіе данныхъ, относ щихся къ этимъ „племенамъ" въ VIII—IX в., поможет освѣтить ихъ судьбы и въ VII в. и т. д. „Зная, говори

[1]) *Войцѣховскій*, Chrobacya, 48, 76.

Войцѣховскій, что значили Сербы и Венеды въ IX или VIII в., легче понять, какое значеніе имѣли эти имена въ VI в. у Іордана и даже во II-омъ у Птоломея" [1]).

Совершенно согласно съ Войцѣховскимъ опредѣляется исходный пунктъ изслѣдованія и В. О. Ключевскимъ. Изученіе древняго быта русскаго народа привело, какъ извѣстно, Ключевскаго къ карпато-дунайской территоріи, и—что для насъ въ данномъ случаѣ особенно важно—къ опредѣленному методическому положенію, которое формулируется такъ: „если исторія народа должна начинаться изображеніемъ дѣйствительнаго его состоянія въ извѣстное время, съ указаніемъ историческаго происхожденія этого состоянія, а не діалектической импровизаціей на ту или другую бытовую тему, безъ времени и мѣста, съ одними общими мѣстами вмѣсто фактовъ, то надобно признать, что первой общественной формой у восточныхъ Славянъ, историческое изображеніе и объясненіе которой, при настоящихъ научныхъ средствахъ, можно предпринять съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, была та, которая обозначается въ разсказѣ нашей лѣтописи о событіяхъ въ русской землѣ съ половины IX вѣка" [2]).

Во-вторыхъ, сказаннымъ выше опредѣляются главнѣйшіе наши источники: письменныя свидѣтельства, языкъ земли и народа, этнографія и археологія. Занимающіе насъ вопросы, безъ сомнѣнія, могутъ быть рѣшаемы только по совокупности всѣхъ данныхъ, но, къ сожалѣнію, такая совокупность можетъ быть приложена пока далеко не ко всѣмъ мѣстамъ карпатской территоріи. Во многихъ мѣстахъ она и понынѣ terra incognita, особенно въ діалектологическомъ и даже археологическомъ отношеніи. Для нѣкоторыхъ мѣстъ и этнографическія данныя весьма не богаты. Главнѣйшими источниками остаются, такимъ образомъ — письменные и языкъ земли. О значеніи послѣдняго мате-

---

1) Chrobacya, 49.

2) Боярская дума. Р. Мысль, 1880, IV стр. 2.

ріала нечего распространяться. На него давно обратила вниманіе наука, но результатъ, извлекаемый изъ его разработки, доказываетъ, что онъ представляетъ почву вообще скользкую. Ступать по ней можно лишь съ крайней осмотрительностью, даже тамъ, гдѣ этнографическая смѣсь не такъ давна. Что же сказать про нашу территорію, особенно при такихъ условіяхъ, когда приходится пользоваться нѣмецкими картами или мадьярскимъ словаремъ рѣкъ, гдѣ въ основу положены мадьярскія формы... Названія мѣстныя (топонимія) служатъ дополненіемъ къ хорографіи. Въ ихъ систематизаціи мы указываемъ лишь самыя общія группы, не считая пока возможнымъ вдаваться въ частности [1]).

Что касается анализа этнографическаго, то для него во многихъ случаяхъ еще менѣе данныхъ. О нѣкоторыхъ частяхъ территоріи мы не имѣемъ почти никакихъ этнографическихъ свѣдѣній, сколько нибудь надежныхъ и удовлетворительныхъ. Всѣ мѣста племенныхъ порубежій—для насъ особенно интересныя—обслѣдованы крайне мало, нѣ-

---

[1]) Войцѣховскій, Chrobacya, сосредоточился на анализѣ топонимическомъ. Путемъ филологическаго анализа онъ отмѣтилъ отдѣльныя группы. Группы въ свою очередь даютъ ему указаніе на систему хозяйства и порядокъ заселенія территоріи. Выводы, извлекаемые отсюда, провѣряются указаніями на экономическій бытъ по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ.—Замѣчанія Войцѣховскаго вообще заслуживаютъ полнаго вниманія, но слѣдуетъ замѣтить одно: опредѣленныя данныя о бытѣ мы имѣемъ лишь съ XIII—XIV в.; постановка дѣла у Войцѣховскаго грѣшитъ поэтому противъ самой основы обратнаго метода, о которомъ такъ хорошо говоритъ авторъ „Хробаціи", ибо его выводы опираются, собственно говоря, только на филологическомъ анализѣ названій. Правда, здѣсь не можетъ быть того произвола, какъ въ филологическихъ толкованіяхъ древнихъ племенныхъ и географическихъ названій, ибо, по крайней мѣрѣ, этнографическій характеръ изслѣдуемаго не подлежитъ сомнѣнію, но что сюда все же легко могутъ вкрасться ошибки и даже фантазіи, объ этомъ, кажется, нечего и говорить.

которыя и вовсе не тронуты. Крайне скудныя указанія приходилось иногда восполнять аналогіями, которыя нерѣдко выводили насъ за предѣлы нашей территоріи. Такое расширеніе рамокъ изслѣдованія обусловлено и естественною связью нашей территоріи съ прилегающими землями и, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что именно въ послѣднихъ (нпр. западно-русская и польская низь) мы имѣемъ прочную основу для анализа номенклатурнаго и этнографическаго матеріала, такъ какъ эти области всего меньше подвергались этнографическимъ измѣненіямъ.

„Обратный методъ, по справедливому замѣчанію Войцѣховскаго, есть собственно комбинація метода прогрессивнаго и обратнаго. Изслѣдованіе древности должно раздѣляться на два изслѣдованія — этнографическое и историческое; первое идетъ обратнымъ путемъ, второе прогрессивнымъ Главная задача обратнаго изслѣдованія состоитъ въ провѣркѣ этнографическаго тожества изслѣдуемаго предмета и въ подготовкѣ опредѣленной основы для изслѣдованія прогрессивнаго" [1]).

Въ нашей наукѣ отсутствіе такой подготовительной основы особенно ощутительно. Наша древность въ нашей наукѣ представляетъ, въ полномъ смыслѣ слова, разрушенную храмину: по клокамъ разнесенный норманнизмъ и рядомъ неокрѣпшее поморство, тутъ же блужданія во тьмахъ скиѳо-роксолано-болгарскихъ и скиѳо-гето-дакійскихъ, наконецъ, едва-едва замѣтный готизмъ, который, въ наилучшемъ случаѣ, допустимъ, объяснитъ названіе Руси, но никогда

[1]) Chrobacya, 111. Почти то же говоритъ и Костомаровъ: „чтобы уразумѣть и представить теченіе прошедшей жизни народа, необходимо понять и ясно себѣ представить этотъ народъ въ послѣднемъ его развитіи, и наоборотъ—этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело его къ этому образу, что сгруппировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отъ чего онъ сложился такимъ образомъ, а не инымъ". Объ отношеніи русской исторіи къ этнографіи. Исторія моногр. III, 355.

ріала нечего распространяться. На него давно обратила вниманіе наука, но результатъ, извлекаемый изъ его разработки, доказываетъ, что онъ представляетъ почву вообще скользкую. Ступать по ней можно лишь съ крайней осмотрительностью, даже тамъ, гдѣ этнографическая смѣсь не такъ давна. Что же сказать про нашу территорію, особенно при такихъ условіяхъ, когда приходится пользоваться нѣмецкими картами или мадьярскимъ словаремъ рѣкъ, гдѣ въ основу положены мадьярскія формы... Названія мѣстныя (топонимія) служатъ дополненіемъ къ хорографіи. Въ ихъ систематизаціи мы указываемъ лишь самыя общія группы, не считая пока возможнымъ вдаваться въ частности [1]).

Что касается анализа этнографическаго, то для него во многихъ случаяхъ еще менѣе данныхъ. О нѣкоторыхъ частяхъ территоріи мы не имѣемъ почти никакихъ этнографическихъ свѣдѣній, сколько нибудь надежныхъ и удовлетворительныхъ. Всѣ мѣста племенныхъ порубежій—для насъ особенно интересныя—обслѣдованы крайне мало, нѣ-

---

[1]) Войцѣховскій, Chrobacya, сосредоточился на анализѣ топонимическомъ. Путемъ филологическаго анализа онъ отмѣтилъ отдѣльныя группы. Группы въ свою очередь даютъ ему указаніе на систему хозяйства и порядокъ заселенія территоріи. Выводы, извлекаемые отсюда, провѣряются указаніями на экономическій бытъ по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ.—Замѣчанія Войцѣховскаго вообще заслуживаютъ полнаго вниманія, но слѣдуетъ замѣтить одно: опредѣленныя данныя о бытѣ мы имѣемъ лишь съ XIII—XIV в.; постановка дѣла у Войцѣховскаго грѣшитъ поэтому противъ самой основы обратнаго метода, о которомъ такъ хорошо говоритъ авторъ „Хробаціи", ибо его выводы опираются, собственно говоря, только на филологическомъ анализѣ названій. Правда, здѣсь не можетъ быть того произвола, какъ въ филологическихъ толкованіяхъ древнихъ племенныхъ и географическихъ названій, ибо, по крайней мѣрѣ, этнографическій характеръ изслѣдуемаго не подлежитъ сомнѣнію, но что сюда все же легко могутъ вкрасться ошибки и даже фантазіи, объ этомъ, кажется, нечего и говорить.

Территорія и населеніе.

I.

Карпаты представляютъ огромную дугу (въ 180 м., 1300 клм.), огибающую нижне-паннонскую или тисскую низменность. Въ геологическомъ отношеніи Карпаты представляютъ наиболѣе сходства съ Альпами, но не связываются съ ними. Между сѣверо-западными отрогами Альпъ и южными западныхъ Карпатъ лежитъ верхне-паннонская низменность, переходящая на сѣверѣ въ Моравскій лугъ, отдѣляющій Карпаты отъ среднеевропейскихъ горъ. Нѣсколько ближе подходитъ къ Карпатамъ отрогъ штирійскихъ Альпъ — т. наз. Баконскій лѣсъ, но эта невысокая цѣпь сама довольно слабо связана съ Альпами. Въ то же время Карпаты вообще гораздо круче въ южныхъ своихъ цѣпяхъ со стороны дунайско-тисской низменности и совершенно открыты на сѣверъ и востокъ, постепенно переходя въ возвышенность южно-польскую и южно-русскую.

Въ орографическомъ отношеніи связь съ этими возвышенностями наиболѣе ярко обозначается у Кракова, въ Хыровско-львовской возвышенности, составляющей продолженіе восточнаго Бескида; въ бассейнѣ днѣстровскихъ Быстрицъ и верхняго Прута — на территоріи такъ называемаго Галицкаго Подолья; наконецъ, на границѣ молдавской — между Прутомъ и Серетомъ.

Съ среднеевропейскими горами Карпаты связываются орографически лишь посредствомъ горнаго сѣдла, составляющаго водораздѣлъ Бечвы моравской и одринской Луки — у Границы (Вейскирхенъ).

За то на южномъ концѣ дуги на всемъ пространствѣ отъ Базіаша до Орсовы, Карпаты самымъ тѣснымъ образомъ примыкаютъ къ сербскимъ горамъ, составляющимъ естественную связь между Карпатами и Старой Планиной (Балканомъ). Такимъ образомъ, въ этой сторонѣ Карпаты съ Балканомъ составляютъ одну дугу, заключающую въ своихъ раменахъ нижнедунайскую или волошско-болгарскую низменность, естественно связанную съ черноземной и степной полосой южной Россіи. Въ физико-географическомъ отношеніи карпатская территорія представляетъ, слѣдовательно, двѣ горныхъ дуги—карпатскую и карпато-балканскую, огибающія двѣ низменности — тисскую и нижнедунайскую.

Какъ Карпаты гораздо круче со стороны тисской низменности, такъ и Балканы представляютъ на своей южной линіи отъ Пирота до Мессемвріи настоящую стѣну, длиною въ 60 миль, тогда какъ на сѣверѣ они полого спускаются къ Дунаю [1]). Не менѣе важно и другое обстоятельство. Дунай—главная артерія нашей территоріи—имѣетъ для обѣихъ частей не одинаковое значеніе. Тогда какъ нижняя его часть всецѣло принадлежитъ волошско-болгарской низменности и составляетъ, благодаря многочисленнымъ притокамъ, дѣйствительную связь между ними, среднее теченіе Дуная далеко не играетъ такой роли. Лѣвый берегъ Дуная имѣетъ здѣсь скорѣе значеніе границы, ибо онъ безъ притоковъ, и этотъ разграничительный характеръ рѣки еще болѣе усиливается природнымъ характеромъ тисо-дунайскаго междурѣчья. По замѣчанію Петерсона, угорская низь до 1848 г. была бездорожна и имѣла очень рѣдкое населеніе. Крайне низменный уровень поверхности (95 м. надъ моремъ) производитъ здѣсь то особенное явленіе,

---

[1]) *K. Jireček*, Gesch. d. Bulgaren, 6. *A. Rehman*, Ziemie dawnej Polski. Karpaty. Lw. 1895, стр. 51—55.—Карты: Uebersichts-Karte von Mittel-Europa вѣнскаго института, масштабъ 1 : 750000; Karte des deutschen Reichs, масшт. 1 : 500000; 10-верстн. карта нашего штаба и болгарская карта Кривошіева.

какого не замѣчается даже въ припятской впадинѣ: во время разливовъ или большихъ дождей вода просачивается сквозь берега рѣкъ и образуетъ подпочвенные бассейны, которые питаютъ не только прибрежныя болота, но иногда болота и болѣе отдаленныя отъ рѣчныхъ береговъ, наконецъ, многочисленныя ямы, надъ которыми приходилось строить мосты. Эти pontes sina aqua поражали одного путешественника прежнихъ временъ въ такой же мѣрѣ, какъ и необыкновенныя гребли, про которыя онъ сказалъ: lutum super lutum ponent et töltes vocant.

Нужно принять во вниманіе, что равнина вообще безлѣсна, климатъ и теперь не особенно благопріятенъ, борьба съ подземной водой до послѣдняго времени ставила земледѣльца въ безнадежное положеніе, наконецъ, что особенно важно, угорская низь лишена текучихъ водъ, кромѣ, конечно, главныхъ пересѣкающихъ ее рѣкъ. „Нѣтъ, быть можетъ, другой европейской страны, говоритъ Петерсонъ, въ которой было бы такъ мало ручьевъ, какъ въ угорской низменности. На разстояніи 75 англійскихъ миль между одной судоходной рѣкой и другой путешественникъ не встрѣчаетъ ни одного простого ручейка“ [1]). Самый Дунай между Вацовомъ и Осѣкомъ принимаетъ только рѣчку Шарвизъ.

Тысячу лѣтъ назадъ природа угорской низи представляла, конечно, еще менѣе благопріятныхъ условій для населенія. „Осѣдлый житель-земледѣлецъ предпочиталъ болѣе высокія и болѣе защищенныя мѣста, такъ что низменныя степныя пространства со своими богатыми лугами оставались почти вовсе незаселенными“ [2]). Можно даже предполагать, что эти болотные луга не представляли особенной заманчивости и для кочевниковъ.

Именно этотъ характеръ угорской низи, нѣкогда служившей дномъ озера, даетъ намъ право считать ее единственной границей нашей Карпатской территоріи.

---

[1]) *Петерсонъ*, Венгрія и ея жители, С.-ПБ. 1873, стр. 51.
[2]) *К. Я. Гротъ*, Моравія и Мадьяры, 7.

Правый берегъ средняго Дуная входитъ уже въ предѣлы альпійской территоріи, съ которой онъ и связанъ такими могучими притоками какъ Раба, Драва, Сава; въ эту же сторону полого спускаются Альпы, круто опадающіе на югѣ. Связь эта особенно ярко выступаетъ на югѣ дунайскаго колѣна, какъ въ рѣкахъ, такъ, между прочимъ, и въ орографическомъ отношеніи (здѣсь Альпы довольно тѣсно связываются съ горами балканскаго полуострова), а также на сѣверѣ — на верхнемъ Дунаѣ, гдѣ альпійскіе отроги подходятъ къ южнымъ оконечностямъ средне-европейскихъ горъ и гдѣ оба берега Дуная связываются рѣчными долинами. Въ силу этого выступаетъ еще ярче разграничительный характеръ дунайскаго колѣна на пространствѣ отъ Вацова до Осѣка.

Но только въ этой сторонѣ граница нашей территоріи запечатлѣна совершенно ясно и сразу бросается въ глаза. Не такъ замѣтна она въ другихъ мѣстахъ. На сѣверо-западѣ наша территорія отдѣляется отъ среднеевропейскихъ горъ моравскимъ лугомъ и долинами Моравы, Бечвы и верхней Одры; но, указывая эту физико-географическую границу, историкъ долженъ замѣтить, что для него она не можетъ имѣть значенія границы, ибо здѣсь нѣтъ никакихъ преградъ для свободнаго этнографическаго обмѣна [1]). Преграды живого этнографическаго обмѣна (хотя и относительныя) лежатъ лишь на западныхъ границахъ нынѣшней славянской территоріи: на Шумавѣ, Смерчинахъ и Крушныхъ горахъ, на могучихъ Корконошахъ.

Но отмѣчая связь Карпатъ съ среднеевропейскими горами, историкъ долженъ отмѣтить полную принадлежность Чехіи балтійскому бассейну, т. е. не тому, которому принадлежитъ почти вся карпатская территорія. Въ виду этого, физико-географическая граница Карпатскихъ и среднеевропейскихъ горъ получаетъ и для историка извѣстное значе-

---

[1]) На малокарпатскомъ Яворникѣ и теперь устраиваются общія сходки и увеселенія между Мораванами и Словаками. *R. Pokorný*, Z potulek po Slovensku, Praha, 1886, I, стр. 13.

ніе. Онъ можетъ не усматривать здѣсь границы въ полномъ смыслѣ слова, ибо онъ видитъ здѣсь наличность всѣхъ условій для бытового и этнографическаго обмѣна, но онъ долженъ признать территорію Моравы, Бечвы и верхней Одры областью переходной и вмѣстѣ посредствующимъ звеномъ между славянскимъ міромъ на сѣверо-западѣ и юго-востокѣ. Въ этой переходной области могли завязываться довольно тѣсныя связи между населеніемъ, но общія условія должны были издавна связывать населеніе нынѣшней Словачины съ славянскимъ юго-востокомъ, населеніе Моравы съ славянскимъ сѣверо-западомъ.

То же самое должно сказать и о южной Моравѣ.— Лѣвый ея берегъ долженъ былъ въ силу естественныхъ условій тяготѣть къ морю Адріатическому, правый къ Черному.

Такимъ же характеромъ отличается и Повислинье. И оно составляетъ область переходную, но - слѣдуетъ прибавить—еще въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ область сѣв. Моравы. Вся сила водъ Вислы лежитъ на правомъ берегу ея средняго теченія, а „европейскій водораздѣлъ на правомъ берегу Буга такъ незначителенъ, что въ теченіе одного дня, и притомъ пѣшкомъ, можно пройти изъ бассейна Вепря черезъ Бугъ въ Волынь или въ Пинщину“ [1]). Другими словами, не смотря на принадлежность Вислы Балтійскому морю, можно положительно сказать, что благодаря характеру территоріи, то-есть, главнымъ образомъ, направленію водъ, Черное море имѣетъ для верхней и средней Вислы большее значеніе нежели Балтійское. Это станетъ несомнѣннымъ, если обратить вниманіе на природный характеръ территоріи сѣверо-восточныхъ склоновъ и отроговъ Карпатъ, на связь бассейна днѣстровскаго съ вислинскимъ (Санъ и Бугъ) и особенно припятскимъ. И если изслѣдователь, имѣющій въ виду исключительно физико-географическія отношенія, не можетъ не отмѣтить преимущественной связи Карпатъ съ сѣверомъ и востокомъ, то

---

[1]) *W. Pol*, Dzieła, X, 103.

историкъ, обращающій главное вниманіе на природные факты, обусловливающіе бытъ народа, не можетъ не признать неразрывно-тѣсной связи съ карпатскимъ міромъ, бывшей Малой Польши и всего пространства нынѣшней юго-западной Руси.

Такимъ образомъ, карпатскій міръ доходитъ на югѣ до дунайско-эгейскаго водораздѣла, на сѣверѣ до границы среднеевропейской выси и низи, на востокѣ до припятской впадины и днѣпровскаго понизовья. Природная граница рѣзко отмѣчена лишь на дунайскомъ колѣнѣ, отчасти на югѣ. На сѣверо-западѣ и юго-западѣ карпатскій міръ ограничивается переходными полосами обѣихъ Моравъ. На этихъ полосахъ лежитъ естественная грань между балтійско-черноморскимъ и черноморско-адріатическимъ бассейнами. На востокѣ онъ естественно сливается съ русскимъ міромъ, не представляя въ этой сторонѣ никакой природной грани и связываясь со всѣмъ русскимъ югомъ въ общемъ тяготѣніи къ древнему „Русскому“ морю.

Въ этихъ границахъ карпатскій міръ представляетъ не малое разнообразіе, соединяя въ себѣ горы и возвышенности, долины и болотныя низменности и, наконецъ, привольныя степи. Не менѣе разнообразія замѣчается и въ этнографическомъ составѣ населенія. Познакомимся, прежде всего, съ современнымъ состояніемъ нашей территоріи въ обоихъ этихъ отношеніяхъ.

Концы карпатской дуги лежатъ на Дунаѣ у Дѣвина и Пожоня (старый Вратиславъ) на сѣверѣ, у Базіаша и Орсовы на югѣ. У желѣзныхъ воротъ горы разрываются Дунаемъ, но и къ югу отъ него онѣ обнаруживаютъ тотъ же характеръ, а подводные камни (по сербски – преграды), до послѣдняго времени затрудняющіе свободное плаваніе по Дунайской тѣснинѣ [1]), связываютъ горы трансильванскія съ сербскими отрогами Балкана.

---

[1]) *A. Tuma*, Die Oestliche Balkan-Halbinsel, Wien, 1886, стр. 52. *A. Rehman*, Karpaty, 614.

Вся громада горъ дѣлится, какъ сказано, на двѣ дуги, собственно Карпаты и Балканы. Каждая изъ нихъ, въ свою очередь, подраздѣляется на двѣ части: восточную и западную. Въ Балканахъ гранью служитъ долина Искра. Въ Карпатахъ грань проводится обыкновенно по долинамъ Топли, Ондавы и Лаборца, которыя глубоко врѣзываются въ горы съ юга, причемъ на сѣверной сторонѣ имъ соотвѣтствуетъ наибольшее пониженіе главной горной цѣпи между Вислокой и Ославой (Дуклянскій перевалъ).

Но это обычное дѣленіе карпатской дуги, на основаніи физико-географическихъ данныхъ, врядъ ли можетъ удовлетворить историка. Широкое сѣдло у Дукли, представляющее наибольшее пониженіе главной горной цѣпи, не могло раздѣлять, а, наоборотъ, связывало населеніе. Связь эта отмѣчена и въ самихъ мѣстныхъ названіяхъ: „угорскими воротами" называется какъ Санокъ, такъ и долина Горнада. Эти „ворота" были открыты для торговли съ незапамятныхъ временъ. — Не здѣсь, а далѣе отъ нихъ къ западу, лежитъ, какъ увидимъ, этнографическая граница, соотвѣтствуя тѣмъ природнымъ гранямъ, какія обозначены тектоническими углубленіями долинъ Попрада и Дунайца на сѣв., Горнада и Солоной (Шаіо) на югѣ [1]. О грани, проводимой отъ Лаборца до Ославы историкъ можетъ сказать то же, что и о долинѣ сѣверной Моравы [2].

Почти въ центрѣ западныхъ Карпатъ возвышаются могучія Татры, охваченныя Оравой и Вагомъ на западѣ, Дунайцемъ и Попрадомъ на востокѣ. Въ Татрахъ сосредоточены почти всѣ истоки зап. карпатскихъ водъ, причемъ европейскій водораздѣлъ идетъ здѣсь не по главному гребню,

---

[1]) *Rehman*, 389. Границу между в. и з. Карпатами Реманъ ведетъ не на Дуклю, а на Лупковъ, т. е. по Лаборцу, Ославѣ и Стрвяжу, 56, 455.

[2]) Непригодность для историка во многихъ случаяхъ физико-географическихъ соображеній сказывается особенно ярко въ обозрѣніи горныхъ территорій. Горные перевалы и рѣчныя долины имѣютъ для историка важное значеніе, горообразованія никакого.

а перерѣзываетъ его поперекъ: по линіи отъ верховьевъ Оравы до изгиба Попрада, такъ что Татры отдаютъ свои воды какъ черноморскому, такъ и балтійскому водоему. Обиліе водъ обусловливаетъ замѣтную влажность почвы, что сказывается въ торфяникахъ Новотаргскаго Подгаля („боры, пустаци"), и въ „лазахъ" Спижа [1]). Самыя горы не представляютъ, конечно, условій для населенности, но окружающія ихъ подгорья или подгаля: оравское и новотаргское на сѣверѣ, липтовское и спижское на югѣ — особенно липтовское — густо заселены и представляютъ всѣ данныя для народнаго благосостоянія, причемъ не малую роль играютъ и татранскія гали, мѣстами очень богатыя растительностью.

Татры со всѣхъ сторонъ окружены горами, огибающими ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Всѣ эти цѣпи горъ иногда связываются горными узлами [2]); но въ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ отдѣльныя цѣпи, перерѣзанныя долинами, иногда значительно густо населенными.

Первую цѣпь, огибающую горы на сѣверѣ, составляютъ Малые Карпаты, Бѣлявы и Западный Бескидъ. Эта цѣпь отличается особенно тѣсной связностью и, собственно говоря, тянется до границъ Трансильваніи, прерываясь только разъ долиной Попрада. На западѣ она омывается Моравой и Вагомъ, на сѣверѣ притоками верхней Одры и Вислы.

Вторая цѣпь заключаетъ въ себѣ горы, расположенныя между Вагомъ и Нитрой на западѣ, а далѣе къ с.-в. горы по Оравѣ и на правомъ берегу Вага. Главную цѣпь здѣсь составляютъ такъ наз. Вѣтряныя гали (по лѣвому берегу Вага), южный конецъ которыхъ называется также

---

[1]) Лазы — растительная формація, соотвѣтствующая торфяникамъ, встрѣчается на Балканахъ съ такимъ же названіемъ. *Реманъ*, 87, 356. Описанію Татръ у Ремана посвящены главы V – XI.

[2]) Таковъ, нпр., горный узелъ въ долинѣ Вага у Кралеванъ, гдѣ сходятся Оравско-липтовскія гали, В. и М. Фатра.

Иновцемъ (или Глоговецкими горами); далѣе Оравско-липтовскія гали (между Вагомъ и Оравой), Малая Фатра (на правомъ берегу Вага отъ Кисуцы до Жаживы)[1] и Оравская Магура (по правому берегу Оравы),

Горы третьей цѣпи ограничиваются на сѣверѣ верхними теченіями Попрада и Вага, на западѣ долинами Турчанки (Турочъ) и Нитры. Сюда входятъ: Пташникъ (между Нитрой и Грономъ), горы Кремницкія съ Зджяромъ и Великая Фатра (по среднему теченію Грона, верхней Нитры и Вагской Турчанкѣ); Нижнія Татры (между верхнимъ Вагомъ и Грономъ) далѣе такъ наз. горы Гнилецкія (по рѣкѣ Гнилецъ прит. Горнада) и Браниско (между верхнимъ Горнадомъ и Попрадомъ).

Горы четвертой цѣпи ограничиваются на сѣверѣ Грономъ, Солоной и Бодвой; на югѣ Инолей и Римой (главную часть этой цѣпи составляетъ такъ называемое Словацкое Рудогорье).

Наконецъ горы послѣдней—пятой—цѣпи спускаются къ Дунаю и Тисѣ[2].

---

[1]) Жажива на австрійской картѣ 1 : 300000 называется Рѣка.

[2]) Въ обозначеніи карпатскихъ цѣпей я придерживался Ремана, трудъ котораго представляетъ первый солидный опытъ по физической географіи всей Карпатской дуги, а схематическія карты очень наглядны. Въ частности о Словачинѣ много интереснаго въ „Потулкахъ“ *Покорнаго.* Путеводитель *Сламы* (Průvodce po Slovensku) неудовлетворителенъ, но лучшаго нѣтъ. Изъ путеводителей по Татрамъ недуренъ *W. Eljasz,* Illustr. przewodnik do Tatr, Pienin i Szczawnic. О Татрахъ, кромѣ того: *L. Zeiszner,* Tatry polskie. Bibliot. Warsz. 1849, и изданія польскаго татранскаго общества. О трансильванскихъ горахъ наиболѣе свѣдѣній имѣется въ Jahrbuch d. Siebenbürg. Karpatenvereins. Hermannstadt. 15 книжекъ. Въ общемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Карпаты разработаны крайне слабо даже въ географическомъ отношеніи, а въ номенклатурѣ господствуетъ страшная путаница. Примѣры у Ремана, 226 пр. 2. На русскомъ языкѣ можно указать лишь Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства, проф. *А. С. Будиловича.* Изданіе слав. благотв. общества, С.-ПБ. 1886.

Къ востоку отъ Попрада горы постепенно поворачиваютъ на югъ, сохраняя до Черной горы характеръ параллельныхъ цѣпей, понижающихся, по мѣрѣ удаленія отъ центральнаго кряжа и перерѣзанныхъ на обоихъ склонахъ рѣчными долинами. Все это горное пространство носитъ общее названіе Бескида: *западнаго*—до Дунайца, *восточнаго* — до верховьевъ Сана и Ужа, *высокаго лѣсистаго* — до Черной горы. Это же названіе сохраняютъ и отроги горъ, спускающіеся на сѣверѣ къ вислинской долинѣ—всего ниже отъ верховьевъ Сана къ вислинской Вислокѣ. Это—*низкій Бескидъ*, въ отличіе отъ *высокаго лѣсистаго*, вѣрнѣе — полонинскаго Бескида и отъ *широкаго* Бескида, представляющаго спускъ къ Днѣстру (до рѣки Свѣчи).

Юго-восточная часть полонинскмго Бескида уже отъ Стрыя носитъ названіе *Чернаго лѣса*. Онъ оканчивается такъ называемой *Черной горой*, которая въ девяти своихъ вершинахъ представляетъ высшую его точку. Въ южномъ узлѣ ея соединяются цѣпи Буковины, Покутья, Угріи, Трансильваніи и Молдавіи. Этотъ узелъ называется *Разрогомъ* [1]).

Горы полонинскаго Бескида прерываются только разъ разсѣлинами верхняго Прута и Черной Тисы. Это такъ наз. Татарскій путь, идущій по Яблоницкому сѣдлу. Здѣсь же проходитъ старая дорога изъ Коломыи въ Сиготъ—единственная связь между Галичемъ и Мармарошемъ.

Вообще эта часть, вслѣдствіе густоты лѣса, мало доступна и мало населена, только долины рѣкъ, особенно Черемоша (Покутье), представляютъ больше оживленія [2]).

Къ югу отъ Разрога направленіе горныхъ цѣпей измѣняется, и Трансильванія имѣетъ видъ горной трапеціи, которая съ Черной горой соединяется посредствомъ Роднянской цѣпи (между Вишеевой и Самошемъ). Трапеція

---

[1]) Или *Разлогомъ*, какъ въ Старой Планинѣ? По Реману, народъ не знаетъ этого названія, но откуда взялъ его Поль?

[2]) Особенно во время осеннихъ ярмарокъ въ Кутахъ, Коломыѣ и Снятынѣ, когда оживляются и, повидимому, непроходимыя горныя тропинки.

эта въ серединѣ представляетъ горное плато, орошаемое двумя Тырнавами (Кокель, мад. Kükülló). Оно обнаруживаетъ замѣтное пониженіе на западъ и сѣверъ, но рѣки Марошъ и Самошъ связываютъ ее съ угорской равниной.

Эта природная связь имѣла вліяніе и на исторію страны.

Природа Мезесега [1]) степная, но въ мѣстныхъ преданіяхъ твердо держится память о быломъ лѣсномъ богатствѣ края. Лѣса были якобы истреблены кочевыми Мадьярами. Преданію этому, замѣчаетъ Реманъ, не противорѣчатъ данныя метеорологическія [2]).

Восточная сторона трансильванской трапеціи — горы трансильвано-молдавскія — тянется къ югу въ направленіи полонинскаго Бескида. Эта сторона расположена по верховьямъ Мароша и Олуты и состоитъ изъ двухъ цѣпей: Чуглеушско-Чукашской на востокѣ и Гаргиты на западѣ. На сѣверѣ обѣ цѣпи замыкаются Келиманскими горами (къ югу отъ Быстрицы Трансильванской, Дорны, Путны и Молдавы), на югѣ Борзанскими (отъ истоковъ Яломицы до изгиба Олуты къ сѣверу отъ Фогарача).

Южную сторону трапеціи составляютъ горы Фогарачскія (къ востоку отъ Олуты), Цыбинско-вулканскія (между Олутой и Темешемъ; обѣ эти цѣпи называются обыкновенно Трансильванскими Альпами), и наконецъ Банатскія (къ западу отъ Темеша).

Сѣверо-западный отрогъ Цыбинско-вулканской цѣпи составляетъ такъ называемая *Русская пояна*. Марошемъ она отдѣляется отъ горъ Бихарскихъ, составляющихъ западную сторону трансильванской трапеціи.

Мы указали уже на тѣсную связь карпатской дуги съ сербскими горами. Сербскія планины, расположенныя

---

[1]) Такъ называютъ центральное плато Трансильваніи Мадьяры, по румынски Кимпіа или Кампанія, что соотвѣтствуетъ славянскому—поляна. Въ мѣстной формѣ—„пояна“ это названіе дѣйствительно очень распространено въ Трансильваніи.

[2]) *Реманъ*, Карпаты, 634.

между низовьями Моравы и Тимока (съ Голубинье планиной въ центрѣ) представляютъ естественное продолженіе Карпатъ. Не менѣе очевидно связываются онѣ своими названіями. Уже отъ Мармароша *полонины* служатъ все чаще названіемъ высотъ: на правомъ берегу Дуная названіе это повсемѣстно. Мирочъ, Голубинье, Лукавица, Дѣвица-планины — вотъ названія горныхъ цѣпей, занимающихъ пространство между Дунаемъ, южной Моравой и Тимокомъ. На правомъ берегу Тимока планины—Голма-глава и св. Никола связываютъ сербскія горы съ такъ называемой *Старой планиной*, Балканомъ или древнимъ Гемосомъ, который тянется въ видѣ непрерывной цѣпи до самаго Чернаго моря, гдѣ названіе *Эмонъ*, тур. *Эмине*, представляетъ единственное воспоминаніе о древнемъ Гемосѣ [1]. Вѣроятно, классическое названіе и заимствовано отъ этой приморской цѣпи.

Отъ сербскихъ горъ планины тянутся непрерывно далѣе къ юго-западу и югу. Косово- и Овче-поле, на верховьяхъ Ситницы ибарской, болгарской Моравы и Вардара, отдѣляютъ сербо-болгарскія планины отъ Албанскихъ горъ, а Черная гора (къ сѣверу отъ Скопльe), Средорекъ и Славище (къ сѣверу отъ Кратова), Краище (къ сѣверу отъ Кюстендиля) служатъ связью сербскихъ отроговъ Карпата съ центральными узлами Витошъ- и Рила-планина, затѣмъ Старой планиной—на сѣверѣ, Родопой—на югѣ. [2]).

Мы вступили на территорію, до послѣдняго времени остававшуюся совершенно неизвѣстной, не смотря на самую тѣсную связь ея съ классическими преданіями [3]). Мы не

---

[1]) *K. Jireček*, Das Fürstenthum Bulgarien, Wien, 1891, стр. 4.

[2]) Болг. 10-верстная карта *Кривошіева*.

[3]) Такъ наз. Краище—старая граница между Болгаріей и Сербіей—и Кюстендильскій округъ до выхода карты нашего штаба (1884) были terra incognita въ полномъ смыслѣ слова. Граница, опредѣленная берлинскимъ трактатомъ, была чисто идеальная и породила на мѣстѣ цѣлый рядъ недоразумѣній. Даже на картѣ Киперта было обозначено лишь нѣсколько селъ и потоковъ. *K. Jireček*, Cesty po Bulharsku, Praha 1887, стр. 427.

можемъ выключить ее изъ нашего обзора, не только потому, что въ физико-географическомъ отношеніи она представляетъ одно неразрывное цѣлое съ покарпатьемъ, но и потому, что указанное выше своеобразіе славяно-русской вѣтви въ Трансильваніи и древнія историческія судьбы этой страны связываютъ ее самымъ тѣснымъ образомъ съ нижнимъ подунавьемъ. Мы указали уже границу нашей территоріи на югѣ. Въ общемъ она совпадаетъ съ тѣми долинами (по Искру, Стрѣмѣ (Гьёпса), Тунджѣ), которыя на сѣверѣ ограничиваютъ Среднюю гору, лежащую дѣйствительно въ серединѣ между Старой Планиной и долинами Ѳракіи[1]).

Отъ Искра на востокъ (Голѣма- и Мургашъ-планина) тянется цѣпь Старой Планины, представляя до Желѣзныхъ воротъ (по болгарски — Вратникъ) подобіе цѣпи полонинскаго Бескида. Подобіе это усиливается еще лѣсами, покрывающими горы, особенно къ востоку отъ Шипки. За Вратникомъ направленіе горъ измѣняется. Планина здѣсь расширяется, развѣтвляясь вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣсколько цѣпей. Изъ нихъ южная по Камчіѣ оканчивается эмонской планиной, средняя занимаетъ пространство между Чернымъ Ломомъ и Провадіей, а за Шумномъ на сѣв. спускается въ долину Добруджи невысокій Дели-Орманъ[2]).

По природѣ карпато-балканская территорія представляетъ, какъ сказано, большое разнообразіе. Такое же разнообразіе замѣчается и въ составѣ населенія. Сѣверъ, югъ и востокъ нашей территоріи принадлежатъ въ настоящее время славянству. Въ центрѣ видимъ довольно крупный островъ румынскій. На западной окраинѣ Мадьяре; въ сѣверной части территоріи найдемъ не мало точекъ нѣмецкихъ, на югѣ турецкихъ.

Все это, за исключеніемъ Румынъ, представляющихъ и понынѣ историко-этнографическую загадку—наносы; правда, старые; но возникновеніе и образованіе ихъ мы можемъ опредѣлить съ полнѣйшею точностью.

---

[1]) Тамъ же, 226.

[2]) Карта *Кривошіева*. *Иречекъ*, Gesch. d. Bulgaren, 4—12.

И Румыны, связывающіе нашу территорію съ римскими орлами — пришельцы.

Что касается Славянъ, то ихъ мы видимъ здѣсь съ самаго того момента, когда на нашу территорію падаетъ ясный историческій свѣтъ.

Но какъ теперь, такъ и тогда славянство нашей территоріи представляло разнообразныя племенныя группы. Именно на нашу территорію падаютъ тѣ главные племенные рубежи внутри славянства, которые отмѣтилъ еще Іорданъ. Въ настоящее время на ней соприкасаются Рускіе, Поляки, Словаки—на сѣверѣ и сѣверо-западѣ; Болгаре и Сербы—на юго-западѣ, причемъ соприкасаются такъ, что болѣе или менѣе надежное проведеніе рубежей между ними весьма затруднительно. На границѣ, нпр., сербо-болгарской встрѣчаемъ такъ наз. „торлаковъ", говорящихъ на смѣшанномъ сербо-болгарскомъ языкѣ [1]). Почти такое же смѣшеніе встрѣчается и на другихъ границахъ славянскихъ племенъ, особенно на русско-словацкой. Такимъ образомъ, современныя этнографическія данныя нашей территоріи сразу, при первомъ знакомствѣ съ ними, ставятъ вопросъ объ отношеніяхъ племенныхъ группъ. Что вопросъ этотъ можетъ относиться и къ временамъ прошлымъ, указываетъ несомнѣнная древность главныхъ славянскихъ нарѣчій.

Современный составъ языка главныхъ инородческихъ всельниковъ—Румынъ и Мадьяръ—доказываетъ необыкновенно тѣсное взаимодѣйствіе между ними и Славянами [2]). Взаимодѣйствіе это началось опять таки не со вчерашняго дня.

Далѣе, наша территорія во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ слѣды далекой старины въ бытѣ народа, его преданіяхъ и вещественныхъ памятникахъ. Таковы, нпр. окрестности Дупницы въ Болгаріи [3]), и мѣста русско-словенскаго

---

[1]) *Т. Д. Флоринскій*, Лекціи, 379.

[2]) По счету Сигака, славянскіе элементы въ румынскомъ языкѣ составляютъ $^2/_5$, латинскіе $^1/_5$. *Крекъ*, Einleit., 289, пр 2. О славянскихъ элементахъ въ мадьярскомъ языкѣ см. *Миклошичъ*, Slav. Elemente im Magyarischen, Denkschr., XXI.

[3]) *Иречекъ*, Cesty, 447, предполагаетъ здѣсь „нижній Су-

пограничья [1]). Относительно Малой Польши есть памятники и свидѣтельства объ иной древней духовной жизни, чѣмъ теперь.

Далѣе, составъ населенія нашей территоріи представляетъ явные факты самаго страннаго, повидимому, этнографическаго взаимодѣйствія. На Балканахъ Помаки—болгаре-потурченцы, и еще болѣе интересные Гагаусы [2]); въ южныхъ частяхъ бережскаго комитата можно и теперь наблюдать постепенное мадьяреніе Русскихъ. Въ настоящее время насчитываютъ 400 словъ мадьярскихъ въ современномъ языкѣ угроруссовъ, причемъ *50 глаголовъ;* заимствуются мадьярскіе суффиксы, прилагаемые къ славянскимъ словамъ; перенимаются слова, первоначально принятыя Мадьярами отъ Славянъ, но уже, понятно, въ мадьярской формѣ. Такихъ словъ насчитываютъ 14. Наконецъ Русскіе начинаютъ пѣть переводныя мадьярскія пѣсни, причемъ нѣкоторыя мѣста сохраняются въ мадьярскомъ подлинникѣ [3]). Въ Трансильваніи мы имѣемъ несомнѣнные факты

тѣскъ", упоминаемый въ 1019 г. въ числѣ владѣній вельбуждьской епархіи, а въ городищѣ видитъ остатокъ Житомитьска.

[1]) *Кочубинскій*, Рѣчь, 10 слл. *I. Maliak*, Jelšava. Slov. Pohl. 1895, IX. Здѣсь отмѣчаются на верховьяхъ Ольшавы (по мад. Jolsva) древности, б. м., VIII в.

[2]) Гагаусовъ *Иречекъ*, Cesty, 606 слл., считаетъ потомками Половцевъ. Въ ихъ имени видитъ слѣдъ имени Узовъ или Огузовъ.

[3]) *Lad. Csopey*, Ungar. Revue, 1881, 547. Такую пѣсню мнѣ дѣйствительно привелось слышать въ 1892 г. въ окрестностяхъ Мукачева.—Лѣтомъ 1895 я слышалъ, что произношеніе словъ на мадьярскій ладъ слышится уже и въ церкви. „Свѣте тихій" поютъ, якобы, такъ: сете тыши... азъ аподъ чонтя. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности лично провѣрить это сообщеніе. Несомнѣнно только, что мадьяреніе Русскихъ въ южныхъ частяхъ бережской столицы идетъ шибко, и было бы въ высшей степени интересно подслушать звуковыя измѣненія, происходящія при этомъ въ языкѣ. Это, думается, могло бы дать ключъ къ правильному объясненію многихъ мѣстныхъ названій въ Угріи. Совершенно такое же взаимо-

сравнительно недавняго орумыненія какихъ то Славянъ, а въ общинахъ „Чанго“ мы видимъ въ той же Трансильваніи фактъ омадьяренія [1]). Наконецъ, на нашихъ же глазахъ мѣняется и характеръ языка земли: Ясинье становится Körös-Mezö, Червеница — Vörös-Vagar, Яблунь — Nagy-Almas, Дубовинка—Tölgyes-falu, Хижа—Kis-Tarna, Подгорье—Varallya, Вороново—Varannó, Теребишово—Töke-Terebes, Гребля — Felsö-Karaszló, Колодное — Darva или Tökés, Грушево — Körtvelyes и проч. [2]).

И это процессъ не новый, какъ равно происходилъ онъ и происходитъ не въ одной лишь Мадьяріи. Нынѣшняя пестрота балканской номенклатуры представляетъ наилучшее тому доказательство. Къ этому слѣдуетъ прибавить загадочную связь нѣкоторыхъ мѣстныхъ славянскихъ названій съ названіями классической эпохи.

Современный составъ населенія нашей территоріи ставитъ, такимъ образомъ, изслѣдователю цѣлый рядъ вопросовъ, вообще не особенно замѣтно выдвигаемыхъ наукой,

---

дѣйствіе русскаго и польскаго элементовъ слѣдуетъ отмѣтить на русско-польскомъ порубежьѣ. См. *Янчукъ*, Свадьба въ Корницѣ; *М. Томашевска*, Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Cetuli (Яросл. окр. въ Галиціи). Zb. wiad. X. То же на русско-словенской и словенско-моравской границѣ.

[1]) *Aug. Jekelius*, Die Siebendörfer Csangógemeinden, Jahrb. d. Siebenbürg. Karpatenvereins, Hermannstadt, 1895.

[2]) Еще на картѣ австр. штаба въ изданіи 1873 г.—листъ N. 7 (масштабъ 1 : 300000) — на нижней Тереблѣ (мад. Талаборъ) обозначено село Terebla; въ изданіи 1881 Terebla замѣнилась Talaborfalva. Нѣсколько знакомый съ положеніемъ дѣлъ Угорской Руси по личнымъ впечатлѣніямъ, я беру смѣлость *рѣшительно утверждать, что черезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ нынѣшняя сплошная русская территорія Угріи будетъ имѣть такой же видъ, какой имѣетъ теперь Угорская равнина.* Не мало содѣйствуетъ этому и церковная администрація. Налагая на карту пряшевскій и мукачевскій схематизмы, я убѣдился, что карты нерѣдко сообщаютъ только славяно-русскія названія, а схематизмы помѣщаютъ эти названія въ скобки при мадьярскихъ формахъ.

вопросовъ, которые требуютъ непремѣнно живого ознакомленія съ страной и народомъ, а бытъ и преданія народа въ многихъ случаяхъ переносятъ изслѣдователя во времена давно минувшія, связывая современность съ давнопрошедшимъ. Карпатская земля открываетъ передъ изслѣдователемъ исторію воочію, наглядно представляя одну изъ существенныхъ сторонъ исторической жизни народовъ и племенъ: ихъ взаимодѣйствіе другъ на друга и постоянный обмѣнъ между ними. Карпатская территорія необыкновенно ярко представляетъ и результаты этого процесса: ростъ однихъ элементовъ насчетъ другихъ, причемъ, и въ новомъ видѣ, очень ясно и очень долго просвѣчиваетъ старое.

Не на одной карпатской территоріи можно наблюдать подобныя явленія, но нигдѣ въ другомъ мѣстѣ они не обнаруживаются такъ ярко, какъ на территоріи карпатской.

Всего ярче это бросается въ глаза въ мѣстной номенклатурѣ. Въ Трансильваніи, напр., какъ замѣтилъ еще Надеждинъ, почти нѣтъ мѣста съ однимъ именемъ [1]). Кромѣ названій мадьярскихъ и нѣмецкихъ (не говоря о славянскихъ) есть румынскія, причемъ послѣднія очень любопытны. Рѣка Кокель, напр., называется по румынски Тырнава, Клязенбургъ—Клюшъ (Ключъ), Карлсбургъ (мад. Gyula-Fehérvár)—Бѣлградъ. Не меньшее разнообразіе встрѣчается и въ балканской номенклатурѣ: славянскія, румынскія, албанскія, турецкія, греческія, названія съ отголосками классическими.

Такое разнообразіе элементовъ, при давнемъ сожительствѣ, естественно ведетъ къ путаницѣ, и нельзя удивляться, что путаница эта нерѣдко проникала и въ науку. Мы имѣли уже случай упомянуть, что этнографическія фантазіи Венелина были отголоскомъ общихъ представленій угорской науки въ его время. У историка Хорвата, напр., такія фантазіи уживались вмѣстѣ съ несомнѣнно необыкновенной начитанностью, о которой свидѣтельствуетъ цѣлый шкапъ

---

[1]) Опытъ, 544.

его фоліантовъ-выписокъ, хранящихся и теперь въ Пештскомъ музеѣ.

Но если характеръ нашей территоріи обусловливалъ иногда путаницу, то несомнѣнно здѣсь же хранятся богатѣйшіе клады для истинной науки. Съ нашей же территоріей связаны и капитальнѣйшіе вопросы древней исторіи Славянъ и другихъ племенъ, ее занимающихъ. Отважимся коснуться *этнографіи* нашей территоріи. Не дастъ ли она — и въ частности ея отраженіе, *номенклатура* — нѣкоторыхъ указаній на древность?

II.

Когда на нашу территорію падаетъ историческій свѣтъ мы видимъ здѣсь Славянъ. Они занимаютъ ее несомнѣнно съ VI в. Хотя опредѣленіе западной границы Славянъ по тексту Іордана сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, но сопоставленіе его показаній съ свидѣтельствами Византійцевъ не оставляетъ сомнѣнія, что Славяне занимали тогда весь лѣвый берегъ Дуная на всемъ пространствѣ нашей территоріи. Причемъ немалое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что Іорданъ опредѣленно указываетъ среди славянства три главныя племенныя группы: одну къ сѣверу отъ Вислы — Венеды, другую къ востоку отъ Днѣстра — Анты, а отъ Днѣстра на западъ со включеніемъ Дакіи — Славяне. Съ тѣхъ поръ имя Славянъ неразрывно связалось съ карпатской частью нашей территоріи. Что касается Антовъ, то византійскія показанія доводятъ ихъ поселенія до Дуная, обнаруживая ихъ присутствіе даже на правомъ берегу рѣки. Анализъ извѣстій о состояніи Византіи привелъ проф. Дринова къ заключенію о присутствіи Славянъ въ Мизіи уже съ конца V вѣка[1]), а возможность принадлежности Антамъ нижняго подунавья связываетъ эту

---

[1]) *М. С. Дриновъ*, Заселеніе балк. полуострова Славянами, Москва, 1873, гл. 3-я.

часть нашей территоріи съ территоріей восточнаго славянства, совершенно соотвѣтственно съ природой страны.

Еще ярче обнаруживается эта связь въ исторіи позднѣйшихъ вселениковъ. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ обрисовывается славянскій обликъ нашей земли, она начинаетъ испытывать продолжительный приливъ волнъ азіатскаго востока: Обры, Болгары, Угры, Печенѣги, Половцы, наконецъ, Татары. Путь всѣхъ этихъ кочевниковъ опредѣлялся природой. Исторія Печенѣговъ кончается на Вардарѣ, у Ниша, Софіи, въ Могленѣ, на Овечьемъ Полѣ. Исторія Половцевъ кончается въ предѣлахъ Угріи: въ горахъ Матры, на Бодрогѣ, Тисѣ и Дунаѣ. Если мы примемъ во вниманіе, что всѣ эти волны оставляли свой слѣдъ и въ языкѣ земли, что, кромѣ ихъ, мы встрѣчаемся на нашей территоріи, и притомъ какъ въ карпатской, такъ и въ балканской ея части, и съ элементомъ румынскимъ, то станетъ понятно, что начинать номенклатурный анализъ съ этой пестрой смѣси очень неудобно. Мы должны выбрать мѣста болѣе спокойныя, этнографически болѣе однородныя. Такія мѣста представляютъ сѣверо-восточныя части нашей территоріи, сплошь занятыя русскимъ племенемъ, разливающимся затѣмъ на необъятномъ пространствѣ Россіи.

Въ этнографическомъ отношеніи центръ Карпатъ по обѣимъ сторонамъ и понынѣ занятъ племенемъ русскимъ, отроги горъ и охватываемая ими припятская впадина принадлежатъ русскому племени и принадлежали ему все время, сколько помнитъ исторія. Рѣшительно никто не сомнѣвается, что Волынь, напр., представляетъ территорію исконно славянскую; исторія не знаетъ здѣсь какихъ либо этнографическихъ передвиженій, а краніологія открываетъ замѣчательную чистоту типа [1]).

Немалое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что все пространство карпатской территоріи занято однимъ видомъ

---

[1]) Отзывъ проф. Сикорскаго о черепахъ коллекціи проф. Завитневича.

русскаго племени — малорусскимъ или, правильнѣе, южнорусскимъ [1]).

На нашей территоріи мы видимъ этотъ видъ русскаго племени съ начала исторической эпохи. А территорія эта по природнымъ условіямъ несомнѣнно очень важна: это — скатъ припятско-днѣстровскій и вислинско-тисскій. Русское племя переходитъ на западѣ за знаменитыя „угорскія ворота", на сѣверѣ оно держитъ въ своихъ рукахъ верховья притоковъ верхней и средней Вислы. Въ обоихъ этихъ пунктахъ русское племя непосредственно соприкасается съ западнымъ славянствомъ — Словаками и Поляками, причемъ на обоихъ сумежьяхъ видимъ переходные говоры русско-словацкіе и русско-польскіе. Крайніе сѣверо-западные отпрыски нашего племени соприкасаются наконецъ съ такимъ восточно-европейскимъ старожиломъ, какъ Литва. Мы уже упомянули, что именно на территоріи предгорьевъ и крайнихъ с.-в. отроговъ горъ, особенно тѣсно связываются бассейны днѣстровскій съ припатскимъ и вислинскимъ, а далѣе въ низменности припятскій и неманскій. Эта связь бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на карту. Болѣе внимательное ея изученіе открываетъ еще одно обстоятельство. Территорія днѣстровскаго водоската запечатлѣна яркою связью съ окружающимъ его, по всѣмъ сторонамъ, пространствомъ и въ номенклатурѣ. Оба Буга, Стырь и Стрый, Стрипа (лужская) и Стрипы (днѣстровскія); Студянка (Буга, около Устилуга), Студеница (Днѣстра), Студеный (Гнилой Липы), Липа (стырская), Липы (Днѣстра), Липа Лысая (Соба), Дупа (стырская, днѣстровская, Чечвы днѣстровской). Далѣе къ востоку пространство связывается Иквами (верхней Стыри и южнаго Буга); Лугами (западнаго Буга, Днѣстра, Сана), Небольшія Рудни, Зубрянки, Жванчики связываютъ территорію съ русскимъ

---

[1]) Этнографическія карты *Кояловича* въ „Чтеніяхъ" и „Документахъ". Этнографическая карта: „Русь-Украина", изданіе русскаго педагогическаго общества во Львовѣ, 1892. Карта *Чубинскаго,* Труды экспедиціи, VII, 2. С.-ПБ. 1877.

юго-востокомъ, такъ же точно какъ Тысменица (въ лѣтописи Тисмяница) съ Повепріемъ и Угріей (Тысмана). Въ правыхъ притокахъ Сбруча два раза повторяется Самецъ, одноименный съ правымъ притокомъ южнаго Буга и напрашивающійся на сопоставленіе съ угорскимъ Самошемъ.

Юго-востокъ связывается Серетами (на западѣ Серетъ встрѣчается между притоками Альмаша, лѣвый притокъ Самоша) и Солонцами, а также Лопушнами (правый притокъ М. Серета, здѣсь и гора Лопушна; лѣвый притокъ Прута, Лопушанка—правый притокъ верхней Черной Тисы), точно также юго-восточные Еланцы встрѣчаются и въ нижнедунайской территоріи и въ правомъ притокѣ Прута. Борзавы и Борзы связываютъ бассейны Темеша, Тисы, Самоша и Мароша.

На сѣверѣ въ Побужьѣ и Понаревьѣ встрѣчаемъ названія, связывающія эту полосу и съ низью, и съ возвышенностью. Котры (Котеры) и Зелявы связываютъ Побужье съ Понеманьемъ, подобоименныя Орлянкѣ (Нарева) названія встрѣчаются въ названіяхъ возвышенностей русскихъ Тоутръ и Карпатъ, и въ названіяхъ нѣкоторыхъ горныхъ рѣчекъ; Гуечка западно-бужская указываетъ на Гуйву тетеревскую, Полтва (з. Буга) — на Полтву (Нарева), Полкву (Горыни). На наревской Пчелкѣ небольшая возвышенность называется Бабьими горами. Въ топографіи Мазовіи встрѣчаемъ поселенія Ломну, Ломницу, Коломыю, Коломыйку, а въ припятской низи встрѣчаемъ названія Черемошъ (село и болото); Солокія (Буга), Солотва (Любачевки) и Солотвина (Свѣчи днѣстр.), Солотва (Смолки слуцкой), Тысменица Вепря и Днѣстра; Поръ, Вепря и (О)поръ Стрыя. Далѣе названія: Санъ, Саница, Санка (Вислы), Сана (Вислоки) связываютъ повислинскую низменность съ горной территоріей и верховьями Сана, гдѣ названія эти встрѣчаются въ хоро- и топографіи.

Такимъ образомъ, эта территорія этнографически однородная, по природнымъ условіямъ чрезвычайно тѣсно связанная, съ незапамятныхъ временъ славянская (или славяно-

литовская на сѣверѣ, сразу обнаруживаетъ связь и единство въ языкѣ своихъ урочищъ.

Связи эти, согласно съ исторіей и этнографіей, идутъ довольно далеко во всѣ стороны; при чемъ сѣверъ представляетъ почву сравнительно весьма устойчивую въ этнографическомъ отношеніи. Старобытность германскаго славянства (по крайней мѣрѣ, до Одры) далеко не такъ сомнительна, какъ старобытность славянъ на югѣ [1]. На этой именно сравнительно надежной въ этнографическомъ отношеніи почвѣ мы и остановимся прежде всего. Ближайшій интересъ имѣетъ для насъ, конечно, русская ея часть. Къ ней мы присмотримся съ особеннымъ вниманіемъ, не отказываясь, впрочемъ, отъ сопоставленій съ почвой сосѣднихъ Ляховъ, такъ какъ послѣдняя по природѣ однородна, а болѣе раннія столкновенія Ляховъ съ нѣмцами обусловили наличность такихъ извѣстій о ляшской низи, какихъ о нашей не имѣется.

Среди европейскихъ низменностей припятской впадинѣ принадлежитъ первое мѣсто какъ по пространству, такъ и по типическимъ чертамъ. Протяженіе ея съ сѣвера на югъ — отъ верховьевъ Птичи до верховьевъ Случи по прямому направленію — составляетъ болѣе 400 верстъ; съ запада на востокъ, по Припяти, болѣе 600 верстъ; а вся площадь этой впадины занимаетъ 24 тысячи кв. верстъ [2].

Это царство водъ текучихъ и стоячихъ. По мѣткому выраженію Максимова, здѣсь еще не закончился процессъ мірозданія: вода не отдѣлена отъ суши и образуетъ болота и топи, индѣ до сихъ поръ непроходимыя. Одна Припять принимаетъ въ себя 123 рѣки и рѣчки, на всемъ про-

---

[1]) *Кревъ*, Einleit. 256 слл.

[2]) *Столпянскій*, Девять губерній западно-русскаго края, С.-ПБ. 1866, стр. 71.

странствѣ, кромѣ того, множество теряющихся въ болотахъ рѣчекъ, ручьевъ и около 250 озеръ [1]).

Названіе болотныхъ пространствъ *дрягва* или *дрогва* дало имя племени дреговичей или, быть можетъ, вѣрнѣе, дряговичей. Съ этимъ названіемъ встрѣчаемся въ нашей низи, на Балканскомъ полуостровѣ и въ Полабьѣ [2]).

Кромѣ дрягвъ громадныя пространства занимаютъ *ни-мяречи* или *мяречи*, *меречи*, *нѣтры*, *твани*, *виры*. Этнографія бѣлорусская и сѣверно-малорусская разработана очень слабо, и мы не имѣемъ данныхъ, существуютъ ли въ народѣ названія жителей, заимствованныя отъ указанныхъ болотныхъ пространствъ. Несомнѣнно только, что въ топографіи они существуютъ [3]). Но мы имѣемъ упоминаніе о землѣ Moriz съ городомъ Plot въ пожалованіи Оттона I Гавельсбергскому епископству 946 года и думаемъ, что объясненіе В. Богуславскаго (Plot=славянское блото) болѣе чѣмъ вѣроятно [4]). Сюда же относится колѣнное названіе, которое, въ латинскомъ написаніи, встрѣчается въ формахъ: Mortsani, Moraciani, Moroszani, Moritzani, Mrocini, Moresceni, Morozini; жупа Morazena — въ грамотахъ Оттоновъ, у Дитмара, у Герборда и Гельмольда; Morizani—у географа баварскаго, съ 11 городами [5]).

Названіе *Полѣсье* (въ старину земля деревская) указываетъ другую характерную черту пространства. Отъ нея получаетъ свое названіе другое племя—древляне. Полѣсье

---

[1]) На верховьяхъ Буга, Вепря и Припяти Поль насчитываетъ 220 озеръ.

[2]) *Н. Барсовъ* считаетъ это названіе патронимическимъ, Очерки, 84 и прим. 222, ссылаясь, между прочимъ, на Шафарика, Древности, II, 1, 66, гдѣ встрѣчаемъ: вереичи, вязьмичи, низовичи, псковичи и проч. Съ другой стороны, Барсовъ напрасно сближаетъ названія дряговичей съ дорогой. Очерки, 125.

[3]) р. Nietrzyca — въ поморской Кашубіи, упоминается въ документѣ 1436 г. Słown. Geogr.

[4]) *W. Bogusławski*, Dzieje Słowiańsc. półn.-zach., II, 350. Познань, 1889.

[5]) *Шафарикъ*, Древности, II, 3, 141.

можно считать общимъ названіемъ низи. Оно начинается, собственно, къ западу отъ Друти [1]), хотя, обыкновенно, это названіе не относится къ сѣверо-восточной ея части, какъ прежде не относилось сюда названіе „Деревъ“.

Лѣса занимаютъ болѣе $1/3$ пространства [2]). Видомъ лѣса: *боръ*—на сухомъ мѣстѣ; *раменье*—на низменномъ—лѣсъ смѣшанный, чернолѣсье и краснолѣсье; *дуброва*—немѣшанное чернолѣсье, и породой деревьевъ обусловленъ цѣлый рядъ хоро- и топографическихъ названій: *боръ*, борки, боровичи, и проч., *раменье*, ромны; *дубравки*, дубравицы; *березы*, берестья; *ольховки*, ольшанки; *ельни*, ельны и ельцы; наконецъ, отсюда же черни, черскъ, черниговъ (*чернь*—густое непроходимое чернолѣсье), *красные;* а равно цѣлый рядъ названій, связанныхъ съ общимъ словомъ *лѣсъ:* лѣсокъ, лѣски, верхолѣсье; кусты; кустичи, кустовцы.

Нѣкоторыя изъ этихъ названій употреблялись для территоріально-политическихъ обозначеній, напр., юго-славянскій Дубровникъ и сербская жупа Дубрава [3]); другія употребляются досслѣ въ народной этнографіи. У Курпей болотныя пространства называются *бѣли* (по народному произношенію: *бэли*). Отсюда же и этнографическое обозначеніе: *бѣляки* [4]); по нижнему Сану живутъ *боровяки* [5]), названіе, встрѣчающееся и у Кашубовъ [6]).

Мы не знаемъ, какъ древни эти названія, но не имѣемъ основаній считать ихъ недавними, именно вслѣдствіе

---

[1]) *А. Дембовецкій*, Могилевская губернія, I, 182. Могилевъ-на-Днѣпрѣ. 1882.

[2]) Въ Могилевской губерніи 27%; Минской—45; Гродненской—27,5; Волынской—41,9; Кіевской (при половинѣ черноземной)—24,7; наконецъ, въ Черниговской (при $2/5$ черноземной)—19,4. *Л. Н. Майкова*, Отзывъ объ „Очеркахъ“ Барсова. Ж. М. Просв., часть 184, стр. 263.

[3]) *Шафарикъ*, II, 1, 357.

[4]) Wisła, II, 122.

[5]) Zbiór wiad. do antropologii, V.

[6]) *W. Bogusławski*, Dzieje, II, 56.

ихъ естественности и простоты, какъ равно и вслѣдствіе того, что въ отдаленной древности встрѣчаемъ не только названія однородныя, но и ясное сознаніе связи между названіемъ населенія и природнымъ характеромъ занятой имъ земли: „разидошася по земли и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ“. Сообщеніемъ этого факта начинаетъ наша лѣтопись свой разсказъ о Славянахъ; фактъ этотъ сохраняетъ среди славянства полную силу и понынѣ [1]), какъ въ названіяхъ отдѣльныхъ мѣстъ, такъ и въ названіяхъ племенныхъ колѣнъ.

Характеръ природы, такимъ образомъ, ясно, отпечатлѣлся и на названіяхъ народа и на языкѣ земли.

На границѣ нашей лѣсной низи и степи стоитъ Кіевъ. Грозный приказъ Владиміра святого, въ виду войны съ новгородскимъ Ярославомъ: „теребите пути и мосты мостите“, оставался характернымъ выраженіемъ общественныхъ сношеній въ припятской низи до самаго послѣдняго времени. По сообщенію Киркора, „дорога отъ мѣстечка Петрикова въ Мозырскомъ уѣздѣ, проведенная параллельно Припяти до станціи Лыщи, Пинскаго уѣзда, составляетъ 218 верстъ. На ней 47 мостовъ и 83 гати“. Каждая весна и каждая

---

[1]) Довольно подробный перечень современныхъ колѣнныхъ названій по преимуществу польскихъ, отчасти и русскихъ у *И. Карловича*, Imiona plemion i ziem. Pam. fizjogr., II. О характерѣ ихъ можно судить по тому, что изъ 43, приведенныхъ Карловичемъ, 24 чисто топическія: побережцы, подгоряне, подгаляне, подоляне, полѣшуки, пущаки, бабигорцы, черногорцы (т. е. гуцулы Черной Горы) и проч.: 11 названій по случайнымъ примѣтамъ, особенно по костюму: чугайцы, кафтаняки, курпе, керпцари и проч.; а также по выговору: дзуки (?), лемки; 6 неясныхъ: кашубы, мазуры, яхваки, клищаки, бойки, гоги. То же и въ Болгаріи: лужене, планьяни, мраморѣне, забрдене, мокране, добродоляне и проч. *Иречекъ*, Gesch. d. Bulg. 108 пр. 5 и у другихъ Славянъ. См. у *Шафарика*, Перечень народовъ и вѣтвей славянскихъ. Ср. *Г. Иречекъ*, Boh. Topogr. 183. Общій характеръ ихъ тотъ же, что и нынѣ. Соображеніе о древности названія — Полѣшукъ у *Чубинскаго*, Труды этногр. экспедиціи, VII, 2, 456.

осень портитъ эти мосты и гати до такой степени, что нерѣдко прекращается даже почтовое сообщеніе. Неизбѣжность сношеній обусловливаетъ неизбѣжную борьбу съ природой. Какихъ трудовъ стоитъ эта борьба, показываетъ вычисленіе И. Зеленскаго. Въ теченіе 8 лѣтъ потребовалось на починку почтовыхъ, военныхъ и проселочныхъ дорогъ, мостовъ и гатей 820.945 подводъ и 1.228.393 работниковъ [1]).

Какъ извѣстно, рѣшительная борьба съ природой въ этомъ направленіи началась только съ 1873 года (осушка пинскихъ болотъ). Но уже въ началѣ нашей исторіи мы встрѣчаемъ на нашемъ пространствѣ значительные центры, и цѣлый рядъ топографическихъ названій, по преимуществу урочищъ: *гать* (нерѣдко старая и новая), гатище, гатища, гатиски, гатка, гатное, гатское; *мостъ*, мосты, мостокъ, мостищи, мостище; *теребель*, теребища [2]) свидѣтельствуютъ о томъ, что борьба эта началась гораздо раньше, чѣмъ на нее указываютъ историческія свидѣтельства, которыхъ, начиная съ XV вѣка, мы имѣемъ безчисленное множество, а въ числѣ земскихъ чиновниковъ встрѣчаемъ и „мостовничаго". Дѣятельность человѣка отмѣчена еще и другими свидѣтельствами языка земли. Безчисленное множество названій урочищъ, селъ и деревень отъ корня *ляд:* лядина, лядиная, лядины, лядки, лядко, лядо, лядъ, ляды, соотвѣт-

---

[1]) *Живописная Россія*, III, 343, 344.

[2]) См., между прочимъ, Писцовую книгу бывшаго Пинскаго староства, а также Пинскаго и Клецкаго княжествъ (Изданіе Виленской археологической коммиссіи). Заслуживаетъ вниманія описаніе славянской низи у Ибрагима: „вся страна— луга, тростникъ и болото", упоминается и „мостъ изъ дерева длиною въ милю". Извѣстія Аль-Бекри. Зап. Ак. Н., XXXII, стр. 48. О мостахъ въ странѣ Мшки, т. е. польскаго Мешка, Ибрагимъ не упоминаетъ, хотя говоритъ о болотахъ. Однако полагать, что мостовъ тамъ не было, рисковано, и намъ кажется очень сомнительнымъ утвержденіе Садовскаго, Drogi handlowe, Krak. 1876, стр. 6, что мосты на польскихъ болотахъ стали строить впервые при Лешкѣ Черномъ.

ствующихъ выраженіямъ новинѣ или починку, представляетъ весьма яркое свидѣтельство борьбы человѣка съ природой для земледѣлія [1]).

Такое же значеніе имѣетъ и названіе *буда*. Оно распростанено по всей Россіи, въ мѣстахъ болѣе или менѣе сухихъ и лѣсистыхъ [2]). О количествѣ такихъ поселковъ, обозначаемыхъ обыкновенно приложеніемъ отъ сосѣдняго села, могутъ дать представленія предѣлы русской Польши, гдѣ названій: буда (безъ приложенія) — 7; съ приложеніемъ—3; будка—3, будки — 9, буды—19; буды (съ приложеніемъ) — 117; по преимуществу въ губерніяхъ: Варшавской, Калишской, Петроковской, Радомской, Сѣдлецкой, Плоцкой, Ломжинской. Названіе столицы угорскаго государства и распространеніе этого названія па территоріи Угріи [3]) позволяетъ связывать вмѣстѣ за- и предкарпатскія буды. Сюда же относится и чешскій *Будечъ* или *Будочъ*, упоминаемый въ житіи св. Вячеслава, а равно и названія областей и колѣнъ: будняне, будиничи, будимовичи, будетичи [4]). Сюда же относится и тюрингское *Будиско* [5]).

Въ тѣсной связи съ будами находятся *майданы* [6]). Въ восточной Россіи для населенія этихъ мѣстъ существу-

---

[1]) Подробности у *Максимова*, Обитель и житель, *Древняя и Новая Россія*, 1876. II, 138—140.

[2]) Тамъ же 140, примѣч. 12. Ср. также *Г. Перетятковичъ*, Поволжье, 279, 285.

[3]) *I. Skvor*, Ortslex. d. Länder d. Ungarisch Krone, 1876: названій буда 7, но есть: будагаза, будаѳа, будичка и др. Въ Галиціи и Буковинѣ этихъ названій около 20. *Bigo*, Skorowidz, Złoczów, 1886. *Цинбергъ*, Алфавитный указатель населенныхъ мѣстъ Царства Польскаго, Варшава, 1875.

[4]) *Г. Иречекъ*, Boh. Topogr. Въ латинскихъ памятникахъ Будечъ пишется: Budec, Budcea, Budess.

[5]) a. 978 in castello sclavorum quondam Budizco, nunc autem teutonice Grimmerslevo, *В. Богуславскій*, Dzieje II, 204. Ср. множество нынѣшнихъ будискъ и будищъ.

[6]) Въ Привислиньѣ ихъ 110, преимущественно въ Люблинской, отчасти Сѣдлецкой губерніи. Есть и въ Угріи; названіе турецкаго происхожденія, слѣд. сравнительно позднее.

ютъ названія „паны, бутаки, поляки, литва, ягуны", что указываетъ на бѣлоруссовъ [1]).

Другой рядъ названій представляютъ безчисленныя *рудни*, рудки. „Сплошь и рядомъ твани отливаютъ чернымъ или бурымъ съ блестками цвѣтомъ: илъ ихъ проникнутъ закисью желѣза. На сѣверной сторонѣ водораздѣловъ Днѣпра, Двины, Волги эту болотную руду плавятъ въ ручныхъ печкахъ, рѣжутъ на прутья и перековываютъ въ гвозди, прославившіеся подъ именемъ уломскихъ (а вся мѣстность—Желѣзополье). На югѣ отъ водораздѣла, на всемъ протяженіи бѣлорусскаго края такихъ домашнихъ желѣзныхъ заводовъ не существуетъ, но сохраняются сотни селеній подъ названіемъ Рудней. Явленіе это поразительное, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что нѣкогда это были мѣста желѣзной выработки, давно покинутыя и забытыя, такъ какъ полузабыто въ Бѣлоруссіи и употребленіе самого желѣза" [2]).

Съ болотной природой пространства связаны названія: *ржачъ*, ржавы, ржавецъ — отъ болотной или рѣчной ржи или ржавы [3]).

Бѣлорусскій лѣсъ покрываетъ, какъ сказано, всю припятскую впадину. Такой же характеръ сохраняетъ лѣсъ и на лѣвомъ берегу Буга и затѣмъ на югъ въ вислинско-санской низменности по Таневу и Сану до Неполомицкой пущи. На сѣверѣ отъ Подляшья онъ связывается бѣловѣжской пущей съ литовскими. Нѣсколько болѣе приподнятая мѣстность Побужья имѣетъ видъ *болонья* [4]). Что это про-

---

[1]) *Б. Ляпуновъ*, Говоры Лукояновскаго уѣзда, Жив. Стар., 1894, II, 157.

[2]) *Максимовъ*, Обитель и житель, 206. Въ с. Вереснѣ радомысльскаго у. жители и теперь занимаются добываніемъ желѣзной руды и самое село называется также *Рудня*. Геогр. Слов. Семенова. Полную аналогію руднямъ представляютъ позднѣйшія *гуты* или *хуты* (съ нѣмецкаго)—мѣста или слѣды стекляннаго производства, а также *демни* (отс. доменная печь).

[3]) *Голубовскій*, Смоленская з., 5, *Максимовъ*, к. в.

[4]) Названіе это на ляшской землѣ, въ примѣненіи къ жупѣ,

странство въ незапамятное время отвоевано отъ лѣса путемъ будъ и будищъ, доказываетъ многочисленность здѣсь этихъ названій. Такой же характеръ болонья сохраняетъ вся низь, примыкающая къ карпатскимъ отрогамъ на сѣверѣ между Вислой и Одрой. Сравнительно — это сушь, но, напримѣръ, само названіе Калиша свидѣтельствуетъ о болотномъ характерѣ мѣстности [1].

Названія, связанныя съ природой или дѣятельностью человѣка встрѣчаемъ на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи. Берестье, Теребовль – уже въ X в. крупные центры. Ихъ существованіе служитъ ручательствомъ весьма ранняго существованія подобныхъ названій, точнѣе, цѣлаго ряда ихъ, хотя они и не упомянуты въ письменныхъ или другихъ памятникахъ [2]. Что касается названій, связанныхъ съ словами: *руда* и *ржава*, то на всей нашей территоріи разсѣяно безчисленное множество рѣкъ и рѣчекъ, особенно рѣчекъ, съ названіями: рудъ, рудокъ, рудавъ, рудицъ. Изъ связанныхъ съ словомъ ржава упомянемъ: Ржавка (л. пр. Днѣпра и л. пр. Перегонки сожской), Ржавецъ (Ильчи ушской и Пѣны псельской). Вообще незначительность этихъ рѣкъ, особенно Рудокъ, Рудень и пр. можетъ позволять считать названія ихъ позднѣйшими, но не мѣшаетъ замѣтить, что терминъ этотъ старъ [3].

Быть можетъ, такимъ образомъ, не вполнѣ не основательно предположеніе, что картина жизни, какую мы

встрѣчается въ грамотахъ неоднократно: 949 г.—Ploni, 997—Bloni. *Шафарикъ*, II, 3, 144.

[1]) *В. Богуславскій*, Dzieje, II, 274.

[2]) Рядъ подобныхъ названій на западно-славянской землѣ по документамъ X — XI вѣковъ, см. у *В. Богуславскаго*, II, 288—289. *Г. Иречка*, Antiquae Bohemiae topogr. hist., Прага, 1893. Въ Угріи сюда относятся названія Terebö, Terebes. Перечень другихъ у *Барсова*, Матеріалы, 5. Названіе отъ слова боръ, стр. 12; въ лѣтописяхъ упоминается въ XII вѣкѣ; отъ слова дубъ, стр. 69 и друг.

[3]) *Г. Иречекъ*, к. в., 127.

можемъ въ точности прослѣдить на русской почвѣ, особенно на востокѣ, еще въ XVII—XVIII вѣкахъ, открывается по отрывочнымъ указаніямъ документовъ на западнославянской почвѣ съ самаго начала исторической эпохи. Можно ли запрещать изслѣдователю примѣнять аналогію въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама предлагается очевиднымъ смысломъ явленій? На востокѣ незамѣтный Починокъ выросъ до города (теперь заштатный Лукояновскаго уѣзда на рѣкѣ Руднѣ), на западѣ Буда, благодаря счастливому положенію, остается столицей и все болѣе процвѣтаетъ. Такимъ образомъ, названіе это органически связываетъ современность съ такой отдаленной древностью, картина которой можетъ быть раскрыта только соединенными усиліями этнографіи, археологіи и исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится несомнѣннымъ, что изученіе исторіи народа должно начинаться съ изученія географической карты его территоріи, не только для уразумѣнія природныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ развивается быть народа, но и для уразумѣнія древнѣйшей лѣтописи страны, начертанной въ языкѣ земли.

Присмотримся же къ этому языку поближе, обращая главное вниманіе на названія рѣкъ, какъ извѣстно, наиболѣе устойчивыя.

III.

Развернемъ карту прилегающей на сѣверѣ къ Карпатамъ низи [1]). Мы указали уже, что по этнографической устойчивости эта территорія представляетъ наиболѣе удобства для номенклатурнаго анализа. По природѣ она до-

---

[1]) Пространство отъ Днѣпра до Одры между 50° и 53° с. ш. Карта вѣнскаго геогр. института, масшт. 1 : 200000. Нѣкоторыя названія, казавшіяся мнѣ сомнительными въ нѣмецкомъ написаніи, я провѣрялъ по нашей десятиверстной. По картѣ выбраны названія рѣкъ. Для урочищъ: Писц. кн. пинскаго староства, пинскаго и клецкаго княжествъ, гродненской

вольно однородна. Къ западу отъ Буга до самой Одры лежитъ болонье, но и на немъ встрѣчаются мѣста, въ малыхъ размѣрахъ напоминающія поприпятье,—такова, напр., низменность нижняго Сана и отчасти Варты. Отмѣтимъ названія рѣкъ и связанныя съ ними названія поселеній.

I. *Береза*, Березина (Днѣпра, Немана), Бересть (Переросли), Берестокъ (Уборти), Берестова (Талицы), Берестовичанка (Свислочи нем.) и множество мелкихъ рѣчекъ: Березовокъ, Березянокъ, Березовцевъ. Урочч.: береза, березовый грудъ, березечье, березецкая, березники, березничье, березнище, березное, березовое болото; поселл.: берестяны, березня, березце, березяны и проч. Въ русской Польшѣ 210 названій.

Бобръ (Нарева, Березины днѣпр.), Боберъ (Случи), Бобрикъ (два Припяти, Уша), Бобрица (Ирпени), Бобровка (Тетерева), Бобра (Одры), Бобрава съ Бобравкой (Шварцавы). Урочч.: бобровые мосты, бобровая струга, бобровчизна; поселл.: одноименныя съ рѣками, бобровичи, бобриковичи. Въ р. Польшѣ 32 поселенія.

экономіи; Ревизія кобринской экономіи, Ревизія пущъ и переходовъ. Для поселеній: указатели къ изданію Źródła dziejowe, XIII, XV, XIX, XXI и польскій географическій словарь. Правда, въ немъ сплошь и рядомъ—полонизованныя формы, но, во всякомъ случаѣ, этотъ словарь представляетъ пока единственный въ своемъ родѣ трудъ въ славянской географической литературѣ. Онъ, конечно, не полонъ, но въ этомъ отношеніи его нельзя и сравнивать съ нашимъ словаремъ П. Семенова. По польскому словарю можно въ извѣстной мѣрѣ опредѣлить степень распространенности названія и мѣсто, гдѣ оно встрѣчается по преимуществу. Для болѣе нагляднаго представленія о распространенности названій одно-или явно подобоименныхъ съ рѣками въ топографіи, я указываю ихъ число въ руской Польшѣ по списку поселеній *Цинберга*, Варш. 1875 — 77. Именно эта территорія находится какъ разъ въ серединѣ нашего пространства. Оговариваюсь, что подъ подобоименными названіями, я разумѣю такія, связь которыхъ не внушаетъ никакихъ сомнѣній. Сомнительныя въ малѣйшей степени не считаны, такъ что цыфры представляютъ minimum.

Болотня (Тетерева), Болотница (Славечны), Болотянка или Болочанка (Свислочи берез.), Блотница (Вислы). Урочч.: болота, болото, болотники, болотце; поселл.: болотковцы, болотчане. Въ р. Польшѣ 13 поселеній [1]).

Боровая (Березины днѣпр.), Боруча (Цѣнки наревск.), Въ топографіи названія повсемѣстны. Въ р. Польшѣ 234.

Боярка (Уборти). Урочище бояры въ Полѣсьѣ. Въ р. Польшѣ 9 поселеній [2]).

Брень (Вислы, Вислоки висл.), Брыница (Вислы, черной Пржемши, Одры), Бржиничка (Ниды). Въ Полѣсьѣ урочч.: бронь, бронское, бронины. Б. м. сюда же относятся поселенія: браневъ, браневцы. Въ русской Польшѣ 6 браницъ; бреница, браневъ, браневка [3]).

Бродъ (Припяти, Наровли прип.), Бродокъ (Гривды), Бродецъ (Уша), Бродница (Щары); много мелкихъ рѣчекъ и ручьевъ. Урочч.: бродки, бродокъ, бродище, бродннще, бродскій лѣсъ. Въ р. Польшѣ 49 поселеній [4]).

Буча (Звиздаля, Ирпени, Днѣпра), Бучна (Бучи ирпенск.), Бучинка или Стердынка (з. Буга). Урочч.: бучково, бучковчизна; поселл.: бучъ, бучинъ, бучкевичи, бучни. Въ р. Польшѣ 18 поселеній.

Бѣгунка (Уборти), Бѣжуница (Птича). Урочч.: бѣгань, бѣганка, бѣгловка. Въ р. Польшѣ 3 бѣганова; бѣганьщизна, бѣгловъ.

Вербка (Случи). Урочч.: верба, вербенка, вербка, вербковчизна, вербовая, вербовка, вербье; поселл.: верба, вербаевъ, вербичи, вербично, вербечъ. Въ р. Польшѣ 58 поселеній.

---

[1]) Въ прусск. Польшѣ: Blottnitz, Blatnick, Blotto, Blottobruch. Въ п. разнорѣчіяхъ—бото и бвото. Въ Лужицахъ громадное багно 7 м. длины $1\frac{1}{2}$ мили ширины, по нѣм. Spreewald. Słown. geogr.

[2]) Изъ нихъ 8 въ Сувалкск., 1 въ Любл. губ.

[3]) Б. м. сюда же относятся: Бранка (Вислы), Бронка (Молодой уборт.).

[4]) О значеніи бродовъ въ общественныхъ сношеніяхъ древности. *Садовскій*, Drogi handlowe, 4, 11.

Виръ (Сейма), Вирокъ (Стыри), Вирка (Горыни, Бобра, ю. Случи). Урочч.: виръ, вирки. Въ р. Польшѣ 4 поселенія: виръ, виры.

Возъня (Ирши тетер.). Урочч.: возъ, возница, возничая. Въ р. Польшѣ 7 возниковъ; возна.

Волчанка (Березины днѣпр.). Урочч.: волчій бродъ, волчиновичи, волчичи, волчьи кучки, волчья верета, яма, голя, долина; поселл.: волковичи, волковинчи, волковыя. Въ р. Польшѣ: волковъ, волковяны, волковые, волковизна и 60 названій отъ слова: вилькъ.

Вишня (Лѣсны бужск.). Урочч.: вишенки, вишневичи, вишнево, вишневье; поселл.: вишнево, вишневецъ и проч. Въ р. Польшѣ 17 поселеній.

Выдрица (Березины днѣпр.). Уроч. выдерка въ Кобринской пущѣ. Въ р. Польшѣ 6 поселеній.

Вязовица (Суши ольсинск.). Урочч.: вязъ, вязь, вязье, вязовецъ, вязовня, вязовъ лугъ. Въ р. Польшѣ 3 поселенія.

Глуховка (Тетерева). Урочч.: глуша, глушица, глушь; поселл.: глухи, глуховъ, глуховичи. Въ р. Польшѣ 14 поселеній.

Гнилая, гнила, гнилица, гниленька, гнилыя воды. Названія в. распространенныя: въ польскомъ геогр. словарѣ приведено около 20 рѣкъ и рѣчекъ [1]).

Городечна (Мухавца). О распространенности этихъ названій въ топографіи нечего и говорить. Въ р. Польшѣ однихъ грудковъ 18, а гродзискъ 21.

Грабица (Древенцы), Грабя (Видавки), Грабовица (Нератовки). Урочч.: грабинка, грабовецъ, грабовка, грабовъ, грабъ. Въ поселеніяхъ в. часто. Въ р. Польшѣ 178.

Гребля (Ирпени). Урочч.: греблица, греблище; поселл.: гребля ст. и нов. Въ р. Польшѣ 8 поселеній.

Грезля (Друти, Уша), Грузка (въ гродн. экономіи). Урочч.: грузкій бродъ, грузкое болото, грузкая лоза, грузкій

---

[1]) Въ указателѣ нѣтъ ни gnił, ни hnił; есть 2: zgniła struga, zgniły głuszyn, и 10 названій (гной).

мохъ, грузка; поселл. грузовица; въ р. Польшѣ грузке (т. е. грузкое), Gręzów, Gręzówka — всѣ въ Сѣдлецкой губерніи.

Гусь (Ствиги), Гуска (Горыни). Урочч.: гусаковщизна, гусаковское поле; поселл.: гусаки. Въ р Польшѣ 49 поселеній.

Гутка (Друти, Ниды). Урочч.: гутковчизна, гутовская дорога. Въ р. Польшѣ 111; изъ нихъ половина съ приложеніями отъ сосѣднихъ селъ.

Деревенка (Свини ратск.), Деревнянка (Лахозвы), Деревичка (Случи), Држивичка (Пилицы), Деревянчица (Щары). Поселл.: деревчинъ, деревячна, деревяне, деревичи, деревичка, деревное. Въ р. Польшѣ 26 поселеній.

Долгая, Длуга (Зонзы наревск.). Множество урочч., какъ безъ приложенія, такъ съ приложеніями: берва, береста, верета, нива, бродъ, лугъ, струга, лѣсокъ, островъ, гаище, оступъ, кутъ. Въ р. Польшѣ больше 30 поселеній.

Добра (Конопельки стырск.). Добрица (Олы берез. днѣпр.), Добрынь (Сожа), Добринка (Ирши), Добржица (Радомки), Добржинка (Нера). Въ урочч. и поселл. очень часто, особенно съ приложеніями: воля, нива, вода и проч. Въ р. Польшѣ 79 названій.

Дубовка (Зельвы нем., Немана, ю. Случи), Дубецъ (Тни слуцк.), Дубовица (въ кобр. эконом.), Дамбиница (въ бас. Одры). Урочч.: дубовое, дубники и проч., особенно съ приложеніями: лѣсъ, лугъ, островъ, рогъ, чертежъ, колода, межа, долина. Въ р. Польшѣ 180 названій.

Дупа (Стыри), Дуполка (Орессы). Уроч.: дуплище. Въ р. Польшѣ 4: дупице, дуплице, дуплевице.

Ельня (Немана, Сожа, Берез[illegible] (Беседи, Наревки), Ельна (въ грод[illegible] ники, ельная или ель[illegible]

Жебровка (П[illegible] ры 25, по пре[illegible] Плоцкой губ. [1]).

---

[1]) Поч[illegible] огда

Жердянка (Березины дп.). Въ р. Польшѣ 3 названія: жердзь и жердзина.

Житенка (Свислочи берез.). Урочч.: житица, житновка, житовщизна. Въ р. Польшѣ 6 названій.

Звлеча (Пилицы), на ней одноименное село.

Злобичъ (Ирши тетер.). Уроч.: Зловецъ. Въ р. Польшѣ с. Злобница.

Каменка (з. Буга, Уборти, Уша, Тетерева, Ирпени, Вислы), Камень (болотная рч. около верх. Ствиги), Каменица (Бзуры). Урочч.: камень, каменица, каменка, каменное озеро, каменный дубъ. Въ топографіи повсемѣстно. Въ р. Польшѣ 149 названій.

Кіянка (Рокача ирп.), Кіянка (у Кіева на Кожемякахъ). Урочч.: кій, кіяница. Въ р. Польшѣ 15 названій: кій, кіяны, кіе, кіевецъ, кіевице.

Козка и Козичанка или Сивка (Ирпени). Урочч.: козій лѣсъ, козинъ лугъ, козица, козловичи; поселл.: козлинъ, козлиничи, козлинка, козловъ. Въ р. Польшѣ 117 названій.

Колодна (Орессы), Клодавица или Ргилевка (Варты). Уроч.: колода, колодицкое, колодежинскій островъ; поселл.: колода, колодна, колодно, колодѣи, колодежа, колодежно. Въ р. Польшѣ 12 названій [1]).

Комаръ (Свидра), Комарна (ю. Случи), Комаровка (Птича); оз. Комаръ въ Кіевск. у. Урочч.: комарка, комаровка, комаровъ лѣсъ и коморовка, коморы; поселл.: комаровъ, комаровка, комаринъ и коморовцы, коморовка [2]). Въ р. Польшѣ 29 названій.

Конопля или Копопелька (Стыри), Конопчанка (въ прусск. Мазовіи). Урочч.: коноплище, конопляное болото. Въ р. Польшѣ 23 названія.

---

marcisze, falbogi, taraty, włosty, perossy, ch[illegible]dek, pieczy-
[illegible]erzchl[illegible] żabin.

[illegible]гли обозначать какъ склады строительнаго [illegible]ѣба, ибо колода (kłoda) обозначала извѣст-

[illegible]рахъ здѣсь чаще *o*, чѣмъ *a*. Słown. geogr.

мохъ, грузка; поселл. грузовица; въ р. Польшѣ грузке (т. е. грузкое), Grezów, Grezówka — всѣ въ Сѣдлецкой губерніи.

Гусь (Ствиги), Гуска (Горыни). Урочч.: гусаковщизна, гусаковское поле; поселл.: гусаки. Въ р Польшѣ 49 поселеній.

Гутка (Друти, Ниды). Урочч.: гутковчизна, гутовская дорога. Въ р. Польшѣ 111; изъ нихъ половина съ приложеніями отъ сосѣднихъ селъ.

Деревенка (Свинн ратск.), Деревнянка (Лахозвы), Деревичка (Случи), Држевичка (Пилицы), Деревянчица (Щары). Поселл.: деревчинъ, деревячна, деревяне, деревичи, деревичка, деревное. Въ р. Польшѣ 26 поселеній.

Долгая, Длуга (Зонзы наревск.). Множество урочч., какъ безъ приложенія, такъ съ приложеніями: берва, береста, верета, нива, бродъ, лугъ, струга, лѣсокъ, островъ, гакще, оступъ, кутъ. Въ р. Польшѣ больше 30 поселеній.

Добра (Конопельки стырск.). Добрица (Олы берез. днѣпр.), Добрынь (Сожа), Добринка (Ирши), Добржица (Радомки), Добржинка (Нера). Въ урочч. и поселл. очень часто, особенно съ приложеніями: воля, нива, вода и проч. Въ р. Польшѣ 79 названій.

Дубовка (Зельвы нем., Немана, ю. Случи), Дубецъ (Тни слуцк.), Дубовица (въ кобр. эконом.), Дамбиница (въ бас. Одры). Урочч.: дубовое, дубники и проч., особенно съ приложеніями: лѣсъ, лугъ, островъ, рогъ, чертежъ, колода, межа, долина. Въ р. Польшѣ 180 названій.

Дупа (Стыри), Дуполка (Орессы). Уроч.: дуплище. Въ р. Польшѣ 4: дупице, дуплице, дуплевице.

Ельня (Немана, Сожа, Березины дн.), Еленка (Беседи, Наревки), Ельна (въ гродн. экон.). Урочч.: ель, ельники, ельная или елья гряда. Въ р. Польшѣ 21 названіе.

Жебровка (Пилицы). Въ р. Польшѣ поселеній Жебры 25, по преимуществу въ Ломжинской, отчасти Плоцкой губ. [1]).

[1]) Почти всѣ съ приложеніями, иногда интересными:

Жердянка (Березины дн.). Въ р. Польшѣ 3 названія: жердзь и жердзина.

Житенка (Свислочи берез.). Урочч.: житица, житновка, житовщизна. Въ р. Польшѣ 6 названій.

Звлеча (Пилицы), на ней одноименное село.

Злобичъ (Ирши тетер.). Уроч.: Зловецъ. Въ р. Польшѣ с. Злобница.

Каменка (з. Буга, Уборти, Уша, Тетерева, Ирпени, Вислы), Камень (болотная рч. около верх. Ствиги), Каменица (Бзуры). Урочч.: камень, каменица, каменка, каменное озеро, каменный дубъ. Въ топографіи повсемѣстно. Въ р. Польшѣ 149 названій.

Кіянка (Рокача ирп.), Кіянка (у Кіева на Кожемякахъ). Урочч.: кій, кіяница. Въ р. Польшѣ 15 названій: кій, кіяны, кіе, кіевецъ, кіевице.

Козка и Козичанка или Сивка (Ирпени). Урочч.: козій лѣсъ, козинъ лугъ, козица, козловичи; поселл.: козлинъ, козлиничи, козлинка, козловъ. Въ р. Польшѣ 117 названій.

Колодна (Орессы), Клодавица или Ргилевка (Варты). Уроч.: колода, колодицкое, колодежинскій островъ; поселл.: колода, колодна, колодно, колодѣи, колодежа, колодежно. Въ р. Польшѣ 12 названій [1]).

Комаръ (Свидра), Комарна (ю. Случи), Комаровка (Птича); оз. Комаръ въ Кіевск. у. Урочч.: комарка, комаровка, комаровъ лѣсъ и коморовка, коморы; поселл.: комаровъ, комаровка, комаринъ и коморовцы, коморовка [2]). Въ р. Польшѣ 29 названій.

Конопля или Конопелька (Стыри), Конопчанка (въ прусск. Мазовіи). Урочч.: коноплище, конопляное болото. Въ р. Польшѣ 23 названія.

---

kordy, marcisze, falbogi, taraty, włosty, perossy, chudek, pieczyska, wierzchlas, żabin.

[1]) Названія могли обозначать какъ склады строительнаго матеріала, такъ и хлѣба, ибо колода (kłoda) обозначала извѣстную мѣру.

[2]) Въ п. говорахъ здѣсь чаще *о*, чѣмъ *а*. Słown. geogr.

Копанецъ (Моствы ствижск.), Копане или Копанце оз. Сувалкск. губ. Урочч.: копа, копаная, копаная дуброва, лѣсъ, островъ, копань, копанье; поселл.: копановцы, копачевка. Въ р. Польшѣ 29 названій.

Коростынка (болотн. рч. около Уборти, другая изъ оз. Любань). Урочч.: коростовое, коростель; поселл.: коростъ, коростова, коростовичи, коростятинъ, коростовцы, коростень. Въ р. Польшѣ: корощинъ и 6 названій отъ слова костржинъ.

Корытка (Окржейки висл.), Корытна (Тростяница), Корытница (Жебровки), Корытницкій потокъ (Солокіи или Рѣчицы солокійской). Урочч.: корытновая погоня, корытница, корытица; поселл.: корыты, корытна, корытно, корытница. Въ р. Польшѣ 31 названіе [1]).

Красная (Днѣпра, Птича), Краснянка (ю. Буга), Красова или Лосоня (Видавки), Красное или Святое озеро въ игуменскомъ и сейненскомъ у. Урочч. множество, между прочимъ, съ приложеніями: долина, болото, дорога, берегъ, лѣсъ, островъ и проч. Въ р. Польшѣ 92 названія.

Кривалъ (ю. Случи). Урочч. безчисленны, а равно съ приложеніями: береза, борозда, груша, мутвица, нива, площа, подоплица, поросль; кривица, кривуни, кривлы, кривцовщизна, кривче, кривчичи и проч. Въ р. Польшѣ 34 названія.

Крикуха (ю. Случи). Уроч.: кричевка; поселл.: кричевско. Въ р. Польшѣ 12 названій [2]).

Кремна (Жерева ушск., Зельвы, Вислоки). Урочч.: кременка, кременица; поселл.: кременецъ, кременна, кременча. Въ р. Польшѣ 8 названій.

Кропивна или Крапивна (Березины днѣпр., Корчика слуцк., Днѣпра, 2 Тетерева, Виліи тетер.), Кропивница (Колоной, Ямницы просн.), Копрживянка (Вислы). Урочч.:

---

[1]) По замѣчанію Słown. geogr. прилагается по преимуществу къ поселеніямъ на высокихъ берегахъ рѣкъ.

[2]) Эти названія оставляю подъ сомнѣніемъ, ибо у насъ Кричевъ нерѣдко сокращеніе: Кривичевъ.

кропивная, кропивица; с. кропиковское. Въ р. Польшѣ: 1 копрживна и 18 покржывенъ и покржывницъ.

Кузничка (Каменки висл., Иліи ушск.). Уроч. кузнецкое поле близъ Пинска. Въ р. Польшѣ 56 названій.

Лозница (Уша). Урочч.: лоза, лозы, лозки, лозницкая нива, лозичи, лозовка, лозь; поселл.: лоза, лозова, лозовикъ, лозовникъ. Въ р. Польшѣ всего 2: лозы и лозовникишки.

Лубня (Припяти), Лубянка или Щарбежъ (ю. Случи), оз. Лубянское въ бобруйск. у. Урочч.: лубовъ лѣсъ, лубовчина. Въ р. Польшѣ 29 названій.

Лугъ или Луга (з. Буга, Днѣстра), Лужица (Просны). Урочч.: лугъ, лужки, лужокъ, лужное. Повсемѣстно. Въ р. Польшѣ больше 100 названій, причемъ больше 30 łęg'овъ.

Лукавецъ (Уборти), Лукавица (Сломки), Луковка (Черной висл.), Лучица (Здвижа). Урочч.: лука, лучки, лучный лѣсъ, островъ; поселл.: лука, луцкъ, лучки. Въ р. Польшѣ 25 названій, считая только: лукава, лукавецъ, лукавица, лукавка, луковъ, луковецъ и луковиско.

Любень (болотн. рч. ок. Славечны), Любенецъ (Прирубицы), Любинка (Припяти), Любица (Олы берез. дн.). Урочч.: любель, любелянка, любень, любица, любковичи и проч.; поселл.: любецкое, любичевъ, люблинъ, люботинъ и проч. Въ р. Польшѣ 85 названій.

Лѣнива (Радомки), Лѣнивка (Полонки стыр.). Въ р. Польшѣ 4 поселенія.

Лѣсная или Лѣсна (з. Буга, Лѣсны, Тетерева, Солы висл.), Лѣсница [1]), (Жерева, Уша). Урочч.: лѣсъ повсемѣстно, иногда съ приложеніемъ: хрустъ, нива, островъ. Въ р. Польщѣ 66 поселеній.

Млака (Любачевки, Бржазы). Сюда же вѣроятно: Млечна (Пачинки, Радомки), Млечка съ Млечкой (Вислоки) [2]).

---

[1]) На картѣ Лѣзница, но подобоименныхъ урочищъ я не нашелъ.

[2]) Всѣ въ мѣстностяхъ низменно-лѣсистыхъ. Воды такихъ рѣкъ обыкновенно не бываютъ бѣлыя.

Подобныхъ названій въ припятской низинѣ, за исключеніемъ оз. Млечно (ровн. у., ломинскому), нѣтъ, если не относить сюда Молотовки, Мышанки (Нарев.).

Млынъ. Млынокъ (Мухавца, Припяти, Птичи), Мельница (Горыни). Урочч.: млынъ, млынище; посел.: млыново, млыновица. Въ р. Польшѣ 95 поселеній.

Могильна (Молодой уборти, Тетерева), Могилянка (Уши, Мышанки), Могилевка (р. Случи), Могильница (на нѣм. картѣ Мохельбахъ, Моравки остров.). Названіе в. распространено въ урочч.: могила, могилица, могиличи, могилища, могильники, могильница. Въ поселеніяхъ не такъ часто. Въ р. Польшѣ 9 названій.

Модржевица (Нилянки висл.). Въ р. Польшѣ 14 поселеній.

Молодая (Уборти). Молодянка (Борчика). Урочч.: молодово, молодые, молодильчичи, молодовичи, молодатины. То же и посел. Въ р. Польшѣ 26 названій.

Морава или Мурава (Болотни тетер.). Урочч.: мурава, муравное, муравъ и морава, моравень, моравинецъ, моравища, моравье. Въ р. Польшѣ 6 названій (мор.), 16 (мур.).

Морочъ (с. Случи, въ бас. Сейма), Морочна (въ Пинщинѣ), здѣсь же болото Морочно, Мvolume Мечанка (Немана). Урочч. и посел.: морочная, морочно [1]). Въ р. Польшѣ лишь Морочинъ въ Любл. губ., но 13 названій: мочалецъ, мочидла [2]).

Мощаница (Норыни, Бзуры висл., Солы), Мощунка (Ирпени), Мощана (Муранки). Урочч.: мостъ, мосты, мостище, мостки, мостовка, мощь; посел.: мощаница, мощеница, мощона. Въ р. Польшѣ 4 названія.

Мулава (Кросны); с. мулы Сувалкск. губ.

---

[1]) Вѣроятно сюда же относится с. Moryczowcze, Źródła XIX.

[2]) Терминъ этотъ не чуждъ и русской низи: урочч.—мочалища, мочилища, мочельница, мочулище.

Мутвица (Ствиги, Уборти, Выжевки, Берести). Урочч.: мутвица, мутвище, мутвичище. Въ р. Польшѣ 2 поселенія: мутвица и мотвица—обѣ въ Сѣдл. губ.

Муховецъ (з. Буга, Хоморы, Неруча) [1].

Недзвяда (Олобока просн.). Урочч.: медвѣжье, медвѣдное поле, медвѣдскій боръ и проч. Въ р. Польшѣ 23 поселенія.

Ольховка (ю. Случи), Олешня (Уша), Ольшаница (с. Случи). Урочч.: ольховичи, ольшаное, ольшевица; поселл.: ольховецъ, ольшаница и проч. Въ р. Польшѣ 112 поселеній.

Орлица и Орлянка (Нарева), Орля (Зызгулянки). Урочч.: орло, орлы, орловчизна. Въ р. Польшѣ 28 поселеній.

Осовикъ (Выжевки), Осовецъ (Уборти). Урочч.: осовое, осовка, осовицкая стежка. Въ р. Польшѣ 17 поселеній [2].

Островска (Просны). Урочч.: островецъ, островки, островянка, островчизна; поселл.: островъ, островчинцы. Въ р. Польшѣ 104 названія.

Переволока (Зельвы нем.). Урочч.: переволока у Набля и два переволочья. Въ р. Польшѣ 2 названія.

Перерослъ (Ствиги). Въ р. Польшѣ 2 Пржеросли [3].

Пересѣка (Суши ольс.). Урочч.: пересѣка, пересѣчное, пересѣчный бродъ.

Пещанка (Руднянки днѣпр.), *Песковка* (Тетерева), Пясечна (Свидра). Сюда же вѣроятно—Пищанка (Кросны), вел. Пища (Лѣсны), оз. великое Пищанское. Урочч.: пещанье, пещанецъ, пещаница, пещаная нива, бродъ и проч., пищанка, пищики. Въ р. Польшѣ 6 (пища), 95 (пясекъ).

---

[1]) Если въ связи съ *мохъ*, то в. часто и въ урочищахъ, и въ поселеніяхъ.

[2]) Въ счетѣ названія только съ однимъ *с*. Съ двумя 33 поселенія.

[3]) Въ урочч. часто: поросль, поросли, порослище.

Пустоха (Гуйвы тетер.). Урочч.: пустое приселенье, пустой уголъ. Въ р. Польшѣ 32 названія.

Пчелка (Наревка). Въ р. Польшѣ 6 названій [1]).

Раковъ (Лютяжи, по польски Luciąża). Урочч.: раковище, раковчизна, раковъ лѣсъ, ракиничъ. Въ р. Польшѣ 33 названія.

Ржавка (Днѣпра, Перегонки), Ржавецъ (Ильчи ушск., Пѣвы псельск.) [2]).

Рокитна или Ракитна (Пилицы). Урочч.: рокитица, рокитанка, рокитенецъ, рокитники, рокитовецъ, рокитье. Въ р. Польшѣ 22 названія.

Руда (Горыни, Хоморы), Рудка (Кросны), Рудица (Дзвѣи ушск.), Рудавка (Нарева, Ильчи ушск.), Рудиянка (Березины дн.), Рудава, Рудно или Рудна (Вислы), Рудчанка (въ гродн. экономіи). Урочч.: рядъ одноименныхъ и: рудковчизна, рудникъ, рудское болото. Въ р. Польшѣ 120 поселеній.

Рѣчица (рукавъ Припяти и нижн. Горыни). Урочч.: рѣчка, рѣчное болото. Въ р. Польшѣ 23 названія.

Садковка (Варты). Урочч.: садки, садковка, сады, садокъ, садковчизна. Въ р. Польшѣ 27 поселеній.

Свидовка (Уборти, Корчика), Свидница или Солотва, Солотвина (въ Любачевск. окр.), Свидницка вода (Выстрицы въ Слезіи), оз. Свидно въ хойницк. окр. Въ топогр. оч. часто: свидово, свидно, свидня, свидники, свидень. Сюда же, вѣроятно, и Свѣдь (Березины дн.).

Свинка (въ Пинщинѣ), Свиноводы (Припяти). Урочч.: свинья, свиньинъ островъ, свиныя горки. Въ р. Польшѣ 30 поселеній.

Святица (Олы берез. дн.), Свентецъ (въ бас. Варты). Уроч.: съ приложеніями — борокъ, дорога, стежка, озеро. Въ р. Польшѣ около 30 названій.

---

[1]) Причемъ характерныя: pszczółki-czubaki, szerszenie.

[2]) О связи названія съ природой было сказано выше. У Семенова показаны Ржава, 2 Ржавца, Ржевъ. На занимающей насъ территоріи названія сомнительны. Относятся ли сюда Ружъ (2 Нарева), Ружецъ (Дрвенцы), Рузянка (Зельвянки)? О наревскомъ Ружѣ извѣстно, что долина его болотная.

Ситна (Кодры тетер.), Ситенка (Припяти). Уроч.: ситное, ситица, ситче; поселл.: ситень, ситня воля, ситневцы. Въ р. Польшѣ 15 поселеній.

Слупянка (Свислины — въ бас. Вислы). Уроч.: слупецъ, слупскій островъ, но чаще: столпецъ, столпица, столповатка. Въ р. Польшѣ 23 (слуп.), 3 (столп.), поселенія.

Слѣпча (Уборти). Уроч.: слѣпое (болото), слѣпищи. Въ р. Польшѣ 9 названій.

Смолка (ю. Случи), Смольница и Смолина (въ бас. Одры). Уроч.: смола, смоленичи, смольники, смолоза. Въ р. Польшѣ 79 названій.

Солонъ (Орессы). Уроч.: солонецъ. Въ р. Польшѣ 25 названій.

Сосня (Красовы видавск.), Сосница (Олы берез. дн.). Уроч.: часто, и съ приложеніями: сосничья нива, сосновая берва. Въ р. Польшѣ 45 названій.

Ставы, Ставъ (ю. Случи, Стыри), Ставокъ (Стохода). Уроч.: ставъ, ставище. Въ поселеніяхъ часто. Въ р. Польшѣ 64 названія.

Столенка (Припяти). Поселл.: стольно, столецъ.

Струга (Оссы, Флессбаха [1])). Уроч.: струга, струги, струганецъ, стружки. Въ р. Польшѣ 23 названія.

Струя и Струмень (рукавъ Припяти). Въ р. Польшѣ 5 струмянъ, 1 струмиловка, 1 струмыкъ.

Суша (Ольсы берез. дн.), Сушица (Олешни), Сушенка (Начи ланск.). Уроч.: особенно сложныя: суходолъ, суходѣлъ, суховершье. Въ поселл. часто. Въ р. Польшѣ 74 названія.

Тернява (Тетерева). Поселл.: терпъ, тернавка и тарнавка, тарноруда. Въ р. Польшѣ 33 названія (тарн.).

Тетеревъ съ Тетеревкой. Уроч.: одноименныя и: тетерки, тетеревцы, тетеревина, тетеранка. Въ р. Польшѣ 2 тетервинъ и cietrzewki.

Тонецъ (Варты). Быть можетъ, сюда же Тня или Теня (ю. Случи). Уроч. тонище.

---

[1]) Карта л. 36° 51°.

Тростяница (Ирши тетер.). Урочч.: тростенецъ, тростинское, тростянка. Въ р. Польшѣ 44 (тржц.), 1 тростенице.

Турія (2 Припяти, болотн. рч. между нижней Славечной и Ушемъ, верхн. Немана). Урочч.: турьи, туровье, туриновъ, турова дуброва и проч. Въ р. Польшѣ 45 названій.

Угля (Уборти), Венглянка (Дрзкевички). Урочч.: уголъ, углы, уголецъ, угольская нива. Въ поселл. перѣдко. Въ р. Польшѣ 6 названій.

Хлѣвная (Щары). Урочч.: хлѣвцы, хлѣвище. Въ р. Польшѣ 6 названій.

Яблоница (Радомира—Радомки).

Яворка (Щары).

Ясенецъ (Славечны) [1].

Вотъ часть страницы изъ той лѣтописи, которая начертана въ языкѣ земли, часть—прибавимъ—незначительная. Сколько названій не обозначено на картѣ, сколько обозначеныхъ ускользнуло отъ нашего вниманія! Притомъ мы ограничились пока названіями, смыслъ которыхъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, не требуетъ рѣшительно никакихъ справокъ въ словаряхъ. Но то, что мы привели составляетъ небольшую часть даже и въ этомъ ряду названій. Вотъ, напр., названіе *баба:* урочч.: бабинъ мостъ, мохъ, бабья лоза, бабица, бабка, бабча, бабичевская, бабинская, бабино дубье; въ р. Польшѣ 43 поселенія. Названіе *верхъ* встрѣчается въ урочищахъ очень часто; въ р. Польшѣ—въ 50 поселеніяхъ. Любой списокъ населенныхъ мѣстъ и урочищъ можетъ доставить массу примѣровъ. Прибавимъ, что эти же названія открываются въ фамиліяхъ и прозвищахъ жителей, что, въ свою очередь, эти прозвища служатъ источникомъ новыхъ названій поселеній и урочищъ [2], и тогда отчасти уяснится та тѣсная связь,

---

[1]) Названія повсемѣстны. Въ р. Польшѣ 55 (яблон.), 56 (явор.), 56 (ясен.). То же слѣдуетъ сказать и о другихъ названіяхъ того же рода.

[2]) Это составляетъ типичную особенность Мазовіи—гнѣ-

какая существуетъ между землей и занимающимъ ее населеніемъ.

Каждая область имѣетъ свой особый типичный характеръ, выражающійся не только въ говорѣ, костюмахъ, обычаяхъ и проч., но и въ названіяхъ, также точно какъ каждая область имѣетъ своеобразныя природныя особенности.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что прежде связь эта была еще тѣснѣе. Мы имѣемъ счастливую возможность доказать это не только ссылкой на отмѣченное выше классическое мѣсто нашей лѣтописи, но и документомъ, чрезвычайно ярко представляющимъ образованіе названій славянской земли. Имѣемъ въ виду запись объ основаніи Генриховскаго монастыря въ Слезіи [1]).

Документъ — по крайней мѣрѣ первая его частъ, для насъ особенно интересная—несомнѣнно половины XIII в. [2]), даетъ полную картину жизни на пространствѣ квадратной мили монастырскихъ владѣній. Составитель пользовался какъ оффиціальными актами, такъ и разсказами почти столѣтняго старика Квятка, нѣкогда потѣшавшаго нерѣдко княжескій дворъ, на старости пріютившагося въ монастырѣ. Квятекъ зналъ исторію каждаго клочка земли, и его разсказы переносятъ насъ, по крайней мѣрѣ, въ XII в. Приведемъ наиболѣе характерное.

Генрихово составилось изъ многихъ отдѣльныхъ частей, носившихъ прежде иныя названія. Былъ поселокъ Janusowe, по имени старшаго изъ братьевъ-владѣльцевъ Януша. Тутъ же рядомъ сидѣли княжіе rustici и между ними Crepis и Such—старѣйшины. Опи погибли во взаимной борьбѣ, послѣ чего поселяне „разсѣялись", но названіе Sucuwizi осталось. Далѣе Colassow — отъ имени владѣльца, богатаго крестьянина Колача. Во время состав-

---

зда мелкой шляхты, но то же и у насъ. См. указатель къ писц. кн. пинской и клецкой.

[1]) Liber fundationis claustri in Heinrichow, Breslau, 1854.

[2]) Тамъ же, VI—VII. *Zeissberg*, Poln. Geschichtsschreibung, 115.

ленія описанія на этомъ мѣстѣ было четыре поселка: Withostowizi, Rascizhci, Scalizci, Jaurowizi. Въ нихъ жили обѣднѣвшіе потомки Колача, и основатель монастыря безъ всякаго затрудненія пріобрѣлъ отъ нихъ землю за извѣстное вознагражденіе. Сосѣдній поселокъ Glambowitz носилъ имя крестьянина Гламба, посаженнаго здѣсь еще княземъ Болеславомъ. Гламбъ выкорчевалъ лѣсъ, и это мѣсто получило названіе vela lanca (magnum pratum). Потомки Гламба подверглись притѣсненіямъ, снялись съ мѣста и поселились по сосѣдству. Одинъ изъ нихъ, помянутый Квятекъ, основалъ поселеніе Quetikowitz. Поселокъ Brucaliz получилъ названіе по слѣдующему поводу. Его основалъ чешскій пришлецъ Богвалъ. Здѣсь онъ и женился на дочери нѣкосго „клирика". Нерѣдко, когда она ворочала жерновъ, мужъ смѣнялъ ее: „cui vir suus compassus dixit: sine, ut ego etiam molam, hoc est in polonico: day ut ia pobrusa, a ty poziwai". За это сосѣди прозвали Богвала брусалемъ или брукалемъ, а его участокъ брукалице.

Вотъ рядъ крестьянскихъ участковъ и поселковъ; въ названіяхъ ихъ ясно отразилась исторія ихъ возникновенія.

Были и другіе участки. У Гламба, напр., былъ братъ Pyroso, его участокъ назывался Pyrosowizci; нѣкто Стефанъ прозывался Cobylaglova, и вѣроятно съ его прозвищемъ связано недалекое отъ Немичей (Nimptsch) Kobelau [1]); безрукій Квятекъ получилъ прозвище Kicka; упоминаются еще прозвища Lyka, Scriva zona, и отъ нихъ могли возникать мѣстныя названія, какъ показываетъ примѣръ брукалицъ.

Въ частности, что касается послѣдняго названія, то для насъ неважно, насколько достовѣренъ анекдотъ, сообщаемый монахомъ, а важно то, что для жителей каждое названіе имѣло свою исторію, свой смыслъ.

Рядомъ съ этой группой названій есть и другая. Участокъ, расположенный около теплаго источника называется

---

[1]) Lib. fund. 42, пр. 92.

Ceplowod; ручей, вытекающій изъ подъ явора—Jauworiza, но такъ называется онъ у самаго истока — у явора, а далѣе Jagelno—отъ пшенныхъ полей, по которымъ протекалъ; когда палъ старый яворъ, названіе Jagelno стало общимъ. Gagelno же называется и стоящій тутъ же острожекъ (castellum). Мѣсто, покрытое буковымъ лѣсомъ — Bucuwin. Далѣе названія: Ozzec или Ossig, Cernaw или Ternaw, silva rudno, nigra silva, очевидно, переводъ, такъ же какъ и Ciginrucke или cosecrepte, trebnic, preszeca, dumbrawa, Ochla или Ohla, рѣка Slenza (впослѣдствіи Lohe), mons Zlezie (впосл. Zobtenberg). Полное соотвѣтствіе всѣхъ указанныхъ названій съ тѣмъ рядомъ, который мы отмѣтили выше, очевидно.

Документъ представляетъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ во многихъ отношеніяхъ. Передъ нами съ полнѣйшей наглядностью открывается исторія заселенія и обработки клочка славянской земли. Выкорчевываются лѣса, проводятся просѣки на далекое пространство, основываются поселенія. И это дѣло, очевидно, давнее — давнее! [1]).

Въ томъ строѣ, какой представляетъ намъ памятникъ, мы видимъ твердо установленную общественность: существуютъ опредѣленныя права родового и личнаго владѣнія, есть центры, старѣйшины; между ними могутъ возникать столкновенія, разгоняющія населеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть какая то юстиція, ибо разбойничавшій братъ Януша — Доброгостъ былъ выгнанъ изъ земли. Населеніе движется и въ мирное время: Гламбовичи мѣняютъ мѣсто, въ страну является чешскій пришлецъ, слѣдовательно, обмѣнъ населенія могъ происходить и на значительномъ пространствѣ.

Сколько времени на относительно спокойныхъ мѣстахъ могла продолжаться такая жизнь, объ этомъ краснорѣчиво

---

[1]) Слѣды старой „пресѣки“, существовавшей несомнѣнно уже во время прибытія монаховъ въ Генрихово, тянутся, по замѣчанію Стенцеля, по всей слезско-чешской границѣ. Тамъ же, 57 пр. 120.

поучаетъ насъ исторія Литвы; указанія на это можно найти и у наблюдателей живой жизни [1]). Съ этой стороны нашъ документъ имѣетъ высокій интересъ, изображая чрезвычайно ярко тотъ ходъ жизни, „гдѣ исторія начинается съ начала, съ первичныхъ процессовъ общежитія“, гдѣ трудъ постепенно овладѣваетъ силами природы [2]). До времени, о которомъ идетъ рѣчь въ нашемъ документѣ, Слезія, по крайней мѣрѣ, три вѣка входила въ составъ значительнаго государства, неоднократно и иногда удачно боровшагося съ римской имперіей въ ея нѣмецкой формѣ, имѣвшаго блестящую эпоху Болеславовъ; но картина жизни и общественныхъ отношеній въ спокойномъ слезскомъ уголкѣ какъ будто первичная. Документовъ на право владѣнія не существуетъ [3]). Какія-то права несомнѣнно есть, но болѣе или менѣе точное ихъ уясненіе представляетъ непреодолимыя затрудненія даже для спеціальнаго изслѣдователя [4]).

---

[1]) *Максимовъ*, Обитель и житель, 202—204. Особенно интересно драгоцѣннѣйшее по живымъ подробностямъ описаніе путешествія по Болгаріи *К. Иречка*, Cesty po Bulharsku. Многія подробности могутъ служить живой иллюстраціей генриховской Записи: возникновеніе населенныхъ пунктовъ изъ отдѣльныхъ поселковъ, при чемъ въ самыхъ названіяхъ отражается исторія или характеръ этого возникновенія, 58, 148, 251, 272 и др. Интересны названія колибъ около Габрова: чисто топическія, именныя, отъ занятія жителей или, наконецъ, этнографическаго характера, 158 пр. 24.

[2]) *Ключевскій*, Боярская дума, 9.

[3]) In diebus illis, cum illi gloriosi duces Heinricus uidelicet antiquus et filius suus... in hac terra regnarent, erant facta eorum tam rata et stabilia, ut raro quisquam curaret de aliquo facto accipere privilegium. Lib. fund. 44. Въ Галичинѣ русскіе старались избѣгать оффиціальныхъ сдѣлокъ еще въ концѣ XIV в. См. мою „Борьбу Польши и Литвы-Руси“, стр. 200.

[4]) *Войцѣховскій*, Chrobacya, 227, отказывается уяснить смыслъ судебнаго процесса между монастыремъ и княжимъ кметемъ, который заявилъ право владѣнія на монастырскій участокъ и выигралъ дѣло: монастырь заплатилъ ему 2 марки. Lib. fund. стр. 192.

Картина жизни мѣняется совершенно, какъ только появляются новые элементы (въ данномъ случаѣ нѣмецкіе монахи), имѣющіе возможность перестраивать общественный укладъ по своему, по тѣмъ формамъ, которыя намъ досконально знакомы.

Многимъ изслѣдователямъ кажется, что только именно съ этого момента и начинается исторія страны [1]).

Но не на это мы желаемъ въ данномъ случаѣ обратить вниманіе, а на то, что при этомъ происходитъ съ мѣстными названіями.

Почтенный монахъ, оставившій намъ драгоцѣнный документъ, зналъ, вѣроятно, польскій языкъ, — врядъ ли иначе онъ объяснялся съ Кваткомъ; и все же, онъ не оставилъ намъ въ неискаженномъ видѣ ни одного названія ни мѣстнаго, ни личнаго. Мы привели сообщаемыя имъ формы названій въ ихъ подлинномъ видѣ, но избѣгая пестроты текста, мы ограничились одною формой. На самомъ дѣлѣ названія повторяются многократно и почти каждый разъ пишутся различно. Очевидно, ихъ написаніе причиняло монаху не малыя затрудненія. Онъ приводитъ, напр., польскую фразу; благодаря его же переводу, она понятна, но попробуйте возстановить ее. Несомнѣнно, однако, нашъ монахъ понималъ смыслъ названій, иногда онъ даже переводилъ ихъ (nigra silva), и переводилъ правильно (cigin-rucke = cosecrepte, т. е. козій хребетъ) [2]).

Прошло много времени. Отъ славянства, для котораго названіе каждаго уголка земли имѣло живой и ясный

---

[1]) Грюнгагену, напр., Слезія, до прихода нѣмецкихъ монаховъ, представляется страной чуть не совсѣмъ пустынной: „первобытный лѣсъ, покрывавшій страну, падаетъ подъ топоромъ колонистовъ, (т. е. нѣмцевъ); на недавно еще пустыхъ (!!) мѣстахъ выростаютъ села съ храмами, среди крѣпостного (!!) славянскаго населенія возникалъ классъ свободныхъ нѣмецкихъ поселянъ..." Gesch. Schlesiens, 1, 61. Такъ пишется исторія славянскихъ земель даже крупными представителями науки!..

[2]) Впрочемъ переводъ — nigra silva можетъ возбуждать сомнѣнія: иначе онъ называется Sconewald = Schönwald. Lib. fund. 51, пр. 111.

смыслъ, остались, благодаря нѣмецкой культурѣ, самые жалкіе слѣды. Что сталось съ языкомъ земли, наглядно показываетъ современная карта Слезіи. Но старыя названія обратили на себя вниманіе науки, и вотъ какъ объясняетъ ученый издатель нашего памятника то названіе, которое монахъ перевелъ совершенно правильно: „Cosecrepte: polnisch koza die Züge, krepa die Krämpe, Hutkrämpe“ [1]). Столь же непонятно было для Стенцеля и слово „пресѣка“ [2]). Ограничимся пока простой отмѣткой этого факта.

Запись объ основаніи генриховскаго монастыря имѣетъ весьма важное значеніе въ вопросѣ о мѣстныхъ названіяхъ. Она чрезвычайно ярко иллюстрируетъ ту живую связь названій съ природой и человѣкомъ, о чемъ мы говорили выше.

Она позволяетъ намъ именно этотъ рядъ считать древнѣйшимъ, а не патронимическія, какъ принимается обыкновенно. Гламбъ устроился на мѣстѣ, имѣвшемъ уже названіе, но общее (буковина); отдѣльныя части пространства получали частныя названія постепенно: или по слѣдамъ дѣятельности человѣка (vela lanca), или по принадлежности, и въ этомъ случаѣ могли быть родовыми (ичи), если составляли родовую собственность, притяжательными, если составляли собственность личную. Названія могли мѣняться, но измѣненія происходили все въ томъ же кругѣ. Этотъ процессъ могъ тянуться очень и очень долго. Онъ долженъ былъ пріостановиться лишь тогда, когда сказалось вліяніе новыхъ явленій, между прочимъ, формальнаго закрѣпленія собственности путемъ грамотъ. Тогда

---

[1]) Тамъ же, пр. 121.

[2]) Als ich das seltne Wort Preseca vor 20 Jahren zum ersten Male in einer Urkunde als Grenzbezeichnung fand, war es völlig unbekannt, und ich hielt es noch vor 15 Jahren für den Namen eines Flusses. Почтенный Стенцель предостерегаетъ другихъ отъ подобной ошибки впредь: es wird also Niemanden noch einfallen können, zu glauben, es bezeichne den Namen eines Flusses. Тамъ же пр. 120.

названіе вообще должно было оставаться неизмѣннымъ, хотя бы оно и потеряло свой живой смыслъ. Но жизнь не выноситъ неподвижности. На мѣстахъ, гдѣ столкнулись разныя народности, названія постепенно измѣняются въ духѣ языка народности господствующей: переводятся или просто приспособляются къ нему. Въ послѣднемъ случаѣ живой смыслъ названій все болѣе затемняется и наконецъ совершенно пропадаетъ. И въ другихъ мѣстахъ — даже этнографически однородныхъ—обстановка жизни мѣняется, старое подвергается забвенію, и, соотвѣтственно этому, нерѣдко мѣняется и названіе, въ другихъ случаяхъ оно остается, но, потерявъ живой смыслъ, подвергается вліянію т. наз. народной этимологіи [1]).

Вотъ краткій очеркъ исторіи мѣстныхъ названій. Громадный процентъ ихъ связанъ или съ характеромъ природы и, такъ сказать, живописуетъ ее, или съ человѣкомъ и его дѣятельностью. Одни изъ такихъ названій мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, древность другихъ доказывается самимъ именемъ (Турія); о времени возникновенія такихъ, какъ, напр., Млынъ, трудно сказать ч. н. опредѣленное, но и они подтверждаютъ общее правило тѣсной связи между природой и человѣкомъ, служа лишь иллюстраціей этого вѣковѣчнаго закона, такъ же точно, какъ и сравнительно позднее названіе Гутка, связанное съ названіемъ — гута. Это законъ общій, повсемѣстный [2]). Уже въ силу этого мы должны предполагать устойчивость языка земли въ мѣстахъ болѣе или менѣе спокойныхъ и этнографически однородныхъ: характеръ природы и на-

---

[1]) Объ этомъ *J. Černý*, Přispěvky k české etymologii lidove. Praha, 1894. Громадный именословный матеріалъ собралъ *A. Kotík*, Naše přijmení. Praha, 1895. Къ сожалѣнію, Котикъ не всегда надлежаще остороженъ.

[2]) На основаніи разбора 17 т. названій, *Egli*, Gesch. d. geograph. Namenkunde, дѣлитъ географическія и этнографическія названія на двѣ группы: древнѣйшую и позднѣйшую, при чемъ оказывается, что въ отношеніи мѣткости и соотвѣтствія природѣ вторая далеко уступаетъ первой.

рода мѣняется не скоро. Такая устойчивость подтверждается и документально.

Вотъ, напр., дотація плоцкой епископской каѳедры. По всѣмъ даннымъ памятникъ этотъ относится къ довольно далекому прошлому [1]). Въ немъ перечислено около 240 поселеній; изъ нихъ около 200 имѣется и теперь, около 50 въ настоящее время не существуетъ [2]); нѣкоторыя измѣнили названія, но характерно. Именно: 10 названій, упоминаемыхъ въ документѣ съ патронимическими окончаніями, теперь имѣютъ притяжательное—ово: Czarnostovici теперь Чарностово, Nahoseuici — Нагошево; Goleyevici — Голеёво и пр. Далѣе, названія вполнѣ соотвѣтствуютъ указанному выше характеру языка земли: Virbica, Preudowo, Comarowo, Driwale, Mogilno, Mocidla, Lesnewo, Brodowo и пр.; нѣкоторыя изъ несуществующихъ оправдываются другими существующими — напр. Pelouo; теперь есть Плавы, Плавно, Плевица, Воля Пулевна, наконецъ, болото „Пульвы". Нѣкоторыя, можно думать, не совсѣмъ точно опредѣлены издателемъ, пр. Carsco, по его мнѣнію, теперь Бискупице, но въ той же мѣстности есть и Карсы [3]).

Повидимому, населенность, напр. Пултускаго округа была не ниже теперешней.

Для русской части нашей территоріи мы не имѣемъ столь подробныхъ перечней древнѣйшаго времени. Жизнь шла здѣсь очень долго тѣмъ путемъ, какой въ Слезіи, напр., уже въ XIII в. составлялъ преданіе: записи вообще были излишни. Но за время съ 1054 по 1240 г. лѣтописи отрывочно сообщаютъ названія 185 городовъ Кіевскаго

---

[1]) Въ опредѣленіи времени вѣроятнаго составленія памятника почтенный издатель его г. Кентржинскій нѣсколько неясенъ (Mm. Pol, V, 419 слл.). Повидимому, онъ готовъ отнести основу документа къ концу XI в. Это возможно; оформленіе его послѣдовало врядъ ли раньше начала XIII в.

[2]) Т. е. не существуетъ поселеній, но названія ихъ, можно думать, сохраняются въ урочищахъ.

[3]) Вѣнская карта, масшт. 1 : 200000, *л. Млава* (38. 53°).

княжества, изъ которыхъ, по меньшей мѣрѣ, 100 названій совершенно соотвѣтствуютъ указанному закону; смыслъ ихъ понятенъ намъ и теперь и, кромѣ того, тѣ же названія повторяются какъ въ городахъ, такъ въ рѣкахъ и въ урочищахъ [1]), а когда, подъ вліяніемъ измѣнившихся общественныхъ условій, начинаютъ составляться подробные списки населенныхъ мѣстъ и урочищъ, то названія ихъ представляютъ намъ еще болѣе яркое доказательство значенія этого закона, а общественный укладъ представляетъ несомнѣнные признаки архаизма, теряющагося своими корнями во мглѣ, окутывающей зарожденіе общерусской государственности [2]).

Въ виду всего этого можно относиться къ современнымъ картамъ нашей территоріи съ значительнымъ довѣріемъ. Можно несомнѣваться, что они представляютъ дѣйствительно древнѣйшую лѣтопись страны, врядъ ли съ бо́льшими наслоеніями, чѣмъ лѣтописи писанныя. И не только на территоріи столь этнографически однородной, какъ наша прикарпатская низь, но даже на территоріяхъ этнографической смѣси современная карта отражаетъ отдаленную старину. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно наложить на карту пожалованіе угорскаго Гейзы монастырю св. Бенедикта [3]) въ 1075 г. или грамоту Ростислава Мстиславича смоленской епархіи въ 1157 г.

Тутъ и тамъ мы видимъ явленія совершенно однородныя: въ одномъ случаѣ языкъ славянской земли примѣня-

---

[1]) Перечень этихъ городовъ у *Погодина*, Изслѣдованія, IV; и Ж. М. Вн. Д. 1848, ч. XXIII, гдѣ примѣчанія Надеждина въ неизмѣненномъ видѣ.

[2]) Имѣю въ виду списки волынскіе XVI в. По нимъ можно составить себѣ ясное представленіе о населенности страны. Полѣсье, напр., представляется по этимъ спискамъ „менѣе обработаннымъ, чѣмъ теперь, но врядъ ли меньше заселеннымъ“. Здѣсь же цѣлый рядъ княжескихъ гнѣздъ, а въ числѣ ихъ, по крайней мѣрѣ, по преданію, гнѣздо Свенельдичей—въ Нискиничахъ и Дорогиничахъ. Źródła dziejowe, XIX, 82, 117, 123.

[3]) *Fejer*, Codex, I, 428.

ется къ господствующему мадьярскому языку и латинской графикѣ, въ другомъ — языкъ неславянской земли примѣняется къ языку славянскому. Но какъ бы ни было, большую часть названій, упомянутыхъ въ обѣихъ грамотахъ можно найти и на теперешнихъ картахъ [1]).

Такимъ образомъ, указанный нами разрядъ мѣстныхъ названій несомнѣнно восходитъ къ отдаленной старинѣ, представляя первую лѣтопись народной жизни. Пока эта лѣтопись не прочитана, нѣтъ первой страницы исторіи народа. Но читать эту лѣтопись не такъ легко, какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Уяснимъ это на самомъ простомъ примѣрѣ.

Съ природой и вмѣстѣ съ дѣятельностью человѣка связаны названія отъ слова *Бобръ*. На занимающей насъ территоріи мы указали приблизительно около 10 рѣкъ и рѣчекъ, связанныхъ съ этимъ словомъ. Всѣ онѣ расположены на территоріи лѣсистой, что, впрочемъ, само собою разумѣется. На западѣ встрѣчаемъ *Бобру* одринскую и *Бобраву*. На одринской Бобрѣ существовали значительные лѣса еще въ прошломъ вѣкѣ [2]).

На существованіе значительныхъ лѣсовъ въ бассейнѣ моравскомъ указываетъ рѣка Тржебова, города: моравская и чешская Тржебова. На востокѣ укажемъ два *Бобрика* и *Боброву*—притоки Псла. Карта важнѣйшихъ отраслей производительности Россіи указываетъ намъ замѣтное и понынѣ распространеніе лѣсовъ по рѣкамъ Пслу и Ворсклѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что одинаковыя явленія природы сказываются въ разныхъ мѣстахъ славянской территоріи одинаковою географическою номенклатурою.

Далѣе изъ 13 рѣкъ три не измѣнили формы слова, отъ котораго получили свое названіе, остальныя или получили форму прилагательнаго притяжательнаго, съ подразу-

---

[1]) Географическій анализъ Ростиславовой грамоты у *Довнара-Запольскаго*, Кривичск. и дреговичск. з. и *Голубовскаго*, Смоленская з.

[2]) *Занони*, Атласъ, л. 13.

мѣваемомъ, конечно, существительнымъ рѣка, или уменьшительную.

Обратимся къ сроднымъ названіямъ поселеній и урочищъ. Во 1-хъ, рядъ поселеній, одноименныхъ съ рѣками, при чемъ самыя поселенія располагаются по рѣкамъ или поблизости. Во 2-хъ, рядъ урочищъ: бобровый мостъ, бобровая долина, бобровая струга, бобровицкій обрубъ, бобровый лѣсъ; бобровчизна, бобриковщизна, бобриковщина лоза. Въ 3-хъ, поселенія съ суффиксомъ притяжательнымъ въ среднемъ родѣ: боброво. Въ 4-хъ, поселенія съ названіями, обозначающими занятіе жителей — бобровники. Въ 5-хъ, поселенія съ суф. *иско* — бобровиско. Въ 6-хъ, слова бобръ, бобрикъ становятся прозвищами, и отсюда получается рядъ патронимическихъ названій поселеній (бобровичи, бобриковичи). Наконецъ, отсюда же получаетъ названіе и племенное колѣно. Мы знаемъ Бобрянъ на верхнемъ Бобрѣ въ XI вѣкѣ [1]). Вотъ главнѣйшія видоизмѣненія названія и вмѣстѣ примѣръ весьма разнообразнаго его примѣненія.

Мы взяли случай самый простой, благодаря этой простотѣ, смыслъ указанныхъ названій вообще ясенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что названія эти имѣютъ свои оттѣнки, а оттѣнки сообщаются суффиксами.

Иначе говоря, суффиксъ является показателемъ внутренняго смысла названія, и этимъ объясняется, отчего въ сокращеніяхъ и вообще порчѣ словъ суффиксы измѣнились наименьше [2]).

Такимъ образомъ, въ уразумѣніи древнѣйшаго источника исторіи — языка земли — исторія подаетъ руку филологіи. Успѣшный результатъ можетъ быть достигнутъ только при дружной работѣ. Но совмѣщеніе необходимыхъ историческихъ и филологическихъ знаній представляетъ рѣдкое исключеніе. Вообще историки пользуются лишь общими выводами филологіи, также точно какъ филологи

---

[1]) *В. Богуславскій*, II, 117.
[2]) *Войцѣховскій*, Chrobacya 174, 176.

не всегда входятъ въ историческія детали. Оттого, между прочимъ, такъ туго подвигается дѣло, такъ теменъ и до сихъ поръ древнѣйшій источникъ, освѣщающій народную жизнь [1]).

Мало того, неосторожная рѣшительность многихъ, иногда даже видныхъ историковъ, увлекавшая ихъ на поле филологическихъ соображеній, породила въ наукѣ замѣтное и, какъ оказалось, справедливое предубѣжденіе къ подобнаго рода ученой литературѣ. Мы бы, понятно, не желали умножать ее новыми образцами, а потому и ограничиваемся указаніемъ отмѣченнаго выше факта, не вдаваясь въ анализъ названій.

Съ насъ достаточно опредѣлить общій характеръ языка земли, и въ этомъ случаѣ мы можемъ рѣшительно утверждать, что низменная территорія, прилегающая къ карпатской на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, представляетъ по языку земли почти совершенно однородное цѣлое. Языкъ этотъ даже и теперь вообще намъ внятенъ, и можно думать, что для связаннаго съ землей народа онъ еще понятнѣе, чѣмъ намъ. Только на западѣ она засорена, но и нѣмецкія искаженія даже теперь нерѣдко ясно обличаютъ свой истинный первообразъ. Для полнаго уразумѣнія языка земли требуется, слѣдовательно, непремѣнно навести нужныя справки у самого народа [2]), а для западной части — съ возможной полнотой возстановить первообразныя формы по документамъ. Такъ какъ, однако, мы знаемъ несомнѣнно, что засореніе языка земли въ западныхъ частяхъ нашей территоріи начинается вообще не раньше XIII в., то мы смѣло можемъ сказать, что до этого времени мы чувствуемъ себя здѣсь вполнѣ въ родной славянской стихіи.

Но какъ далеко простирается эта стихія на с.-в. и ю.-з., т. е. тамъ, гдѣ съ одной стороны развилась русская народ-

---

[1]) Не малое значеніе имѣетъ и отсутствіе удовлетворительныхъ географическихъ описаній.

[2]) Такія справки требуются не только для уразумѣнія смысла названій, но и для точнаго установленія формы названія. См. особенно III рядъ.

ность и государственность, съ другой — гдѣ на окраинахъ державъ моравской и болгарской разбухли потомъ инородческіе клинья?

Вопросъ этотъ имѣетъ для насъ самое существенное значеніе.

Въ раскрытіи его мы будемъ слѣдовать тому же методу, какъ и доселѣ: не вдаваясь въ филологическій анализъ, мы будемъ слѣдить по картѣ за характеромъ языка земли — главнымъ образомъ рѣкъ — въ обоихъ указанныхъ направленіяхъ. Какъ далеко туда и сюда простирается славянскій чеканъ названій? Гдѣ прерывается?

Начнемъ съ сѣверо-востока.

IV.

На территоріи между Вислой на западѣ, Березиной днѣпр. на востокѣ, Припятью на югѣ, карта[1]) обнаруживаетъ прежде всего значительное количество рѣкъ съ одинаковыми окончаніями: *сса*, *са*, *за*, *ша*.

II. *Осса* (Вислы, Лаукны между Прегелемъ и Неманомъ).

Писса съ прит. Писсекъ (Нарева, Браницы древенцк.).

Висса (Бобра наревск.).

Туроса (?) (Мухавца).

Лиза (Нарева).

Росса (Немана).

Исса (Щары).

Плеса (Котры нем.).

Плисса (Немана, Березины дн.).

Дубисса (Немана).

Усса (Немана).

Уса (Немана, Узденки нем., Березины дн.).

---

[1]) Карта вѣнск. инст., масшт. 1 : 200000, а для сѣверныхъ частей наша 10-верстная. Преимущественное распространеніе названій на извѣстной территоріи по польскому географич. Словарю. Другіе источники тѣ же, что и выше.

Уша (Немана, Виліи, Березины дн.).

Уза (Сожа).

Виша (рукавъ устья Юховпы, притока Иппы прип.).

Лоша (Немана, Виліи).

Мусса (Виліи).

Дрисса, *Велеса* и *Пивеса* (з. Двины, Дрисса и у Митавы).

Есса (Уллы з.-дв.).

Оресса и *Лисса* (Птича).

Всѣ эти названія требуютъ, конечно, филологическаго объясненія [1]; но безъ всякаго сомнѣнія они сообщаютъ всей территоріи своеобразный характеръ, довольно рѣзко отличающій ее отъ разсмотрѣнной нами подкарпатской низи [2], и — что еще болѣе характерно — всѣ эти названія уводятъ насъ въ глубь Пруссіи и Литвы. Еще въ XIII в. Пруссы занимали все правое побережье нижней Вислы, весь почти правый скатъ Нарева занимала Голядь, къ юго-востоку отъ нея—Ятвяги простирались почти до средняго Буга и, быть можетъ, господствовали надъ теченіемъ Припяти [3].

Законность предположенія о широкомъ распространеніи литовскихъ племенъ въ древности указывается также и лѣтописнымъ намекомъ на Голядь на Протвѣ [4].

---

[1]) Интересно бы знать, напр., названія — Уша, Уса, Усса—отдѣльныя ли слова и корни, діалектологическіе оттѣнки или небрежность картографовъ?

[2]) На лѣвомъ берегу Вислы только: *Писья* (Бзуры, Нера вартск., около Творокъ у Варшавы), *Пилься* (Видавки вартск.). Что касается слезскихъ Ниссы и Лиссы, то первая врядъ ли сюда относится, вторая же несомнѣнно нѣтъ. Въ Lib. fund. пишется Nyza, а Лисса называется Lesniz, стр. 32, 25 пр. 58.

[3]) *Барсовъ*, Очерки, 40. По мнѣнію *Авенаріуса*, Дрогичинъ и его древности, Ятвяги никогда не жили на лѣвомъ берегу Нарева; съ другой стороны довольно точно опредѣляется сѣверная ятвяжская граница у *Сембржицкаго*, Die Nord- u. Westgebiete d. Jadwingen u. deren Grenze. Altpr. Monatsschr. 1891, Bd. 28. Она простиралась не далѣе Олецка.

[4]) Ип. л.: 1058 побѣди Изяславъ Голядь. 1147 Святославъ взя люди Голядь верхъ Поротве.

Но обратимся къ картѣ.

Кромѣ указаннаго ряда названій общеславянскихъ, съ совершенно яснымъ значеніемъ, встрѣчаемъ на занимающей насъ территоріи рядъ названій, славянство которыхъ или можетъ подлежать сомнѣнію, или отличается тѣмъ архаизмомъ, какой сразу бросается въ глаза въ топографіи, напр., вел. Польши [1]). Преимущественное распространеніе этихъ названій уводитъ насъ, какъ увидимъ, опять таки въ Литву и Пруссію.

III. *Бативля* (Славечны) [2]). Подобоименныя названія рѣдки: уроч. кобр. батово, с. Баттлево (нѣм. Wattlewo) хелминскаго у.

Бузовка (Бучи ирпенск.). Уроч. [3]) бузы, оз. Бузы ковенск. губ., новоалекс. у.

Буня (болотн. рч. ок. верх. Ствиги). Буняны с. ошмянск. у., бунино въ в. Польшѣ; въ сув. губ.: буники, буникеле.

Вавля или Вабля (Здвижа), Вабля (Судости), жм. [4]) рч. Вабаля, и урочч.: вабалишке, вабалишки; с. Вабляны, теперь несуществующее [5]), упоминается въ реестрѣ опочинскаго у. въ 1508.

Визенка (Мороча). Уроч. визница задняя, г. Визна и Визница въ Маз.; жм. р. Вижа.

Вилія (Горыни), Вилія съ Вилицей (ю. Случи), Вилія съ Виленкой (Тетерева); лит. Вилія съ Вилейкой, жм. Вилька. Уроч.: вильнина, вилень.

Витъ (Десны къ ю. отъ Новг. сѣв.), Вить (Припяти), Витка (Жерева), Витуша (Пржисовы бзурск.), Вѣтъ (Бобрика прип.). Урочч.: витица, витичи, лѣтописныя вѣтичи на

---

[1]) Указатели къ Źródł. Dz. XIII, XVI.

[2]) Въ Карпатахъ — Бутывля въ бас. Стрыя.

[3]) Урочища указываются главнымъ образомъ по писцц. кни. пинской и клецкой.

[4]) Жмудскія названія по Словарю *И. Я. Спрогиса*.

[5]) Słown. geogr., но вѣроятно есть урочище? Можетъ ли сюда относиться Wąblew или Wambiewo, Wąbiewo или Wambiewo, Źrdła, XIII. Въ плоцк. губ.—вабе; въ сувалкск.—вабалишки.

Днѣпрѣ. Въ поселеніяхъ часто какъ въ в. Польшѣ: вѣтница, такъ и въ малой. Въ р. Польшѣ около 40 названій.

Виня (Лани), Выня (Лоши нем.), Винецъ (Яселды). Уроч.: виникъ, виницкое болото; винча, винецъ въ в. Польшѣ; винецъ и винява въ малой.

Глумча (Уборти). Одноименныя сс. въ новоград. вол. у. и на л. берегу Сана въ добромильск. окр.

Гривда (Щары, Наревки). Послѣдняя и Гвозня.

Гуйва (Тетерева), Гуечка (з. Буга), с. гуйскъ плоцк. г.

Дзвѣя (Уши нем.).

Желонь (Славечны), лѣтоп. желань (*Грушевскій*, Оч. кіевск. з., 19).

Жеревъ (Уша), Жерева съ Жировцемъ (Тетерева), Нежеровка (Талицы оресск.), Жаровецъ (Осовца и Глумчи убортскихъ), Жерка (Ирпени). Уроч. жаръ. Въ р. Польшѣ жерань.

Зелява (Кросны); Зельва или Зельвянка съ Зельвянкой (Немана).

Зольня съ Золенкой (Уборти). Урочч.: зольна, зольнова лоза, зольницы; с. Золины.

Иква съ Иковкой (Стыри; ю. Буга, в. Руды или Домахи).

Илія [1]) съ Ильчей (Уша, Рыбченки). Уроч. ильча.

Илжанка (Вислы). Въ Литвѣ нерѣдки названія отъ корня *илг*: Илги с. троцк. у., Илгіалисъ — оз. кальварійск. у., Илгель и Илгисъ — 2 озз. сейненск. у., Илгоброды — вилкомирск. у.

Иртыца (Трубежа).

Ирша съ 2 Иршицами (Тетерева).

Ислочъ (Берез. нем.), с. Ислаушъ въ маріамп. у. (?).

Коденка (Уша, Тетерева, Гуйвы тетер.), сс. кодня дов. часто въ ю. Руси.

Колпица (Немана), Колпеница (Щары), Колпыница (Начи), Колпница (Бродни—борис. у.), Колпыля (Беседи). Въ топогр. колпецъ, колпеница, колпинъ исключительно

---

[1]) Но правый ея притокъ—Вильча?

въ низи. Оз. Колпинское между Лабой и Одрой, урочч.: колпина, колпинская дуброва.

Кодра (Тетерева) [1]).

Котра (Немана), Котера (Пульвы з. бужск.).

Кракотка (Зельвы нем.). Урочч.: краково болото, нивище. Въ р. Польшѣ 6 названій въ варш., плоцк. и сувалкск. губ.

Лаговица (Чорной висл.). Въ топогр. вообще рѣдко: лаговъ, лаговецъ, лаговица, лагово; но лагевниковъ въ р. Польшѣ 16.

Лань и Глухая Лань или Лапа (Припяти) [2]). Въ р. Польшѣ — лания, ланякъ, łanięta.

Лонва (Виліи). Въ топогр.: лонь, лонево, лоневка.

Латоша (Уборти). Названія: латушки, латушково, не говоря о такихъ, какъ латвишки, латвеле, уводятъ исключительно въ Литву.

Лахва (Днѣпра), Лахозва (Щары). Уроч. лаховъ [3]).

Легъ (Оржица).

Лемля (Ирши тетер.), уроч. лемла.

Локница (Нарева, Стохода, Уборти), Локняя (с. Случи), Лаконица (Котры нем.), Луконица (Щары). Урочч.: лукно, луканица, локна въ Черниг. княж., Ип. л. 209; жм. лукна часто, р. Лаукна между Прегелемъ и нижн. Неманомъ, р. Лукна въ свенцянск. у.

---

[1]) Въ топографіи в. рѣдко. Въ р. Польшѣ Kodran (2) и Kodrąb, но въ Карпатахъ—гора Кодравецъ около Гребенова.

[2]) Въ Пруссіи Alle; по Słown. geogr., вѣроятно, Alnis—олень.

[3]) О названіи *лаха* слѣдующее сообщаетъ Słown. geogr. Łacha także lacha w języku flisów i orylów znaczy odnogę rzeki, odrywającą się od głównego koryta i napowrót z niem łączącą się. Łachami w pow. tarnobrzeskim zowią pospolicie przez wylewy wód Sanu i Wisły poczynione wyrwy na polach i błoniach, w których pozostała woda, nie mając odpływu, przez dłuższy czas na powierzchni stoi... Lud rozumie także większe stojące wody bez odpływu.

Лоша (верхн. Немана, Уши-виліи, Виліи, Ошмянки), Лошанка (Свислочи), оз. Лоша на грап. слуцк. и мозырск. уу. Уроч.: лоша, лошки, лошинъ мохъ, лошина.

Лыдыня (или Лидыня?) (Вкры), Лыдница (Соши въ борис. у.).

Лютня (Лани).

Люща (Цны прип.).

Мажа (Мороча, Каменки у Копыля). Въ Литвѣ и Жмуди оч. часто: мажайце — шавельск. у., мажаны — россіенск., маже — лецк., мажея — дисненск., мажуце — волков. и тельш., мажуле — ошмянск. уу.

Мейка (Дзвѣи ушск.); с. мейкшты новалександр. у.

Меня (Свидра), Мень или Лупянка (Вислы), Менька (Нарева), Мена (Десны). Нын. Минскъ, древн. Мѣньскъ. Уроч.: меничи, меньковецъ, менянка гродн. р. Менка или Минка; жм. р. Минія въ тельш. у.

Миговка (Соколды). Уроч. миговка. Названія мигово, мигуцяны, мигуже въ Литвѣ и Пруссіи.

Миждэка (Череэдерева ушск.).

Мовства (или Моства?) (Ствиги, Уши — продолженіе Мышины). Уроч.: мостviловичичи; жм. мостvилы, мостvилишки.

Наровь лѣтописная, теп. въ польской формѣ Наревь съ Наревкой (Вислы), Наровлянка (Припяти). Уроч.: наровичи; жм.: нарви, нарвіея, нарвиды, нарвилишки.

Нача (Лани, з. Двины, впад. въ оз. Пелясы въ лидск. у.; Обши—въ смол. губ.). Начъ (Бобра въ борис. у.), Началя (Виліи), Неначъ (Припяти).

Немегелька (ок. Птича).

Немыльня (Зольни убортск., Сожа), Немылянка (ю. Случи). Уроч. гомельск. у.

Нератовка (Птича), Нерадовка (ю. Случи).

Нерета (з. Двины), Неретка (на границѣ ковенск. и лиф. губ.), Неретва (з. Буга).

Нерг (Варты), Нерца (Нера), Нерычъ (Уша) [1]).

---

[1]) Не безынтересно замѣчаніе Słown. geogr.: *Neris*, nerys litewska nazwa Wilii, pochodzi prawdopodobnie od wyrazu

Нетупа (Свислочи нем.); уроч. гродн. нетупа.

Нурецъ съ Нурчикомъ (з. Буга).

Обра съ Обржицей (Варты), Гнилая Обра (Обржицы).

Обреша (Бзуры висл.) [1]).

Окра (Днѣпра), Окржейка (Вислы). Два села Окра въ двинск. у.

Ольница (Докольки птичск., Березины въ вил. губ.); с. Ольняны виленск. у.).

Оржъ и Оржицъ (Нарева).

Осница (ю. Случи). Въ в. Польшѣ Осно. Въ р. Польшѣ осня, осница, осно—всего 9 разъ; въ пинск. урочч. часто.

Пелховка съ Пелховкой (Нурца).

Перга (Уборти); въ верховьяхъ ея болото Перга.

Пертница (Болотницы) [2]).

Пероша (Орессы).

Пешна (з. Буга), Пеховка (Днѣпра).

Полтва или Полква (з. Буга), Полтва (Горыни, Нарева), Полчанка (Жерева). С. Пелты—ломж. губ.; Пелка и Пелки, какъ въ р., такъ и въ прусск. Мазовіи [3]).

---

nêrti—nurzyć, nêras—nurek. Od tego samego źródłosłowu pochodzą także nazwy: narty, nartele, ponary. Pokrewny pierwiastek słowiański *nur* służy za źródłosłów nazw Nur, Ner, Narew. (Замѣтка I. Krz., б. м., Карловича). Названіе — *поноръ* есть и въ горахъ. Прибавлю кстати, что въ объясненіе названія *Nierzeja* (такъ называется у Кашубовъ коса у устья Вислы, нѣм. Nehrung), здѣсь же указывается кашубское слово: nierznąć się — метать икру. Соотвѣтственно этому, „nierzeja—skrawek lądu, który się wynurzył". Такъ это или нѣтъ — не мое дѣло, но важно указаніе, что сами нѣмцы начинаютъ признавать невозможность обычнаго производства названія отъ Neerland, т. е. Niederland, и тѣмъ болѣе отъ nähren. Ссылка на *Brandstätter*, Land u. Leute d. Landkreis. Danzig.

[1]) Названіе Обрея или Обреша встрѣчается и въ названіи горъ въ Буковинѣ, въ Сучавскомъ округѣ.

[2]) Одноименныхъ этимъ названіямъ въ топографіи мнѣ не попалось. Въ Мазовіи есть перки, перково, перковце. Въ Кіевскомъ воеводствѣ у Яблоновскаго показано Перковское селище. Źródła, XXI, Перга (или Перка?)—прит. ю. Буга.

[3]) Пултускъ на Наревѣ, древній Полтовьскъ, б. м., дѣй-

Розога или Росога (Нарева, Омулева нар., Шквы нар.). Въ прусск. Мазовіи 4 с.: розоги.

Савицъ (Омулева); жм. Савицишки.

Сасва (Зельвы нем.), Сасова (Шполки — въ гал. Подольѣ).

Сква (Визны), Шква или Розога (Нарева); Скванская пуща или Мышинецкая въ Мазовіи.

Скрва (два прит. Вислы; одинъ наз. еще Осетница), Бскрва (Скрвы) [1].

Сколодинка (Припяти), вѣроятно въ связи съ Соколда (Супрасли).

Слоя (Супрасли). Въ поселеніяхъ названіе слоя и слойка встрѣчается преимущественно въ сокольск. у.; слойки въ маковск. у.; слоекъ въ в. Польшѣ около Накла: жм. ур. слои.

Солдава (Вкры, собственно ея верховье). Солданы упоминаются въ плоцк. воев.; есть и въ Пруссіи.

Струбища (Олешни ушск.), б. м. въ связи съ жм. р. Страба.

Стубля или Стубла (впадаетъ въ Припять двумя одноименными рукавами), Стубла или Стубель (Горыни, Стыри). Урочч.: стублинъ, стубльская, стубловичи. Одноименныя поселенія по рѣкамъ; стубно и стубенко около Перемышля.

Таль (Тетерева, Талька (Свислочи), Талица (Орессы), Талько (Эккау или Екавы въ Курляндіи). Поселл.: талея, талойки, талеевка въ виленск. и свенцянск. уу., талевичи въ слонимск.; талица—слуцк. у.

Темра (Ясельды); одноим. урочч. — кобринск. у., темронъ лѣсъ — ковельскаго, темровичи — чаусскаго.

сительно сродни Полоцку. Родственность языка земли нашей территоріи и полоцкой давно отмѣтилъ *Бѣляевъ*, Разсказы, IV. М. 1872. Отсюда цѣлый рядъ произвольныхъ соображеній о полоцкой колонизацій.

[1]) Въ топографіи только Сржильно—оз. въ рыпинск. у., и имѣніе на р. Скрвѣ, изъ чего явствуетъ связь

Теремша (Уборти). Въ п. геогр. слов. не показана, одноименныхъ поселеній нѣтъ тоже, Trzemcha—сс. въ илжецк. у., Trzemeszno — оз. въ хойницк. у. и 3 поселенія въ в. Польшѣ, Trzemsze—на Вартѣ. Тоже и Strzemeszna—сс. въ гостынск., равск. и опочинск. уу., Strzemieczne — нѣсколько шляхетскихъ околицъ въ маковск. у.

Тремля (Птича), оз. тремля или тремнецъ на границѣ бобруйск. и рѣчицк. у. Урочч.: тремка, тремчи.

Тересица (Припяти), Тереща (Олешни въ радомск. у.), Терешка—небольшая рч. вытекаетъ изъ львовско-томашовскаго хребта.

Точна (з. Буга, Сожа), Точница или Точія (Лѣсны бужск.), Тощица (Днѣпра).

Тучна (Писсы бзурск.); озз. тучно: при устьѣ Визницы прип., въ сейненск., иновроцл. уу., въ валчскомъ окр. въ прусск. Мазовіи. Поселенія преимущественно въ низи и Литвѣ; с. тучи, напр., въ шавельск. у.

Туроснь (или Турослъ? или Туросна?) (Нарева), Туросна съ Туросной (Ипути сожск., Велесы з. Двинск.), Туроса (Мухавца), Туросянка (з. Двины) вытекаетъ изъ оз. Туроса, Турось (въ в. Пруссіи — течетъ сплошь по болотамъ). Урочч.: туроса въ кобринск. и лепельск. у.; турось — въ кольненск. окр.

Тытовка (Олы берез., Дубиссы (Цытовка), Свислочи (Цытевка) [1]) Березины), Титва или Тытва (Снова десн.); оз. Тытовка — россіенск. у.; с. тытышки — поневѣжск. у.

Улотовка (Оржица), с. ултово — плоцк. у.

Унава (Ирпени).

Упушна (Варты).

Урля (ю. Случи), Урлика—въ виленск. у.; сс. урля—въ кременецк., збаражск. новогр.-вол. уу.; с. урле—радзиминск. у. По замѣчанію п. геогр. слов. такое же названіе носило прежде нѣсколько селъ въ Пруссіи, теперь Орле. Оз. Орлея — въ невельск. у.; р. Орлея или Надва,

---

[1]) Названія — цытовка и цытевка — взяты изъ Słown. geogr. Б. м., полонизмы.

прит. Днѣпра — между рр. Вопь [1]) и Хмость, м. б., по этому относятся сюда же: уроч. кобр. урлинъ, с. урлинъ въ свенцянск. у.

Утвоха (Припяти): уроч. утвище, сс.: утва въ витебск., утвяны — лидск. уу.

Хотова (Уша). Хотова (Ясельды) [2]).

Шадура (Припяти): с. шадурки — около Наленчова въ любл. губ., шадурщизна — волков. у., шадрово (Schadrau) — два села въ Помераніи.

Шача или Шацка (Птича); жм. ур. шакя, шаки [3]).

Шиховка (п. Случи): шихово — два села въ Пруссіи [4]), одно въ рогачевск. у.; шиховище — въ грубешовск. у.

Шушировка (Свиноводы ирпенск.).

Цмыня (п. Случи).

Церемно (п. Случи).

Цетынка (л. Буга). Названіе вообще рѣдкое: с. цецень на Пилицѣ, цетлино — плоцк. у., ср. жм. цетра.

Цна (Припяти, Гайны, Свислочи, Оки); оз. Цно въ новоалександр. у.; сс.: цна въ пинск., минск. и борисовск. уу.

Цыбинка (Барты).

Ячна или Ячва (Птича). Ячонка (Немана). оз. Ячно — сувалкск. губ.; сс.: ячна, ячне, ячно — въ борисовск., сувалкск., августовск. уу.

Ючевка или Юхозна (?) (Пины прип.); с. юхи — олецк. окр.

Мы не можемъ всесторонне освѣтить вопросы, связанные съ этимъ рядомъ названій, потому что не можемъ взять на себя ихъ филологическаго анализа. Оттого представленная нами часть лѣтописной страницы нашего края теряетъ много въ своей доказательности. Все же она не совсѣмъ бездоказательна. Дѣло вотъ въ чемъ.

1) Надва — прит. Наути — принимаетъ прит. Вопрыть.

2) Указаніями Slown. geogr. здѣсь трудно пользоваться, вслѣдствіе путаницы въ ń и i.

3) Б. м. Шака, какъ аналогичное уроч. Ип. л. 539.

4) Kętrzyński, O ludności polskiej w Prusiech, стр. 77, 79.

Передъ нами территорія съ населеніемъ, внѣ всякаго сомнѣнія, старобытнымъ—Литвой [1]). Ближайшимъ сосѣдомъ этого населенія былъ его ближайшій родной братъ—Славянинъ. Обособленіе обоихъ братьевъ произошло лишь въ послѣдній періодъ праисторіи, на европейской почвѣ [2]). Слѣдовательно, если въ языкѣ нашей страны и могутъ встрѣтиться чужеродные элементы, то отнюдь не въ повсемѣстномъ или даже частомъ распространеніи, а развѣ лишь спорадически. Такія названія, за немногими исключеніями, не вошли въ представленный нами рядъ, а лишь названія часто повторяющіяся, подобно названіямъ нашего I ряда [3]).

Эти названія или одноименны, или явно подобоименны. И это обстоятельство имѣетъ значеніе. Въ языкахъ неродственныхъ могутъ встрѣчаться слова созвучныя, но въ этомъ случаѣ созвучность ничего не доказываетъ, если не доказано прямое заимствованіе (Нитра словенская и Нитра въ глубинѣ Африки). Не то въ языкахъ родственныхъ. Тутъ одно- или подобоименность представляетъ фактъ, подлежащій, конечно, объясненію, но, во всякомъ случаѣ, фактъ, значеніе котораго отрицать не приходится.

---

[1]) Древность Литвы на ея мѣстахъ проф. Бецценбергеръ полагаетъ, на основаніи археологическихъ данныхъ, приблизительно въ 5000 лѣтъ. См. мой Отчетъ о IX археол. съѣздѣ. Ж. М. Пр. 1894, I. Горизонтъ историковъ, конечно, не такъ безграниченъ, но все же они не вправѣ совсѣмъ игнорировать счеты археологовъ.

[2]) *Крекъ*, Einleit. 69, 75.

[3]) Къ сожалѣнію, у меня не было подъ руками подробнаго списка поселеній, подобнаго списку Цинберга; вслѣдствіе этого распространенность названій III ряда не такъ наглядна. Приблизительное представленіе о ней, а главное, о мѣстахъ распространенія все же дается польскимъ геогр. словаремъ. Бывши на виленскомъ съѣздѣ, я слышалъ, что у составителя „Географическаго Словаря жомоитской земли" И. Я. Спрогиса имѣется географическій указатель, составленный по актамъ крѣпостныхъ книгъ с.-з. края. Надо думать, что, ко времени изданія Трудовъ съѣзда, онъ не былъ готовъ для печати. Скорѣйшее его изданіе составляетъ настоятельнѣйшую научную необходимость.

Вотъ почему, и при невозможности представить даже самое общее филологическое объясненіе названій II и III рядовъ, мы, однако, ни малѣйше не сомнѣваемся, что отмѣченныя названія неразрывно связываютъ нашу территорію съ Литвой и русскимъ славянствомъ на с.-в. съ одной стороны, съ славянствомъ ляшскимъ на с.-з. съ другой стороны [1]). Связь эта не можетъ быть случайна, а должна служить отраженіемъ этнографической однородности или, по крайней мѣрѣ, сродства. Позволительно даже допустить, что въ отмѣченныхъ звукахъ языка земли скрываются, быть можетъ, отголоски того языка, который не былъ ни литовскимъ, ни славянскимъ въ собственномъ смыслѣ слова, но который заключалъ въ себѣ зародышъ того и другого языка [2]) или—чтобы не выходить изъ круга историческихъ источниковъ—отголоски той эпохи, на которую намекаютъ „венедскій заливъ“ Птоломея и сообщенія Тацита [3]). Но для историка — это время пока недоступное.

Ограничиваясь фактами доступными — прежде всего въ области номенклатуры — мы можемъ сказать слѣдующее.

Во 1-хъ, общія русской и литовской территоріи названія, въ родѣ: Вилія, Жеревъ, Колпица, Котра, Локница, Меня, Нарова, Нача, Полтва, Окра, Таль, Теремша, Туросль и др. [4]), разбросаны на громадномъ пространствѣ, захватывая отроги Карпатъ на югѣ, переходя въ землю

---

[1]) Филологическій анализъ названій в. Польши и Мазовіи и сопоставленіе ихъ съ названіями русской низи было бы, думается, в. интересно. Перечни въ Źródłach, XIII и XVI т. могутъ послужить твердой основой для возстановленія формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ и актахъ не только польскихъ, но и нѣмецкихъ. Трудъ тяжелый, но благодарный.

[2]) Парафразирую замѣчаніе Г. Мейера о предкахъ нѣмцевъ и славянъ. Essays u. Studien zur Sprachgeschichte u. Volkskunde. Strassb. 1885, стр. 3.

[3]) „Національное имя Русскихъ и Эстовъ: Wene, Wend, Wenelane, Wendlane, у Финновъ: Venäjä, Venät, Veneläinen“. *Ю. Трусманъ*, Русскіе элементы въ Эстляндіи въ XIII—XV в. Временникъ эстл. губ. Ревель 1894.

[4]) См. рядъ III.

сѣверянъ на юго-востокѣ; а на с.-в. теряясь въ областяхъ несомнѣнно финскихъ.

Во 2-хъ, все почти русско-литовское сумежье представляетъ въ номенклатурѣ почти сплошное славянство въ топографіи, славяно-литовскій архаизмъ въ хорографіи [1]).

Въ 3-хъ, за этимъ сумежьемъ начинается территорія, довольно ярко характеризуемая названіями ряда II.

Въ 4-хъ, въ хоро- и топографическомъ отношеніи русско-литовское сумежье представляетъ полную аналогію всему русскому сѣверо-востоку, который былъ неславянскимъ еще на памяти исторіи и остается таковымъ въ хорографіи въ значительной степени и понынѣ.

Но на всемъ громадномъ пространствѣ русскаго с.-з. и с.-в. не замѣтно такого разнообразія мѣстныхъ названій какое бросается въ глаза, напр. въ Трансильваніи или на Балканѣ. Только въ названіяхъ рѣкъ встрѣчаемъ нерѣдко одни названія въ верховьяхъ, другія въ низовьяхъ [2]), но и это явленіе врядъ ли можно сопоставлять съ тѣмъ, что такъ замѣтно на югѣ, потому что у насъ иногда всѣ названія одноязычны (Свидовка—Болотная—Червонка, прит. Уборти).

Полную аналогію съ разноязычнымъ югомъ встрѣчаемъ у насъ лишь на далекомъ сѣверѣ, гдѣ „деревни имѣютъ часто два названія: одно — употребляемое обыкновенно въ устахъ мѣстнаго населенія, древнее, финское, а другое—въ оффиціальномъ языкѣ, русское“ [3]).

---

[1]) Напр. ломжинская и гродненская губерніи.

[2]) Усса — Дубовка (Немана), Нересль — Орлица (нижн. Нарева), Вкра — Дзялдувка, Мень — Лупянка (обѣ Вислы), Якубовка — Колоная (Нарева), Юховна — Оховка (Ипны прип.), Лубня — Дамарка (Припяти), Молодая — Вильчировъ (?) (Припяти), Свидовка — Болотница — Червонка (Уборти), Туросль — Бѣлая (Нарева), Гуечка — Спановка (з. Буга), Локница — Бѣгунка (Уборти), Пероша — Нертка (Орессы), Бучинка — Стердынка (з. Буга), Клодавница — Ргилевка (Варты), Лубянка — Щарбежъ (ю. Случи), Красова — Лосоня (Видавки).

[3]) *М. Веске*, Славяно-финскія культурныя отношенія. Казань 1890, стр. 3.

Въ этомъ фактѣ позволительно видѣть указаніе на то, что на нашей территоріи племенная ассимиляція уже успѣла затереть слѣды различій и слѣдовательно началась несравненно раньше, чѣмъ на территоріи карпатской.

Какъ совершалась эта ассимиляція — мирно или вооруженной рукой—вопросъ весьма интересный, но отвѣтить на него съ надлежащей точностью пока трудно, за недостаточностью археологическаго матеріала и почти полнымъ отсутствіемъ этнографическихъ и діалектологическихъ изученій. Что касается многочисленныхъ Городковъ, Городцовъ и проч., разсѣянныхъ по всему русско-литовскому рубежу, то значеніе ихъ не выяснено, а сила лѣтописнаго выраженія о Литвѣ: „испръва исконніи данници и конокръмци“ — значительно ослабляется рядомъ словъ въ земледѣліи и общежитіи общихъ Русскимъ и Литовцамъ и рядомъ литовскихъ терминовъ въ западно-русскихъ юридическихъ актахъ [1]). Послѣдніе извѣстны намъ отъ времени сравнительно поздняго, но историкъ имѣетъ полную возможность указать факты тѣснаго русско-литовскаго взаимодѣйствія и въ древности. Отмѣтимъ главнѣйшіе.

Литва выступаетъ на историческое поприще очень поздно, но именно она представляетъ самый яркій примѣръ, какъ долго можетъ тянуться растительный процессъ народной жизни, обыкновенно не включаемый въ исторію.

Исторія русско-литовскаго порубежья на нашей низи начинается собственно въ XIII вѣкѣ; но Коложская церковь въ Городнѣ, Дорогичинъ на Бугѣ свидѣтельствуютъ, что и здѣсь были, по крайней мѣрѣ, отдѣльные эпизоды, возвышавшіеся надъ простымъ процессомъ безвѣстной смѣ-

---

[1]) *E. Wolter*, Lithuanismen d. russ.-lith. Rechts-sprache, Mittheil. d. lit.-liter.-Gesell., H. 19. Къ примѣру: *мезлева*—дань скотомъ, *дякло*—дань хлѣбомъ, *петиницкіе пенези*—посокирщина, *койминцы*—обязанные жить около господскаго дома (первая ступень крѣпостничества), *текунцы*—разсыльные, *роитиникаи*—конюхи. Слова общія: *брогъ*—стогъ сѣна, *кетвиртайни*—четверть, мѣра, *клунья*—крытый овинъ, *примнъ*—крыльцо, *отметъ*—поле подъ паромъ.

ны раждаемости и смерти поколѣній. Но даже эти отдѣльные эпизоды не могли произвести крупнаго перелома въ растительномъ процессѣ жизни [1]).

Врядъ ли другая территорія представляетъ столь яркій примѣръ упорной, такъ сказать, тягучести историческаго процесса, и потому именно здѣсь можно освѣщать древнѣйшее отъ позднѣйшаго безъ боязни особенныхъ погрѣшностей.

Если отъ несомнѣнныхъ данныхъ объ утвержденіи литовскаго господства на Руси, путемъ браковъ Ольгерда и Любарта въ XIV в., восходить къ древности, то распространеніе литовской власти въ предшествующее время, напр., въ Смоленскѣ, въ началѣ второй четверти XIII в., причемъ Смоленскъ отдѣляется отъ литовскихъ владѣній русскими Полоцкомъ и Витебскомъ, представится не такимъ страннымъ, какъ представляется обыкновено. Аналогичные факты въ отношеніяхъ русскихъ князей къ литовскимъ встрѣчаются еще раньше [2]), а тѣсная связь между представителями Литвы и Руси на пограничьяхъ встрѣчается въ источникахъ уже въ половинѣ XII вѣка [3]), наконецъ, исторія отношеній Мстислава Мономашича къ Полоцку несомнѣнно доказываетъ солидарность не только русскихъ и литовскихъ князей, но и русскаго и литовскаго населенія: за войной съ „Кривичами“ слѣдуетъ война съ „Литвой“. Съ этого времени Полоцкъ все сильнѣе втягивается въ литовскія отношенія, почти совершенно устранившись отъ того, что происходило на русскомъ югѣ и сѣверо-востокѣ. Но есть факты, позволяющіе думать, что полоцкіе Кривичи не бездѣйствовали и притомъ — какъ оказалось — „русскія земли дѣля“.

---

[1]) Что̀, однако, врядъ ли исключало извѣстную культурность. См. интересный докладъ *Кочубинскаго*, Литовскій языкъ и наша старина. Труды IX съѣзда, I. М. 1895.

[2]) *Г. Латышъ*, XIII, 4, подъ 1209 г., о Всеволодѣ изъ Герсики.

[3]) Володарь Глѣбовичъ въ 1159. Ип. л. 340.

Цѣлый рядъ фактовъ, тщательно собранныхъ проф. Леонтовичемъ [1]), не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что расширеніе власти литовскихъ князей на Русь совершалось путемъ не завоеванія, а „пріязни, при содѣйствіи самого же населенія, видѣвшаго въ литовскихъ вождяхъ оберегателей, (по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ — до сближенія Литвы съ Польшей) спокойнаго развитія его внутренней жизни". Отношеніе къ литовскимъ князьямъ Галича, Кіева, Подоліи, Брянска [2]), Минска, Полоцка, Черной Руси, оставленіе вездѣ въ неприкосновенности старыхъ порядковъ, даже прежнихъ владѣтелей, за исключеніемъ случаевъ явной враждебности съ ихъ стороны, когда кто нибудь изъ нихъ „не всхотѣ покоры учинити и челомъ ударити", съ другой стороны — явное безсиліе противъ Литвы даже такихъ, повидимому, могущественныхъ князей, какъ послѣдніе представители русскаго княжескаго рода въ Галичѣ и на Волыни, указываетъ, что утвержденіе литовской власти на Руси было слѣдствіемъ бытовыхъ условій, созданныхъ вѣками взаимныхъ отношеній обоихъ племенъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что генеалогія полоцкихъ князей извѣстна намъ крайне смутно, а въ исторіи ихъ отношеній къ кіевскимъ князьямъ встрѣчается фактъ безпримѣрный — захватъ князей Мстиславомъ и отсылка ихъ въ Грецію. Съ этимъ именно обстоятельствомъ связываетъ воскресенскій сводъ „начало государей литовскихъ", причемъ то же самое встрѣчается и въ родственныхъ редакціяхъ, вѣроятно, литовско-русскаго происхожденія [3]). Въ т. наз. „литовскихъ" лѣтописяхъ нѣтъ подобныхъ указаній, но въ нихъ нѣтъ вообще ничего о древнемъ періо-

---

[1]) Очерки исторіи лит.-русскаго права. С.-ПБ., 1894.

[2]) Характерный намекъ на участіе брянскаго населенія въ утвержденіи литовской власти, Ник. л. X, 228.

[3]) Предисловіе къ лѣтописцу в. князей литовскихъ. Рукоп. Публ. Библ. F. IV. NN. 238, 239.

дѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ сказывается оффиціальный характеръ [1]).

Намъ кажется весьма характернымъ то общее сознаніе западно-русскихъ людей, что литовская власть представляетъ не иное что, какъ лишь смѣну власти кіевскихъ князей; такъ же точно, какъ власть московская представляетъ смѣну литовской [2]).

Мы знаемъ, что ядромъ литовской государственности послужилъ собственно небольшой округъ верхней Литвы съ Керновомъ, Троками, Вильной, Кревомъ, такъ сказать, въ переходной русско-литовской полосѣ.

Со времени Миндовга литовскіе князья заручаются владѣніями въ сосѣднихъ русскихъ земляхъ. Ерденъ и Товтивилъ утверждаются, при содѣйствіи Миндовга, въ земляхъ полоцкой и витебской.

Было ли это завоеваніе? Сомнительно.

„Съ XIII столѣтія волости центральной Литвы сводятся въ три отдѣльныя земли: Керновскую, Трокскую и Виленскую, въ значеніи родовыхъ „дѣльницъ" и „отчинъ" великихъ князей литовскихъ. Въ концѣ того же вѣка и началѣ слѣдующаго образуются двѣ новыя группы волостей Гедиминовичей, вошедшихъ послѣ въ составъ великокняже-

---

1) *С. Смолка*, Najdawniejsze pomniki. Крак. 1889, стр. 47.

2) Между прочимъ, въ одномъ изъ отрывковъ сборника: „Лѣтописцы Волыни и Украины", Библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, N. 2168. Описаніе указанной рукописи въ Сборникѣ лѣтописей, относящихся къ исторіи ю. и з. Россіи, Кіевъ, 1888 г., стр. XII сл., не даетъ понятія о памятникѣ.—Отмѣчено, что самыя обширныя статьи лѣтописнаго Сборника представляютъ выписки изъ Стрыйковскаго, Гвагнини, Бѣльскаго, отчасти Синопсиса, но, кромѣ того, есть „прибавленія, заимствованныя изъ неизвѣстныхъ намъ варіантовъ русскихъ лѣтописей". Казалось бы, это и представляетъ наибольшій интересъ, но главное вниманіе издателей было обращено на времена позднѣйшія; относящееся къ древности оставлено поэтому въ сторонѣ. Изданіе своеобразной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ редакціи русско-литовскихъ преданій о началѣ литовскаго государства было бы, во всякомъ случаѣ, полезно.

скихъ владѣній. Одна группа общинъ образовалась въ кревской и сосѣдней съ ней лошской волости, на рубежѣ Литвы съ Бѣлоруссіей (минской землей), другая — въ землѣ Лидской, на южной окраинѣ Литвы, прилегавшей къ Черной Руси. Въ остальныхъ частяхъ территоріи собственной Литвы, за рубежемъ владѣній князей рода Гедимина, объединеніе и собираніе раздробленныхъ и независимыхъ одна отъ другой волостей и общинъ въ болѣе или менѣе обширныя земли и княжества было дѣломъ князей, не принадлежавшихъ къ роду Миндовга и Гедимина — потомковъ мѣстныхъ волостныхъ вождей и старшинъ" [1]).

Но родъ Миндовга и Гедимина сохранилъ надъ ними верховенство. Почему? Съ насъ достаточно поставить этотъ вопросъ.

Въ жизни русскаго сѣверо-запада отношенія къ Литвѣ при Гедиминѣ и Гедиминовичахъ особенно замѣчательны. Они обслѣдованы очень мало, но въ тотъ періодъ, который подлежитъ точному историческому освѣщенію, мы видимъ тѣсную солидарность Литвы и Руси съ совершенно безспорнымъ преобладаніемъ русской культуры [2]).

Загадочныя данныя греческихъ источниковъ намекаютъ, что это взаимодѣйствіе проявлялось уже раньше XIV вѣка: первоначальное учрежденіе литовской митрополіи состоялось якобы во времена императора Андроника Палеолога старшаго (1282 — 1328 гг.), а въ большинствѣ списковъ Андрониковской росписи архіерейскихъ каѳедръ это время опредѣляется даже 1291—1292 годомъ, и хотя дата внушаетъ сильныя подозрѣнія, тѣмъ не менѣе многіе изслѣдователи склонны относить самый фактъ къ 1300 году.

---

[1]) *Ѳ. И. Леонтовичъ*, Очерки 40.

[2]) *В. Б. Антоновичъ*, Очеркъ исторіи в. княжества литовскаго; *Н. П. Дашкевичъ*, Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства; мое изслѣдованіе „Борьба Польши и Литвы-Руси," С.-ПБ. 1890. Ср. также *Надеждина*, Сѣверо-западный край Имперіи, Журн. М. В. Д. 1843.

ому бы тогда въ Литвѣ могла принадлежать инициатива кого учрежденія? [1]).

Всѣ эти факты такого характера, что они заставляютъ едположить длинный періодъ тѣснаго взаимнаго общенія оихъ племенъ, и если несомнѣнные факты такой солирности историкъ встрѣчаетъ уже въ XII в., то завязаться и должны были несравненно раньше. Именно въ исторіи сско-литовскихъ отношеній древность очень ярко освѣется временемъ позднѣйшимъ, извѣстнымъ намъ довольно чно [2]).

Примемъ во вниманіе природный характеръ русскотовской территоріи, полное отсутствіе естественныхъ ружей между обоими племенами, и указанные факты полутъ еще большее значеніе.

Инымъ характеромъ природы слѣдуетъ объяснять иной рактеръ отношеній ляшско-литовскихъ, по крайней мѣрѣ, мазовско-прусскомъ рубежѣ. Мазовскіе князья, говотъ Садовскій, напрасно силились преодолѣть естественю преграду, какую представляли болота прусскаго поозея. Даже соединенныя усилія польскихъ князей не придили ни къ чему. Въ иномъ положеніи оказались здѣсь мцы. Рыцари пошли по той дорогѣ, которую вѣрно редѣлилъ еще геній Болеслава Храбраго: укрѣпившись Вислѣ и на переходахъ черезъ Оссу, они обезпечили бѣ тылъ, завладѣли Помераніей и затѣмъ, двигаясь по камъ, притиснули Пруссовъ къ тѣмъ же болотамъ, котоые до тѣхъ поръ ограждали ихъ отъ Поляковъ [3]).

Со стороны великой Польши успѣхи Ляховъ, ограничись лишь довольно раннею ассимиляціей земли Хелминской [4]).

---

[1]) *А. С. Павловъ*, О началѣ галицкой и литовской миополіи. *Русское Обозрѣніе*, 1894, V.

[2]) Опытъ общей характеристики древнихъ русско-литовхъ отношеній сдѣланъ мною въ статьяхъ: Польша и польвопросъ. Русское Обозр. 1894, и отдѣльно.

[3]) *Sadowski*, Drogi handlowe, 11.

[4]) *W. Kętrzyński*, O ludności polskiej w Prusiech niegdyś yżackich. Lw. 1882. Почтенный ученый старается доказать

Объ отношеніяхъ къ Пруссамъ ляшскаго Поморья слишкомъ мало данныхъ.

Подводя краткій итогъ, можно сказать, что чистое славянство обнаруживается лишь на правомъ скатѣ Припяти и на прикарпатскомъ болоньѣ, связывающемъ славянство восточное съ западнымъ.

Здѣсь все звучитъ по славянски.

Важнѣйшую группу въ языкѣ этой земли составляютъ названія, связанныя или съ природой, или съ дѣятельностью человѣка. Тѣ же названія, только съ діалектическими оттѣнками, повторяются и на всей славянской землѣ. Но этотъ языкъ прерывается даже на разсмотрѣнной нами низи, а тамъ, гдѣ нѣкоторые нѣмецкіе ученые [1]) помѣщаютъ прародину Славянъ — на Валдаѣ, верховьяхъ Днѣпра, Дона и Волги — звучатъ не по славянски не только урочища, но нерѣдко и поселенія.

Эти несомнѣннѣйшіе факты насильно увлекаютъ изслѣдователя въ другую сторону — на югъ. Туда же, какъ мы видѣли, уводитъ и языкъ земли.

Обратимся къ анализу возвышенности.

V.

Граница низи и возвышенности на русской территоріи лежитъ на припатско-днѣстровскомъ водораздѣлѣ; правый скатъ верхней Вислы и Одры входитъ уже въ область горъ, но вообще этотъ скатъ не имѣетъ особеннаго значенія, и занимающая насъ возвышенность объединяется въ общемъ тяготѣніи къ Черному морю. Все ея пространство — это уже европейскій востокъ.

На с.-в. вкраѣ этого пространства, на границѣ лѣсной низи и черноморской выси, на высокомъ берегу Днѣпра стоитъ Кіевъ — мать русскихъ городовъ. Съ его воло-

---

значительное вліяніе польскаго элемента на землю любавскую и Померанію.

[1]) *Müllenhoff*, D. Alterthumskunde, II, 89. Berl. 1887.

сти мы и начнемъ. Названіе ея — *„польская“* земля вводитъ насъ сразу въ кругъ тѣхъ же территоріальныхъ обозначеній, опредѣляемыхъ природой, какія мы указали въ обозрѣніи низи. Гдѣ поле, тамъ и земля польская, поляне, и потому полянъ встрѣчаемъ и на кіевскомъ полѣ, и на ляшскихъ поляхъ — какъ въ великой Польшѣ, такъ и въ Слезіи—и на территоріи Галичины. Юрьевъ польскій обнаруживаетъ ту же терминологію и на суздальскомъ сѣверѣ, а болгарскія поля на нижнемъ Дунаѣ, во Ѳракіи и равнины между горъ (Златицкая, Софійская, Кюстендильская, Туловское поле), Моравское поле на с. Моравѣ показываютъ, что это названіе служитъ общимъ, повсемѣстнымъ территоріальнымъ обозначеніемъ и сплошь и рядомъ переносится и на жителей, какъ это доказываютъ кюстендильскіе, софійскіе, кратовскіе поляки или польцы [1]). Обычное ограниченіе кіевскаго поля пространствомъ между Днѣпромъ, Росью и Ирпенемъ можетъ имѣть, поэтому, лишь

[1]) О послѣднихъ *К. Иречекъ,* Cesty, 63, 381, 429. О ляшскихъ полянахъ, *Карловичъ,* O imieniu Polaków i Polski, Pam. fizjogr. I; *Неринтъ,* Ueber die Namen für Polen u. Lechen, Архивъ Ягича, III; *Первольфъ,* Polen, Lachen, Wenden, тамъ же, IV. Ср. также *Карловичъ,* Imiona plemion i ziem, Pam. fizjogr. II и особенно *Первольфъ.* Slavische Völkernamen, Арх. Ягича, VII—VIII. Послѣдняя статья имѣетъ свою исторію: редакція Архива, не соглашаясь, очевидно, съ основной мыслью статьи (старобытность славянства), обѣщала сообщить потомъ свои замѣчанія. Обѣщаніе, однако, не было исполнено. Затѣмъ, въ мнѣніяхъ о статьѣ Первольфа чрезвычайно разошлись такіе крупные представители науки, какъ Крекъ и Милленгофъ. Въ глазахъ Крека, статья представляетъ „заслуживающій признательности опытъ“ объясненія славянскихъ племенныхъ названій, „со многими объясненіями можно, по его мнѣнію, вполнѣ согласиться, другія имѣютъ извѣстную степень вѣроятности“. Einleit. 339 пр. 3. А вотъ что говоритъ Милленгофъ: „Первольфъ потѣшилъ насъ заявленіемъ, что всѣ германцы къ востоку отъ Лабы въ дѣйствительности были славяне... возражать противъ такихъ глупостей было бы излишне“. D. Alt. II, 77. Эта противоположность взглядовъ ярко характеризуетъ современную научную устойчивость въ этого рода вопросахъ.

значеніе предѣловъ кіевской волости. Придавать этому термину другое значеніе, искать границъ территоріи русскихъ полянъ въ Кіевщинѣ—значитъ искать то, чего нельзя найти, такъ какъ терминъ—„поляне“—имѣетъ чисто топическое, а никакъ не этнографическое значеніе [1]).

Вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ В. Поль по поводу названія—*Ополье.* Названіе это прилагается обыкновенно къ галицкимъ округамъ тернопольскому, чортковскому и бережанскому, но въ то же время оно распространяется народомъ на громадное пространство днѣпровскаго правобережья и смежныхъ Волыни и Галичины, до днѣстровой Верешицы. Вліяніе сухихъ степныхъ вѣтровъ, сравнительная бѣдность лѣса составляетъ отличительную черту этого пространства [2]). Правильный земледѣльческій бытъ возможенъ здѣсь только при умѣньи „ловить воду“, и дѣйствительно, все Ополье характеризуется искусственными прудами (ставы). По приблизительному вычисленію Поля число болѣе значительныхъ ставовъ простирается до 4.215; топографическія названія отъ слова ставъ, очень распространены. На нѣкоторыхъ ставахъ образовались

---

[1]) „Въ болѣе древнюю эпоху, до напора кочевниковъ, полянскія поселенія могли переходить за Рось, въ бассейны Тясмина и Буга; существованіе осѣдлыхъ поселеній за Росью доказывается кладами римскихъ монетъ: такіе клады совершенно аналогичные, идутъ черезъ всю Кіевскую губернію, отъ Чернобыля до Крылова“. *Грушевскій,* Кіевск. з., 2 пр. 3. Это разсужденіе Грушевскаго, какъ равно его же замѣчаніе объ исконныхъ жилищахъ полянъ къ югу отъ Стугны, гдѣ Перепетово „чистое поле“, тамъ же 7, пр. 4, совершенно такого же рода, какъ и опредѣленіе территоріи полянъ у Барсова по названіямъ отъ слова—поле. Иное дѣло замѣчаніе Грушевскаго, что земля кіевская называлась полемъ только по сравненію съ землею древлянъ.

[2]) *Поль,* приводитъ слѣдующія польскія пословицы и поговорки, характеризующія Ополье: wsie opolne bez płota i łomu; okolica opolna, gdzie już słomą, oczeretem i kirpiczem palą; w opolach nie wytnie biczyska; tyle lasu w opolach ile na witkę i biczysko stanie. Dzieła, X, 127.

острова съ деревьями. Пространство „ставнаго Ополья“ играетъ не малую роль въ перелетѣ птицъ, благодаря ставнымъ очеретамъ и илу. Сюда прилетаютъ птицы съ Каспія и Байкала. Все это, кажется, вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе Поля, что система искусственныхъ водъ въ нашемъ Опольѣ значительно старше, чѣмъ въ остальной Европѣ. „Если бы, говоритъ Поль, устроить валъ изъ всѣхъ запрудъ, то длина его значительно бы превысила длину желѣзнодорожной линіи“. Что подобныя сооруженія могутъ создаваться лишь въ теченіе ряда вѣковъ, что они требуютъ знанія мѣстности и давней насиженности, объ этомъ, конечно, нечего распространяться [1]). Соотвѣтственно такому широкому смыслу слова въ народномъ употребленіи, и лѣтопись примѣняетъ слово — поле къ степи [2]).

Это общее названіе вовсе, однако, не исключаетъ и болѣе частныхъ обозначеній отдѣльныхъ мѣстностей, соотвѣтственно ихъ спеціальному характеру. На указанномъ обширномъ полѣ мы встрѣчаемъ *Подолье* — пространство днѣстровскаго водоската, перерѣзанное глубокими рѣчными долинами многочисленныхъ лѣвыхъ притоковъ Днѣстра, тѣсно связанное съ верхнимъ Побужьемъ (ю. Буга) [3]). Въ свою очередь и это пространство имѣло и имѣетъ частныя обозначенія: ю.-в. часть Подолья (къ в. отъ Мурафы) называ-

---

[1]) Ополянъ съ 20 городами встрѣчаемъ у географа баварскаго; но какіе это Ополяне, врядъ ли можно сказать рѣшительно.

[2]) Ип. л. 43, 341. Ср. въ былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ: Настасья Королевишна... ѣздитъ въ чисто поле полякуетъ, слыветъ поляницей преудалою. *Тихонравовъ-Миллеръ*, Былины стар. и нов. записи. М. 1894. стр. 118.

[3]) Границы Подолья: Стрипа на западѣ, Днѣстръ на югѣ, линія Днѣстра (приблизительно у Калюса) черезъ Мурафу къ Брацлаву и Сокольцу на юго-востокѣ, водораздѣлъ Буга и Случи на сѣверѣ, *Молчановскій*, Подольск. з., 12, 69, можетъ имѣть, конечно, лишь в. условное значеніе.

ется *Побережьемъ*[1]); ю.-з. — *Покутьемъ*[2]). Въ свою очередь, далѣе, и послѣднее названіе имѣетъ разныя обозначенія: Покутье въ обширномъ смыслѣ — это все пространство къ югу отъ Днѣпра до Карпатъ; въ болѣе узкомъ — уголъ между Черемошемъ и Прутомъ.[3]). На пространствѣ Подолья встрѣчаемъ и лѣтописное *Понизье* — небольшая полоса на среднемъ теченіи Днѣстра[4]).

Прибавимъ, что въ составъ „поля" могла входить и нѣкоторая часть отнесеннаго выше къ низи „болонья".

Подвигаясь далѣе къ юго-западу, мы очутимся въ подгорьяхъ и горахъ. Все горное пространство нашей территоріи народъ называетъ *горами*, праславянскимъ словомъ, родственнымъ санскритскому, литовскому и греческому. Весьма характерно, что съ этимъ словомъ соединяется представленіе и о лѣсѣ[5]), то есть, надо думать, о горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, какими является въ дѣйствительности большая часть Карпатскихъ горъ, а равно и то, что терминъ „гора" сохранился и въ преданіяхъ о пути апостола Андрея изъ Корсуня въ Новгородъ „по Днѣпру горѣ" и угровъ „мимо Кіевъ горою" и даже въ XIII вѣкѣ о приходѣ варяговъ въ Новгородъ „горою на миръ", очевидно, въ смыслѣ берега, береговаго пути и вообще сухопутья[6]).

Это общее названіе въ измѣненной формѣ можетъ служить и частнымъ обозначеніемъ. *Горцемъ*, напримѣръ,

---

[1]) Труды экспедиціи *Чубинскаго*, VII, 2, 460, *В. Поль*, Pôln. wsch. 92, *Карловичъ*, Imiona niekt. plemion, Pam. fizjogr. II, 508.

[2]) Значеніе названія — *Миклошичъ*, Die slavisch. Ortsnamen aus Apellativen, Denkschrift. XXIII, N. 205. Далѣе ссылки на это сочиненіе будутъ означаться лишь цыфрами. *Карловичъ*, к. в., 509.

[3]) *Шараневичъ*, Rys, 105 пр. 91.

[4]) Ип. л. 502, 506, 525.

[5]) *А. С. Будиловичъ*, Первобытные славяне, 41. Такое же значеніе имѣетъ слово — гора у Болгаръ и теперь.

[6]) *Барсовъ*, Очерки, 19. Выраженіе — *горою* значитъ и теперь на сѣверѣ: сухимъ путемъ. *Погодинъ*, Изсл. II, 35.

называется восточная часть западнаго Бескида, между Бабьей горой и Пѣнинами [1]).

Съ XIV вѣка это общее названіе стало вытѣсняться на славянскомъ югѣ другимъ названіемъ—*планина* [2]), вполнѣ соотвѣтствующимъ русскому *полонина* (и даже поляна: напримѣръ, Русская поляна (на картахъ „поляна“). Діалектологическій синонимъ этого названія представляетъ *голя*, *галя*. Гдѣ горы, тамъ и *подгорья* [3]), гдѣ *гали*, тамъ *подгалья* [4]). Съ возвышеннымъ пространствомъ связано названіе *верхъ*. Оно прилагается къ безчисленнымъ вершинамъ горъ и возвышенностей, какъ частное названіе [5]), но

---

[1]) Названію *горецъ* вполнѣ соотвѣтствуютъ искаженныя названія—*горицiя*, *грецъ*. *Надеждинъ*, Опытъ, 52, ср. *H. Jireček*, Antiquae Bohemiae topographia подъ: Hercynia silva, Pogorici, Zahoregewicy и др.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ *K. Jireček*, Das Fürstenthum Bulgarien, 2 пр. 1.

[3]) *Подгорьемъ* называются округа Саноцкій, Самборскій, Стрыйскій и Станиславовскій. (Карта *Головацкаго*, Приложеніе къ „Пѣснямъ“). Названіе это встрѣчаемъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ славянской земли, какъ для обозначенія цѣлыхъ округовъ, такъ и отдѣльныхъ мѣстностей, въ частности Hegyalja—лишь переводъ нашего термина. Подгорье упоминается въ лѣтописи въ XIII вѣкѣ (Ип. 516, 529), въ документахъ XIV вѣка, Мой отчетъ о заграничной командировкѣ. Варш. Унив. Изв. 1893, II.

[4]) *Подгале* — возвышенности, прилегающія къ Татрамъ, но и въ другихъ мѣстахъ, напр. Galya Gebirg — с. з. склоны Матры. Карта L. 7. О широкомъ распространеніи названій отъ этого корня у юго-западныхъ славянъ *Miklosich*, XXIII, N. 116. Бѣлоруссы называютъ галями — поляны въ лѣсахъ, ср. прогалина. *Карловичъ*, Imiona niektórych plemion i ziem, Pam. fizjogr. II, 509. Въ виду этого, нельзя считать названіе *голя* западно славянскимъ, въ противоположность полонинѣ на юго-востокѣ, а слѣдуетъ усматривать въ обоихъ лишь діалектическій синонимъ, вѣроятно, праславянскій, какъ и полонина. Сравни *Jireček*, Topograph: Silva, quae vulg. dicitur Hole, ubi custodes silvae ducalis, qui dicuntur hayni, въ 1183 г.

[5]) *Miklosich*, XXIII, N. 747. Въ Татрахъ названіе *верхъ*,

можетъ служить и общимъ обозначеніемъ цѣлой части пространства. *Верховиной* называется и центральная часть Карпатъ и все порѣчье верхняго Днѣстра и даже Днѣпра и припятско-днѣстровскій водораздѣлъ [1]).

Если прибавить сюда названіе: *Украина*, *Краина* [2]), прилагаемое къ разнымъ окраинамъ политическихъ территорій, получимъ всѣ главнѣйшія общія обозначенія, охватывающія чуть-ли не всю нашу территорію: отъ кіевскаго поля до словацкихъ галь, отъ балканскихъ планинъ до древней русской Украины въ Забужьѣ.

Такимъ образомъ, и здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ, какой былъ указанъ выше, при анализѣ низи. Всѣ указанныя названія имѣютъ въ устахъ народа живой смыслъ, употребляются имъ необыкновенно точно. Польскіе горали, напр., не признаютъ себя поляками: „какія тутъ у насъ поля? Куска ровнаго нѣтъ, — горы и горы. Мы горали" [3]). Нѣчто подобное можно отмѣтить и у русскихъ верховинцевъ, которые, называя такъ вообще своихъ сосѣдей, употребляютъ однако, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ своимъ селамъ, болѣе частныя обозначенія, попреимуществу чисто топическія.

Болѣе близкое знакомство съ характеромъ народной терминологіи открываетъ цѣлую бездну между ученой и учебной географіей и дѣйствительностью, которую должна бы отражать эта географія. Чтобы сколько нибудь приблизиться къ пониманію живой дѣйствительности, нужно совершенно забыть то, что говоритъ о ней наша мертвая географія. Указанныя названія имѣютъ живой смыслъ и въ большинствѣ случаевъ живописуютъ природную дѣйствительность

вирхъ господствуетъ. На картѣ Татръ, Pam. fizjogr., VI, показано 64 такихъ названія.

[1]) *В. Поль*, Półn. wschód.

[2]) Украина—въ нынѣшнемъ русскомъ Забужьѣ, Ип. 460; Краина—въ ужанской и земненской столицахъ; Краище—сербоболгарская граница; южно-русская Украина называлась такъ и въ Польшѣ, и въ Москвѣ.

[3]) *Карловичъ*, O imieniu Polaków, Pam. fizjogr. I, 418.

и потому вовсе не имѣютъ той опредѣленности границъ, какую мы стараемся имъ придать, отчасти по необходимости, но, во всякомъ случаѣ, съ нарушеніемъ живого смысла понятій, отчасти подъ вліяніемъ нѣмецкимъ, которое— особенно въ географіи — держится у насъ чрезвычайно упорно [1]).

Совершенно то же слѣдуетъ сказать и объ обозначеніяхъ отдѣльныхъ горныхъ цѣпей.

Мы указали уже, что названіе — *Бескидъ* имѣетъ довольно широкое примѣненіе — общее и частное. Здѣсь прибавимъ только, что названіе это примѣняется не исключительно къ водораздѣльному хребту: Бещады, широкій и низкій Бескидъ не служатъ водораздѣломъ. Равнымъ образомъ названіе это встрѣчается и въ топографіи: Беско, Бещъ (въ сѣверо-западной Галиціи), Бескъ, Бещница (въ русской Польшѣ). Замѣчательно, что у Гуцуловъ съ Бескидомъ связывается представленіе о всемъ горномъ кряжѣ отъ Вратислава до Орсовы: „Дунай два раза прорвалъ Бескидъ", говорятъ они [2]). У польскихъ гоpалей существуетъ слово *бескидить* [3]).

---

[1]) Вѣрность нѣмецкихъ географическихъ терминовъ въ обозначеніи славянскихъ земель, давно по достоинству оцѣнили не только западные Славяне, но и Мадьяре. См. интересную статью *I. Hunfalvy*, Die magyarischen Ortsnamen u. Herr Prof. Kiepert, Ung. Revue, 1883. Здѣсь указано не мало примѣровъ общеизвѣстнаго нѣмецкаго тугоушія. О нашихъ географическихъ познавіяхъ и о постановкѣ у насъ отечествовѣдѣнія нельзя говорить безъ боли и стыда.

[2]) *В. Поль*, Póln. wschód.

[3]) Kędy się Gorzec kończy, beskidzi woda od Węgier. На мѣстѣ объясняютъ эти названія, кажется, ужъ слишкомъ просто: Бескидъ = бѣс — кидъ, Бещадъ = бѣс — чадь. Такое объясненіе, правда, вполнѣ соотвѣтствуетъ народному представленію о бѣсовыхъ камняхъ и горахъ, нѣм. Teufelskinder, но что значитъ Бескъ, бещница? Non liquet. Трудно допустить и связь съ нѣм. bescheiden, какъ Будиловичъ и Браунъ, сопоставляя съ нашимъ: дѣлъ. Этому противорѣчитъ сложность слова. Дѣлъ и теперь Scheidelinie. Если бы названіе было

Дѣлъ. Такъ называется обыкновенно западная часть главнаго кряжа Бескида, служащая водораздѣломъ; но названіе встрѣчается часто и въ другихъ мѣстахъ: Русскій дѣлъ (между Черной Тисой и Черемошемъ), Борліовъ и Великій дѣлъ (между Латорицей и Борзовой), Высокій дѣлъ (между Ославой и Вислокой санской), Дѣлъ (между Вугомъ [1]) и Лаборцемъ), Nagy del, т. е. великій дѣлъ (къ ю. отъ Мишковца) [2]). Очень часто въ приложеніи къ отдѣльнымъ вершинамъ,—въ Трансильваніи въ румынской формѣ dealu; въ Старой Планинѣ — *дѣлъ* въ живомъ употребленіи, въ смыслѣ водораздѣла — около Софіи [3]), въ другихъ мѣстахъ часто въ хоро- и топографіи [4]). Съ этимъ названіемъ связано названіе — *ростока*, мѣсто, откуда рѣки текутъ въ разныя стороны. Росточьемъ называется также часть люблинско-белзскаго погорья (между Бугомъ и Саномъ) [5]); ростока-гронь въ верховьяхъ Солинки санской. Въ Старой Планинѣ такія мѣста носятъ названіе *пресѣкъ* (пресьяка) — нерѣдкое и въ Карпатахъ [6]).

Названіе — *Горганы* прилагается также не къ одной лишь цѣпи, орошаемой правымъ скатомъ верхней Тисы (между Черной Тисой и великимъ Агомъ); имъ обознача-

---

готскаго происхожденія, оно должно бы быть столь же распространено и на Балканѣ, но въ названіяхъ горныхъ цѣпей я его тамъ не встрѣтилъ; нѣтъ и у *К. Иречка*, Cesty.

[1]) Такъ называетъ народъ р. Унгъ.

[2]) Карты: М.—6, L. М.—7.

[3]) *К. Иречекъ*, Cesty, 228, приводитъ выраженіе изъ народной пѣсни около Софіи: „искарай ме на висока дела", гдѣ дѣлъ — то же, что верхъ.

[4]) Дѣлокъ (Топольницы днѣстр.), Дѣлова (на Балк. полуостровѣ впадаетъ въ оз. Островъ). Поэтому болѣе чѣмъ странно, что *Малиновскій*, O niektórych wyrazach, Rozpr. wydz. filg. II, 2, 7, считаетъ слово румынскимъ. У Македо-влаховъ его не существуетъ. *Pič*, Streitfrage, 49.

[5]) *Будиловичъ*, Обзоръ, 49.

[6]) Точно опредѣлить природный характеръ карпатскихъ пресѣкъ я не могу. О значеніи слова въ Слезіи см. выше стр. 113,

ется также и горная цѣпь въ Трансильваніи (между верховьями Мароша и мал. Тырнавы, по мад. Kükülló).

Чрезвычайно распространено названіе—*Магура*, какъ въ примѣненіи къ горнымъ цѣпямъ (оравская, спижская Магура), такъ и отдѣльнымъ возвышеніямъ. Въ Трансильваніи, напр., по счету К. Иречка [1]), оно встрѣчается 97 разъ. Заслуживаетъ вниманія слово—*могира* у Бойковъ въ значеніи громадный [2]), мадьярская форма — mohora и словацкая — могурка [3]); св. Могоръ въ Цельскихъ горахъ [4]).

Татры. Кромѣ словенскихъ Татръ есть и русскія Товтры (Тоутры или даже Толтры) [5]). Въ топографіи встрѣчаемъ с. Тоутры на Днѣстрѣ къ югу отъ Залѣщикъ.

Бердо (древне-славянское — бръдо, болгарское бърдо, русское — бердъ, болдъ, а на Покутьи — баудъ) [6]). Названіе встрѣчается чаще въ Старой Планинѣ и славянскихъ Аль-

---

[1]) Gesch. d. Bulgaren, 82.

[2]) *Л. Малиновскій,* O niektórych wyrazach, 10.

[3]) *P. Покорный,* Potulky, II, 10.

[4]) *Будиловичъ,* Обзоръ 34. Б. м., въ бойковскомъ—*могира* мы имѣемъ такое же чередованіе *л* и *р*, какъ клада и крада. *Соболевскій,* Нѣсколько мѣстъ лѣтописи. Чтен. въ общ. Нест., V. Ср. также: разрогъ и разлогъ, бердъ и болдъ. О распространеніи могилъ на балк. полуостровѣ *К. Иречекъ,* Gesch. d. Bulg., 54. У Македовлаховъ нѣтъ magura, *Pič*, Streitfrage, 49.

[5]) Слово, по Полю, значитъ скала. То же *Тутковскій,* Юго-зап. край, 79. Дѣйствительно названіе — *скалка* попадается нерѣдко въ названіяхъ верховъ, какъ въ Татрахъ (Червона Скалка), такъ и въ Товтрахъ (Раставецкая, Борецкая). Древнѣйшая форма у Козьмы: montes Tritri, но правильно ли? Вѣроятно то же слово въ рѣкахъ: Tatrang, но въ низовьяхъ— Tatras, въ верховьяхъ Trotus (Фекетейды олутск. или Черной Воды, какъ называютъ ее и теперь Волохи, *Hunfalvy*, Rumänen, 40), Trotus (Серета).

Что такое названія -- Матра, Фатра, Ватра?

[6]) Такъ, по кр. м., утверждаетъ *Кирворъ*, Bołdy w Stryjskiem, Zb. wiad. III. Не относится ли сюда же названіе *брадло* (въ Мал. Карпатахъ) и вѣроятно мадьярское искаженіе — paradla (въ Словацкомъ Красѣ)?

пахъ, чѣмъ на Карпатахъ; но все же и здѣсь есть [1]). Отрогъ Шумавы въ Чехіи и теперь называется *Берды* даже понѣмецки, Бердо къ югу отъ Кромерижа. Въ другихъ мѣстахъ (особенно въ сложныхъ словахъ) искажено въ werde, wurdi [2]).

Гронь — высокая гора и просто гора. Часто въ Бескидахъ, въ Татрахъ — Грубый Гронь [3]).

Турня—названіе весьма распространенное въ Татрахъ, преимущественно для острыхъ вершинъ выше галь, напримѣръ, Свистова турня, Сивянскія турни, Скальныя врота. Названія весьма характерныя. Что съ нимъ связано названіе альпійскихъ Турней (Tauern), врядъ ли можно сомнѣваться. Даже Милленгофъ не допускаетъ возможности считать его заимствованіемъ изъ нѣмецкаго [4]). Названіе широко распространенное по всей нашей территоріи въ хоро- и топографической номенклатурѣ.

Гребень, напр., въ Татрахъ: Копрова, Завратъ, Копы, Липтовскіе Муры; въ русскихъ горахъ встрѣчаемъ *Гребенище;* на югѣ въ горахъ сербскихъ и болгарскихъ этому названію соотвѣтствуетъ, повидимому, *било* [5]). *Прислопъ* вездѣ въ Карпатахъ, въ частности довольно часто въ Трансильваніи; въ Старой Планинѣ *преслопъ* хотя по преимуществу въ топографіи; *регля* [6]); *уплазъ; чука* въ Старой

---

[1]) Гора Бердо въ Марамарошѣ на правомъ берегу Борзовы.

[2]) *Миклошичъ*, XXIII N. 34.

[3]) *Миклошичъ*, Wanderungen d. Rumunen, Denkschr., XXX: „nur bei den Huculen u. in der Bukowina vom. rum. gruiú". Съ нимъ согласенъ и Малиновскій, к. в., 8. Названіе встрѣчается не только у Гуцуловъ и въ Буковинѣ, но въ Татрахъ и даже въ названіи одного изъ мелкихъ притоковъ Горыни. Въ Татрахъ оно чередуется съ названіемъ верхъ. На Балканахъ оно мнѣ не попалось, но въ Краищѣ есть с. Груинци или Груенци, *Cesty* 410, 435.

[4]) Deutsche Alterthumskunde, II, 83.

[5]) *К. Иречекъ*, Cesty, 228.

[6]) Поль такъ объясняетъ это названіе: „kraina regli—są to pasma górzyste, które w kształcie sromych upłazów (terasów)

Планинѣ, *чикъ* — въ Карпатахъ; *прелука* или *перелучье* (польск. przełęcz).

Цѣлый рядъ названій связанъ съ покрывающими горы лѣсами.

Буковина. Одно изъ немногихъ названій, получившее официальную и научную санкцію въ приложеніи къ возвышенной области на верховьяхъ Прута, Серета, Молдавы. На всей нашей территоріи и на славянской территоріи вообще распространено въ безчисленномъ множествѣ. Отмѣтимъ для примѣра цѣпь въ водораздѣлѣ Буга и Сана, а также на лѣвомъ берегу Самоша (въ его изгибѣ, въ Сатморскомъ комитатѣ). Въ латинской транскрипціи Bakenis silva, Buchonia; въ нѣмецкомъ искаженіи *Buckau*, Buchwitz [1]). Думается, что сюда же относятся названія горныхъ кряжей: *Бюкъ* (западный отрогъ Лапоша), *Пикъ* (восточный вскрай Мишковецкихъ горъ).

Яворникъ — цѣпь горъ въ водораздѣлѣ Вага и верхней Бечвы, а также въ западномъ Бескидѣ. Яворжиска, Яворъ — въ восточномъ, долина Яворжинка въ Татрахъ. Названіе распространено на всей славянской территоріи. Въ латинскихъ и нѣмецкихъ искаженіяхъ Ahornicus mons, Ahornic, Jauernig, Jauarnick, Jawornitz, Jawirnitz [2]).

Смерекъ — названіе нѣсколькихъ горъ въ западномъ Бескидѣ; Смерчина—гора между Ольшей и Моравкой; Смречинскія гали, Смречинскій верхъ, Смречинскій ставъ—у самаго верховья Чернаго Дунайца [3]); Смрековецъ—небольшая цѣпь горъ на верховьяхъ Попрада; Смерчины — цѣпь горъ въ Чехіи (Фихтель).

---

biodra Tatrów do koła osłoniły ciemnym płaszczem lasów". Dzieła, VI, 9.

1) *Миклошичъ*, XXIII, N. 42.

2) Тамъ же, N. 182.

3) Названіе - ставъ примѣняется въ Татрахъ не только къ небольшимъ озерамъ, но и къ горамъ. Что касается формы: смрековецъ, смречинскій, какъ на картахъ, то за точность ея не могу ручаться. По Будиловичу должно быть полногласіе. Первоб. Славяне, 137.

Яблонки — яблонковскій перевалъ.

Ясеновецъ — на верхней Нитрѣ.

По роду лѣса чрезвычайно распространено на всей нашей территоріи названіе *Черной горы* и *Чернаго лѣса*, и какъ бы въ противоположность: *Бѣлыя Карпаты* и *Бѣлявы*.

Отъ животныхъ: горы *Медвежскія* (въ новоградск. комит.), Недзвицкія (сѣверный отрогъ западнаго Бескида); *Вепръ*, лѣсистый, дикій, бездорожный кряжъ къ югу отъ Липтовскихъ горъ и нѣсколько отдѣльныхъ горъ [1]).

Горная цѣпь между Нитрой и Грономъ называется *Пташникъ*, а отъ разныхъ видовъ птицъ, особенно *орловъ*, *соколовъ*, *ястребовъ*, *гаврановъ* заимствуютъ свои названія множество отдѣльныхъ вершинъ. Къ часто повторяющимся названіямъ принадлежатъ еще слѣдующія. *Свидовецъ* или *свидникъ* [2]), *плѣшивецъ* [3]), *вѣтрникъ* или *вѣтерникъ* [4]), *камень* [5]), *стогъ*, *рогатецъ* [6]), *роги*, *столъ*, *столиво*, *волосачъ*, *тлустый* или *толстый*, *грубый* (т. е. верхъ или гронь) *синякъ*, *красный* или *красна*, *срибникъ*, *томнатикъ*, *лопушна* [7]),

---

[1]) Что касается названій — Свиня, Свинячъ, то многія (на нѣмецкихъ картахъ черезъ *S* или *Z*) несомнѣнно въ связи съ звонъ, напр., *Дзвинячъ гронь*, въ верховьяхъ Сана. Ср. Вел. Звонецъ или Звонникъ въ Хорутаніи (Gr. Glockner). О правописаніи — Звонимiръ, *Крекъ*, Einleit., 346.

[2]) Ср. рѣки рядъ I. Названіе это въ р. Польшѣ встрѣчается 8, въ Галиціи 7 разъ. Небольшая цѣпь горъ въ верховьяхъ Черн. Тисы.

[3]) Цѣпь въ Гёмерскомъ комит. между Солоной и Бодвой. Plesu и Plesuva горы на правомъ берегу Праговой, недалеко отъ Синаи. Въ нѣм. искаженіи Pelsec и даже Fleischnitz, *Реманъ*, 370.

[4]) Вѣтряныя голи въ Словачинѣ, Вѣтренъ, Вѣтрила, Вѣтрна Воденица въ Планинѣ.

[5]) Schartenstein — чортовъ камень въ Мал. Карпатахъ Kemnitz-Kamm — цѣпь Изерскихъ горъ.

[6]) Небольшая цѣпь въ верховьяхъ Люты вужской.

[7]) По мадьярски: Lapos — цѣпь горъ на правомъ берегу Самоша; здѣсь же и р. Lapos. Что lapos — лопухъ см. Пряшевскій схематизмъ 1892 стр. 50.

перехрестье, *згаръ* или *зджяръ* [1]), *ворота* [2]), *горбъ* [3]), *кръкъ* [4]), *рътъ* [5]), *скоруховъ*, *реванъ*, *криванъ*, *гноздъ*, *понорь*, *стража* [6]).

Къ горной номенклатурѣ принадлежатъ также названія: *поломъ* и *ломиско*—мѣста, засыпанныя обломками скалъ [7]),

---

[1]) Оба названія въ верховьяхъ Черемоша и Тисы. Зджяръ—цѣпь горъ въ верховьяхъ Нитры; фамилія Здзярскій.

[2]) Названіе распространенное: дунайскія тѣснины — у Вратислава наз. ворота *угорскія*, у Вышеграда — *дунайскія*, у Орсовы — *желѣзныя*. Желѣзными воротами наз. и горная тѣснина въ зап. вскраѣ цыбинско-вулканской цѣпи (на Быстрой темешск.) и въ Планинѣ; тамъ же и Трояновы ворота. Ворота *русскія:* porta Ruscie, que Montana dicitur, per quam in Hungariam patebat aditus, M. Rogerii, Carmen miserab. *Endlicher* Scriptor. rer. Hungaric., 264; ср. 265, 267. Это, безъ сомнѣнія, долина Горнада. Ср. также *Шараневичъ*, Указатель до картины земель предъ и за Карпатами. Гал.-р. Литерат. Сборн. 1869, стр. 120. Въ Татрахъ — Завратъ. Названіе — Varatiek встрѣчается часто въ Трансильваніи и въ горахъ *Весы* (въ с.-в части Бихарск. комит.).

[3]) *Горбъ* менчоловскій — небольшая цѣпь около Лавочнаго, витівскій — лѣсистая цѣпь у верховьевъ Сана. *Горбы* — небольшая лѣсистая возвышенность въ долинянскомъ и стрыйскомъ уу. *Горбки* — гора въ лѣсистомъ Бескидѣ. *Горбиско* — лѣсистая возвышенность въ добромильск. у. Słown. Geogr. Въ топографіи названія: горбово, горбачево, горбуля, горбиша часто.

[4]) Повидимому, преимущественно въ топографіи.

[5]) По преимуществу въ Планинѣ. По объясненію Иречка—гора съ одной стороны крутая, съ другой отлогая, *Cesty*, 228. Употребляется также *рътлина*. Въ Трансильваніи — въ топонимiи. Въ Gesch. d. Bulg., 4, Иречекъ пишетъ *Hъrten*, въ такомъ случаѣ не приходится сопоставлять съ названіемъ *ретезъ* — у Словаковъ горная цѣпь вообще, то же, конечно, и въ названіи горной цѣпи на верховьяхъ Стрѣла и Шила — Ретіазатъ. Форма эта по образованію напоминаетъ форму Vihorlat—южная цѣпь Бещадовъ. О значеніи послѣдняго названія *Реманъ*, 492.

[6]) Оба названія довольно часто въ Трансильваніи.

[7]) Но *зломиско* поваленный вѣтромъ лѣсъ. *Реманъ*, 121.

перебой — водопадъ (напр., на Прутѣ у Доры), въ Планинѣ — *скокъ* и *праскало;* лѣсныя полянки называются въ Гуцульщинѣ — *царинки;* тамъ же встрѣчается названіе *ребра* — углы горъ [1]), въ Планинѣ этому соотвѣтствуетъ, повидимому — *брѣгъ*. Низменныя сырыя поляны въ Татрахъ называются *млаками* [2]), мочаристыя мѣста бывшихъ озеръ — *мозгровисками* [3]). Послѣднее названіе, вѣроятно, мѣстное за то очень распространено названіе *вертебъ* [4]), въ Планинѣ этимъ словомъ обозначается и пещера и водоворотъ въ рѣкѣ [5]).

Повторяемъ, на указанныя названія можно смотрѣть какъ на имена нарицательныя, — такъ часто они повторяются и притомъ на всемъ пространствѣ нашихъ горъ. Одни названія встрѣчаются чаще въ однихъ мѣстахъ, другія въ другихъ, но опредѣлить сколько нибудь точно раіонъ ихъ распространенія, сказать, напр., что такое-то названіе встрѣчается только на югѣ или только на сѣверѣ, рѣшительно нельзя.

Большая часть этихъ названій принадлежитъ къ тому же разряду географической номенклатуры, какъ и указанныя нами въ низи названія рѣкъ I ряда. Потому они встрѣчаются и въ названіяхъ рѣкъ, и опять таки повсемѣстно. Отмѣтимъ нѣкоторыя.

Бердѣлевка (Бужка). *Болдарка* (Стыря). *Вѣтерница* (ю. Моравы). *Гавраловецъ* (Мароша). *Горбо* (Самоша), *Горбава* (на картѣ—Гарбава, Молдавы), *Горбовый* (Оравы, въ бас. Стрыя). *Горье* (Gorje, Тисы). *Горнадъ* (Тисы). *Гронь* (Дуная) [6]). *Звинячскій* потокъ (Днѣстра). *Згаръ* (ю. Буга).

---

[1]) *Реманъ*, 522. Характерно, что такъ же называется и одинъ изъ правыхъ притоковъ Самоша.

[2]) Ср. рѣки рядъ I.

[3]) *Реманъ*, 100.

[4]) Тамъ же, 372: въ Словачинѣ и Подольѣ. Vertopu часто въ Трансильваніи.

[5]) Въ отличіе отъ *виръ* — омутъ. Сини виръ дно нема. *Cesty*, 228 пр. 7. Ср. рѣки рядъ I.

[6]) Такъ называютъ обѣ эти рѣки Словаки.

Кремянка (Днѣстра). *Ломъ* (съ одноим. притоками, Дуная), *Ломна* (Ольсы одр.), *Ломница* (Днѣстра, Попрада, Топли). *Лопушна* (Прута, Серета, Черемоша), *Лопушанка* (Черной Тисы), Laposnya (Görgeny [1]) марошск.). Laposului (Самоша). *Смречанка* (Вага). *Соколинъ* (Мизунки), *Соколовъ* (Русковы вишеевск.). *Стогова* (бѣл. Тисы). *Сторожецъ* (Путиллы черемошск.). *Томнатикъ* (Сучавы).

Ограничимся этими примѣрами.

Если примемъ во вниманіе, что указанныя названія повторяются сплошь и рядомъ въ поселеніяхъ, что они встрѣчаются въ фамиліяхъ и прозвищахъ [2]), то, очевидно, приходится сказать, что и на пространствѣ горъ и возвышенности мы встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ, о которомъ подробно говорили, при номенклатурномъ анализѣ низи — съ фактомъ чрезвычайно тѣсной связи мѣстныхъ названій съ природой и дѣятельностью человѣка. Этотъ же фактъ встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ давней насиженности [3]), слѣдовательно, *мы должны считать его общимъ закономъ въ образованіи мѣстныхъ названій* и потому именно должны усматривать въ языкѣ земли самый надежный показатель этнографическаго состава, занимающаго ее населенія.

Въ историко-этнографическихъ вопросахъ, связанныхъ съ нашей территоріей, это обстоятельство имѣетъ самое рѣшительное значеніе, и это значеніе выступитъ еще ярче, если вспомнить сказанное выше по поводу генриховской Записи. Семьсотъ съ лишнимъ лѣтъ нѣмецкаго господства въ Слезіи не могли затереть славянскаго характера слезской земли, хотя несомнѣнно обезобразили и, еще болѣе, обезсмыслили ея языкъ. Тысячелѣтнее господство Мадьяръ и отдаленная давность на нашей территоріи Румынъ, конечно, не могли пройти безслѣдно, но все же Тиса отъ

---

1) Названіе это въ связи съ — Горганы.

2) Въ Пряшевскомъ схематизмѣ 1892 г. есть фамиліи: Бескидъ, Гвоздъ, Мочаръ; въ Мукач. — Чучка.

3) Ср. замѣчаніе *Иречка* о названіяхъ ѳрако-иллирскихъ. Gesch. d. Bulg. 62.

верховья до устья остается Тисой, т. е. чуждымъ, непонятнымъ для мадьярина звукомъ, имѣя въ то же время на славянской землѣ своихъ родныхъ сестеръ-соименницъ въ Тисовичкѣ и Тисовцѣ (Днѣстра), Цисавѣ (Шварцавы), Циснавѣ (Быстры скавск.) и многочисленныхъ горахъ, нѣкогда покрытыхъ тисомъ, а потому и нынѣ называющихся *тисовцами* — названіемъ особенно понятнымъ и дорогимъ русскому уху (ворота тисовы — въ народной поэзіи, кровать тисова — Сл. о полку Игоревѣ)[1]. То же самое слѣдуетъ сказать и о названіи мадьярской столицы, о трансильванскихъ Тырнавахъ и Бѣлградѣ[2]. Не мало славянскихъ *Быстрицъ* назвали Мадьяре по своему: *Sebes*, но рушить всѣ не были въ силахъ, многія и понынѣ они называютъ и будутъ называть чуждымъ, непонятнымъ для нихъ словомъ Besztercze, какъ трансильванскій Саксъ — Bistritz, Feistritz, Румынъ — Bistrita. Такъ же нерушимыми остались и многочисленныя *Ворзовы* или Берзавы (хотя нѣкоторыя стали Borson), и та знаменитая *Черна*, славянство которой утвердилъ наконецъ Момсенъ и въ нѣмецкой наукѣ[3].

---

[1]) Здѣсь кстати замѣтить, что форма Tibiscus не подтверждается эпиграфически, ибо надпись съ этой формой, по мнѣнію Момсена — поддѣлка XVI в. *T. Ortvay*, Magyarország regi vizrajza I, 267.

[2]) О трансильванскомъ Бѣлградѣ (по мад. Gyula-Fehérvár) Гунфальви говоритъ слѣдующее: „die Burg war gewiss eine ungrische: denn wäre sie schon vordem eine slavische gewesen, die Ungern hätten kaum den Namen umgeändert, so wie sie Nógrád, Csongrád, Vissegrad unverändert liessen". Но оказывается, что и несомнѣнно славянскій южный Бѣлградъ мадьяре назвали по своему: Fehér-var, но въ отличіе отъ трансильванскаго, съ приставкой — Nandor- (или Lándor-). *P. Hunfalvy*, Die Rumänen und ihre Ausprüche, 42.

[3]) Tsierna quin fuerit ubi fluvius etiam nunc Cserna dictus influit in Danuvium prope Orsovam veterem dubitari nequit. За Момсеномъ Кипертъ нестѣснительно провозгласилъ, что имя второй траяновой колоніи — „die einzige alte Spur slavischer Sprache in dieser Gegend," удержалось въ притокѣ Дуная — Черна. *Кочубинскій*, Дун. Зал. 46.

Историко-этнографическій смыслъ и значеніе этой Черной станетъ безспорнымъ, если посмотрѣть на нее не въ текстѣ писателей или въ собраніи надписей, гдѣ она является въ сиротскомъ одиночествѣ, а если взглянуть на нее на картѣ, гдѣ она окажется въ сопутствіи своихъ многочисленныхъ сестеръ-соименницъ [1]), если принять во вниманіе законъ языка земли.

Въ названіяхъ рѣкъ — бѣлая, черная — отмѣченъ характеръ водъ. Лѣсныя воды отличаются обыкновенно особеннымъ цвѣтомъ, въ зависимости отъ лѣснаго ила, руды торфа, наконецъ, отъ соотвѣтственныхъ растеній, древесныхъ корней и даже насѣкомыхъ. Воды Вислы и Нарева отличаются не только цвѣтомъ, даже на значительномъ пространствѣ по сліяніи, но и особеннымъ характеромъ: вислинскіе гады, сопровождающіе плоты вплоть до устья Нарева, не выносятъ его водъ и жмутся къ лѣвому берегу [2]). Истоки, напр., Черной Вислы представляютъ „лужу чернаго болота", тоже и истоки Чернаго Дунайца. Въ противоположность имъ бѣлыя воды. Если смотрѣть, напр., на вислинскую Бялку съ Крыжнаго верха, то воды ея кажутся бѣлоснѣжными на общемъ темнозеленомъ фонѣ [3]).

Весь сѣверъ Россіи усѣянъ этими названіями, особенно Черными, но рядомъ съ другими, неславянскими названіями рѣкъ, они представляютъ, вѣроятно, славяно-русскій переводъ древнѣйшихъ чудскихъ названій. На занимающей насъ территоріи названіямъ бѣлыхъ и черныхъ водъ сопутствуютъ вездѣ славянскія названія, а на смѣшанной — славяно-нѣмецкой, славяно-мадьярской, славяно-румынской, славяно-турецкой полосѣ видимъ шварцавы, вейсбахи, названія рѣкъ съ приложеніемъ fekete и feher; нягры и альбы (Альбинецъ лѣвый притокъ Чернаго Черемоша), кара- и ак-, представляющія такой же переводъ славянскихъ

[1]) Недалеко отъ нея на сѣв. Черна (Марошa), на вост. Черна (Ольтицы) и друг.

[2]) *В. Поль*, Póln. wsch. 144, 229.

[3]) *В. Hoff*, Lud cieszyński, 4.

названій, какъ сѣверно-русскія черныя и бѣлыя — чудскихъ.

Было бы слишкомъ утомительно перечислять всѣ эти названія. Достаточно сказать, что отъ Нарева на югъ, мы встрѣчаемъ эти названія очень часто въ примѣненіи къ рѣкамъ, озерамъ бужско-припятскаго поозерья, урочищамъ и поселеніямъ. Карпатскія горы, на всемъ ихъ протяженіи, являются средоточіемъ бѣлыхъ и черныхъ водъ. То же и въ балканскомъ продолженіи Карпатъ.

Еще болѣе вниманія заслуживаетъ повторяемость *быстрыхъ* и *быстрицъ*. Не находя возможности перечислять безчисленныя Быстрицы, обратимъ вниманіе лишь на общее ихъ расположеніе. На русской территоріи Быстрицы подымаются до 52°. Въ бассейнѣ Вепря на небольшомъ пространствѣ встрѣчаемъ Быстрицу (Тысменицы, Вепря и недалеко отъ нея къ западу — Вислы). На той же широтѣ встрѣчаемъ къ востоку Быстрицу (Мухавца около Кобриня, Припяти), далѣе на востокѣ онѣ встрѣчаются нѣсколько южнѣе: Быстрица (Перевозни случской), Быстрѣевка (Тетерева и Мыки тетеревской), Быстрица одинъ изъ рукавовъ нижняго Тетерева. Точно также онѣ спускаются къ югу и на западной сторонѣ люблинской возвышенности, расположившись, преимущественно, на широтѣ 50°, Быстра (Скавы, Солы), Быстрица (Моравы чешской; Рѣчки шварцавской,Ниссы одринской (Weistritz) слѣва и Mistrich справа, Цыдлины лабской, Эгера), сѣвернѣе эти названія встрѣчаются лишь спорадически. Къ югу отъ обозначенныхъ чертъ можно идти по Быстрицамъ далеко во всѣ стороны: до верховьевъ Савы (Feistritz около Любляны) до Адріатической Быстрицы (противъ Корфу) и на юго-востокъ до Быстрицы салоникской. Особенно центральная часть обозначеннаго пространства буквально усѣяна быстрицами — рѣками, поселеніями и даже горами (этимъ именемъ называется нѣсколько вершинъ въ Татрахъ; Быстрица ломницкая вытекаетъ изъ горы Быстрой и пр.).

Какой бы смыслъ ни придавать этому названію — скорости ли теченія, или цвѣта водъ (у Сербовъ быстрый—

ясный) — все таки безчисленныя быстрицы, какъ и безчисленныя бѣлыя и черныя должны служить несомнѣннымъ указаніемъ на славянство тѣхъ мѣстъ, которыя орошаютъ своими водами; а если этимъ названіямъ сопутствуютъ другія славянскія же, вполнѣ отвѣчающія закону языка земли, мало того, не утратившія своего славянскаго характера послѣ ряда вѣковъ и историческихъ обстоятельствъ, крайне неблагопріятныхъ для славянства, то территорія, усѣянная этими названіями, должна быть признана славянскою, по крайней мѣрѣ, въ историческомъ смыслѣ, и если есть ученые, которые позволяютъ себѣ отвергать это, то они доказываютъ лишь рѣшительное непониманіе смысла и значенія такого факта, какъ языкъ земли [1]). Въ виду

[1]) *Müllenhoff*, D. Alt. II, 378, перечисливъ названія: Tsierna, Bersobis, Pathissus, Bustricius, Pelso съ указаніемъ текстуальныхъ упоминаній и в. краснорѣчивымъ „udglm,“ замѣчаетъ, что эти названія „würden nur dann „klare Zeugnisse für das Alterthum der Slaven im Westen der Karpaten ablegen“, wenn sie nicht ebenso wie ehedem das heutige Černa an der Marica... viele entschieden nicht slavische neben sich hätten. Diese machen es jedem vorurtheilslos u. methodisch denkenden doch räthlich auch die slavisch aussehenden für echte einheimische Erzeugnisse des Bodens, auf dem sie gefunden werden, u. nicht für fremde Setzlinge oder Schösslinge zu halten, da die Annahme vorhistorischer slavischer Einwanderung oder gar slavischer Urbevölkerung in Thracien, Illyrien, Pannonien u. Dacien dieselbe Ungereimtheit nur in noch höherem Masse ergibt als die gelehrte Fabel, dass die Deutschen im XII u. XIII Jahrhundert im Osten der Elbe neben den Slaven eine alte germanische Bevölkerung angetroffen hätten“. Это разсужденіе совершенно такого же рода, какъ и разсужденіе Куника о Руси на югѣ: выводъ дѣлается не только независимо отъ фактовъ, но прямо наперекоръ фактамъ. О разноименности названій въ нашей низи, слѣд. о возможности нѣсколькихъ названій одной и той же рѣки, даже при отсутствіи этнографической смѣси, см. выше, 135 пр. 2. Чуть ли не повсемѣстная двойственность и даже тройственность названій въ Трансильваніи представляетъ фактъ, съ которымъ долженъ считаться каждый изслѣдователь, раз-

этого факта возможно предположить, что разнообразіе формъ, въ какихъ встрѣчается наша Черна [1]) въ греческихъ и латинскихъ памятникахъ древности, совершенно аналогичное разнообразію написаній славянскихъ словъ въ древнѣйшихъ документахъ Германіи и другихъ славянскихъ мѣстъ, вошедшихъ въ кругъ инороднаго воздѣйствія, можетъ указывать, что фактъ искаженія славянскаго языка земли не такъ новъ, какъ полагается обыкновенно, что рамки номенклатурнаго анализа могутъ быть, слѣдовательно, раздвинуты и на древность [2]). Но, въ виду указанныхъ выше методическихъ соображеній, отъ этого должно пока воздержаться. Мы должны забыть о славянскихъ названіяхъ нашей территоріи у Плинія и Птоломея, должны держаться времени, не допускающаго никакихъ сомнѣній.

суждающій „непредвзято и методически", и слѣд. Черна и Быстрица должны служить несомнѣннымъ признакомъ существованія Славянъ за Карпатами задолго до того времени, когда ихъ толкнулъ туда, по образному выраженію Милленгофа, „крѣпкій кулакъ чужого завоевателя". (D. Alt. II, 90). Еще два слова по поводу замѣчаній проф Грота о славянской номенклатурѣ. Отмѣтивъ совершенно вѣрно связь многихъ названій съ дѣятельностью человѣка (что замѣтилъ и *Kämmel*, Die Anfänge deutsch. Lebens in Oesterreich. Лейпц. 1879.), проф. Гротъ утверждаетъ, что славянскія названія относятся „исключительно къ отдѣльнымъ мѣстечкамъ и къ колонизуемымъ пунктамъ территоріи и не касаются цѣлыхъ земель и болѣе обширныхъ мѣстностей". Мор. и Мад. 62. Мы видѣли, что дѣйствительность указываетъ совершенно другое. Также точно невѣрно и проводимое здѣсь же различіе между славянскими названіями (по мѣстоположенію) и нѣмецкими (по имени владѣльцевъ), невѣрно потому, что названія притяжательныя составляютъ и среди славянскихъ, какъ мы видѣли въ генриховской Записи, весьма значительный процентъ.

[1]) Всѣ онѣ обозначены у *Милленгофа*, к. в.

[2]) Опытъ такого анализа представляетъ трудъ *Кукульевича-Сакцинскаго*, Panonija rimska, Rad jugosl. Akad. XXIII, Zagr. 1873, особенно стр. 89—91, гдѣ хорографія. Достоинства этого труда признаетъ и *Крекъ*, 314.

Такимъ образомъ, мы готовы, вмѣстѣ съ Крекомъ, сожалѣть о тѣхъ усиліяхъ, которыхъ столько было потрачено и тратится понынѣ на доказательства старобытности Славянъ на занимающей насъ территоріи [1]), но сожалѣемъ объ этомъ вовсе не потому, что мысль о старобытности Славянъ за Карпатами „сама по себѣ безплодна", какъ, повидимому, готовъ думать Крекъ, а потому, что разработка этого вопроса требуетъ совсѣмъ иныхъ методическихъ пріемовъ, чѣмъ тѣ, которые примѣнялись до сихъ поръ. Въ частности, въ обстоятельствѣ, что теорія славянской старобытности и на занимающей насъ территоріи находила себѣ приверженцевъ даже „среди ученыхъ необыкновенныхъ дарованій и широкихъ основательныхъ знаній" [2]), мы усматриваемъ весьма существенный показатель ея научной законности. Но если гдѣ, то именно здѣсь слѣдуетъ — повторимъ слова Надеждина — особенно памятовать мудрую рѣчь стариковъ: festina lente. „Наступать въ разсыпную, разить вмѣстѣ" рекомендуетъ Крекъ, мы бы прибавили еще: и не забѣгать впередъ, а подвигаться отъ извѣстнаго шагъ за шагомъ, какъ бы ни было медленно движеніе.

Это извѣстное отъ IX в. восходитъ къ VI-му и въ своемъ этнографическомъ тожествѣ не подлежитъ сомнѣнію: іордановы Славяне вполнѣ соотвѣтствуютъ „Словенамъ", хорошо знакомымъ нашей лѣтописи. Но какъ ни рѣшительны ея заявленія о жилищахъ Словенъ въ землѣ угорской и болгарской, все же эти извѣстія недостаточно опредѣленны. Они оставляютъ насъ въ неизвѣстности по двумъ самымъ существеннымъ пунктамъ: 1) относительно предѣ-

---

[1]) Къ перечисленнымъ у *Крека*, Einleit. 313, трудамъ прибавимъ новѣйшій трудъ *Ом. Партицкаго*, Старинна історія Галичины, відъ VII в. передъ Христомъ до року 110 по Христі. Льв. 1894.

[2]) *Крекъ*, 314. Здѣсь же указывается, что съ того времени, какъ географическій смыслъ термина—Германія все болѣе утверждается въ наукѣ, получаетъ большее значеніе и теорія славянской старобытности.

ловъ территоріи „Словенъ“ [1]); 2) „словенство“ нашей территоріи представляетъ, въ сущности, понятіе безъ всякаго опредѣленнаго содержанія: мы не знаемъ, къ какому виду Славянъ отнести этихъ „Словенъ“; представляютъ ли они изъ себя нѣчто отдѣльное, самостоятельное, въ смыслѣ племеннаго вида, или это были части сосѣднихъ племенъ: Словаковъ, Болгаръ, Русскихъ. Заявленіе лѣтописи о единствѣ языка Словенъ дунайскихъ, моравскихъ, ляшскихъ и русскихъ не даетъ никакой опредѣленной точки опоры, ибо, при единствѣ „словеньской грамоты, положенной, по лѣтописи, въ Моравѣ“, нельзя предполагать единства живыхъ нарѣчій на очерченномъ лѣтописью безграничномъ пространствѣ славянства.

Также неопредѣленны наши свѣдѣнія о южныхъ предѣлахъ велико-моравскаго и сѣверныхъ границахъ болгарскаго государства. Даже знаменитый въ исторіи нашей культуры „путь моравскій“ не извѣстенъ намъ съ надлежащей точностью [2]). Названіе „Морава“ обозначаетъ какъ территорію южной или сербо болгарской Моравы и Дуная, такъ и территорію „Вышнихъ Моравъ“, т. е. сѣверной или словено-моравской Моравы, занимавшей, по Шафарику, оба берега Дуная (почему и двойств. число). Въ этомъ обозначеніи мы видимъ такую же неопредѣленность, какъ и въ „поляхъ“, „деревахъ“ и проч.

Слова Святослава: „нелюбо ми есть въ Кіевѣ жити, хощю жити въ Переяславцѣ на Дунаѣ, яко то есть среда земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ паволоки, золото, вино и овощи разноличные, и изъ Чеховъ, и изъ Угоръ серебро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, и медъ, и челядь“, доказываютъ, что еще во второй половинѣ X вѣка на нашей территоріи кипѣла жизнь, въ которой могли принимать участіе и сравнительно глухіе углы Трансильваніи, ибо недаромъ именно здѣсь расположенъ, и притомъ съ замѣчательной правильностью, цѣлый рядъ

---

[1]) Т. е. сплошь, или съ перерывами?

[2]) *Будиловичъ*, Общеславянскій языкъ. II, 36.

рѣкъ Путнъ [1]). На необычный для нашихъ представленій характеръ жизни указываетъ роскошь и богатство такихъ центровъ, какъ болгарская Преслава и русскій Кіевъ. Совокупность этихъ данныхъ представляетъ несомнѣнно весьма краснорѣчивое свидѣтельство объ общемъ характерѣ жизни, но точныхъ письменныхъ показаній объ этомъ имѣется слишкомъ мало, и вслѣдствіе этого невозможно указать частностей, безъ которыхъ наше представленіе остается слишкомъ общимъ.

Показанія начинаются лишь съ того времени, когда на нашей территоріи появляются новые элементы, благодаря чему прежній характеръ жизни, основанный на естественномъ ходѣ обстоятельствъ и обычаѣ долженъ былъ измѣниться въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ это мы видѣли въ Слезіи въ XII — XIII в., въ Галичинѣ въ XIV в., на Волыни въ XV. Гдѣ такое измѣненіе хода жизни произошло раньше, для тѣхъ мѣстъ имѣются и болѣе раннія свидѣтельства. Оттого, напр., для Трансильваніи мы имѣемъ грамоты съ конца XI в., а первое документальное упоминаніе названія Мармароша мы встрѣчаемъ лишь въ послѣдній годъ XII в. [2]), и самыя прилежныя разысканія не могли открыть до сихъ поръ болѣе трехъ грамотъ, къ нему относящихся, раньше 1241 г. [3]).

Но вмѣстѣ съ умноженіемъ документальныхъ данныхъ объ исторической территоріи „Словенъ", судьбы этого славянства покрываются густымъ мракомъ. Славянскіе отзвуки слышатся лишь въ языкѣ земли, и слѣдовательно, съ XI—XII в. мы оказываемся въ такомъ же положеніи, въ ка-

---

[1]) Борзона марошск., Быстричоры—Быстрицы молдавск., Молдавы, Молдавицы, Сучавы, Серета. Карта О. 8—7. Кромѣ того: Путилла—Черемоша, Путничора—Путны сучавск., Путна—Лужанки (въ бас. Днѣстра). Ср. также *Шараневичъ*, Указатель къ картинѣ, 123.

[2]) Cod. dipl. patr. II, N. 1. Благодаря г. Тагани, я имѣю возможность исправить невѣрное обозначеніе одного села въ печатномъ текстѣ этой грамоты: не Rouoht, а Rouozt.

[3]) *Гунфальви*, Rumänen, 112.

комъ находимся и относительно времени, предшествующаго VI вѣку, въ виду, напр., знаменитой Черной, возводящей славянскіе отзвуки къ памятнымъ славянству временамъ Траяна [1]).

Этотъ языкъ земли давно, какъ мы видѣли [2]), обратилъ на себя вниманіе, но и современныхъ изслѣдователей онъ повергаетъ въ полное недоумѣніе: „Одно, говоритъ Тейчъ, представляетъ полную загадку, не освѣщаемую даже преданіемъ, именно: какую таинственную связь съ прошлымъ имѣютъ славянскія названія страны въ мѣстопоселеніяхъ, горахъ, поляхъ, рѣкахъ". Такъ же удивляется Б. Орбанъ названіямъ: Orosz-hegy, Orosz-falu, Volal, Kovaszna, въ странѣ Секлеровъ, считая ихъ загадкой неразрѣшенной [3]), и если Гунфальви полагаетъ, что „исторія уже разрѣшила эту загадку", ибо-де исторія даетъ возможность дѣлать различіе между старыми и новыми славянскими названіями (причемъ названія отъ корня: *рус*, конечно, новыя, т. е. лишь съ Норманновъ), то даже допуская такое различіе, все же останется непонятнымъ какъ то, почему славянская номенклатура древней Дакіи отличается такою устойчивостью, при предполагаемомъ Гунфальви лишь тонкомъ и даже спорадическомъ слоѣ древняго

---

[1]) *Дриновъ*, Заселеніе 76—84. Не говорю о восполняющихъ пробѣлъ извѣстій о Славянахъ: „стравѣ" (Іордана) и „медѣ" (Приска). Слова эти не принадлежатъ къ номенклатурѣ и, слѣд., они, такъ сказать, болѣе подвижны. Трудно не признавать ихъ славянства, но не слѣдуетъ огульно осуждать и болѣе или менѣе обоснованныхъ сомнѣній; такъ какъ они лишь содѣйствуютъ всестороннему уясненію вопроса. Ср. *Васильевскій*, о мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ, Роксоланъ. Ж. М. Пр. 1882, ч. 222 и 226, и мнѣнія объ этомъ *Первольфа*, Slav. Völkernamen, Арх. Ягича, VIII, 28 и *Крека* Einleit. 261, 436. Кстати замѣчу, что на „медъ" заявили въ послѣднее время притязаніе Румыны. *Пичъ*, Streitfrage, 55 пр. 25.

[2]) См. выше, гл. I, отд. I.

[3]) *Teutsch*, Gesch. d. Sibenb. Sachsen, Leipz. 1874. *B. Orbán*, Das Szeklerland (a Székely föld). Эти указанія взяты у *Гунфальви*, Rumänen 48.

славянства, такъ и то, почему, при предполагаемой Гунвальфи одновременности вселенія Руси и Секлеровъ, послѣдніе употребляли славяно-русскія названія, или къ славянскимъ названіямъ прибавляли однозначащія мадьярскія (напр. Hegyesholmu), хотя были элементомъ, надо думать, господствующимъ, а не наоборотъ, и еще болѣе, почему эти названія представляютъ постепенность въ искаженіяхъ, обнаруживая въ своей исторіи медленное замираніе славянскихъ элементовъ [1]). Полагаемъ, что и Гунфальви не могъ бы считать этотъ вопросъ уже разрѣшеннымъ исторіей.

Несмотря, однако, на то, что языкъ земли, особенно Трансильваніи, обращалъ на себя вниманіе многихъ ученыхъ, мы не имѣемъ въ наукѣ никакихъ указаній по вопросу о степени и предѣлахъ его распространенія на занимающей насъ территоріи. Даже въ топографическомъ словарѣ Чанки Трансильванія оставлена въ сторонѣ. Правда, проф. Кочубинскій представилъ подробный анализъ номенклатуры названій въ древнихъ грамотахъ, относящихся къ Дунайскому Залѣсью, а Пичъ составилъ небольшую карту распространенія названій отъ корня *рус*, но, какъ ни важны обѣ эти работы, все же онѣ не даютъ представленія о степени распространенія славянскихъ названій вообще, а между тѣмъ въ вопросѣ о предѣлахъ

---

[1]) Указаніе славянскихъ элементовъ въ трансильванскихъ грамотахъ см. у *Кочубинскаго*, Дун. Залѣсье. Совершенно такіе же факты встрѣчаемъ и на почвѣ всего зап. славянства, что подало поводъ нѣмецкимъ ученымъ утверждать, что славянскія названія, напр., Тюрингіи обязаны своимъ возникновеніемъ славянскимъ плѣннымъ, поселеннымъ здѣсь нѣмецкими господами. Не отвергая возможности отдѣльныхъ случаевъ подобнаго рода, трудно, однако, понять, почему нѣмецкіе господа должны были обязательно употреблять славянскія названія своихъ слугъ, испытывая несомнѣннѣйшія неудобства, при произношеніи этихъ названій, не имѣя возможности правильно и однообразно записывать ихъ. Еще болѣе непонятно, почему эти названія представляютъ постепенность искаженій. Ср. выше 49 пр. 1 и *Войцѣховскій*, Chrobacya, 326 сл.

славянства на занимающей насъ территоріи главное значеніе имѣетъ именно степень распространенія славянской номенклатуры.

Важно опредѣлить съ возможною точностью, есть ли на занимающей насъ территоріи мѣста, не запечатлѣнныя славянскими слѣдами или нѣтъ, а если есть, то гдѣ именно. Только такое опредѣленіе можетъ дать сколько нибудь точный отвѣтъ на вопросъ о *предѣлахъ* нашего славянства [1]). Оно же можетъ сообщить твердую точку опоры и въ вопросѣ о Волохахъ, составляющемъ до сихъ поръ, наряду съ вопросомъ о „Словенахъ“, историческую загад-

---

[1]) По этому вопросу мы имѣемъ лишь стилистическія упражненія. Миклошичъ, напр., отводя для Словенъ пространство „отъ воротъ Цареграда до Баваріи“, прибавляетъ, однако: „schwerlich ohne Unterbrechung“. Gesch. d. Lautbezeichn. im Bulg. Denkschr. XXXIV, стр. 100. Крайне сбивчивъ и Гунфальви. „Als die Magyaren das Land occupierten und es Erdö-el, Erdel, d. i. Land jenseits des Waldes tauften, da fanden sie daselbst eben so, wie in Pannonien, in dem gewesenen Mähren und in dem Landstriche zwischen der Theiss und der Donau nur Slaven. Und davon legt auch die ungrische Sprache selbst ein unumstössliches Zeugniss ab. So weit sie sich nämlich erstreckt, von ihrer westlichsten Grenze bis zur östlichsten, allüberall hat sie dieselben slavischen Wörter aufgenommen“, но далѣе, неизвѣстно, впрочемъ, на какихъ основаніяхъ, Гунфальви говоритъ о рѣдкомъ (eine dünne Bevölkerung) и даже спорадическомъ (hie und da) славянскомъ населеніи въ предѣлахъ Трансильваніи. Romänen, 42, 48. То же у *К. Я. Грота* въ его распредѣленіи славянскаго населенія „*сплошными, но отнюдь не густыми* массами въ Чехіи, Моравіи, сѣв. Угріи; *болѣе рѣдкими*, не сплошными, а *разрозненными группами* (неравномѣрно расползшимися общинами) въ Трансильваніи, особенно сѣверо-восточной, Буковинѣ, Молдавіи, сосѣднихъ съ Трансильваніей окраинахъ Угріи, въ особенности на равнинѣ верхней Тисы, въ большей части Валахіи и въ Банатѣ; наконецъ *спорадически одиночными и уже совершенно разрозненными поселеніями* въ тисо-дунайской (угорской) равнинѣ“. Моравія и Мадьяры, 74—75. Къ сожалѣнію, Гротъ не указываетъ основаній такого, повидимому, точнаго распредѣленія.

ку [1]). Чрезвычайно важно филологическое обслѣдованіе славянской номенклатуры въ древнихъ грамотахъ трансильванскихъ и угорскихъ, но не безполезно и указаніе славянскихъ слѣдовъ въ теперешнемъ языкѣ земли, ибо если они могутъ существовать и теперь, то не отъ позднѣйшихъ, а отъ древнѣйшихъ временъ, и не только на сѣверѣ, гдѣ исторія съ VIII в. не помнитъ крупныхъ передвиженій [2]), но и на югѣ. Правда, исторія указываетъ на югѣ вселеніе Сербовъ, но предполагать, что славянская номенклатура принадлежитъ этимъ всельникамъ, нельзя, такъ какъ сербская колонизація очень мало коснулась Трансильваніи и — что еще важнѣе — несомнѣнные слѣды славянскихъ названій мы имѣемъ въ древнѣйшихъ трансильванскихъ грамотахъ, съ другой стороны, исторія открываетъ рѣшительное господство славянской стихіи еще въ XVII в. въ Молдавіи, Волощинѣ и Трансильваніи. Вспомнимъ, что еще весьма недавно Угрія поражала русскаго путешественника (Надеждина) своимъ славяно-русскимъ характеромъ, а образованіе угорскаго государства представляетъ въ своемъ историческомъ процессѣ еще въ XIV и XV в. явные признаки того строя, какой не можетъ быть объясненъ ни изъ какого другого общественнаго уклада, кромѣ славянскаго [3]).

---

[1]) При указанномъ состояніи вопроса о „Словенахъ", мнѣніе о широкомъ распространеніи Румынъ, *Пичъ*, Abstamm., 145, 157, 161 сл. — только мнѣніе.

[2]) Вселенія Печенѣговъ и Половцевъ не могли нарушить здѣсь общаго этнографическаго распредѣленія. Особенно Печенѣги были поселены небольшими группами въ разныхъ округахъ, очевидно, на свободныхъ земляхъ. *Гунвальфи*, Ethnogr. 232. О возможности связи нѣкоторыхъ названій Besenyö не съ Печенѣгами, см. выше, стр. 3, а нѣмецкій переводъ Besenyö въ быстрицкомъ округѣ въ Трансильваніи — Heidendorf, не непремѣнно указываетъ, что Саксы застали жителей этого села еще язычниками. Названіе м. б. сопоставляемо съ такими, какъ Бѣлобожницы, Чортово и др.

[3]) Особенно ярко и основательно это указалъ проф. *Пичъ*, Der nationale Kampf gegen das ungar. Staatsrecht. Leipz. 1882.

VI.

Въ представленномъ выше общемъ обозрѣніи номенклатуры горъ и возвышенности мы указали, что многія названія встрѣчаются повсемѣстно, что̀ соотвѣтствуетъ тому факту, какой былъ отмѣченъ на пространствѣ низи въ подобо- и одноименности ея названій. Далѣе, мы видѣли, что многія изъ этихъ названій вполнѣ отвѣчаютъ характеру природы и мѣстности [1]), многія одноименны съ названіями въ низи [2]), и если есть между ними нѣкоторыя намъ непонятныя, то, при настоящей, болѣе чѣмъ убогой разработкѣ этнографія, діалектологіи и номенклатуры занимающихъ насъ мѣстъ, мы еще не вправѣ утверждать, что названія эти не имѣютъ никакого живого смысла и значенія. Наконецъ, мы видѣли, что языкъ земли обнаруживаетъ чрезвычайную устойчивость и, подвергаясь искаженіямъ, иногда самымъ безсмысленнымъ, все таки очень долго сохраняетъ признаки своего первообраза. Едва ли можно серьезно отвергать значеніе этихъ фактовъ, но важность вопроса о степени и предѣлахъ распространенія славянскихъ названій на занимающемъ насъ пространствѣ, требуетъ болѣе детальнаго разсмотрѣнія.

Особенную важность имѣетъ для насъ Трансильванія и по своему географическому положенію, и по многочисленности названій своихъ урочищъ, связанныхъ съ корнемъ: *рус*. Для обоснованія нашего номенклатурнаго ана-

---

Слѣдуетъ очень жалѣть, что какъ это, такъ и другое сочиненіе того же автора: Zur rumän.-ungar. Streitfrage. Leipz. 1886, не переведены на русскій языкъ.

[1]) Въ этомъ случаѣ попадаются факты, передъ которыми останавливаешься въ недоумѣніи. Мадьярскій геологъ Сигметъ считаетъ Вигорлатъ кратеромъ потухшаго вулкана, „a jest rzeczą uderzającą, замѣчаетъ Реманъ, że szczegół ten odbił się w nazwie tej góry, gdyż „wyhorlat“ znaczy w języku miejscowych Ruśniaków tyle, co „wypalony, wygorzały.“ Карпаты, 492.

[2]) Особенно въ этомъ случаѣ интересны названія: поноръ, обрея или обреша.

лиза отмѣтимъ прежде всего данныя древнѣйшихъ трансильванскихъ грамотъ.

Въ грамотѣ 1176 г. опредѣляются границы поселеній въ окрестностяхъ Торды. Кромѣ этого города называются поселенія Koppan, Zynd, Kereztes, существующія и нынѣ [1]), здѣсь же упоминается Preselw patak [2]). Названіе Zynd неясно, но названіе Koppan представляетъ болѣе чистую славянскую форму, чѣмъ теперешнее Koppand.

Въ грамотѣ 1193 г. перечисляется рядъ поселеній, тянувшихъ къ трансильванскому Бѣлграду: „Vynduar, Chergon, Zaloc, Bodan, Achahy, Köresky; Igar, Chiz, Meger, Gan, Hun, Berhin, Sumbehem, Mariada, Feyregháza, Chepel, liba, Horcha, Ganth, Worosth, Fada, Vilak; Teuel, Fekil, Dus, Petrella, Barz, Izka, Zoboka, Tymar, Chepzy, Horca, Zold, Ianata, Bonica, Concol, Varug, Bodayth, Esceu, Sag, Agar, Boglar, Hodog, Hug, Goloz, Guden, Vlcan, Toploza, Copuil, Aremnes, Ker, Fuimes, Szegved, Halaz, Bivol“ [3]). Въ написаніи ихъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ, какой отмѣчали въ генриховской Записи: писецъ борется и съ латинской графикой, и съ произношеніемъ словъ, и потому они пишутся различно. Какъ особенно характерный примѣръ отмѣтимъ Worosth, а далѣе Narasd. Думаемъ, что послѣднее написаніе—ошибка печатнаго текста вмѣсто Harasd, и что въ формахъ Worosth и Harasd мы имѣемъ искаженіе слова: хворостъ, какъ называются народомъ и нынѣ два посе-

---

1) Koppand, Szind, Keresztes. Карта 0.8.

2) *Teutsch* u. *Firnhaber*, Urkb. 2. О послѣднемъ названіи *Кочубинскій*, Дунайское Залѣсье, 25. Названіе Keresztes Бенкё объясняетъ: cruciatus. Здѣсь же указываются имъ: Pojana, pratum Trajani, а недалеко отсюда урочище vidaly, причемъ въ скобкахъ: udol; такъ, значитъ, ясно звучало это дикое слово еще во время Бенкё. Transilvania, pars spec. I, 187.

3) *Fejer*, Cod. II, 283.

ленія мукачевской епархіи (по мад. Haraszt) [1]), изъ которыхъ одно упоминается въ документѣ 1379 [2]).

Мы не можемъ пріурочить всѣ названія къ теперешней картѣ, но нѣкоторыя существуютъ и теперь, напр., указанный Worosth или Harasd соотвѣтствуетъ теперешнему Harasztes (къ югу отъ Торды N. 8), Boinka или Bonica—это или Bojnik (къ ю.-з. отъ Торды N. 8), или Boicza (къ с. отъ Deva N. 9), Goloz и другое поселеніе Halaz — теперь Galacz (къ востоку отъ Zalatna N. 9), Toploza, теперь Toplica (къ ю. отъ Boicza N. 9), Vyudvar, вѣроятно Udvarfalva на Марошѣ (къ с. отъ Vasarhely N. 8, недалеко отсюда къ вост. Libanfalva 0.8, б. м., въ связи съ указываемой въ документѣ р. Libonza), Zuluc (вѣр. нынѣшній Selyk, нѣмецк. Schelken къ сѣв. отъ Цыбина N. 9). Болѣе подробная карта, по всей вѣроятности, обнаружила бы и другія названія, если не въ поселеніяхъ, то въ урочищахъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что языкъ занимающей насъ земли, при тенденціи мадьяренія и отчасти орумыниванія названій, не можетъ отличаться устойчивостью формъ, и слѣдовательно, указанныя пріуроченья получаютъ еще большее значеніе.

Въ грамотѣ 1197 указываются поселенія около Küküllövar (тырнавскаго Городища): Hegyesholmu, Bodon, Sossed [3]).

Въ грамотѣ 1228 опредѣляются границы имѣнія Sceplok [4]). Мы сличили три печатныхъ текста этой гра-

---

[1]) Схематизмъ 1893 г., стр. 161, 168. Народныя названія мѣстъ отмѣтилъ мнѣ одинъ мой добрый угро-русскій пріятель, хорошо знающій мукачевскую епархію.

[2]) *Csanki*, Magyarorszag I, 391.

[3]) *Teutsch* u. *Firnhaber*, Urkb., 6.

[4]) Тамъ же, N. 41; cuius prima meta incipit a parte orientali in fluvio Morus, in loco qui vocatur *Mogorcu*, et sic secundum cursum ejusdem Morus... deinde itur ad castrum *Vecheu*... ascendit in montem, qui vocatur *Zakal*... deinde descendit ad paludem eandem *Zakal*... deinde vadit juxta villam Luer...

моты[1]) Сопоставленіе ихъ интересно. Граница ведется съ востока, съ мѣста Mogorrew (Фееръ), Mogorreuu (Циммерманъ), Mogorcu (Тейчъ). Карта указываетъ намъ здѣсь D. Magura, но это, повидимому, великая Магура (рядомъ съ нею V. mare), какъ равно и недалеко къ востоку тоже Magura mare, что́, предполагаетъ непремѣнно и малую Магуру или могурку, одноименную отмѣченной выше словацкой формѣ этого названія[2]). Ее слѣдуетъ искать немного сѣвернѣе D. Magura, между нею и смежной Rusu munti, т. е. той Ruscia, на которой оканчивается граница; такъ какъ нашей Ruscia нельзя усматривать ни въ Orosz-Idecs, ни въ Orosz-falu, которые, хотя находятся сейчасъ тутъ же, но нѣсколько южнѣе граничной линіи отъ Могурки въ Вѣчѣ[3]), а Orosz-faja — слишкомъ далеко на западъ. Названіе Zakal прилагается и къ горѣ, и къ болоту, что составляетъ, какъ мы видѣли, фактъ обычный и повсемѣстный. Нашъ Zakal—несомнѣнно теперь Erdö-Szakal[4]), но недалеко отсюда къ ю-з. встрѣчаемъ Mezö-Szakal, т. е. встрѣчаемся съ знакомымъ намъ фактомъ повсемѣстности названій. Прибавимъ еще, что Csurbercz (Фееръ, Тейчъ), у Циммермана: Cuzbereh, а Lyuk (Фееръ), у Тейча: Lyuch, т. е. или Лугъ или Лукъ — названія повсемѣстныя[5]).

---

transit unam magnam viam, que ducit ad Szeplak usque in Regun... descendit ad fluvium, qui vocatur *Lyuch*... deinde ascendit juxta rivulum *Milos*... deinde iuxta alium rivulum *Osoiosyd*... ad fluvium, qui vocatur *Piszteraha*... in montem, qui vocatur *Zanus*... intra duas *Biku*... vadit usque caput *Bodagd* progreditur deinde ad alpes Clementis et inde ad *Rusciam*.

[1]) *Teutsch*, к. в., *Fejer*, Cod. III, 2, 129; *Zimmermann*, Urkb. zur Gesch. d. Deutschen in Siebenbürgen. Hermannst. 1894, I, стр. 47.

[2]) Заслуживаетъ вниманія устойчивость *о* во всѣхъ спискахъ.

[3]) Vecheu, Wecheu, теперь Vecs.

[4]) Такъ и *Тейчъ*, 43 пр. 4.

[5]) Теперь Lutz. Характерно, что между двумя отмѣченными выше Магурами находится гора Prelunca. Наконецъ,

Отмѣтимъ еще одну грамоту 1238, опредѣляющую границы поселеній Karako и Crapundorff, гдѣ упоминается рѣка *Chylna* (теперь Celna или Czelna), камень qui dicitur *Bela*, с. *Voyasd* (теперь Vajasd) и мѣсто *Zuhodol* [1]).

Такимъ образомъ, указанныя грамоты открываютъ передъ нами не подлежащее ни малѣйшему сомнѣнію славянство языка земли въ самомъ центрѣ Трансильваніи и притомъ на довольно значительномъ пространствѣ: отъ Сасъ-Регена до Фогараша—на востокѣ; отъ окрестностей Торды или даже Ключа, до окрестностей Дѣвы—на западѣ, т. е. на пространствѣ, ограничиваемомъ верховьями Мароша и Олуты на востокѣ, водораздѣломъ верховьевъ теплаго и холоднаго Самоша и Златны (Араніошъ) съ одной, Керешей съ другой стороны на западѣ [2]).

Пространство это, кромѣ того, характеризуется также рядомъ названій, связанныхъ съ корнемъ *рус*. Такъ, кромѣ упомянутыхъ выше сосѣдей документальной Ruscia: Orosz-falu, Orosz-Idecs, встрѣчаемъ здѣсь же: Oroszi, а на верховьяхъ Тырнавы Oroszhegy (т. е. русская гора). Къ западу отъ Сасъ-Регена: Orosz-faja; недалеко отсюда къ сѣверу вытекаетъ рѣка Orosz, лѣвый притокъ Самоша,

---

intra duas Biku — не горы, какъ думаетъ Кочубинскій, Дун. Зал. 29, а два бука, ибо женск. рода. Съ названіемъ букъ связана и форма: Madadbilii (Фееръ, Тейчъ), Madadbiki (Циммерманъ). Кромѣ отмѣченныхъ мѣстъ имѣются и теперь: Sceplok (Szeplak), Luer (Lövеr), наконецъ Regun (Szasz-Regen). Карта N. 0. — 8.

[1]) Такъ и у Циммермана, Urkb., стр. 66, Zwhodol у Тейча, 62.

[2]) На подробной картѣ масшт. 1 : 75000, съ отдѣльными листами которой я справлялся во время поѣздокъ по Трансильваніи (Z. 21 coll. XXVIII—XXX.), встрѣчаются такія названія: D. Budilor, D. Dobrotu, Vrf. Plesa, Galac, Pojana, Nedesdia, Vrf. Bradului, Stoienesa, Pripora, Preszaka, Vrf. Plesi, Strazsa, Obrazsa (но по рум. Obreaja. Ср. низь, рѣки рядъ III), Glogovecz, Veza, Stupina, Vertopul, Dumbrava (въ безчисленномъ множествѣ) и проч. Это окрестности Залатны, транс. Бѣлграда, Блазендорфа.

у верховьевъ ея поселеніе Moricz [1]). Южныя части нашего пространства представляютъ тѣ же названія, то въ онѣмеченной формѣ: р. Reussbach, поселенія: Reussen, Reussdörflein, Reussmarkt въ цыбинскомъ округѣ, то въ формѣ Rosia (мадьяр. Veresegyhaza). Имъ сопутствуютъ другія славянскія названія [2]). Всѣ они, какъ равно и названія отъ корня *рус*, встрѣчаются въ документахъ вообще съ того времени, съ какого имѣются документы [3]).

Все это достаточно ярко характеризуетъ нашу территорію. Славянскій характеръ ея ярко обнаруживается въ языкѣ земли даже теперь. Прибавимъ, что нами отмѣчены только такія названія, сходство которыхъ не можетъ внушать никакихъ сомнѣній, что славянскій языковѣдъ, знакомый съ мадьярскимъ и румынскимъ языкомъ нашелъ бы вѣроятно множество славянскихъ названій въ мадьярской и румынской оболочкѣ, особенно если бы въ своемъ номенклатурномъ анализѣ подвигался отъ смѣшанныхъ

---

[1]) Другой сосѣдній притокъ Самоша: Galacz. Здѣсь же поселенія: Zombor, Noszaly, далѣе, недалеко отъ Ключа, гора в. и м. Стража (Strasa), поселл.: Szelicse и Szelistye, Rod, одноименныя упоминаемому въ грамотѣ 1197, *Тейчъ*, Urkb. N. 5: Red (Rod), б. м. ръть.

[2]) Недалеко отсюда в. и м. Чергедъ, гора Vurtuape; поселл.: Ohaba, Strazsa, Prezsaka, Rakova, Toporcsa, Mundra; рѣки: Lunka (Цыбинки), Добра (Сѣкача марошск.). Около Фогараша: Galacu, Mundra, Ohaba, Breaza, а къ югу: горы Ourla и Urla, Prislopu. Карта N. 0.—9.

[3]) О названіяхъ Reussdorf, Reussdörflein въ цыбинскомъ округѣ *S. Wolff*, Die deutschen Dorfsnamen in Siebenbürgen, Hermannst. 1881. Вольфъ удивляется возможности сопоставленія этихъ названій съ Русью, въ виду древней Rosaha (теп. Rosa у Шмалькальдена) и птоломеевой Riusiava, „wo *a* und *ava* nichts anders sind als got. *ahva*, altd. *aha*, *ahe*, *a* = aqua, Fluss... Unser Reussdörfchen hört hiemit wol auf ein ursprünglich ruthenisches Dorf zu gelten; es ist das Dorf an dem Reuss, an dem Reussbache". Это та знаменитая villa *Ruthenica*, представитель которой Washcze (т. е. Вячеславъ) участвовалъ въ германштадтскомъ собраніи 1380. О жителяхъ ея въ началѣ нынѣшняго вѣка см. выше стр. 5.

неподлежащую сомнѣнію связь сѣв.-вост. части нашей территоріи съ тѣмъ пространствомъ, къ которому она естественно должна тяготѣть по природѣ, а это пространство въ названіяхъ своихъ рѣкъ и урочищъ достаточно краснорѣчиво указываетъ на тѣхъ, кто давалъ эти названія, кто, слѣдовательно, и хозяйничалъ на нихъ.

Пространство къ сѣв.-востоку отъ верхняго Мароша представляетъ водораздѣлъ Серета и Прута съ одной, Самоша, Вишеевы и Тисы съ другой стороны. Номенклатурный характеръ его обозначается ясно съ правыхъ притоковъ верхняго Мароша: Orotva, Toplica, Bistrica; далѣе на сѣв.-вост. правые притоки Серета: Быстрица съ Быстричорой (правый прит. ея Путна) и золотой Быстрицей; Молдава съ Тополицей, Немицей, Воронцемъ, Сухой, Путной, Молдавицей; Сучава съ Солонцемъ, Солкой, Сучавицей, Путной, Бродиной, Горайцемъ, Бѣлкой; верхній Серетъ съ Миговой, Стебникомъ, Сухимъ, Славцемъ. На западной сторонѣ имъ соотвѣтствуютъ: Быстрица трансильванская [1]); Вишеева съ Росей и Русковой, а съ праваго берега Вишеевы начинается и теперь Русь [2]), въ теперешнемъ составѣ своего населенія, правда, разрѣженная румынствомъ, но въ языкѣ своей земли представляющая довольно чистое славянство даже на нѣмецкихъ картахъ [3]).

---

[1]) Она значительно освѣщаетъ и названіе самошской Sajo, особенно рядомъ съ другими ея притоками: Budak, Galacz. На мадьярство этой Sajo совершенно поэтому напрасно такъ напираетъ Гунфальви, Rumänen, 39, ибо это названіе м. б. такимъ же переводомъ, какъ и Sajo въ Словачинѣ, въ верховьяхъ и теперь Слана. По нѣмецки Шаіо самошск.—Szogen, что дѣйствительно можетъ соотвѣтствовать мадьярскому названію, но въ низовьяхъ ея: Sajo-Udvarhely; къ югу отъ верховьевъ мы видѣли рядъ славяно-русскихъ названій въ грамотѣ 1228 г.

[2]) *Кочубинскій*, Отчетъ, Зап. Новор. Ун. XX, 124; *Петровъ*, Замѣтки по Угорской Руси, Ж. М. Н. П. 1892, II. Граница Петрова вообще совпадаетъ съ показаніями Чернига.

[3]) Кромѣ Роси и Русковой: Русскій дѣлъ (между Черемошемъ и Тисой), Russ pe Boul (на Молдавицѣ), Ruska Ulma

Какъ все это пространство, такъ и весь юго-востокъ съ нижняго Серета (славянство котораго достаточно ярко указываютъ его правые притоки: Путна съ Завалой, Сушица) представляетъ полосу во всѣхъ отношеніяхъ не обслѣдованную. Что она входила въ составъ древне-галицкаго княжества, что, слѣдовательно, она оживлялась руской стихіей не въ видѣ теперешнихъ еврейскихъ наемниковъ-плотовщиковъ Гуцуловъ, сплавляющихъ лѣса русскихъ горъ по Серету и Пруту, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія [1]). Только этимъ и могутъ быть объясняемы живыя связи Василька съ дунайскими болгарами. Подобно другимъ однороднымъ частямъ славяно-русской территоріи, это пространство обозначается въ лѣтописи названіемъ — *поле;* здѣсь же указываются „города подунайскіе" — терминъ, вполнѣ соотвѣтствующій „городамъ червенскимъ". [2]), а весьма поздній отголосокъ старины встрѣчаемъ въ загадочныхъ „русскихъ городахъ" на Дунаѣ воскресенскаго перечня. Но вмѣстѣ съ тѣмъ исторія открываетъ здѣсь же очень раннее значеніе и степной стихіи.

Въ отношеніяхъ Руси къ степи мы видимъ и здѣсь совершенно то же самое, что и на всемъ пространствѣ русскаго степного пограничья, т. е. союзы русскихъ князей съ степняками [3]), предполагающіе, естественно, и воздѣйствіе степи на населеніе. Это воздѣйствіе сказывается

(на Сучавѣ). Изъ общихъ названій отмѣчу горы: Bardo Alpe (на лѣв. берегу Русковой), Palenica (въ верховьяхъ чернаго Черемоша), Томнатикъ, Гребень, Лучина (въ верх. Сучавы) и проч.

[1]) Ср. *K. Jireček*, Bemerkungen über die Ueberreste der Pečenegen und Kumanen. Sitzber. der böhmisch. Gesellsch. der Wissensch. 1889.

[2]) 1159. Иванъ уполошивса ѣха въ поле къ Половцемъ... и ста въ городахъ подунайскихъ. Ип. л. 341.

[3]) Въ 1091 г. Василько участвовалъ, вмѣстѣ съ Половцами, въ страшномъ избіеніи Печенѣговъ у Эноса. *Васильевскій*, Византія и Печенѣги, Ж. М. Пр. ч. 164, стр. 284.

очень рано въ „бродничествѣ" и „берладничествѣ". Аналогичныя явленія встрѣчаются и въ далекомъ Подоньѣ [1]). Въ извѣстіяхъ о бродникахъ нашей территоріи важно то, что они въ глазахъ Грека (Н. Акомината) были „вѣтвь русскихъ" [2]), слѣдовательно, преобладающій элементъ среди нихъ составляли не волохи, какъ склоненъ думать Гунфальви [3]). Объ опредѣленныхъ мѣстахъ ихъ жительства можно говорить лишь въ смыслѣ цѣлаго раіона, подобно тому, какъ еще сравнительно недавно жило населеніе кимполунгскихъ общинъ въ Сучавскомъ округѣ [4]). Воздѣйствіе степи въ лицѣ буджацкихъ Татаръ продолжалось здѣсь весьма долго, оттого и живые слѣды его сохранялись до недавнихъ временъ. Условія быта должны были вызывать въ населеніи подвижность, а слѣдовательно и живой этнографическій обмѣнъ; тѣмъ болѣе, что по при-

---

[1]) *Голубовскій*, Печенѣги, Торки, Половцы, Кіевъ, 1884, стр. 195 слл.

[2]) *Успенскій*, Образованіе втор. болг. царства. Прилож. V.

[3]) Rumänen, 77.

[4]) Вотъ что сообщаетъ объ этомъ кн. *Д. Кантеміръ* въ историко-географическомъ и политическомъ Описаніи Молдавіи 1771 г. „Кимполунгская община въ Сучавскомъ округѣ, окруженная высокими горами, заключаетъ 15 деревень, которыя имѣютъ свои собственные законы и судъ. Иногда они принимаютъ двухъ, назначенныхъ князьями, чиновниковъ, но, полагаясь на свои природныя укрѣпленія, прогоняютъ ихъ немедля, если они вызовутъ ихъ недовольство. Обработкой полей не занимаются вовсе. Все ихъ состояніе — овцы. Они платятъ ежегодную дань, но не сколько пожелаетъ князь, а сколько они сами ему положатъ, при чемъ рядъ они возобновляютъ съ каждымъ новымъ княземъ. Если князь прибѣгнетъ къ строгостямъ, то они отказываются отъ всякихъ повинностей и скрываются въ горахъ. Поэтому князья никогда не требовали съ нихъ больше противъ ряда". Кромѣ Кимполунгской, Кантеміръ указываетъ еще двѣ подобныя же общины: Вранчія на Путнѣ и Тигичъ. О Кимполунгской общинѣ см. Noth- u. Hilferuf der Gemeinden des moldauisch-campolunger Okols in der Bukowina, Вѣна 1861.

роднымъ условіямъ здѣсь могли сохраняться очень долго остатки разновременныхъ и разнородныхъ этническихъ наслоеній. Этимъ объясняется упоминаніе объ общинахъ Чанго въ Трансильваніи и Буковинѣ [1]). Этимъ же, вѣроятно, объясняется и смѣшанный типъ Гуцуловъ, хотя рѣшительное преобладаніе у нихъ славянскихъ элементовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію [2]).

---

[1]) Въ Трансильваніи Чанго (11,411 душъ) живутъ въ семи селахъ: Bacsfalu, Türkös, Csernátfalu Hosszufalu, Tatrang, Zajzon, Pürkerec, къ востоку отъ Брашева (Кронштадтъ). Замѣчательно, что и Румыны, и Секлеры не признаютъ ихъ своими и относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ. Прежде Чанго испытывали сильныя притѣсненія отъ кронштадтскихъ Саксовъ. *A. Jekelius*, Die Siebendörfer Csangógemeinden. Jahrb. d. Siebenbürg. Karpathenvereins, XV, Hermannstadt 1895. Близость болгарскихъ островowъ около Кронштадта можетъ возбуждать вопросы относительно Чанго, но, по состоянію матеріала, ничего опредѣленнаго объ этнографическомъ характерѣ Чанго сказать пока нельзя. Еще меньше свѣдѣній имѣется о Чанго въ Буковинѣ. Извѣстно только, что 1407 г. они существовали около Сучавы, и даже самое названіе этого города Мадьяре, повидимому, готовы производить отъ мадьярскаго szücs—скорнякъ. *W. Schmidt*, Die magyarischen Colonien der Bukowina. Ungar. Revue, 1887. *Polek*, Repertorium, указываетъ еще статью *Marcziányi*, Wie die Csangó nach der Bukowina kamen. Pest. Lloyd, 1883. N. 93.

[2]) „Wenn man auch wird zugeben müssen, dass in den Thälern der Moldawa u. Suczawa, des Czeremosz u. Prut Angehörige verschiedener Völker schon seit der ältesten Zeit gewohnt haben mögen, so wird anderseits nicht bestritten werden können, dass unter denselben die Slaven das Uebergewicht hatten. Seit dem IV Jahrh. wohnen diese am Fusse der Karpaten; durch den Andrang der Avaren, Ungarn u. Petschenegen, weniger durch die Kumanen, intensiver durch die Mongolen mussten sie in überwiegender Zahl in die Karpatenthäler gestossen worden sein. Ihnen gegenüber traten sicher alle hier vorhandenen Elemente zurück. Hauptsache bleibt es schliesslich, dass die Huzulen in Sprache, Sitte u. Volksüberlieferung bis auf gewisse Eigenthümlichkeiten, die freilich nicht unterschätzt werden dürfen, Slaven sind u. ihren slavischen Nachbarn gleichen. Nationen, welche

Этого нельзя сказать о теперешнемъ этнографическомъ характерѣ населенія къ югу и юго-востоку отъ Гуцульщины, на румынско-буковинской и румынско-русской границѣ. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ здѣсь смѣ-

---

auf einer niedrigen Culturstufe stehen, können andere Volkselemente nur sich assimilieren, wenn sie denselben an Zahl überlegen sind. Dieser Thatsache gegenüber kann vernünftiger Weise nicht geleugnet werden, dass die Hauptmasse der Huzulen slavischer Herkunft ist. *R. Kaindl*, Die Huzulen. Ihr Leben, ihre Sitten u. ihre Volksüberlieferung. Wien 1894. *Коперницкій* склоненъ признавать въ Гуцулахъ разнородность этническихъ элементовъ, но свое общее впечатлѣніе формулируетъ такъ: „какъ по своей наружности, такъ и во всѣхъ подробностяхъ своего быта Гуцулы представляютъ столько нетронутой самобытности, что удивляясь ей ежеминутно, приходится вспомнить, что находишься среди русскаго народа“. Zbiór wiad. XIII: Крак. 1889. Въ настоящее время эти русскіе орды карпатской Черной Горы переживаютъ тяжелый экономическій кризисъ, благодаря загнѣздившемуся здѣсь еврейству. *Ролле*, 535. Названіе Гуцулъ — загадочно. Его обыкновенно объясняютъ румынскимъ *hoc-ul* (разбойникъ), но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что фамиліи Гуца встрѣчаются въ Угорской Руси: Венелинъ-Гуца былъ родомъ изъ бережской столицы; въ пряшевской епархіи есть фамилія Гучко, р. Гучава въ Татрахъ, Гучва — притокъ зап. Буга. Прибавлю еще, что въ китайскомъ описаніи татарскаго вторженія въ Угрію, по перечисленіи одиннадцати народовъ, которые татарскій полководецъ получилъ приказъ покорить, сказано: „Татаре перешли горы *Гацали* (Ha-cza-li) и поразили государя угорскаго“. Szazadok, 1890 стр. 44—48. Это современное вторженію описаніе называется: Jüan-csao-pi-si. Оно издано *Бретшнейдеромъ*, Drawn from chinese and mongol writings. Journ. of the North China. Schangai. 1877. New-series. X. X. Этимъ указаніемъ я обязанъ г. Тагана. Это характерное извѣстіе заслуживаетъ вниманія, въ виду отмѣченнаго выше обстоятельства, что именно у Гуцуловъ сохраняется представленіе о Бескидѣ, какъ о цѣлой горной дугѣ Карпатъ, два раза прорванной Дунаемъ. Сами Гуцулы называютъ себя *хрестьяны*, *горски*, *верховинцы*, *руськи люды*, и названіе — Гуцулы не пользуется у нихъ популярностью. *Kaindl*, к. в. 3. Также, какъ извѣстно, относятся къ своимъ названіямъ *бойки* и лемки.

шанную русско-румынскую полосу [1]), но исторія страны за все историческое время съ IX в. до утвержденія въ Подоліи литовской власти представляетъ здѣсь дѣятельность славяно-русскаго племени. Въ сѣверныхъ окраинахъ этой территоріи, въ такъ наз. Подоліи, видимъ въ XII — XIII вѣкѣ борьбу двухъ теченій — кіевскаго и галицкаго, причемъ послѣднее осиливало. Замѣчательно, что еще въ XVI в. видимъ колонизаціонное движеніе въ Барщину изъ Молдавіи [2]). Такимъ образомъ, историческія судьбы нынѣшней Бессарабіи, Молдавіи, Волощины очень долго были связаны съ судьбами южной Руси: вся эта территорія естественно связана природой, а историческія указанія съ древнѣйшихъ временъ, свидѣтельствуютъ объ ея этнографической однородности [3]). Этнографическія напластованія нашей территоріи съ историческихъ временъ могутъ быть опредѣлены съ достаточною точностью, а въ характеристикѣ результатовъ этихъ напластованій мы должны исходить отъ однородныхъ, но болѣе знакомыхъ намъ отношеній въ Поросьѣ, Переяславскомъ княжествѣ, Подоньѣ, не должны упускать изъ виду такіе факты, какъ постоянные союзы русскихъ князей съ Половцами и даже такіе, какъ бѣгство, напр., матери Святослава Владиміровича въ степь къ половецкому князю, постоянное проживаніе въ степи съ Половцами внука Кончака, князя Изяслава Владиміровича, или, наконецъ, то обаяніе степного приволья, которое такъ ярко

---

[1]) Смѣшанныя русско-румынскія села въ с.-з. часто Бесарабской области, въ уѣздахъ: хотинскомъ, сорокскомъ, ясскомъ перечислены у *Чубинскаго*, Труды экспедиціи VII, 2. 362.

[2]) *М. Грушевскій*, Акты Барскаго староства, Арх. ю.-з. Россіи ч. VIII, I, Кіевъ 1893, стр. 103.

[3]) *Rösler*, Zeitpunkt. Sitzber. Bd. 73, стр. 92. *Гротъ*, Мор. и Мад., 63. Не могу понять соображеній проф. Пича, предполагающаго троекратное передвиженіе русскаго славянства на нашей территоріи: во времена Кія (?), по прибытіи Угровъ и Печенѣговъ, по переходѣ Печенѣговъ черезъ Дунай. Abstammung d. Rumän, 105.

слышится въ мотивахъ русской народной поэзіи [1]). Окончательный результатъ такихъ отношеній опредѣлялся, конечно, чисто механическимъ отношеніемъ массы, но, для правильной оцѣнки этого отношенія, не слѣдуетъ упускать изъ виду несомнѣнно громаднаго выселенія Русскихъ, преимущественно въ Галичину, чѣмъ и обусловилось замѣтное возвышеніе этого княжества въ XII—XIII в. до татарскаго нашествія.

Съ окончательнымъ утвержденіемъ господства степняковъ, на занимающемъ насъ пространствѣ могли уцѣлѣть лишь остатки русскаго славянства. Историческая роль степняковъ отражается и въ теперешнихъ названіяхъ рѣкъ. Что же касается руминства, то номенклатура, напр., Мармароша говоритъ рѣшительно противъ давняго и продолжительнаго пребыванія ихъ здѣсь: она почти сплошь славянская, причемъ таковою она является уже по имѣющимся документамъ съ конца XIV в. [2]).

Отмѣченный характеръ номенклатуры всего Посеретья, рядомъ съ такими названіями нынѣшней руминской территоріи какъ Peşceanu, Lunkavet, Bistrita (пр. притокъ Олуты), Cserna (Олтскій округъ), Clanita (Телеорманъ),

---

[1]) *Голубовскій*, Печенѣги, 122, 136, 173. *Вс. Миллеръ*, Экскурсы, гл. VIII.

[2]) Сравн. Mihályi, Máramarosi I. 444 слл. Города: Huszt 1392 г., [illegible] 1429, Visk, Vysk 1393, Dolha 1402 [illegible] Berezna 1461, *Brovnica*, Brenyka 1454, [illegible] 1463, [illegible] 1391. Kirva, Kryva villa 1383. Talabor 1384. [illegible] Теребля, какъ называется и теперь [illegible] Мукач. [illegible] 1893 г. стр. 68. По устному сообщенію др. А. Годинки [illegible] называется [illegible]. Въ [illegible] Talabor [illegible] скорѣе [illegible] 1408 и др. Этимъ [illegible] Abscamm. [illegible] въ Мармарошѣ [illegible] съ документальными [illegible] XIV в., [illegible] значеніе, [illegible] — [illegible] Nationalkampf, [illegible] гл. 45.

Dambovita, Jalomita, Niamtu, соотвѣтствующія общему закону славянской номенклатуры [1]), или какъ Niaslov (Аржиса) подобоименная Нецлавѣ (?) днѣстровской, не говоримъ уже о топографіи, въ большинствѣ главнѣйшихъ обозначеній сплошь перенятой румынами отъ славянъ, получаютъ, въ виду всего сказаннаго, весьма существенное значеніе этнографическихъ показателей. Ограничиваемся этими общими замѣчаніями, не имѣя возможности, по состоянію матеріала, вдаваться въ подробности, требующія спеціальнаго изученія не только исторической номенклатуры, но и румынской этнографіи и народнаго румынскаго говора, въ частности, по крайней мѣрѣ, приблизительнаго обозначенія славянской стихіи въ языкѣ народа отдѣльныхъ румынскихъ округовъ [2]).

---

[1]) По поводу названія рѣки Niamtu или Niamtzi, позволю себѣ высказать слѣд. предположеніе. Названіе это не одиночное: Немія (Днѣстра), Неменка (Соба). Есть трава *немица*, играющая немаловажную роль какъ въ народной медицинѣ, такъ и въ народныхъ повѣрьяхъ. Отваренные въ молокѣ листья ея прикладываютъ къ струпьямъ (*С. Рокассовская*, Zbiór wiadom., XIII, 180), отваръ ея пьютъ женщины для изгнанія плода. На Буковинѣ народъ вѣритъ, что когда вытягиваютъ ея корень, она кричитъ. Это повѣрье отражается и въ польскомъ названіи травы: pokrzyk. (*Густавичъ*, тамъ же, 229). Такимъ образомъ рум. форма Niamtzi представляетъ искаженіе русскаго названія немица; ея притокъ Niamtzisor, б. м. Немичка; городъ недалеко отъ устья Немицы называется въ Воскр. перечнѣ: „Немечъ на Молдовѣ" (Немичъ, Немичи?). Я склоненъ думать, что и названіе слезскаго города, теперь Nimptsch, правдоподобнѣе объяснять общимъ закономъ названія поселеній, чѣмъ руководиться этимологіей Титмара: olim a nostris condita.

[2]) Что въ этомъ случаѣ есть извѣстныя градаціи, признаютъ и Румыны. *П. Бростеанъ*, упрекая Ксенопола въ томъ, что онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе славянскимъ элементамъ въ румынскомъ языкѣ, говоритъ: „wir wiederholen, dass wir nicht bestreiten wollen, dass die romänische Sprache slavische... Worte im Laufe der Zeiten aufgenommen hat, allein die Zahl aller dieser Worte zusammengenommen, bildet einen

Переходимъ къ разсмотрѣнію полосы, прилегающей къ нашему пространству центральной Трансильваніи на западѣ. Съ юго-запада оно ограничивается такъ называемой Русской поляной [1]). Кромѣ этого общаго названія здѣсь встрѣчаемъ еще: Rus, Rusor, Rusestie на Стрѣлѣ марошскомъ. р. Ruso вытекаетъ изъ Retiasata. Здѣсь же поселенія: Baniti, Dupanesti, Hobica, Pestere, Ohaba, Ostrovet, Klopotiva. горы Zlata, у прохода Вулканъ — гора Strasia [2]); Быстра темешская принимаетъ съ лѣвой стороны двѣ Быстрыхъ. изъ которыхъ въ одну впадаетъ рѣчка Rosi. У Желѣзныхъ трансильванскихъ воротъ поселенія: Bukova, Hobica и два Varhely, что можетъ представлять и переводъ славянскихъ городищъ, подобно знаменитому Городищу (Varhely) на мѣстѣ древней Сармицегетузы [3]). Здѣсь же, около Зайканъ. Бенкё указываетъ урочище orla [4]), это же названіе повторяется и въ одной горѣ между Быстрой и Темешемъ. Южная часть Русской поляны перерѣзывается рѣчкой Ruskitza, вытекающей недалеко отъ горы Ruszka; притоки ея: Lozna и Lozniciora mare, въ низовьяхъ поселенія Ruszkahegy (Ruskberg); на сѣв. рѣчка

---

kleinen Theil des romänischen Wortschatzes u. sind diese Worte hauptsächlich an jenen Sprachgrenzen in Gebrauch, wo die Romänen mit den vorgenannten Völkern in Berührung kamen u. der Wortumtausch ein gegenseitiger ist". Бростеанъ полагаетъ, что указаніе на румынскія заимствованія „auf den unbefangenen Leser, namentlich aber auf den ernsten Geschichtsforscher befremdend wirken muss u. leicht zu Missverständnissen, wenn nicht gar zum Missbrauch führen könnte." Román. Revue, 1889, V, 61. Объ устраненіи этихъ недоразумѣній очень стараются теперешніе Румыны. Бесноволь, повидимому, не составляетъ исключенія. См. *Кочубинскій*, Дун. Зал. 26.

[1]) См. выше, стр. 79.

[2]) Карта № 9.

[3]) *Надеждинъ*, Отчетъ, 532. Die dacischen Kriege des Kaisers Trajan. Román. Revue, 1890, VI, 148.

[4]) Что, впрочемъ, объясняетъ мадьярскимъ „orallya i. e. excubiarum locus" Transilvania, pars spec. 1, 328. По рукоп. музея брукентальскаго.

Dobri (л. пр. Мароша), у устья ея Dobra [1]). Всѣ эти названія сопровождаются рядомъ славянскихъ: р. Черна (Мароша), поселенія: Toplica, Ruda, Lelesz (одноименный земненскому), Szohodol, Pojenica, Szelistye, Ohaba, Krivina, Lunkany, Gladna, Szuszany, Gruin, гора Prevel. Даже на лѣвомъ берегу Темеша встрѣчаются названія Ruzs, Ruzsinosz, рядомъ съ Ohabica, Priszaka и проч. [2]).

Недалеко отсюда на юго-западъ начинается уже сербская территорія, которую какъ бы предвѣщаетъ приливъ славянскихъ звуковъ. Всестороннее освѣщеніе этого факта мы должны предоставить мѣстнымъ сербскимъ ученымъ. Замѣтимъ только, что между Дунаемъ, Тисой и Марошемъ встрѣчаемъ Славянъ съ самаго начала исторической эпохи и ничто потомъ не говоритъ намъ объ ихъ исчезновеніи, хотя документальныя упоминанія о нихъ въ позднѣйшій періодъ встрѣчаемъ лишь вь XIV в. [3]), т. е., во всякомъ случаѣ, цѣлымъ столѣтіемъ раньше перваго вселенія Сербовъ съ кнезомъ Павломъ въ 1481 г. Въ событіяхъ XVI в. Сербы ю. Угріи играютъ весьма замѣтную роль. „Часто упоминаемые въ источникахъ храбрые сербскіе солдаты были, конечно, изъ ю. Угріи, и такъ какъ обыкновенно одинъ солдатъ поставлялся съ 40 домовъ, то количество сербскаго населенія здѣсь должно было быть очень значительно". Надо думать, что это были не новопоселенцы, ибо уже въ 1537 Иванъ Запольскій обращался къ населенію въ Темешварѣ съ мадьярскою рѣчью [4]).

---

[1]) По поводу ея Бенкё замѣчаетъ: „Dobra oppidum militare... Oppidum hoc aut potius vetustum eius castrum sclavorum opere fuisse aedificatum ipsum nomen indicat. Hic enim est aditus, quo ex Banatu in Transilvaniam tendimus, ideoque Dobra i. e. Bona (csesta)... Quamvis difficilem hac esse viam certo doceat (но кто? я не могъ прочитать). Тамъ же.

[2]) Карта М. 9.

[3]) Item Sclavi districtus de Lippva (на лѣв. берегу Мароша, у вскрая Трансильв. горъ) dure cerevicis populus. Chron. Bud. 337. Ср. у *Добровскаго*, Slovanka, II, 169.

[4]) *Пичъ*, Nationalkampf, 221 пр. 71.

Переходимъ къ горамъ Бихарскимъ. Онѣ имѣютъ особенный интересъ, потому что въ ихъ номенклатурѣ какъ Шмидль, такъ и Пичъ усматриваютъ особенно явные слѣды румынства [1]). Южная часть горъ, между Марошемъ и бѣл. Кёрёшемъ, захватываетъ на востокѣ тѣ части нашего пространства, которыя, по грамотѣ 1193 г., тянули къ трансильванскому Бѣлграду. Номенклатурный характеръ здѣсь совершенно тотъ же, какъ и въ Русской полянѣ: р. Rosia (пр. пр. Мароша), въ верховьяхъ ея Rossia, далѣе на западъ Berzava съ одноименнымъ поселеніемъ у устья, еще далѣе на западъ вершины Tepla gora, рр. Ponora и Bucsiavica (лл. притоки Бѣлаго Кёрёша). Поселенія: Tirnavitza, Tirnava, Podele, Lunkoj, Ruda, Csertes (одноименный земненскому въ верховьяхъ Лаборца), Boj, Cserbia, Brasso, Ternava, Prevaleny, Dumbrava, Rostots, Bucsava, Szlatina [2]). Совершенно тотъ же характеръ имѣетъ и пространство между бѣлымъ и чернымъ Кёрёшами. Въ водораздѣлѣ Златны (Араніошъ) и Кёрёшей: V. Retyiczi (искаженіе словенскаго ретеза), къ востоку отъ него: V. Rusinocsi. Поселенія: Szuhodol, Ponor, Bisztra, Csertes (на Златнѣ, далѣе на западъ V. Csertiesu), Tomnatek, Dobroc, Ternavica, Pojana, Pleskuca, Rossia (къ юго-вост. отъ Boros-Sebes), Ravna [3]). На лѣвомъ берегу чернаго Кёрёша небольшая дѣдъ Deva-begy, далѣе на сѣверъ между Чернымъ и быстрымъ Кёрёшами въ водораздѣлѣ Златны и Чернаго Кёрёша дѣлъ Glavoi, въ водораздѣлѣ теплаго Самоша и быстраго Кёрёша гора Vlagyaszora, на рѣкѣ [illegible]: Ponor, [illegible]-bala, на верхнемъ Черномъ Кёрёшѣ: Zavoieni, [illegible], Kocuba. Далѣе къ западу р. Rosia (пр. пр. Чернаго Кёрёша) вытекаетъ изъ

—

1) [illegible]

2) Карта М. 4. Что касается названія Brasso, то оно [illegible] Брашовъ въ [illegible] или Прашовъ) [illegible].

3) Карта М. X—4.

D. Pistela, въ верховьяхъ ея Rossia, здѣсь же городъ Szohodol, далѣе къ западу Szelistye, Mocsar [1]).

Вотъ общій номенклатурный характеръ Бихарскихъ горъ. Если принять во вниманіе давнее пребываніе здѣсь Румынъ и тенденцію мадьяренія названій, то присутствіе такого множества славянскихъ названій не можетъ не вызвать основательныхъ сомнѣній въ предполагаемомъ проф. Пичемъ румынствѣ Бихарскихъ горъ. Самое названіе Бихаръ возбуждаетъ сомнѣніе. Иречекъ, напр., считаетъ его славянскимъ [2]), а у М. Бѣла съ судьбами древняго города Бихара связывается и русское имя [3]). Далѣе на сѣверѣ между быстрымъ Кёрёшемъ, Berethyo [4]), Красной (самошской)—Resy Gebirge, въ которомъ главныя вершины Poiana и Varatiek — достаточно ярко свидѣтельствуютъ ихъ славянскій характеръ. На сѣверномъ вскраѣ горъ поселенія Szeplak, Bistra [5]).

Еще шагъ на сѣверъ и здѣсь уже начинается широкая и сплошная русско-мадьярская полоса мукачевской епархіи, характеризуемая господствомъ въ церкви языковъ русскаго и мадьярскаго. Какъ этнографическій фактъ это обстоятельство обратило уже на себя вниманіе, причемъ

---

[1]) Карта М. N.—8.

[2]) Сопоставляя съ чешскимъ Běchory, сербскимъ: бјјор, Gesch. d. Bulg. 82. Въ Чехіи есть еще Běhara, а на Балканѣ р. Бохорина.

[3]) Bihar, castrum in ruderibus, vetustate nobile, nomen comitatui concessit. Bihor castrum olim Cumanis, Tartaris atque Russis obiectum fuisse memoratur. Compendium Hungariae geographicum. 1777, стр. 281. Въ дневникѣ мукачевскаго епископа Іоанна de Camelis (1690—1705) отмѣчено: patri Iesaiae monacho montis sancti, meo compatriotae contuli ecclesiam Debreczinensem et subjeci ipsi sacerdotes, qui sunt circa Varadinum et Bihar. *Кочубинскій*, Слав. рукоп., 185.

[4]) По Гунфальви, Rumänen 39, р. Berettyó изъ Berek-jo — Hainfluss. Въ славянствѣ названія врядъ ли поэтому можно сомнѣваться.

[5]) Карта М. 8.

мадьярскій и русскій ученый сходятся въ общемъ опредѣленіи явленія. Гунфальви считаетъ православныхъ мадьяръ Гайдуцкаго комитата (Hajdu) омадьярившимися Русскими. Такъ же смотритъ на нихъ и Кочубинскій. Но въ объясненіи факта оба ученые совершенно расходятся [1]).

По Гунфальви, территорія нынѣшней угорской Руси еще въ XII в. была заселена весьма слабо, въ документахъ здѣсь упоминаются лишь лѣса и мѣста королевской охоты. Населеніе группировалось лишь около немногихъ главныхъ городовъ. Въ 1340 прибыли въ Мукачевъ Русскіе съ Коріатовичемъ; съ конца XV в. имѣются документальныя упоминанія о мукачевской епархіи; затѣмъ возникаетъ организація „Краины“ въ бережскомъ комитатѣ, но еще въ XVI в. Русскіе вели здѣсь пастушескую кочевую жизнь. „Можно полагать, что большинство русскихъ поселеній возникло не раньше, какъ 150—200 лѣтъ назадъ. Когда Русскіе обратились къ земледѣлію, они заняли мѣста Нѣмцевъ въ Спижѣ, Шаришѣ, Угочѣ и Мармарошѣ, причемъ не малое вліяніе оказывали религіозныя смуты: протестанты, принуждаемые оставить свою вѣру, предпочитали греческій обрядъ, такъ какъ сохраняли возможность принимать причастіе подъ двумя видами. Вмѣстѣ съ тѣмъ они принимали и русскій языкъ, и такимъ образомъ многіе нѣмцы обратились въ русскихъ. Въ Спижѣ и Шаришѣ треть теперешней русской территоріи принадлежала нѣмцамъ. Въ Плавницѣ и Берзевицѣ говорили еще въ прошломъ вѣкѣ по нѣмецки“. То же произошло и съ мадьярскими Гайдуками; изъ 63 т. Гайдуковъ, 10 т. Гунфальви считаетъ омадьярившимися русскими [2]).

Совершенно иначе объясняетъ дѣло Кочубинскій. Не имѣя возможности сомнѣваться въ давности русскихъ поселеній за Карпатами; не имѣя въ исторіи извѣстій о проч-

---

[1]) Только *Пичъ* считаетъ православныхъ мадьяръ мадьярами, Abstamm. 215.

[2]) Ethnographie, 307 пр. 553.

номъ утвержденіи православія среди мадьяръ [1]) и наоборотъ, имѣя несомнѣнныя данныя о постепенномъ уменьшеніи числа русскихъ [2]), точнѣе объ оставленіи ими своей вѣры, Кочубинскій отмѣчаетъ фактъ, что „густое русское населеніе въ горахъ, межъ Попрадомъ на западѣ и верхней Тисой на востокѣ, становится все жиже, по мѣрѣ уменьшенія гористости края, а на равнинѣ венгерской оно — что лѣтняя послѣдь отъ весенняго разлива Тисы. Эту форму разселенности русскихъ — густое населеніе на сѣверѣ и жиденькое на югѣ — можно понимать двояко: или жидкое населеніе въ равнинѣ — аванпостъ того, что въ Бескидѣ, случайные выходцы, что селились то промежъ валаховъ, то промежъ мадьяръ, или, наоборотъ, русская территорія, вогнанная теперь въ горы, раньше расширялась глубоко въ равнину сплошною массою русскаго населенія, то есть, движеніе было отступательное, съ юга на сѣверъ. Гдѣ же бо́льшая вѣроятность?

Церковный приходъ на сѣверѣ, гдѣ одно русское населеніе, не великъ числомъ своихъ прихожанъ и вообще малъ своимъ пространствомъ. Но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ приходъ расширяется болѣе и болѣе, захватываетъ массу земли, пока, наконецъ, по южной этнографической межѣ русскаго населенія — приблизительно между рѣкой

---

[1]) Упоминаніе о посѣщеніи Меѳодіемъ „короля угорска" (Паннонск. житіе, гл. 16) слишкомъ неопредѣленно, а указанія на греческую церковь въ Угріи въ X и XI в., не отвергаемыя Фесслеромъ и даже Салаемъ возбуждаютъ много сомнѣній, поскольку ихъ можно относить къ Мадьярамъ, а не къ Славянамъ.

[2]) Вотъ статистическія данныя, извлеченныя Кочубинскимъ изъ сопоставленія схематизмовъ пряшевской епархіи: въ 1837 было уніатовъ 169,991; въ 1841 г.—178,226; въ 1870 г.— 154,626, т. е. менѣе на 23,600 душъ, или: въ теченіе 30 лѣтъ русскій элементъ уменьшился на 12,2%. Въ частности: въ абауйварскомъ ком. на 2,2%, спижскомъ на 5.8%, шаришскомъ на 18,8%, земненскомъ на 20,9%. Слав. рукоп. пештск. муз. Р. Фил. Вѣстн. 1881, I, стр. 189.

Шайо и среднею Тисой—и на востокъ отъ Тисы, онъ не доходитъ до того, что приходъ чуть ли не комитатъ.

Такимъ образомъ, *фигура* прихода сѣвернаго и южнаго — двѣ противоположности.

Далѣе, въ южныхъ приходахъ языкъ обиходный двоякій: русскій и мадьярскій, то есть, есть *православные* (уніаты) мадьяры, но которые, кромѣ мадьярской проповѣди съ церковнвй каѳедры — она всегда соображается съ составомъ населенія (даже въ монастырѣ Магіа-Росѕ проповѣдь часто по мадьярски) — слушаютъ богослуженіе на томъ же церковно-славянскомъ языкѣ, а на литургіи поютъ „Господи помилуй" и поминаютъ даже „Петра, Алексѣя, Іону и Филиппа". Какъ понимать появленіе православныхъ мадьяръ и съ языкомъ Кирилла въ церкви?

О проповѣди славянской церкви среди мадьяръ никто ничего не скажетъ: въ прозелитизмѣ русскіе, какъ „за кордономъ" такъ и тамъ, на венгерской равнинѣ, неповинны. Обратное явленіе—апостатство отъ православія—слишкомъ извѣстно. Или эти православные приходы Мадьяръ, какъ напримѣръ Görömböly, память о славянскомъ православіи первыхъ мадьярскихъ королей — Гейзы, Стефана — 900 лѣтъ назадъ?... Но кромѣ наклоненнаго православнаго креста на коронѣ Стефана да знаменитаго „мѣшца" съ кирилловскою славянскою надписью, никакихъ осязательно-видимыхъ слѣдовъ былаго православія среди мадьяръ нѣтъ. Мы не говоримъ о неосязательномъ присутствіи нашего стараго православія у нынѣшнихъ мадьяръ — въ церковно-бытовой терминологіи мадьярскаго языка, въ словахъ, какъ *kereszt* крестъ, *barat* братъ, *szerda* середа, *csötörtök* — четвертокъ, *péntek* — пятокъ, *szambat* сѫбота и проч.

Явленіе православныхъ мадьяръ въ русскихъ южныхъ приходахъ объясняется такъ же, какъ и появленіе православной славянской церкви среди сосѣдей и часто односельчанъ мадьяръ — среди калаховъ (румынъ). Исторія не знаетъ о проповѣди христіанства среди румынъ, какъ румыны своего румынскаго Бонифатія, Кирилла или Вой-

тѣха румыны не укажутъ. А между тѣмъ среди румынъ появляется христіанство, на сколько помнитъ память людская, именно въ формѣ православной *славянской* церкви, съ *славянскимъ* богослужебнымъ языкомъ, съ тѣмъ, что и у всѣхъ православныхъ славянъ. Если исторія молчитъ о румынскомъ Кириллѣ, она права: среди предковъ нынѣшнихъ румынъ православная *славянская* церковь формировалась *по мѣрѣ усвоенія православными славянами Трансильваніи и прилегающихъ областей*, получившими свое православіе отъ апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Паннопіи, *романскаго языка... и забвенія своего*, то есть, по мѣрѣ ихъ добровольной румынизаціи, тянувшейся вѣка. Отсюда церковь продолжала жить старая, славянская, въ то время, какъ заново регенеровавшаяся паства ея уже перестала вполнѣ понимать языкъ ея и формировала изъ себя иное племя—особь, громадное племя румынъ — на глазахъ исторіи. Сюда не входитъ вопросъ, чѣмъ обусловливалась добровольная румынизація у славянъ.

Такимъ то путемъ очутилась православная *славянская* церковь Кирилла и Меѳодія въ паствѣ, отчудившейся отъ ея языка, непонимавшей его. Ошибка доселѣшнихъ толкователей заключалась именно въ томъ, что то, что *дѣлалось* незамѣтно, вѣками, они понимали, какъ сразу совершившееся, и тщетно искали румынскихъ національныхъ Кирилла и Меѳодія или прибѣгали (историки румынъ) къ невозможнымъ гипотезамъ, въ родѣ, что до флорентійской уніи (половина XV столѣтія) Румыны были не православные, а латынники. Vice versa, православные мадьяры — это только *омадьярившіеся русскіе*, мадьярившіеся незамѣтно, вѣками“ [1]).

Мы позволили себѣ привести эту длинную выписку изъ статьи почтеннаго ученаго, именно потому, что указанныя имъ данныя затрогиваютъ самый существенный

[1]) Тамъ же.

фактъ въ этнографіи карпато-дунайской земли. Отдѣльные намеки на аналогичныя этнографическія перерожденія встрѣчаются, какъ мы видѣли, чуть не на всѣхъ пунктахъ занимающей насъ территоріи: въ центральной Трансильваніи на всей восточной и юго-восточной ея окраинѣ, на пространствѣ между Дунаемъ, Тисой и Марошемъ. Мы пока не въ состояніи подробно обосновать всѣ эти намеки, но уже одна повсемѣстность ихъ сообщаетъ имъ значеніе. Впрочемъ относительно отмѣченной русско-мадьярской полосы, обратившей уже на себя вниманіе науки, мы имѣемъ возможность дополнить общія соображенія Кочубинскаго нѣкоторыми немаловажными частностями.

Не трудно замѣтить, что разногласія въ мнѣніяхъ Гунфальви и Кочубинскаго заключаются въ основномъ различіи взглядовъ на Карпатскую Русь.

По Гунфальви, до прибытія Мадьяръ, въ Угріи не было русскаго племени, ибо имя Русь появилось среди славянъ лишь съ Рюрика; не могли русскіе прибыть вмѣстѣ съ мадьярами, „ибо въ такомъ случаѣ они сохранили бы свой скандинавскій языкъ“; очевидно, поэтому они прибыли лишь въ позднѣйшее время, а „названія, связанныя съ корнемъ *рус* доказываютъ разсѣянность русскихъ поселеній въ Угріи и Трансильваніи“ [1]).

Это разсужденіе Гунфальви представляетъ такое же явное насиліе и надъ здравымъ смысломъ и надъ тѣми данными, какое мы видѣли въ общей постановкѣ вопроса о Руси на югѣ у Куника. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ же Гунфальви считать сѣверную Угрію до прихода Мадьяръ пустыней, не можетъ онъ отвергать здѣсь славянства; съ другой стороны, документальныя извѣстія объ Угорской Руси съ конца X в. онъ могъ бы найти даже у Куника [2]). Эти извѣстія вовсе не указываютъ на недавность вселенія здѣсь Русскихъ, а при наличности данныхъ о незапамят-

---

1) Ethnographie, 305—306.
2) Berufung, II, 34 сля.

номъ славянствѣ сѣверо-восточной Угріи, мы должны предполагать въ здѣшней славянской массѣ и тѣхъ ея представителей, съ которыми связывается русское имя; наконецъ, если названія отъ корня *рус* покрываютъ Угорскую Русь не сплошь, то вѣдь не сплошь же они и на несомнѣнно русской территоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гунфальви допускаетъ чудеса: разрозненные и притомъ весьма некультурные русскіе безъ особеннаго труда претворяютъ въ себя культурныхъ нѣмцевъ и часть сплошной массы мадьяръ. Все это факты такого рода, которые трудно допустить, не оскорбляя простого здраваго смысла, не говоримъ уже о ихъ противорѣчіи точнымъ фактамъ [1]).

---

[1]) Что касается утвержденія Гунфальви, будто большинство русскихъ поселеній въ сѣв.-вост. Угріи возникло не раньше 150 — 200 лѣтъ назадъ, то подобная легкомысленность у вообще серьезнаго Гунфальви в. характерна. Гунфальви, очевидно, просматривалъ схематизмы, гдѣ построеніе теперешнихъ церквей указано преимущественно въ XVIII в. Съ этого же времени имѣются и метрическія книги. Въ такомъ случаѣ было бы, пожалуй, логично утверждать поселеніе здѣсь Русскихъ въ прошломъ вѣкѣ, а не отодвигать его за 200 лѣтъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. Занимающая насъ полоса вообще небогата документами относительно древнѣйшей поры. Раньше XIV в. мы имѣемъ, собственно, упоминанія только о главнѣйшихъ городахъ. *Csanki*, Magyarország I. Лишь нѣкоторыя поселенія упоминаются въ началѣ XIV в. (причины тѣ же, о которыхъ было сказано, по поводу генриховской Записи), и съ этого же времени упоминаются, напр., 4 села шаришскаго комитата: Кружлевъ, Курово, Луковъ, Мальцевъ (1338. *Fejer*, Cod. VIII, 4, 308, 309, 339. Ср. Пряш. схемат., 1892, стр. 26—29). Эти поселенія какъ разъ на томъ пространствѣ, гдѣ съ одной стороны, на зап. развалины Маковицкаго замка, на ю.-з. около верховьевъ Торицы тоже развалины стараго замка (Пряш. схемат., 54, 66), а на с.-з. лѣтописный Тыличъ. Въ старинѣ этихъ поселеній не можетъ быть так. обр. сомнѣнія; между тѣмъ церкви въ нихъ все новыя: въ Куровѣ, напр., съ 1814; метрическія книги вообще не раньше XVIII в.; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что въ Луковѣ, напр., приходъ существовалъ раньше 1500 г. (Пряш. схемат., 28). Въ допол-

Гайдуцкая полоса представляетъ не уединенный островъ, а окраину постепеннаго этнографическаго перелива. Съ какой бы стороны ни подходить къ этой полосѣ, отличительная черта ея, какъ полосы переходной, выступаетъ одинаково ярко: со стороны мадьярскаго центра она представитъ мадьярскую полосу, разжиженную русскими элементами, со стороны сплошного русскаго пространства на сѣверѣ она представитъ русскую окраину, разрѣженную элементами мадьярскими. Гайдуцкая полоса, съ прилегающимъ къ ней пространствомъ, представляетъ, такимъ образомъ, общее этнографическое явленіе, которое повторяется вездѣ и всегда, при встрѣчѣ двухъ народностей, когда на этнографическомъ сумежьѣ двѣ народности, путемъ длиннаго процесса взаимодѣйствій, такъ сказать, обоюдно нейтрализуются. Это совершенно то же самое, что мы видѣли на румынско-русскихъ окраинахъ Молдавіи и Буковины.

Въ обоихъ случаяхъ въ недалекомъ сосѣдствѣ отъ разрѣженныхъ то румынствомъ, то мадьярствомъ русскихъ окраинъ мы видимъ сплошную русскую полосу, представляющую, въ свою очередь, окраину громадной массы русскаго славянства, исторія котораго въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ обнаруживаетъ неудержимое движеніе на сѣверо-востокъ.

Уже одно это обстоятельство можетъ заставить усматривать въ разрѣженныхъ русскихъ полосахъ остатки стараго, а не новыя явленія; тѣмъ болѣе, если дальше еще— за этой разрѣженной полосой —тянется полоса, въ кото-

---

неніе замѣчу, что, напр., въ Артушовѣ (свидницк. благоч.) новая часовня стоитъ на мѣстѣ старой церкви; въ Порачѣ (нижне-спижск. благоч.) метрики имѣются лишь съ 1758, но здѣсь же упоминается настоятель съ 1669 по старой метрикѣ; въ Вавринцахъ (вороновск. благоч.) существуютъ развалины старой церкви, хотя теперь нѣтъ и часовни (Пряш. схемат., 73, 118, 173); наконецъ, во многихъ поселеніяхъ, гдѣ теперь нѣтъ церквей, указываетъ возможность ихъ существованія въ прежнее время характерный кругъ вѣковыхъ лиственныхъ деревъ на наиболѣе высокомъ пунктѣ.

рой славянскіе, точнѣе славяно-русскіе слѣды до сихъ поръ не затерлись въ номенклатурѣ.

Такъ представляется вопросъ въ общей постановкѣ, но для болѣе или менѣе удовлетворительнаго его рѣшенія мы имѣемъ чрезвычайно скудный матеріалъ, историко-этнографическій и особенно статистическій. Въ древнѣйшихъ историческихъ документахъ мы имѣемъ лишь имена географическія и личныя, притомъ, въ большинствѣ случаевъ, искаженныя и графикой, и произношеніемъ; объ антрополого-этнографическихъ и діалектологическихъ разысканіяхъ, которыя, конечно, могли бы пролить обильный свѣтъ и на историческую этнографію въ прежнее время, не можетъ быть рѣчи, да и теперь о нихъ не слышно [1]); статистическія указанія имѣются лишь о самыхъ послѣднихъ дняхъ, но есть не мало основаній сомнѣваться въ ихъ этнографической точности [2]).

Такимъ образомъ, занимающая насъ полоса, будучи переходной внѣ всякаго сомнѣнія, представляетъ, однако, территорію, гдѣ въ настоящее время мы видимъ лишь результатъ механическихъ племенныхъ взаимодѣйствій въ теченіе ряда вѣковъ. Взаимодѣйствія эти ускользнули отъ вниманія науки. Никто не подвергалъ ихъ анализу, ибо непосредственность жизни, незамѣтная постепенность ея

---

[1]) Послѣ статьи *А. Семеновича*, Объ особенностяхъ угро-русскаго говора, Сборникъ статей учениковъ В. И. Ламанскаго ПБгъ, 1883, можно указать лишь на статью *Олафа Броха*, Zum kleinrussischen in Ungarn, Арх. Ягича XVII, 1895 г., спеціально посвященную угро-русской діалектологіи. Слѣдуетъ надѣяться, что примѣръ Броха, пріѣхавшаго въ Угорскую Русь изъ Христіаніи, подѣйствуетъ и на русскихъ ученыхъ.

[2]) Наиболѣе яркимъ доказательствомъ этого служитъ изданный мадьярской академіей наукъ списокъ мадьярскихъ именъ въ мадьярской формѣ: Nem magyar keresztnevek jegyzéke, Budapest 1893. Въ послѣднее время особенно поощряется перемѣна немадьярскихъ фамилій. Оффиціальныя приглашенія къ такой перемѣнѣ, въ ознаменованіе 1000-лѣтняго юбилея, разсылаются теперь во всѣ мѣста Угріи.

хода, наконецъ научная схоластика и научный аристократизмъ исключали возможность такого анализа. Пора анализа настала слишкомъ поздно, когда жизнь уже сдѣлала свое дѣло, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, результаты этого дѣла оказались явленіемъ настолько новымъ, своеобразнымъ, что отыскать въ немъ старые элементы и распредѣлить ихъ надлежащимъ образомъ очень и очень трудно.

Подобное явленіе мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ: на территоріи всей восточной Германіи, Угріи, Румыніи, въ западной Россіи. Втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ отношенія здѣсь складывались путемъ чисто механическаго воздѣйствія. Но вотъ прошла пора непосредственности: кругъ жизни расширяется, явленія ея усложняются чрезвычайно; ограничиться простой механичностью отношеній, такъ сказать, исторической инерціей стало рѣшительно невозможно, оказалась необходимость привести въ порядокъ отдѣльныя явленія, а для этого потребовалось понять и уяснить ихъ.

Такимъ образомъ, собственно говоря, періодъ сознательной оцѣнки подобныхъ явленій только начинается. Именно поэтому историческое освѣщеніе русско-польскихъ, угорско-славянскихъ, румынско-славянскихъ, нѣмецко-славянскихъ отношеній связано съ необыкновенными трудностями. Современная научная точность не можетъ удовлетвориться тѣмъ освѣщеніемъ, какое даетъ старая наука, ибо въ этомъ освѣщеніи нельзя не видѣть отраженія механически сложившихся представленій и понятій [1]), при этомъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне одностороннихъ [2]),

---

[1]) Это довольно вѣрно отмѣтилъ *Пыпинъ* въ исторіи отношеній русско-польскихъ, Исторія р. Этногр., IV, гл. 1-ая и 3-ья и особенно *Пичъ* въ исторіи угорской, Nationalkampf, Schlusswort.

[2]) Въ подтвержденіе достаточно указать взгляды нашей науки (вплоть до 80-хъ годовъ) на западно-русскую жизнь; и относящіеся сюда же взгляды польскіе, какъ стараго времени, такъ и теперешней краковской школы (о ней см. мою Борьбу Польши и Литвы-Руси, 227 сл.); отмѣченные выше взгляды Куника, Милленгофа, Гунфальви и проч. и проч.

а съ другой стороны, до настоящаго времени имѣется слишкомъ мало данныхъ для такого освѣщенія этихъ вопросовъ, какое могло бы удовлетворить современную научную требовательность. Не говоримъ уже о тѣхъ преградахъ, какія ставятъ наукѣ и старыя традиціи, и всевозможное политиканство въ родѣ идей о великой Мадьяріи, великой Румыніи, ягеллоновской Польшѣ и проч.

Въ виду всего этого, въ освѣщеніи этнографическихъ вопросовъ, связанныхъ съ занимающей насъ русско-мадьярской полосой, мы можемъ претендовать лишь на весьма относительную полноту и точность.

За отсутствіемъ другихъ данныхъ мы основываемся на церковныхъ схематизмахъ [1]). Ихъ показанія, конечно, не удовлетворяютъ требованіямъ точной статистики, такъ какъ основываются лишь на общемъ годовомъ приростѣ и убыли населенія, тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ оффиціальныя статистическія переписи, исполняемыя обыкновенно наскоро [2]), и, что еще хуже, съ явной политической тенденціей [3]). Для приходского

Предметъ слишкомъ обширенъ, чтобы исчерпать его въ немногихъ словахъ. Ограничусь лишь общимъ замѣчаніемъ. Далеко не всегда подобные взгляды тенденціозны; гораздо чаще они представляютъ простое отраженіе господствующихъ представленій. Въ 1802 г. Севергинъ не узналъ православныхъ въ Дрогичинѣ, и въ своихъ Запискахъ онъ называетъ ихъ „шисматиками". *Пыпинъ*, Этногр. IV, 27. Когда Погодинъ читалъ „Славянъ" Ламанскаго, онъ не замѣтилъ карпатско-дунайской Руси, не потому, что не хотѣлъ замѣтить, а потому что эта Русь даже теперь для многихъ—дикое слово; также точно изъ сотни теперешнихъ Мадьяръ, пьющихъ „самородное" вино, едва ли десять понимаетъ значеніе слова,—остальные вполнѣ убѣждены, что „шомородни" коренное мадьярское слово.

[1]) Пряшевской епархіи за 1892 г., Мукачевской за 1893 г.

[2]) *С. Мишикъ*, Slov. Pohlady, 1895, IX, стр. 576.

[3]) См. выше стр. 197 пр. 2. Въ бытность мою въ Турчанскомъ Мартинѣ, въ августѣ 1895 г. нѣкто Карась, при записи въ городское училище, былъ помѣченъ мадьяриномъ. Я доподлинно знаю, что ни отецъ, ни мать мальчика не знаютъ по

священника важно знать въ точности количество и составъ своихъ прихожанъ, а языкъ церковной проповѣди служитъ несомнѣнно точнымъ указаніемъ на этнографическій характеръ прихода.

Общія данныя обоихъ схематизмовъ слѣдующія. Въ мукачевской епархіи 388 приходовъ, при 402 приходскихъ церквахъ, 167 приписныхъ и 1164 приписныхъ поселеніяхъ. Общее число душъ уніатскаго населенія 458767. Въ пряшевской: 188 приходовъ при 186 приходскихъ церквахъ, 132 приписныхъ и 1371 приписномъ поселеніи. Общее число душъ уніатскаго населенія 163515. Далѣе, въ мукачевской епархіи въ 289 приходахъ употребляется только русскій языкъ, въ 61 русскій и мадьярскій, въ 37 мадьярскій [1]); въ пряшевской епархіи въ 154 приходахъ употребляется языкъ slavo-ruthenica, въ 28 приходахъ мадьярскій и русскій, въ 4-хъ одинъ мадьярскій, въ 2-хъ русскій мадьярскій, нѣмецкій [2]).

Что касается термина: lingua slavo-ruthenica, то этотъ этнографическій фактъ вводитъ насъ въ вопросъ о взаимоотношеніи отдѣльныхъ частей славянства, и о немъ мы остановимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Здѣсь отмѣтимъ только, что въ общемъ итогѣ въ 28 смѣшанныхъ приходахъ пряшевской епархіи показано: lingua ruthenica et hungarica (хотя въ отдѣльныхъ перечняхъ помѣчено slavo-ruthenica et hungarica), слѣдовательно, сама церковная администрація признаетъ въ этой смѣшанной полосѣ главнымъ образомъ, два элемента: русскій и мадьярскій, т. е. подтверждаетъ фактъ, отмѣченный г. Мишикомъ, что

мадьярски; но на вопросъ учителя: какой народности (по „материнской рѣчи")? мальчикъ безъ колебаній отвѣтилъ: Magyar! Когда присутствовавшій при этомъ другой словакъ обратился къ отцу мальчика съ вопросомъ—давно ли онъ мадьяринъ?—тотъ только развелъ руками.

[1]) Въ Сатмаръ-Немети русскій, мадьярскій и волошскій; кромѣ того, въ Красной-Быстрой—русскій и волошскій (стр. 5[illegible]), что, однако, не отмѣчено въ общемъ итогѣ схематизма.

[2]) Это города — Пряшевъ и Кошицы.

„славяно-русскій языкъ въ пряшевскомъ схематизмѣ есть собственно ословаченный русскій языкъ“ [1]). Такимъ образомъ въ предѣлахъ мукачевской и пряшевской епархій, мы имѣемъ въ общемъ 89 приходовъ съ русскимъ и мадьярскимъ языкомъ и 41 приходъ съ однимъ мадьярскимъ.

По отношенію къ сплошной русской полосѣ на сѣверовостокъ и сплошной словено-русской и словенской полосѣ на сѣверо-западѣ, территорія мадьярскихъ примѣсей представляетъ замѣчательную правильность и постепенность географическаго расположенія. Если южную границу сплошной русской территоріи полагать, какъ обыкновенно, на Вишеевой и Тисѣ на востокѣ, на вскраѣ горъ и возвышенности въ центрѣ [2]), то южная граница сплошнаго сначала русско-словенскаго, а потомъ словенскаго населенія пойдетъ отъ русско-словенскаго Ujszallas, далѣе на западъ къ Рожнявѣ и Щитнику, а отсюда почти прямо въ юго-западномъ направленіи по правому берегу Иполи [3]).

[1]) Slov. Pohlady, 1895, IX, 572. Здѣсь же указано, что по мадьярскому счету *Somogyi*, Magyar korona országaihoz tartozó papság és szerzetesrendek egyetemes névtárá въ 1878 г. считалось 155 приходовъ съ словено-русскимъ языкомъ и 32 съ русскимъ и мадьярскимъ. Точно объяснить разницу въ показаніяхъ Шомодія и пряшевскаго схематизма за 1892 я не, могу; во всякомъ случаѣ, въ виду общаго положенія дѣлъ, ее не приходится объяснять приростомъ словено-русскихъ приходовъ за послѣднее время, а скорѣе мадьяризаторскимъ усердіемъ оффиціальной статистики.

[2]) Отъ Nagy-Szöllös граница пройдетъ въ с.-з. направленіи до р. Латорицы, затѣмъ по правому ея берегу въ бережскомъ и ужгородскомъ комитатахъ, а затѣмъ на с.-з. до Ujszallas, гдѣ обыкновенно полагается русско-словенскій рубежъ.

[3]) *Czörnig*, Ethnographie, I, 44—45, 51. Граница Чернига наложена на карты N. M. L. K.—7. Повидимому, эта граница наиболѣе отвѣчаетъ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, послѣдняя по времени справка *А. Л. Петрова*, Замѣтки по Угорской Руси, Ж. М. Пр. 1892, II, наведенная на мѣстѣ, почти совпадаетъ съ границей Чернига, а гдѣ разница, то въ ущербъ русской народности, что́ вполнѣ отвѣчаетъ естественному ходу дѣлъ. То же самое, надо думать, м. б. примѣнено и къ словацко-мадьярской границѣ.

Къ сѣверу отъ обозначенной границы на всемъ пространствѣ господствуетъ исключительно русскій языкъ на востокѣ, словацко-русскій на западѣ, къ югу начинается русско-мадьярская полоса, еще далѣе на югъ мадьярская, сливающаяся незамѣтно съ сплошнымъ мадьярствомъ, уже не принадлежащимъ къ восточной церкви.

Эта переходная полоса захватываетъ юго-западныя окраины мармарошскаго комитата, южныя части угочскаго, бережскаго, земненскаго, абаторнскаго и сѣв. часть боршодскаго, теряясь незамѣтно то въ прилегающемъ румынствѣ (на востокѣ), то, главнымъ образомъ, въ мадьярствѣ. Въ общемъ можно сказать, что линія желѣзной дороги отъ Дебречина къ Ужгороду составляетъ для южной части мукачевской епархіи граничную черту: пространство къ востоку отъ нея до желѣзно-дорожной линіи отъ Дебречина къ Сатмаръ Немети на югѣ, слѣдовательно, весь лѣвый берегъ Средней Тисы, представляетъ полосу русско-мадьярскую, причемъ эта полоса особенно ярко обозначена на лѣвомъ берегу нижняго Самоша, на пространствѣ, окружающемъ монастырь Maria-Pocs, т. е. въ сѣверо-восточной части саболчскаго комитата. На югѣ она теряется около Дебречина и въ сѣв.-зап. частяхъ гайдуцкаго комитата, который, въ этомъ отношеніи, вполнѣ соотвѣтствуетъ части боршодскаго комитата по нижнему теченію Солоной. На сѣверѣ русско-мадьярская полоса переходитъ на правый берегъ Тисы и тянется здѣсь до тѣхъ поръ, пока тянется равнина, прерываясь сразу у вскрая горъ на востокѣ и сѣверѣ. Но на сѣверо-западѣ излучины Тисы и отчасти Бодрога представляютъ полосу вообще мадьярскую, а южная часть земненскаго комитата, особенно архидіаконатъ подгорскій (Hegyalja) и боршодскій (сѣв.-вост. вскрай боршодскаго комитата между Горнадомъ и Бодвой) представляетъ опять полосу русско-мадьярскую, съ довольно часто вкрапленными мадьярскими пунктами [1]). Если, для иллю-

[1]) Напр.: Tolcsva, Bodrog-Olaszi, Szanto, Csobad, Barakony.

страціи, ограничиться пространствомъ между указанными желѣзнодорожными линіями, то на южномъ его вскраѣ будетъ полоса мадьярская по преимуществу, далѣе на сѣверѣ (на лѣвомъ берегу Тисы) — русско-мадьярская, еще далѣе (на прав. берегу Тисы) по преимуществу русская и наконецъ къ сѣверу отъ Ужгорода исключительно русская.

Такимъ образомъ, это распредѣленіе дѣйствительно вполнѣ подтверждаетъ фактъ постепеннаго таянія русскаго элемента въ плодородныхъ равнинахъ или въ такихъ благодатныхъ горныхъ мѣстахъ, какъ скатъ Подгорья въ окрестностяхъ Токая.

Надо имѣть въ виду, что всѣ эти мѣста запечатлѣны и теперь совершенно яркимъ славянскимъ характеромъ языка земли, а въ историко-географическихъ описаніяхъ этихъ мѣстъ отъ прошлаго вѣка встрѣчаемъ здѣсь повсюду русскихъ. Таковы, напр., отмѣченныя выше описанія М. Бѣла и А. Сирмая въ рукописяхъ пештскаго музея [1]), или указаніе того же Бѣла въ его сокращенномъ руководствѣ угорской географіи [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 2.

[2]) Compendium Hungariae geographicum, 1777. О саболчскомъ замкѣ (на Тисѣ, немного выше Токая): parem cum reliquis arcibus interitum habuit, adeo quidem, ut paene memoria et urbis, et arcis interierit. Rutheni eam inhabitant, homines iniquissimi (стр. 301). То же и въ сатмарскомъ комитатѣ, стр. 293. Объ угочскомъ Бѣлъ прямо говоритъ: Inquilini regiunculae Hungari sunt, Russis Slavisque mixti, стр. 305; то же и объ абаторнскомъ: coloni Hungari sunt... mixti tamem Slavis Russisque, стр. 230. Говоря о мармарошскомъ Hoszszu-Mezö, по волошски Кимполунгъ, Бѣлъ указываетъ и русское названіе: russicum nomen dluhe pole, 310. Мы видѣли выше, что русское имя связывается и съ Бихаромъ. Что вытѣсненіе славяно-русскаго элемента съ долинъ началось давно, указываетъ замѣчаніе того же Бѣла о Гемерѣ: incolae, qua ineunt montium ordines... Slaui sunt, in planitie autem... Hungari. 225, или объ абауйварскомъ ком.: coloni prouinciae, qua expanditur planities Hungari contigere... in montibus vero Slaui partim, partim Russi, quis Ruthenos, Rusnaken germanico idiomate, vo-

Этой постепенности географическаго распредѣленія вполнѣ соотвѣтствуетъ (что замѣтилъ уже Кочубинскій) и постепенное измѣненіе объема церковнаго прихода. Въ мукачевской епархіи въ Мармарошѣ 91 приходъ съ 96 приходскими церквами, и 33 приписными при 95 приписныхъ поселеніяхъ. Такое же отношеніе и на всей восточной части праваго берега Тисы: въ бережскомъ архидіаконатѣ 81 приходъ съ 85 церквами и 54 приписными, при 190 приписныхъ поселеніяхъ, но уже въ бодрожскомъ (Bodrogköz) и гедьяльскомъ благочиніяхъ земненскаго комитата мукачевской епархіи встрѣчается по 6-ти приходовъ съ 58 (въ первомъ), 56 (во второмъ) приписными поселеніями, безъ приписныхъ церквей; а въ архидіаконатѣ саболчскомъ, охватывающемъ комитаты саболчскій и Гайду, 36 или 37 приходскихъ церквей при 6 приписныхъ и 236 приписныхъ поселеніяхъ. То же самое въ пряшевской епархіи: въ земненскомъ архидіаконатѣ 59 приходовъ съ 48 приписными церквами при 189 приписныхъ поселеніяхъ, но уже въ шаришскомъ 74 прихода съ 73 приходскими церквами, 73 приписными, при 357 приписныхъ поселеніяхъ, въ абаторнскомъ 21 приходъ съ 20 приходскими, 4 приписными церквами, при 272 приписныхъ поселеніяхъ, наконецъ, въ боршадскомъ 14 приходовъ, при 14 приходскихъ церквахъ, 2 приписныхъ и 280 приписныхъ поселеніяхъ.

Что указанный объемъ прихода сѣверныхъ частей нашего пространства не случайность, доказывается тѣмъ, что онъ одинаковъ и въ Галиціи: у Лемковъ, напр., въ 1849 г. было 129 церквей при 172 поселеніяхъ; что онъ не обусловленъ горами, доказываетъ такой же объемъ его въ предѣлахъ холмской епархіи [1])

Въ объемѣ прихода русской церкви въ предѣлахъ Угріи мы имѣемъ такимъ образомъ весьма существенный

---

cant, degunt. 218. О Русскихъ въ земненскомъ, шаришскомъ, спижскомъ, стрр. 201, 196, 186.

[1]) Между прочимъ, и за время уніи, см. холмскій г.-ун. Мѣсяцесловъ 1871 г.

этнографическій показатель, также точно, какъ и въ русской вѣрѣ населенія [1]), и если объемъ прихода расширяется какъ на сѣверо-западъ, такъ и на югъ, причемъ въ первомъ случаѣ мы видимъ приливъ католицизма, во второмъ кальвинизма, то оба эти вполнѣ однородныя явленія только и могутъ быть объясняемы, какъ естественный результатъ вѣкового воздѣйствія католической церкви съ одной, господствующей мадьярской народности съ другой стороны.

Относительно воздѣйствія католицизма замѣтимъ лишь, что, напр., спижскій округъ вмѣстѣ съ погронскимъ и левочскимъ находился значительное время подъ управленіемъ латинскаго епископа [2]), да и до сихъ поръ еще встрѣчаются церкви общія для обоихъ обрядовъ [3]), что, конечно, не могло не приводить къ перевѣсу могущественнаго и всегда воинствующаго католицизма. Не вдаваясь въ подробности церковной исторіи Угріи, напомнимъ, что церковно-религіозныя смуты обнаруживаются здѣсь очень рано, отличаясь такимъ же характеромъ, какъ и въ Чехіи и въ Малой Польшѣ [4]), а многочисленность „греческихъ" монастырей въ Угріи не можетъ быть объясняема только въ этнологическомъ смыслѣ, а непремѣнно предполагаетъ вѣроисповѣдное значеніе слова, такъ же точно, какъ и нерѣдкій въ папскихъ грамотахъ терминъ „pagani" вовсе не предполагаетъ дѣйствительнаго язычества [5]), а тѣхъ „scizmatici

---

[1]) Этнографическое значеніе вѣроисповѣданія въ занимающихъ насъ областяхъ давно отмѣтилъ *Куникъ*, Beruf. 1, 176. То же и теперь, какъ указываетъ *Мишикъ*, Slov. Pohl. 1895, IX.

[2]) Пряш. схем. 115.

[3]) Напр. въ Верхней Ольшавѣ, съ трогательной надписью: hoc templo colitur diversis ritibus, una incorrupta fides unus idemque Deus. Пряш. сх. 174.

[4]) Замѣчу кстати, что терминъ: Latini и Slavi, употребляемый въ Словачинѣ даже въ XVII — XVIII в. въ смыслѣ послѣдователей латинскаго и славянскаго, т. е. восточнаго обряда, объясняетъ выраженіе у Мартина Галла: Latinorum et Slavorum quotquot estis incolae. M. P. I, 413 пр. 2.

[5]) Объ этомъ *Будиловичъ*, Общесл. яз. II, 73—77. Въ пештскомъ музеѣ имѣется множество старыхъ богослужебныхъ и во-

et infideles", которые въ глазахъ ярыхъ папистовъ были чуть ли не хуже язычниковъ. Совершенно то же самое встрѣчаемъ потомъ въ папскихъ грамотахъ, относящихся къ церковнымъ дѣламъ Галичины со времени подчиненія ея Польшѣ [1]), и это полное соотвѣтствіе — до малѣйшихъ мелочей стиля и освѣщенія отношеній населенія къ латинству — очень ярко указываетъ, что въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ явленіями однородными, и если во всей сѣверо-восточной полосѣ Угріи православіе удерживалось сравнительно очень долго, и еще понынѣ существуетъ восточный обрядъ, то дѣйствительно историческое значеніе этихъ фактовъ можетъ быть болѣе или менѣе правильно освѣщено лишь на почвѣ упорнаго вѣковаго противодѣйствія паствы славянскихъ просвѣтителей посягательствамъ представителей „тріязычной ереси".

„Соединеннымъ усиліямъ папъ и латинскихъ епископовъ въ Угріи, нѣкоторыхъ королей (особенно Андрея II, Бѣлы IV, Карла Роберта, Людовика Великаго, а затѣмъ Ягеллоновъ и Габсбурговъ) и множества западныхъ орденовъ, особенно цистерсіанцевъ и премонстратовъ, позже августиновъ и павлиновъ, а наконецъ доминиканцевъ и іезуитовъ, удалось вытравить православныхъ черныхъ монаховъ, ввести унію, а затѣмъ и чистое латинство съ целибатомъ и разными другими западными новшествами". Но „отъ своеобразнаго смѣшенія въ этой области стараго и новаго, грекославянскаго и римскославянскаго, выработался особый обрядъ „угорской церкви", существовавшій до XVIII в., когда онъ былъ вытѣсненъ обрядомъ чисто латинскимъ. Дуализмъ внесенъ сюда смѣшеніемъ не только двухъ ритуаловъ греческаго и римскаго, но и двухъ церковныхъ уставовъ. Въ древнее время въ Угріи господствовалъ греческій номоканонъ, очевидно, въ переводѣ на языкъ

обще церковныхъ книгъ. Изученіе ихъ ритуала было бы, думается, в. интересно.

[1]) Объ этомъ въ моей Борьбѣ Польши и Литвы-Руси, гл. III.

церковно-славянскій, почему мы находимъ въ этой странѣ въ старое время бракъ священниковъ, посты по середамъ и пятницамъ, семинедѣльное продолженіе великаго поста и т. п. Это видно и изъ свода законовъ св. Владислава, конца XI в. Лишь впослѣдствіи эта „старая вѣра", какъ зовутъ теперь еще мадьяры православіе, смѣнилась новою, послѣ продолжительной и не вполнѣ еще законченной борьбы" [1]). Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду, что торжество папизма ограничилось лишь той полосой меѳодіевой паствы, которая была наиболѣе разрѣжена мадьярствомъ и предшествовавшимъ ему аварствомъ. На всемъ русскомъ сѣверо-востокѣ кирилло-меѳодіевы сѣмена сберегались неприкосновенно до XVII вѣка, а обрядъ восточный существуетъ и понынѣ. Также бережно хранится наслѣдіе славянскихъ просвѣтителей и въ румынской церкви, что́, какъ мы видѣли, весьма существенно помогло росту самого румынства [2]).

Что касается воздѣйствія мадьярства, то оно чрезвычайно ярко отражается въ языкѣ земли: Rozvagy (читай Розводь), Kis-Dobra, Ag-Csernö, Szerencs (т. е. срѣча [3]), встрѣча), Szerdahely (при мѣстномъ русскомъ названіи

---

[1]) *Будиловичъ*, Общесл. яз. II, 127.

[2]) Замѣчаніе С. Вольфа о русскихъ въ четырехъ трансильванскихъ селахъ и мнѣніе Кочубинскаго см. выше, стр. 5—7, 191. О живыхъ связяхъ румынской церкви въ Молдавіи съ русскими монастырями, *Кочубинскій*, Отчетъ, Записки XIII, 123, 125 и *Надеждинъ*, Отчетъ. Что касается, въ частности, церковныхъ дѣлъ Угріи, то это благодарная задача будущаго. До сихъ поръ имѣются лишь слабыя, хотя и не лишенныя значенія, попытки *Ф. Сасинка*, Dejiny počiatkov terajšieho Uhorska, 1868, стр. 30 сл., 110 сл. и особенно *І. Заборскаго*, Dejiny král. uhorského od počiatku do časov Žigmundových. Первая часть (до 1173 г.) этого труда, къ сожалѣнію, оставшагося въ рукописи, находится въ настоящее время въ моемъ распоряженіи.

[3]) Такъ объясняетъ это названіе и *Вамбери*, A magyarság keletkezése és gyarapodasa, по отзыву Slov. Pohl. 1895, XII, 715.

середа, среда), Harast (при хворостъ). Въ мукачевскомъ схематизмѣ показаны, между прочимъ: Vezer-szallas (antea Pudpolocz, Pudpolozja стр. 34), Keselymezö (Koselyovo, чит. Кошелево, 42) Iglencz (Hlinyanecz, 24), Dunkofalva (Obava, 23), Also Karaslo (Zaricsa, 104), Uj Davidhaza (Novoje Davidkovo, 22). Здѣсь же еще болѣе краснорѣчивыя указанія: Cserhalom (*antea* Dubrovka, 5), Gombas (*olim* Hribócz et Vorotnicza, 9). Еще недавно мѣсто дѣятельности покойнаго угорскаго историка о. I. Дулишковича называлось Чинадѣевъ, теперь это — Bereg-Sz-Miklos, теперешній Bereg-Szollös на австрійской картѣ 1881 г. (М. 7) называется Lohova. То же самое и въ пряшевской епархіи. Полоса между Солоной и Горнадомъ вообще очень сильно омадьярена, но Boldva, у устья Бодвы, можетъ и теперь указывать болѣе правильную славянскую форму названія рѣки, Zsolcza, Strazsa явно обнаруживаютъ славянство низовьевъ Солоной и Горнада. Прибавимъ еще: Szanticska, Mucsony, Krasznik, Lyuba, Cseresnyesitanya, Putnok, Galgocz [1]) и гдѣ то у устья Солоной, недалеко отъ Онода, praedium Belegrad [2]). Русско-мадьярскіе приходы переходятъ и на правый берегъ Солоной: Görömboly находится недалеко отъ того Мишковца, гдѣ въ 1802 г. русскій офицеръ Броневскій говорилъ съ народомъ по русски [3]). Здѣсь же въ Мишковецкихъ горахъ (по Реману Буковскія): Nagy del, т. е. великій дѣлъ, а въ самомъ южномъ ихъ отрогѣ гора Ostoros [4]), одноименная горѣ въ верховьяхъ Мароша и Олуты.

Всѣ эти факты (славянскій языковѣдъ, знающій мадьярскій языкъ, могъ бы легко умножить ихъ количество до безконечности) неопровержимо свидѣтельствуютъ о посте-

---

[1]) Карта L. 7.

[2]) Пряш. схемат., 105.

[3]) *Ламанскій*, Славяне въ Малой Азіи, Прилож. II.

[4]) Къ югу отъ Erlau. Карта L. 7. Одноименность этой горы съ трансильванской — фактъ важный; онъ дѣйствительно подтверждаетъ одинаковость этнографическаго слоя, на который налегли Мадьяре. Ср. выше 168 пр. 1.

пенномъ этнографическомъ перерожденіи, ибо иначе постепенность въ искаженіи языка земли, бросающаяся въ глаза, если сколько нибудь присмотрѣться къ картѣ Угріи, представляла бы фактъ необъяснимый [1]).

Вотъ факты, какіе мы можемъ представить для соображеній объ этнографическомъ характерѣ широкой полосы сѣверо-восточной Угріи, между 47° 30′ и 48° с. ш. Прибавимъ еще, что на всемъ этомъ пространствѣ, рядомъ съ живыми славянскими названіями или ихъ явными отголосками, встрѣчаются повсюду названія отъ корня *рус:* отъ Kis-Oroszi на Дунаѣ [2]) до Russ pe Boul на Молдавицѣ [3]).

Эти названія, вмѣстѣ съ указаннымъ выше множествомъ такихъ же названій на всемъ пространствѣ Тран-

---

[1]) Въ виду всего этого, можно только удивляться, что такой знатокъ исторіи Покарпатья, какъ проф. Пичъ, считаетъ православныхъ мадьяръ нашей территоріи мадьярами. Abstamm. 215.

[2]) Ср. *Bidermann*, Die ungarischen Ruthenen, Innsbruck, 1862, I стр. 6.

[3]) K. Oroszi на Дунаѣ и Гронѣ, немного къ с.: Nem. Oroszi, а недалеко отъ словенскаго Новограда N. Oroszi. K. 7. Oroszi на ю.-з. вскраѣ Матры (къ с.-з. отъ Gyongyös), Sajó Oros у устья Солоной. Orosz Gadna между Бодвой и Горнадомъ, L. 7. Orosz въ мадьярской степи къ с. отъ Hajdu Nanas, Oros у Nyiregyhaza, Oroszfalu на Гомородѣ, Vamos-Oroszi къ с. отъ Iank, Saros-Oroszi къ с. отъ Tisza-Ujlak, Orosz къ ю. отъ Kiraly Helmecz, Ruszka и Regete-Ruszka около Nagy-Szalancz. M. 7. Въ бассейнѣ Самоша мы встрѣчаемся съ русями, отмѣченными выше, по поводу документальной Ruscia, а Oroszmezö (т. е. русское поле) на Самошѣ и р. Orosz (л. притокъ Самоша) N. 8, связываютъ эти названія съ рядомъ такихъ же: Rosia, Ruszkova (пр. притоки Вишеевы), Русскій дѣлъ N. 7, которые и понынѣ имѣютъ живой и опредѣленный смыслъ. Прибавлю еще, что въ документахъ эти названія встрѣчаются съ того времени, съ какого вообще имѣются документы: у *Csanki*, напр. въ Шаришѣ: Ruszin 1387, въ Гевешѣ: Oroszlankö 1325, Oroszi 1332, въ Новоградѣ: N. Oroszi 1346.

сильваніи и прилегающей къ ней по всѣмъ сторонамъ территоріи, въ связи съ общимъ характеромъ природы всего занимающаго насъ пространства, всецѣло тяготѣющаго къ древнему „Русскому“ морю [1]), въ связи съ невнушающими ни малѣйшаго сомнѣнія историческими свидѣтельствами о славянствѣ нашей территоріи отъ VI до конца IX вѣка, въ связи съ яркими указаніями какъ письменными, такъ и номенклатурными на этнологическія перемѣны, въ связи, наконецъ съ присутствіемъ и теперь еще живой Руси на всемъ центральномъ пространствѣ русскихъ горъ и на значительной части сѣверо-восточной мадьярской равнины, должны служить для всякаго „непредвзято и методически“ разсуждающаго изслѣдователя непререкаемымъ указаніемъ на этнографическій характеръ территоріи, а направленіе этихъ названій на востокъ, къ верховьямъ западнаго Буга съ одной, днѣстровской Русавѣ и днѣпровской Роси съ другой стороны, можетъ служить указаніемъ на тотъ путь, по которому ушла русская жизнь съ мѣстъ, давно насиженныхъ и повсюду запечатлѣнныхъ Русью, но оказавшихся, по историческому складу обстоятельствъ, неудобными для исполненія міровой роли великаго народа.

Русско-мадьярская полоса сѣверной Угріи имѣетъ для насъ въ высшей степени важное значеніе.

Отмѣченные выше вопросы о славянствѣ занимающей насъ территоріи едва ли когда нибудь будутъ освѣщены такъ, чтобы исключать всякую возможность сомнѣній и недоумѣній. Научная требовательность и точность не можетъ удовлетвориться общимъ освѣщеніемъ столь важнаго вопроса, а указаніе частностей при отсутствіи опредѣленныхъ свидѣтельствъ [2]) невозможно. Если, къ тому еще, принять во вниманіе неизбѣжную медленность научной разработки

---

[1]) Замѣчательно, что названія эти идутъ на западъ до природной границы нашей территоріи, прерываясь лишь на с. Моравѣ.

[2]) Напр., данныхъ о времени основанія поселеній, статистическихъ свѣдѣній о взаимодѣйствіи народностей.

крупныхъ и чрезвычайно запутанныхъ вопросовъ, съ другой стороны быстрый ходъ современной жизни, стирающей бытовыя особенности; условія политическаго и общественнаго быта, неизбѣжно ведущія къ тому, что подчиненный народъ, не обладающій ни достаточно сильною интелигенціей, ни какой бы ни было поддержкой извнѣ, долженъ ассимилироваться съ господствующимъ; наконецъ, ничѣмъ не стѣсняющіяся мѣропріятія, особенно въ школьномъ дѣлѣ, современной мадьярской политики [1]), то приходится рѣшительно утверждать, что въ близкомъ будущемъ значительно изсякнетъ тотъ матеріалъ, который еще сравнительно недавно могъ пролить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторый свѣтъ въ непроницаемую, повидимому, тьму исторіи нашего „Словенства". Разумѣемъ матеріалъ этнографическій, діалектологическій и номенклатурный.

Жизнь успѣла уже безслѣдно затереть много бытовыхъ чертъ, школа и газета значительно уравняютъ нарѣчныя особенности, административные приказы измѣнятъ языкъ земли, а пожалуй, запретятъ вставлять прежнія обозначенія даже съ добавленіемъ antea, olim; но, при всемъ этомъ, отмѣченная русско-мадьярская полоса сѣв.-вост. Угріи, какъ бы ни отодвигалась къ сѣверу ея южная граница, будетъ еще долго неизгладимымъ указаніемъ на возможность постепеннаго и незамѣтнаго этнографическаго перерожденія, а сравнительно болѣе чистый языкъ ея земли и постепенное его искаженіе, по мѣрѣ приближенія къ инородческимъ центрамъ, съ сохраненіемъ, однако, повсюду слѣдовъ славянства и при существованіи прямыхъ указаній на перерожденія въ центрахъ, будетъ сообщать нашей полосѣ значеніе живого указателя того процесса, который нѣкогда могъ происходить въ этихъ центрахъ.

---

[1]) Цѣлый рядъ фактовъ см.: Die Rumänische Frage in Siebenbürgen u. Ungarn. Replic der rumänischen akademischen Jugend, 1892, и особенно *E. Brote*, Die rumänische Frage, Berlin 1895.

„Несмотря на всевозможныя измѣненія, можно, однако, прослѣдить непрерывность старобытныхъ расъ для большинства областей старой культуры“ [1]).

На территоріи древнихъ Словенъ и донынѣ замѣтны повсюду яркія указанія на старобытность славянства, а этнографическіе процессы, происходящіе еще теперь на всѣхъ ея окраинахъ, могли бы послужить живою иллюстраціей фактовъ однородныхъ съ тѣми, за которыми наука совершаетъ далекія экскурсіи въ Месопотамію и Египетъ.

Соображая всѣ эти отрывочныя, конечно, указанія, мы можемъ утверждать, что *на* пространствѣ занимающей насъ *территоріи древнихъ Словенъ рѣшительно нѣтъ полосы, не запечатлѣнной славянскими слѣдами въ языкѣ земли* даже понынѣ. Это фактъ несомнѣнный и неопровержимый, и если намъ замѣтятъ, что „и сами Румыны могли давать названія славянскаго корня“ [2]), мы отвѣтимъ, что объяснять одну загадку другою значитъ не объяснять, а запутывать вопросъ, и попросимъ представить примѣръ, гдѣ бы народъ называлъ урочища чужимъ языкомъ съ той правильностью и соотвѣтствіемъ закону языка земли, какія мы видѣли на всей нашей территоріи.

Полагаемъ, что, на основаніи всего сказаннаго, вопросъ о предѣлахъ нашего „словенства“ значительно выясняется [3]).

---

[1]) *J. Jung,* Römer u. Romanen. Innsbr. 1887, стр, 315: указывается сохраненіе древнихъ этнографическихъ отношеній въ Месопотаміи, Египтѣ, сѣверной Африкѣ. Объ этомъ давно говорилъ *Надеждинъ,* Съ чего начинать исторію, Русск. Инвалидъ, 1837 г.

[2]) *Гротъ,* Моравія и Мадьяры 54 пр. 3.

[3]) Что касается замѣчанія проф. Грота о великой тисодунайской низменности, гдѣ Мадьяре „всегда жили несмѣшанно“ (Моравія и Мадьяры, 61 пр. 1), то слѣдуетъ замѣтить: 1) что это положеніе обставлено проф. Гротомъ такими добавленіями, которыя исключаютъ возможность серьезныхъ возраженій: „въ самыя центральныя части славянскія поселенія *едва ли* когда либо и заходили“, или: „въ центральныхъ частяхъ равнины славянскихъ названій *почти* не существуетъ“. 2) О „сплошномъ“ славянскомъ населеніи этого цен-

Слѣдуетъ прибавить, что едва ли не наиболѣе основательный представитель дако-романизма, проф. Пичъ не былъ въ состояніи указать мѣстность въ предѣлахъ Дакіи съ спеціально румынской номенклатурой [1]), въ виду чего роль Румынъ сводится во всякомъ случаѣ къ роли всельниковъ, отъ памятныхъ ли славянству временъ Траяна, какъ допускаютъ одни, или значительно позже, и въ такомъ случаѣ, не въ предшествіи побѣдоносныхъ орловъ, а овечьихъ стадъ, какъ думаютъ другіе [2]).

тра никто и не говоритъ: еще Венелинъ утверждалъ невозможность сплошного населенія въ тисо-дунайскомъ междурѣчьѣ (Скандинавоманія, 78). Авары тоже не прошли безслѣдно. 3) О сохраненіи мадьярской народности въ „такомъ чистомъ видѣ" мудрено говорить, въ виду многочисленности славянскихъ элементовъ въ языкѣ и исчезновенія азіатскаго облика въ типѣ. 4) Сравненіе съ Болгарами должно было указать историку древней эпохи Мадьяръ дѣйствительную причину, спасшую Мадьяръ отъ судьбы Болгаръ.

[1]) Streitfrage, 20—23. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пичъ признаетъ перерожденіе славянства въ Румынъ въ Валахіи, а въ Трансильваніи „по обѣимъ Тырнавамъ до Мароша у Бѣлграда и даже до Гатцега и Желѣзныхъ трансильванскихъ воротъ. Тамъ же, 77.

[2]) Послѣднее мнѣніе, повидимому, подтверждается примѣненіемъ названія *влахъ, волохъ, валахъ* къ населенію, славянство котораго не можетъ внушать никакихъ сомнѣній. Разумѣю такъ наз. *моравскихъ* и особенно *ляшскихъ валаховъ* (о послѣднихъ *Бартошъ*, Dialektologie moravska I, 97). Въ славянствѣ моравскихъ валаховъ не сомнѣвается и Пичъ, основываясь на чистотѣ ихъ славянскаго нарѣчія, на ихъ чисто славянскомъ типѣ, на отличіи ихъ шалашей отъ собственно волошскихъ (Пичъ указываетъ сходство ихъ съ бихарскими, и это указаніе кажется мнѣ в. важнымъ), наконецъ Пичъ замѣчаетъ, что румынскихъ словъ у моравскихъ валаховъ вовсе не такъ много, какъ думаетъ, напр., Миклошичъ. Streitfrage, 84—95. Въ славянствѣ ляшскихъ валаховъ не сомнѣвается, кажется, никто. На пражской этнографической выставкѣ я съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ карту физическихъ примѣтъ дѣтей школьнаго возраста въ Моравіи и Слезіи. Никакихъ сколько нибудь замѣтныхъ особенностей типа на территоріи морав-

VII.

Въ соображеніяхъ о предѣлахъ славянства на карпатской территоріи мы руководились указаніями языка земли, какъ наиболѣе точнымъ показателемъ этнографическаго характера населенія. Разсмотрѣніе этого матеріала открыло передъ нами: 1) неизглаженные до сихъ поръ слѣды сла-

---

скихъ валаховъ я не замѣтилъ. Съ такимъ же вниманіемъ я разсматривалъ топографическую карту ихъ области, спеціально приготовленную для выставки,— я не могъ усмотрѣть на ней сколько нибудь замѣтнаго присутствія неславянскихъ элементовъ въ языкѣ земли. Если бы они были, сказались бы непремѣнно, даже при мастерствѣ Чеховъ славянить названія. Отъ д-ра А. Годинки я слышалъ, что и въ Мармарошѣ пастухи называются волохами, а относительно Сербіи позволю себѣ привести небольшую выписку изъ рукописи неизвѣстнаго сербскаго или хорватскаго книжника прошлаго вѣка. Она попалась мнѣ въ Брукентальскомъ музеѣ въ бумагахъ Бенигни. Какъ замѣчено на первой страницѣ, она куплена гр. Фесетичемъ въ Загребѣ. Заглавіе ея: Serbia illustrata. Сербы или Рацы, говорится здѣсь, а Rassa flumine... eos tamen nec indigenae nec ipsi se Rassanos vocant sed staro Vlachos, i. e. antiquos Latinos, quod eam regionem D. Iustiniani Aug. natale solum Romani olim coluerunt... a Getis Vlahorum hoc nomen acceperunt, ubi aliquandiu consederant, hodieque priscorum Getarum sedes Vlahia et mollius Valahia dicuntur, Graeci Ugro-Vlahiam ajunt, imo et regionem intra Tybiscum, Oltam et Danubium Daciaeque montes comprehensam Syrbli etiamnum Vlaska vocant i. e. Vlahorum regio, quam ipsi quoque plerumque incolunt. Vlahorum hoc nomen per totum Illyricum et magnam Thraciae sive Odrysiae partem propagatum est, et quamvis omnes nobis Vlahi dicuntur, tamen alii Stari Vlahi dicuntur et hi proprie Rassa fluminis et regionis ejusdem nominis incolae sunt, alii Kara Vlahi и проч. У нашего книжника есть и попытка объяснить названіе: ipsique hoc nomine (т. е. Vlah) se compellant et excellentiae quodammodo nationis se contribuant, quando Vlastij Sinovi (quod Romanorum sive Latinorum progeniem significat) vocantur, и врядъ ли она уступаетъ цѣлому ряду объясненій, существующихъ въ литературѣ. (О нихъ *S. Mangiuca*, Walach oder Vlach, Rom. Revue V, 1889. Онъ производитъ названіе отъ слова *Галлъ*.

вянства на всемъ пространствѣ нашей территоріи; 2) ярко отражающуюся въ языкѣ земли постепенность процесса этнологическихъ измѣненій. Далѣе мы видѣли, что языкъ нашей земли на всемъ ея громадномъ пространствѣ почти одинъ и тотъ же; мало того, онъ однокровный братъ того же языка, какой мы видѣли на значительной части нашей

Ср. его же Nestor u. seine Wolochen, тамъ же III, 1887). Послѣдняя по времени попытка объясненія названія принадлежитъ Ар. Денсушану. Отзывы о ней *П. А. Сырку*, Визант. Времен. 1894, II, стр. 295 и *Яцимирскаго*, Этногр. Обозр. 1895, III. Не считая себя компетентнымъ въ этомъ вопросѣ, отмѣчу лишь чрезвычайную склонность славянскихъ ученыхъ расширять предѣлы не только румынскихъ скитаній съ овцами, но и этнологическихъ вліяній. Проф. Малиновскій вмѣстѣ съ проф. Богданомъ во время лѣтней экскурсіи слушали музыку и пѣсни польскихъ горалей; проф. Богданъ уловилъ въ нихъ румынскіе мотивы, и готово доказательство румынскаго вліянія, а кстати и лингвистическое оправданіе: дѣлъ отъ dealu (*Малиновскій*, O niektórych wyrazach, Rozpr. filg. II, 2). Проф. Липниченко тоже безъ всякихъ сомнѣній провозгласилъ на виленскомъ археол. съѣздѣ нашихъ болоховцевъ волохами. Съ другой стороны, бросается въ глаза рѣшительность румынскихъ ученыхъ. Хиждеу, напр., убѣжденъ, что „тысяча Рэслеровъ" не опровергнетъ румынства моравскихъ валаховъ, Genealogie der Balkanvölker. Rom. Jahrb. 1894. Беру поэтому смѣлость указать г. Хиждеу одно „текстуальное" упоминаніе о волохахъ. Въ Чешскомъ музеѣ (IX. D. 15) имѣется отрывокъ стараго сербскаго извода: **проявленіе крщеніа роуського. ѿ стаго апсла андрѣа како пришьд вь русію и блсви и крсть постави. идѣже есть нинѣ град кієвь**, гдѣ, вслѣдъ за указаніемъ истоковъ Волги, сказано: **и по тои водѣ поутшествоуе изъ русіе вьблгары. и вьвлахи сіи иже есть на вьстокь.** На эту рукопись любезно обратилъ мое вниманіе въ Прагѣ П. А. Сырку. Приведенный текстъ можетъ дать г. Хиждеу основаніе раздвинуть румынскія вліянія до Каспійскаго моря. Хиждеу, конечно, не справится съ текстомъ нашей лѣтописи, подобно тому, какъ не потрудился заглянуть въ момсеновское изданіе, открывъ у Іордана „первое текстуальное упоминаніе румынскаго имени" (Genealogie, 473).

низи. Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются, правда, извѣстныя названія по преимуществу, но это объясняется самимъ же характеромъ мѣста, а кромѣ того, эти же названія чаще или рѣже, все же встрѣчаются и индѣ.

Слѣдовательно, 1) *всѣ основанныя на номенклатурѣ соображенія о переселеніяхъ, связяхъ и отношеніяхъ населенія* [1]) *не могутъ имѣть значенія, если не основываются на какихъ нибудь другихъ болѣе прямыхъ и ясныхъ показаніяхъ.* Смоляне и дреговичи балканскіе и русскіе, поляне русскіе и польскіе и др. могутъ существовать совершенно независимо другъ отъ друга. Одинаковость названія, особенно топическаго, означаетъ ни болѣе, ни менѣе какъ только то, что мѣстность, на которой жили племена съ одинаковымъ названіемъ, представляетъ природное сходство, другія названія, напр., волостныя, свидѣтельствуютъ только объ одинаковости общественнаго строя, которая далеко не всегда предполагаетъ заимствованія.

2) Многія названія представляютъ въ настоящее время діалектическія разновидности, но такъ какъ мы не имѣемъ возможности точно опредѣлить начало этой разновидности и наоборотъ, можемъ предполагать, что въ древѣйшее время она была менѣе замѣтна, то, опять таки, діалектическія различія отдѣльныхъ названій, по крайней мѣрѣ теперь, не представляютъ никакихъ данныхъ для выводовъ. Для древнѣйшаго времени мы должны предполагать вообще бóльшую однородность, чѣмъ теперь, а въ виду теперешней однородности, не нарушаемой ни громадностью пространства, ни даже этнографическимъ перерывомъ, какой образуетъ клинъ мадьярско-румынскій, мы вправѣ утверждать,

[1]) Напр., разсужденіе Бѣляева о полоцкой колонизаціи. Разсказы, IV, или въ новѣйшее время: соображенія Б. Хлѣбовскаго о поморской колонизаціи въ предѣлахъ Польши. Początki Warszawy, Ateneum, 1892, VII и его же статья: Wisła въ Słown. Geogr. и мн. др. Не говоримъ уже о старыхъ фантазіяхъ, допускавшихъ цѣлыя переселенія племенъ, на основаніи одноименности племенныхъ названій, напр., *Бѣлевскій*, Wstęp krytyczny do dziejów Polski. Lwów 1850 и друг.

что *языкъ земли, наиболѣе ярко отражая общій этнографическій образъ занимающаго ее населенія, не можетъ служить матеріаломъ для опредѣленія отдѣльныхъ племенныхъ группъ этого населенія.*

Въ примѣненіи къ бо́льшей части территоріи нашихъ Словенъ, слѣдуетъ замѣтить, что даже отъ будущихъ успѣховъ діалектологическихъ изученій врядъ ли можно ожидать точныхъ указаній на племенной характеръ здѣшняго славянства. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ передъ собой названія искаженныя; первообразъ ихъ можетъ быть, слѣдовательно, возстановленъ лишь приблизительно, и врядъ ли можно будетъ вполнѣ поручиться, что возстановленная форма представляетъ дѣйствительно мѣстную діалектическую разновидность. Уяснимъ это на примѣрѣ. Въ приведенной выше грамотѣ 1176 упоминается Preselw patak. Проф. Кочубинскій такъ объясняетъ это названіе: „Конечное w=u, ибо въ этой же грамотѣ Mikwd=Mikud. Не есть (ли) Preselw славянское прошедшее—прѣшьлъ, и все названіе: прѣшьлъ потокъ"; слѣдовательно, заключаетъ проф. Кочубинскій, названіе славянское [1]). Если послѣднее несомнѣнно, то относительно самаго объясненія слова можно сказать: можетъ быть, да, а можетъ быть, и нѣтъ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно: sossed [2]), kerch [3]), piszteraha [4]). Какъ произносились всѣ эти слова тамъ на мѣстѣ въ живомъ говорѣ—это врядъ ли когда нибудь уяснится въ точности, такъ какъ при искаженіяхъ словъ звуковыя измѣненія могутъ быть чисто случайны [5]).

---

[1]) Дун. Залѣсье, 25.

[2]) Грамота 1197, *Teutsch u. Firnhaber*, 6.

[3]) Грамота 1223. Тамъ же, 23.

[4]) Грамота 1228. Тамъ же, 44.

[5]) Въ подтвержденіе этого вообще, впрочемъ, несомнѣннаго факта приведу нѣсколько примѣровъ изъ *Миклошича*, Ortsnamen aus Apellativen, Denkschr. XXIII. Славянскія названія, связанныя словомъ *береза*, въ нѣмецкихъ искаженіяхъ представляютъ слѣдующія формы: Bresnitz, Briesnitz, Britz, Britzen, Fresen, Fressnitz, Fröschnitz, Priese, Priesen, Priesnitz. N. 29.

Наконецъ, и безчисленныя на нашей территоріи названія отъ корня *рус* мало помогаютъ уясненію вопроса, ибо, хотя главнымъ гнѣздомъ этихъ названій является, несомнѣнно, какъ мы видѣли, наша территорія, но названія эти разбросаны на громадномъ пространствѣ отъ Днѣпра до дунайскаго колѣна и Моравы, встрѣчаются, кромѣ того, и индѣ, а эта необъятность пространства ихъ распространенія заставляетъ предполагать и въ томъ племени, слѣдъ котораго представляютъ эти названія, болѣе частныя подраздѣленія.

Въ виду этого насъ не можетъ удовлетворить общее соображеніе о томъ, что славянство, „расположившееся въ восточно-дунайскихъ земляхъ, т. е. Молдавіи, Трансильваніи и, можетъ быть, отчасти Валахіи и нынѣ оставившее по себѣ слѣды лишь въ мѣстной номенклатурѣ, было *русское*, т. е. совершенно однородное съ тѣмъ, которое сосѣдило съ нимъ на востокѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи (по Днѣстру, Днѣпру, его притокамъ и сѣвернѣе)“ [1]; такъ какъ выраженіе: „совершенно однородное населеніе“ ничего не уясняетъ въ отношеніяхъ частей этого однороднаго цѣлаго. Но такъ же мало удовлетворяетъ насъ и наиболѣе распространенное мнѣніе, что въ нашемъ славянствѣ сходились концы трехъ племенныхъ группъ: словаковъ, русскихъ, болгаръ, ибо, въ такомъ случаѣ, мы должны пред-

---

Отъ слова *верба:* Würben, Fürwitz, Fellern (vrbny). N. 746. Хорутанская Воловица — по нѣмецки Wölfnitz. N. 737. Отъ слова *глина:* Gleinach, Gleinich, Glunich, Glintsch. N. 108. Отъ слова *глубокій:* Cloboko, Glambike. N. 106. Отъ слова *добрый:* Dobrig, Dobritsch, Dobritz, Dobrau, Döbern, Döberitz (вѣроятно: дебря). Множество приведенныхъ выше мадьярскихъ и румынскихъ искаженій еще болѣе подтверждаютъ случайность формъ при заимствованіяхъ. Можно даже думать, что присутствіе носоваго звука въ искаженной формѣ не всегда указываетъ на носовое произношеніе славянскаго первообраза, напр., мад. Szerencs образовалось изъ: срѣча.

[1]) *Гротъ*, Моравія и Мадьяры, 63. Предполагаемый потокъ вселенія этого славянства Реслеръ называетъ „понто-дунайскимъ“. Zeitpunkt, стр. 92.

полагать взаимодѣйствіе этихъ группъ, а слѣдовательно и его этнологическіе результаты, тѣмъ болѣе, что къ перечисленнымъ племеннымъ группамъ мы должны прибавить и сербскую, а взаимодѣйствіе предполагать, по крайней мѣрѣ, съ VI вѣка.

Однимъ словомъ, занимающая насъ территорія настоятельно выдвигаетъ вопросъ о характерѣ и взаимоотношеніяхъ частей славянской массы; или, что тоже, вопросъ о славянскихъ „племенахъ", колѣнахъ.

Вопросъ этотъ давно существуетъ и въ русской наукѣ, что совершенно естественно, ибо какъ нынѣ, такъ уже и въ XII вѣкѣ Русь была quasi alter orbis, а родъ русскій, по своей многочисленности, уподоблялся звѣздамъ [1]). Состояніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ частей русскаго цѣлаго въ нашей наукѣ можетъ поэтому иллюстрировать общее его положеніе въ наукѣ.

Въ общихъ трудахъ мы встрѣчаемъ лишь повтореніе лѣтописнаго перечня такъ наз. „племенъ", за которымъ слѣдуетъ характеристика религіозныхъ представленій и обычаевъ русскаго славянства, а затѣмъ изображеніе его быта (родового или общинно-семейнаго). Изображеніе это заканчивается лѣтописнымъ свидѣтельствомъ о русскомъ безнарядьѣ, за которымъ слѣдуетъ тихая пристань призванія князей отъ норманнскихъ варяговъ и исторія „примучиванія" ими тѣхъ же лѣтописныхъ полянъ, древлянъ и проч. Затѣмъ все вниманіе сосредоточивается на дѣятельности князей, какъ единственномъ, а по крайней мѣрѣ, главномъ нервѣ, сообщающемъ жизнь и движеніе безформеннымъ и „безнаряднымъ" полянамъ, древлянамъ и проч.

Въ противовѣсъ такой явной односторонности появилось у насъ мнѣніе Полевого, указывавшаго, что въ основу отдѣльныхъ княжествъ легли отдѣльныя русскія племена. Костомаровъ развилъ на этой почвѣ цѣлую теорію о феде-

---

[1]) Gens autem illa ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata. Письмо Матвѣя краковскаго къ Бернарду клервосскому. Mon. Pol. II, 15.

въ виду не разъясненіе вопроса самого по себѣ, а счеты съ господствующими, т. е вытекающими такъ или иначе изъ норманнизма взглядами. Мы не можемъ въ этомъ случаѣ сдѣлать исключенія даже для теоріи о старогородовыхъ волостяхъ (Забѣлинъ-Ключевскій), такъ какъ и она, при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, отражаетъ на себѣ вліяніе борьбы съ кошмаромъ норманнства. Всего болѣе мы склоняемся къ взглядамъ Барсова [1]), но и здѣсь мы можемъ удовлетвориться только главнѣйшимъ его положеніемъ: о старобытности значительной части русскихъ Славянъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ [2]), и слѣдовательно о продолжительности процесса ихъ общественнаго развитія, давшаго имъ возможность уже къ половинѣ IX вѣка выработать „и внутреннее единство, и внѣшнюю самостоятельность и сознаніе своей особности“ [3]). Но что касается обозначенія тѣхъ стадій, какія были пройдены въ этой выработкѣ, то хотя обозначеніе ихъ у Барсова [4]) кажется намъ наиболѣе основательнымъ, не только логически, но и фактически, все же мы можемъ желать болѣе полной провѣрки этихъ положеній въ періодъ, для котораго имѣются вполнѣ опредѣленныя указанія и сопоставленія полученныхъ такимъ образомъ данныхъ съ строемъ жизни остальнаго славянства; а главное, при такой провѣркѣ и сопоставленіи, слѣдуетъ совершенно забыть какъ о готи-

---

[1]) Очерки, гл. IV.

[2]) „На юго-западной окраинѣ восточно-европейской равнины Славяне представляютъ такое же древнѣйшее исконное населеніе, какимъ въ другихъ частяхъ Европы признается Литва, Германцы, Ѳракійцы, Кельты“. Тамъ же, 72.

[3]) Тамъ же, 80.

[4]) Распаденіе родовъ и замѣна родового начала ничѣмъ не стѣсняемымъ, кромѣ естественныхъ обязательствъ общежитія, общинами, движеніе которыхъ, облегчаемое природными условіями, было естественной причиной расширенія территоріи. При этомъ: возникновеніе городковъ (городища); далѣе — возникновеніе волостей и наконецъ земель и княженій. Дальнѣйшая исторія ихъ взаимоотношеній вызвала разложеніе земель подъ вліяніемъ городовъ. Тамъ же, 76—94.

змѣ, такъ особенно о норманнизмѣ (мѣсто котораго лишь въ исторіи науки), и въ возможной полнотѣ привлечь данныя этнографіи, діалектологіи и археологіи.

При недостаточности, а иногда и полномъ отсутствіи письменныхъ свидѣтельствъ о взаимоотношеніяхъ частей какъ славянскаго, такъ и славяно-русскаго цѣлаго, послѣднія данныя представляются единственными въ разъясненіи вопроса объ этихъ взаимоотношеніяхъ, ибо не только въ славянской, но и въ славяно-русской массѣ мы должны, по указаннымъ выше основаніямъ, предполагать разновидности, а слѣдовательно, и этнографическія отличія. Правда, номенклатура не даетъ основаній для обозначенія такихъ отличій, археологія указываетъ особенности быта въ предѣлахъ и однородныхъ вѣтвей; лѣтописныя обозначенія, особенно топическія, весьма растяжимы, и вполнѣ соотвѣтствуя указанному выше закону названій, совпадая съ народной терминологіей даже теперь, не заключаютъ въ себѣ этнографическаго элемента, какъ равно и названія волостныя, обозначающія лишь центръ, около котораго группировалось населеніе [1]); но древность нарѣчій и, быть можетъ, даже говоровъ не только заставляетъ предполагать существованіе отличій, но служитъ указаніемъ, въ чемъ именно слѣдуетъ въ настоящее время усматривать руководящую нить, при опредѣленіи частей, какъ славянскаго, такъ и славяно-русскаго цѣлаго. „Столь обособленные типы, какъ нарѣчія русское и болгарское, сербское и словинское, чешское и польское не могли сложиться вдругъ, а выработались мало-по-малу въ теченіе многихъ вѣковъ, не только достигающихъ эпохи кирилло-меѳодіевской, но, быть можетъ, и юстиніановской или еще болѣе древней“ [2]).

Языкъ былъ и будетъ наиболѣе точнымъ показателемъ этнографическихъ разновидностей.

---

[1]) Вполнѣ соотвѣтственно этому и географъ баварскій въ извѣстномъ перечнѣ славянскихъ колѣнъ говоритъ лишь о „civitates et regiones“.

[2]) *Будиловичъ,* Общеславянскій языкъ, II, 21.

держатъ отецъ своихъ, въ противоположность единому закону христіанскому, а также при сопоставленіи съ замѣчаніемъ о погребальныхъ обычаяхъ вятичей и кривичей — въ противоположность „закону Божію": „не вѣдуще закона Божья, но творяще сами себѣ законъ", вполнѣ оправдываетъ мнѣніе Барсова, что замѣчанія лѣтописи о различіяхъ между отдѣльными частями, по крайней мѣрѣ, русскихъ Славянъ сводятся къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія и, можетъ быть, различію нѣкоторыхъ общественныхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту. При этомъ въ глазахъ лѣтописца христіанина отличія эти, вытекавшія изъ первобытнаго языческаго строя славянства, могли представляться съ большею рѣзкостью, чѣмъ то было въ дѣйствительности [1]). Современная археологія указываетъ разницу обычаевъ даже въ предѣлахъ одного такъ называемаго „племени" [2]). Можно ли въ виду этого считать обычаи признакомъ этнографическаго различія? „Чѣмъ неразвитѣе народная масса, тѣмъ уже ея понятіе о своенародности: все, сколько нибудь непохожее на свое, кажется чужимъ", справедливо замѣчаетъ Багалѣй [3]). Но еслибы такой взглядъ полагать въ основу этнографическихъ дѣленій, то пришлось бы признавать „этнографическими единицами" чуть не отдѣльныя деревни. Лѣтописецъ могъ считать обычай „однимъ изъ существенныхъ признаковъ народности" [4]), но намъ врядъ ли позволительно стоять въ этомъ отношеніи на точкѣ зрѣнія лѣтописца, тѣмъ болѣе, что, указывая мелкія дѣленія, лѣтописецъ очень твердо стоитъ на единствѣ всего славянскаго „языка". Въ этомъ понятіи объединяются имъ не только отдѣльныя части русскаго вида, но и славянскаго рода.

---

[1]) *Н. Барсовъ*, Очерки, 79.

[2]) *П. Голубовскій*, Смоленск. земля, 15 слл.; *Завитневичъ*, Область Дреговичей, Труды Кіевск. Дух. Ак. 1886, VIII.

[3]) Удѣльный Періодъ и его изученіе.

[4]) *Л. Н. Майковъ*, Отзывъ объ очеркахъ Барсова, Журн. Мин. Пр., ч. 174, стр. 247.

Ничто не оправдываетъ предположенія объ этнографической отдѣльности тѣхъ группъ, какія указываетъ лѣтопись. По всей видимости, лѣтописный перечень далеко не полонъ: ни въ одномъ перечнѣ, напримѣръ, не упоминаются пищанцы; оказывается, однако, они составляли мелкое подраздѣленіе радимичей. И другія колѣна могли подраздѣляться тоже на болѣе мелкія части, въ родѣ той „какою руководилъ среди вятичей Ходота съ сыномъ, или какая сосредоточилась подъ защитой городка Кордна" — еще въ концѣ XI вѣка. „Этимъ, замѣчаетъ Ключевскій, можно, не прибѣгая къ обличенію лѣтописца въ анахронизмахъ, объяснить, почему онъ говоритъ, что Олегъ взялъ съ собой въ походъ на грековъ въ 907 г. и вятичей, и хорватовъ, тогда какъ, по его же разсказу, первые покорены были, и то неокончательно, Святославомъ въ 966 г."... [1]).

Если принять во вниманіе указанную выше крайнюю растяжимость территоріальныхъ и этнографическихъ обозначеній въ устахъ народа и въ настоящее время, то лѣтописная неопредѣленность значительно прояснится, но вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ отдѣльныхъ частяхъ славяно-русской массы станетъ еще болѣе темнымъ.

Таковымъ онъ и остается въ нашей наукѣ, по той простой причинѣ, что всѣ лучшія силы ея дѣятелей были обращены на искусственно вздутый вопросъ о „норманнствѣ", ставшій у насъ, вслѣдствіе особенныхъ условій нашего умственнаго развитія, вопросомъ „академическимъ", а потому руководящимъ, и вслѣдствіе этого совершенно заслонившимъ тѣ дѣйствительно насущные вопросы, какіе открылись лишь тогда, когда, наконецъ, путемъ естественнаго логическаго развитія, нашъ норманнизмъ дошелъ до очевидныхъ абсурдовъ.

Вопросъ о взаимоотношеніи славяно-русской массы не можетъ быть уясненъ и готизмомъ, такъ какъ и готизмъ, подобно норманнизму, отвлекаетъ научное вниманіе отъ того, что, собственно, должно подлежать уясненію, перенося

---

[1]) *Ключевскій*, к. в. III, 59.

На всѣ эти факты обращено вниманіе лишь въ самое послѣднее время; можно поэтому сказать, что, по отношенію къ нимъ, наука находится пока въ стадіи собиранія матеріала, къ чему, какъ мы видѣли, давно призывали Надеждинъ и Шембера, въ свое время вполнѣ безуспѣшно.

Какъ ни мало пока собрано этого матеріала, тѣмъ не менѣе въ отмѣченныхъ фактахъ позволительно усматривать полное совпаденіе какъ съ номенклатурными данными, такъ и съ свидѣтельствами письменными. Указанная выше растяжимость этнографическихъ обозначеній, возможность примѣнять ихъ къ разнымъ группамъ доказываетъ однородность этихъ группъ вообще, т. е. то же самое, на что указываетъ и одинаковый вообще языкъ славянской земли, и отсутствіе опредѣленности этнографическихъ разграниченій славянской массы въ письменныхъ свидѣтельствахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнное существованіе отдѣльныхъ обозначеній и притомъ нерѣдко весьма мелкихъ [1]), рядомъ съ несомнѣннымъ существованіемъ говорныхъ отличій, заставляетъ предполагать дѣйствительное существованіе какихъ то отдѣльныхъ частей или звеньевъ всеславянской цѣпи. Наиболѣе точнымъ указателемъ ихъ должно, конечно, считать языкъ.

Наложимъ на карту данныя діалектологіи. При этомъ, въ виду методическаго требованія: начинать съ болѣе опредѣленнаго и извѣстнаго, начнемъ съ нашей низи. Для нея мы имѣемъ надежныя данныя, тщательно собранныя проф. Соболевскимъ [2]).

Березина днѣпровская представляетъ разграничье между нашей низью и такъ наз. центральной плоской возвышенностью, европейской Россіи. Сосѣднее съ нашей

кій, O góralach ruskich w Galicyi, и особенно, его же, Charakterystyka fizyczna górali ruskich. Zbiór wiad. XIII.

[1]) См. выше 93, пр. 1. Ср. также Wisła, II, 176, 832; III, 168; IV, 378; V, 425. О данныхъ русской этнографіи приходится молчать.

[2]) Очеркъ русской діалектологіи, Жив Стар., 1892, I—IV. Далѣе ссылки будутъ обозначены въ текстѣ цыфрами.

территоріей пространство на сѣверо-восточной сторонѣ представляетъ центръ бѣлорусскаго нарѣчія — въ чаусскомъ, могилевскомъ, въ западныхъ частяхъ оршанскаго, горецкаго и въ большей части сѣнненскаго уѣздовъ. Этотъ (по Романову, чистый) бѣлорусскій говоръ характеризуется дзеканьемъ, твердымъ *р* и *тъ* въ 3-мъ л. ед. числа (III, 20).

На востокѣ онъ окаймляется полосой (уѣзды чериковскій, климовицкій, мстиславскій, восточныя части оршанскаго и горецкаго и сѣверная часть сѣнненскаго), гдѣ на мѣсто твердаго встрѣчаемъ уже мягкое *р*.

Далѣе къ сѣверо-востоку, мѣсто *дз* и *ц* является мягкое *д* и *т* (уѣзды: рославльскій, смоленскій, ельнинскій).

Далѣе извѣстно, что въ общемъ западная половина смоленской губерніи говоритъ или бѣлорусскимъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная по великорусски, то есть, въ предѣлахъ смоленской губерніи встрѣчаются оба нарѣчія бѣлорусское и великорусское, сливаясь, повидимому, довольно незамѣтно.

Возвратимся теперь къ чертѣ, съ которой начали — къ западной границѣ полосы могилевскаго говора и отмѣтимъ главнѣйшіе діалектологическіе оттѣнки нашей низи.

На юго-востокѣ могилевскій говоръ охватывается полосой, въ которой нѣтъ *дз*, *р* твердое, а 3-е л. ед. числа оканчивается на *е* (уѣзды рогачевскій и гомельскій).

Говоры минской губерніи дѣлятся на три группы: „сѣверо-восточную очень близкую къ сосѣднимъ говорамъ виленской, витебской и могилевской губ.“ (III, 20). Эту полосу неопредѣленныхъ звуковыхъ колебаній можно означить кривой линіей черезъ Борисовъ, Игуменъ, Бобруйскъ и Рѣчицу.

Южная группа представляетъ переходъ отъ бѣлорусскаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію. Она занимаетъ центръ минской губерніи. Въ общемъ эту полосу, соединяющую въ своихъ говорахъ „бѣлорусскія аканье (въ той или другой степени неполное) и дзеканье съ сѣверно-малорусскими дифтонгами *оу* и *іе* на мѣстѣ собственно

бѣлорусскихъ ударяемыхъ *о*, *ё* и *е* (III, 25, тамъ же и другія подробности), можно отмѣтить линіей отъ южныхъ окраинъ минскаго уѣзда черезъ Слуцкъ и Мозырь.

Не рѣшаемся характеризовать западной группы (III, 22 сл.), но, кажется, можно утверждать, что она связана съ сѣверо-западною частью гродненской губерніи, „представляющей переходъ отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ малорусскому" (IV, 27).

Рубежъ между обоими нарѣчіями Соболевскій ведетъ отъ середины черниговской губерніи по Припяти (то южнѣе, то сѣвернѣе), а затѣмъ по серединѣ гродненской губерніи, но при этомъ тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскіе дифтонги принимаются за бѣлорусскіе, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ слышится или только аканье, или только дзеканье, за малорусскіе. Рубежъ, очевидно, весьма условный, а въ частностяхъ оказывается, какъ мы видѣли, что малорусское вліяніе простирается и на лѣвый берегъ Припяти, будучи замѣтнымъ уже въ южной части минскаго уѣзда и простираясь отсюда на юго-востокъ до новгородъ-сѣверскаго уѣзда, который представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ и малорусскихъ особенностей (III, 29). Въ западной части нарѣчный рубежъ, повидимому, совпадаетъ съ припятско-неманскимъ водораздѣломъ. Иначе говоря, вся сѣверная часть черниговской губерніи, вся южная половина минской и гродненской представляютъ полосу неопредѣленныхъ звуковыхъ колебаній, такъ сказать, малорусско-бѣлорусскій переливъ, въ которомъ обнаруживается совмѣстность чертъ обоихъ нарѣчій, что слѣдуетъ сказать и о значительной части сѣверно-малорусской полосы, отличающейся разнообразіемъ переливовъ, въ однихъ случаяхъ, смотря по мѣсту, приближающихся къ бѣлорусскому, въ другихъ, наоборотъ къ южно-малорусскому [1]). При всемъ этомъ,

---

[1]) Не рѣшаюсь отмѣчать полосы отдѣльныхъ говоровъ географически, какъ это сдѣлано выше относительно могилев-

значительное протяженіе малорусской основы на сѣверъ, т. е. и на лѣвый берегъ Припяти, не можетъ подлежать сомнѣнію [1]).

Этотъ фактъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что значительная часть припятской низи не малое время объединялась литовскимъ вліяніемъ, подвергаясь вмѣстѣ съ тѣмъ сильному воздѣйствію бѣлоруссизма [2]), который, повидимому, и былъ преимущественно проводникомъ такъ называемой литовской государственности, что, между прочимъ, отразилось и въ названіи русскаго населенія переходной полосы въ черниговской губерніи — „литвою".

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ фактъ, что область малорусской основы подымается все болѣе къ сѣверу, по мѣрѣ удаленія отъ Днѣпра на западъ. Въ мозырскомъ встрѣчается спорадическое аканье и вмѣстѣ спорадическое (частое) дзеканье (IV, 23), но уже вся юго-западная часть минской губерніи представляетъ переходъ отъ бѣлорусскаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію (III, 25); то же самое, кажется, слѣдуетъ сказать о прилегающихъ частяхъ гродненской губерніи, южная часть которой „можетъ быть названа вполнѣ малорусской" (IV, 27).

Если въ ослабленіи дифтонговъ, замѣчаемомъ въ юго-западныхъ частяхъ припятской низи, видѣть вліяніе южно-малорусскаго нарѣчія, съ которымъ юго-западная часть низи непосредственно соприкасается на югѣ, отдѣляясь отъ бѣлорусскаго на сѣверѣ переходной полосой, то нельзя не замѣтить, что, простираясь на все пространство, до устьевъ Горыни (только близъ устьевъ ея слышенъ диф-

---

ской и части смоленской губ. По состоянію матеріала, такое распредѣленіе врядъ ли удалось бы даже настоящему діалектологу. Для историко-этнографическихъ соображеній оно было бы очень важно. Распредѣленіе на картѣ Чубинскаго (Труды экспедиціи, VII, 2) не вполнѣ отвѣчаетъ даннымъ Соболевскаго.

[1]) Это утверждаетъ и *Соболевскій*, к. в.. и *Довнаръ Запольскій*, Бѣлорусское полѣсье, Кіевъ 1894. (Но почему оно бѣлорусское, при „несомнѣнной малорусской основѣ"?).

[2]) Архивъ Юго-Западной Руси, VII, 1; Предислов., 48.

тонгъ *уы*, IV, 24), переходя по верховьямъ Припяти и на лѣвый ея берегъ (въ Пинщинѣ), это южное вліяніе какъ будто соотвѣтствуетъ исторической территоріи древняго Волыня и позднѣйшей волынской волости, сказываясь замѣтно на верхней Припяти и правыхъ ея притокахъ, то есть, на естественныхъ путяхъ, связывавшихъ нашу низь съ краями возвышенности.

Это вліяніе какъ будто теряется въ неопредѣленныхъ колебаніяхъ говоровъ сѣдлецкой и гродненской губерній. Но для историко-этнографическихъ соображеній не можетъ быть безъ значенія замѣчаніе, что „въ сѣдлецкой губерніи способъ произношенія словъ напоминаетъ произношеніе въ такъ называемыхъ полѣскихъ уѣздахъ на Волыни", а южная часть гродненской, какъ сказано, считается вообще вполнѣ малорусскою. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что, начиная съ Новгородка (а быть можетъ, и выше по Неману), лѣвый берегъ Немана представляетъ область переходную отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, то южно-малорусское вліяніе мы должны распространить не только на область всего бассейна верхней Припяти, но и на возвышенность, отдѣляющую низь припятскую отъ нарево-бобрянской, гдѣ рядъ лѣсныхъ пущъ и болотъ, гдѣ въ началѣ нашей исторіи видимъ славяно-литовскій рубежъ.

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что область стародавней славянской осѣдлости, *припятская низь представляетъ весьма широкую полосу перелива между сѣверно-малорусскими и бѣлорусскими говорами.*

Этому обстоятельству мы придаемъ особенно важное значеніе, такъ какъ аналогичнаго этому явленія мы не усмотрѣли въ области русскаго языка въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, при наложеніи діалектологіи проф. Соболевскаго на 40-верстную карту генеральнаго штаба.

Говорные переливы составляютъ, правда, общее явленіе въ отношеніяхъ всѣхъ отдѣльныхъ звеньевъ русскаго языка. Такъ, цокающіе бѣлорусскіе говоры сливаются постепенно съ сѣверо-великорусскими, а въ области Березины и Сожи мы имѣемъ переливъ между всѣми тремя главными

шихъ сосѣдей, также относятся, какъ мы видѣли, и польскіе горцы къ названію—полякъ. Совершенно то же самое указываетъ К. Иречекъ и въ Планинѣ: „жителей въ окрестностяхъ Цариброда и Пирота, отличныхъ по говору и костюму отъ Шоповъ, часто называютъ торлаками; но названіе это не пользуется популярностью у самого населенія, какъ бранное прозвище". Торлаки переносятъ это названіе на Шоповъ (около Софіи); оно же встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, причемъ, напр., жители Берковицы на обѣихъ сторонахъ Балкана, прозываютъ другъ друга торлаками, а румеліоты въ Гьепсѣ называютъ такъ жителей сѣвернаго Балкана [1]). То же самое и относительно Шоповъ [2]). То же самое и на сѣверо-западной окраинѣ нашей территоріи. На правомъ берегу Моравы обитаетъ колѣно, отличающееся отъ сосѣдей говоромъ; сосѣдніе съ ними Словаки называютъ ихъ *долякамu*, но въ окрестностяхъ Кіева и Клобуцка ихъ называютъ ганаками, у угорскаго Городища заморавчиками [3]). То же самое слѣдуетъ сказать и относительно такъ называемыхъ моравскихъ ляховъ (въ Опавѣ, зап. части Тѣшина и прусской Слезіи). Сами они или не примѣняютъ къ себѣ никакого спеціальнаго названія, или называютъ себя валахами, называя ляхами своихъ ближайшихъ сосѣдей [4]).

Рядомъ съ нарѣчными отличіями замѣчаются довольно рѣзкія отличія костюмовъ [5]), быта [6]) и даже типа [7]).

---

[1]) *К. Иречекъ*, Cesty, 357, пр. 9.

[2]) Тамъ же, 63, пр. 42.

[3]) *Fr. Bartoš*, Dialektologie moravská I. Brno 1886, стр. 51.

[4]) Тамъ же, 97.

[5]) Доляки, напр., дѣлятся по костюму на словенскихъ и пологанацкихъ *Bartoš*, I, 51. О подобныхъ же фактахъ въ Планинѣ *Иречекъ* Cesty, 394 и др.

[6]) О рославльскомъ уѣздѣ, *Соболевскій*, Діалектологія, к. в. I, 6, пр. 4. Полную аналогію представляетъ въ своей обстановкѣ осташковскій уѣздъ, I, 6, пр. 3. Можно бы указать еще пинскій и нѣкоторые уѣзды сѣдлецкой губерніи.

[7]) Въ Планинѣ, *Иречекъ*, Cesty, 385 (о населеніи окрестностей Радоміра). Относительно русскихъ горцевъ, *Коперниц-*

въ виду не разъясненіе вопроса самого по себѣ, а счеты съ господствующими, т. е вытекающими такъ или иначе изъ норманнизма взглядами. Мы не можемъ въ этомъ случаѣ сдѣлать исключенія даже для теоріи о старогородовыхъ волостяхъ (Забѣлинъ-Ключевскій), такъ какъ и она, при всѣхъ своихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, отражаетъ на себѣ вліяніе борьбы съ кошмаромъ норманнства. Всего болѣе мы склоняемся къ взглядамъ Барсова [1]), но и здѣсь мы можемъ удовлетвориться только главнѣйшимъ его положеніемъ: о старобытности значительной части русскихъ Славянъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ [2]), и слѣдовательно о продолжительности процесса ихъ общественнаго развитія, давшаго имъ возможность уже къ половинѣ IX вѣка выработать „и внутреннее единство, и внѣшнюю самостоятельность и сознаніе своей особности“ [3]). Но что касается обозначенія тѣхъ стадій, какія были пройдены въ этой выработкѣ, то хотя обозначеніе ихъ у Барсова [4]) кажется намъ наиболѣе основательнымъ, не только логически, но и фактически, все же мы можемъ желать болѣе полной провѣрки этихъ положеній въ періодъ, для котораго имѣются вполнѣ опредѣленныя указанія и сопоставленія полученныхъ такимъ образомъ данныхъ съ строемъ жизни остальнаго славянства; а главное, при такой провѣркѣ и сопоставленіи, слѣдуетъ совершенно забыть какъ о готи-

---

[1]) Очерки, гл. IV.

[2]) „На юго-западной окраинѣ восточно-европейской равнины Славяне представляютъ такое же древнѣйшее исконное населеніе, какимъ въ другихъ частяхъ Европы признается Литва, Германцы, Ѳракійцы, Кельты“. Тамъ же, 72.

[3]) Тамъ же, 80.

[4]) Распаденіе родовъ и замѣна родового начала ничѣмъ не стѣсняемымъ, кромѣ естественныхъ обязательствъ общежитія, общинами, движеніе которыхъ, облегчаемое природными условіями, было естественной причиной расширенія территоріи. При этомъ: возникновеніе городковъ (городища); далѣе — возникновеніе волостей и наконецъ земель и княженій. Дальнѣйшая исторія ихъ взаимоотношеній вызвала разложеніе земель подъ вліяніемъ городовъ. Тамъ же, 76—94.

змѣ, такъ особенно о норманнизмѣ (мѣсто котораго лишь въ исторіи науки), и въ возможной полнотѣ привлечь данныя этнографіи, діалектологіи и археологіи.

При недостаточности, а иногда и полномъ отсутствіи письменныхъ свидѣтельствъ о взаимоотношеніяхъ частей какъ славянскаго, такъ и славяно-русскаго цѣлаго, послѣднія данныя представляются единственными въ разъясненіи вопроса объ этихъ взаимоотношеніяхъ, ибо не только въ славянской, но и въ славяно-русской массѣ мы должны, по указаннымъ выше основаніямъ, предполагать разновидности, а слѣдовательно, и этнографическія отличія. Правда, номенклатура не даетъ основаній для обозначенія такихъ отличій, археологія указываетъ особенности быта въ предѣлахъ и однородныхъ вѣтвей; лѣтописныя обозначенія, особенно топическія, весьма растяжимы, и вполнѣ соотвѣтствуя указанному выше закону названій, совпадая съ народной терминологіей даже теперь, не заключаютъ въ себѣ этнографическаго элемента, какъ равно и названія волостныя, обозначающія лишь центръ, около котораго группировалось населеніе [1]); но древность нарѣчій и, быть можетъ, даже говоровъ не только заставляетъ предполагать существованіе отличій, но служитъ указаніемъ, въ чемъ именно слѣдуетъ въ настоящее время усматривать руководящую нить, при опредѣленіи частей, какъ славянскаго, такъ и славяно-русскаго цѣлаго. „Столь обособленные типы, какъ нарѣчія русское и болгарское, сербское и словинское, чешское и польское не могли сложиться вдругъ, а выработались мало-по-малу въ теченіе многихъ вѣковъ, не только достигающихъ эпохи кирилло-меѳодіевской, но, быть можетъ, и юстиніановской или еще болѣе древней“ [2]).

Языкъ былъ и будетъ наиболѣе точнымъ показателемъ этнографическихъ разновидностей.

---

[1]) Вполнѣ соотвѣтственно этому и географъ баварскій въ извѣстномъ перечнѣ славянскихъ колѣнъ говоритъ лишь о „civitates et regiones“.

[2]) *Будиловичъ*, Общеславянскій языкъ, II, 21.

бѣлорусскихъ ударяемыхъ *о*, *ё* и *е* (III, 25, тамъ же и другія подробности), можно отмѣтить линіей отъ южныхъ окраинъ минскаго уѣзда черезъ Слуцкъ и Мозырь.

Не рѣшаемся характеризовать западной группы (III, 22 сл.), но, кажется, можно утверждать, что она связана съ сѣверо-западною частью гродненской губерніи, „представляющей переходъ отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ малорусскому" (IV, 27).

Рубежъ между обоими нарѣчіями Соболевскій ведетъ отъ середины черниговской губерніи по Припяти (то южнѣе, то сѣвернѣе), а затѣмъ по серединѣ гродненской губерніи, но при этомъ тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскіе дифтонги принимаются за бѣлорусскіе, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ слышится или только аканье, или только дзеканье, за малорусскіе. Рубежъ, очевидно, весьма условный, а въ частностяхъ оказывается, какъ мы видѣли, что малорусское вліяніе простирается и на лѣвый берегъ Припяти, будучи замѣтнымъ уже въ южной части минскаго уѣзда и простираясь отсюда на юго-востокъ до новгородъ-сѣверскаго уѣзда, который представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ и малорусскихъ особенностей (III, 29). Въ западной части нарѣчный рубежъ, повидимому, совпадаетъ съ припятско-неманскимъ водораздѣломъ. Иначе говоря, вся сѣверная часть черниговской губерніи, вся южная половина минской и гродненской представляютъ полосу неопредѣленныхъ звуковыхъ колебаній, такъ сказать, малорусско-бѣлорусскій переливъ, въ которомъ обнаруживается совмѣстность чертъ обоихъ нарѣчій, что слѣдуетъ сказать и о значительной части сѣверно-малорусской полосы, отличающейся разнообразіемъ переливовъ, въ однихъ случаяхъ, смотря по мѣсту, приближающихся къ бѣлорусскому, въ другихъ, наоборотъ къ южно-малорусскому [1]). При всемъ этомъ,

---

[1]) Не рѣшаюсь отмѣчать полосы отдѣльныхъ говоровъ географически, какъ это сдѣлано выше относительно могилев-

сосѣдей, также относятся, какъ мы видѣли, и поль-
горцы къ названію—полякъ. Совершенно то же самое
ваетъ К. Иречекъ и въ Планинѣ: „жителей въ окрест-
хъ Цариброда и Пирота, отличныхъ по говору и ко-
у отъ Шоповъ, часто называютъ торлаками; но на-
е это не пользуется популярностью у самого населе-
какъ бранное прозвище“. Торлаки переносятъ это
ніе на Шоповъ (около Софіи); оно же встрѣчается
другихъ мѣстахъ, причемъ, напр., жители Берковицы
бѣихъ сторонахъ Балкана, прозываютъ другъ друга
ками, а румеліоты въ Гьепсѣ называютъ такъ жите-
сѣвернаго Балкана [1]). То же самое и относительно
овъ [2]). То же самое и на сѣверо-западной окраинѣ
й территоріи. На правомъ берегу Моравы обитаетъ
ю, отличающееся отъ сосѣдей говоромъ; сосѣдніе съ ни-
словаки называютъ ихъ *долякaми*, но въ окрестно-
Кіева и Клобуцка ихъ называютъ ганаками, у угор-
Городища заморавчиками [3]). То же самое слѣдуетъ
ть и относительно такъ называемыхъ моравскихъ ля-
(въ Опавѣ, зап. части Тѣшина и прусской Слезіи).
они или не примѣняютъ къ себѣ никакого спеціаль-
названія, или называютъ себя валахами, называя
ии своихъ ближайшихъ сосѣдей [4]).
Рядомъ съ нарѣчными отличіями замѣчаются довольно
и отличія костюмовъ [5]), быта [6]) и даже типа [7]).

[1]) *К. Иречекъ*, Cesty, 357, пр. 9.
[2]) Тамъ же, 63, пр. 42.
[3]) *Fr. Bartoš*, Dialektologie moravská I. Brno 1886, стр. 51.
[4]) Тамъ же, 97.
[5]) Доляки, напр., дѣлятся по костюму на словенскихъ
и оганацкихъ *Bartoš*, I, 51. О подобныхъ же фактахъ
Планинѣ *Иречекъ* Cesty, 394 и др.
[6]) О рославльскомъ уѣздѣ, *Соболевскій*, Діалектологія,
I, 6, пр. 4. Полную аналогію представляетъ въ своей
новкѣ осташковскій уѣздъ, I, 6, пр. 3. Можно бы ука-
еще пинскій и нѣкоторые уѣзды сѣдлецкой губерніи.
[7]) Въ Планинѣ, *Иречекъ*, Cesty, 385 (о населеніи окрест-
й Радоміра). Относительно русскихъ горцевъ, *Коперниц-*

тонгъ *уы*, IV, 24), переходя по верховьямъ Припяти и на лѣвый ея берегъ (въ Пинщинѣ), это южное вліяніе какъ будто соотвѣтствуетъ исторической территоріи древняго Волыня и позднѣйшей волынской волости, сказываясь замѣтно на верхней Припяти и правыхъ ея притокахъ, то есть, на естественныхъ путяхъ, связывавшихъ нашу низь съ краями возвышенности.

Это вліяніе какъ будто теряется въ неопредѣленныхъ колебаніяхъ говоровъ сѣдлецкой и гродненской губерній. Но для историко-этнографическихъ соображеній не можетъ быть безъ значенія замѣчаніе, что „въ сѣдлецкой губерніи способъ произношенія словъ напоминаетъ произношеніе въ такъ называемыхъ полѣсскихъ уѣздахъ на Волыни", а южная часть гродненской, какъ сказано, считается вообще вполнѣ малорусскою. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что, начиная съ Новгородка (а быть можетъ, и выше по Неману), лѣвый берегъ Немана представляетъ область переходную отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, то южно-малорусское вліяніе мы должны распространить не только на область всего бассейна верхней Припяти, но и на возвышенность, отдѣляющую низь припятскую отъ нарево-бобрянской, гдѣ рядъ лѣсныхъ пущъ и болотъ, гдѣ въ началѣ нашей исторіи видимъ славяно-литовскій рубежъ.

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что область стародавней славянской осѣдлости, *припятская низь представляетъ весьма широкую полосу перелива между сѣверно-малорусскими и бѣлорусскими говорами.*

Этому обстоятельству мы придаемъ особенно важное значеніе, такъ какъ аналогичнаго этому явленія мы не усмотрѣли въ области русскаго языка въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, при наложеніи діалектологіи проф. Соболевскаго на 40-верстную карту генеральнаго штаба.

Говорные переливы составляютъ, правда, общее явленіе въ отношеніяхъ всѣхъ отдѣльныхъ звеньевъ русскаго языка. Такъ, цокающіе бѣлорусскіе говоры сливаются постепенно съ сѣверо-великорусскими, а въ области Березины и Сожи мы имѣемъ переливъ между всѣми тремя главными

територіей пространство на сѣверо-восточной сторонѣ представляетъ центръ бѣлорусскаго нарѣчія — въ чаусскомъ, могилевскомъ, въ западныхъ частяхъ оршанскаго, горецкаго и въ большей части сѣнненскаго уѣздовъ. Этотъ (по Романову, чистый) бѣлорусскій говоръ характеризуется дзеканьемъ, твердымъ *р* и *тъ* въ 3-мъ л. ед. числа (III, 20).

На востокѣ онъ окаймляется полосой (уѣзды чериковскій, климовицкій, мстиславскій, восточныя части оршанскаго и горецкаго и сѣверная часть сѣнненскаго), гдѣ на мѣсто твердаго встрѣчаемъ уже мягкое *р*.

Далѣе къ сѣверо-востоку, мѣсто *дз* и *ц* является мягкое *д* и *т* (уѣзды: рославльскій, смоленскій, ельнинскій).

Далѣе извѣстно, что въ общемъ западная половина смоленской губерніи говоритъ или бѣлорусскимъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная по великорусски, то есть, въ предѣлахъ смоленской губерніи встрѣчаются оба нарѣчія бѣлорусское и великорусское, сливаясь, повидимому, довольно незамѣтно.

Возвратимся теперь къ чертѣ, съ которой начали — къ западной границѣ полосы могилевскаго говора и отмѣтимъ главнѣйшіе діалектологическіе оттѣнки нашей низи.

На юго-востокѣ могилевскій говоръ охватывается полосой, въ которой нѣтъ *дз*, *р* твердое, а 3-е л. ед. числа оканчивается на *е* (уѣзды рогачевскій и гомельскій).

Говоры минской губерніи дѣлятся на три группы: „сѣверо-восточную очень близкую къ сосѣднимъ говорамъ виленской, витебской и могилевской губ.“ (III, 20). Эту полосу неопредѣленныхъ звуковыхъ колебаній можно означить кривой линіей черезъ Борисовъ, Игуменъ, Бобруйскъ и Рѣчицу.

Южная группа представляетъ переходъ отъ бѣлорусскаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію. Она занимаетъ центръ минской губерніи. Въ общемъ эту полосу, соединяющую въ своихъ говорахъ „бѣлорусскія аканье (въ той или другой степени неполное) и дзеканье съ сѣверно-малорусскими дифтонгами *оу* и *іе* на мѣстѣ собственно

бѣлорусскихъ ударяемыхъ *о*, *ѣ* и *е* (III, 25, тамъ же и другія подробности), можно отмѣтить линіей отъ южныхъ окраинъ минскаго уѣзда черезъ Слуцкъ и Мозырь.

Не рѣшаемся характеризовать западной группы (III, 22 сл.), но, кажется, можно утверждать, что она связана съ сѣверо-западною частью гродненской губерніи, „представляющей переходъ отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ малорусскому" (IV, 27).

Рубежъ между обоими нарѣчіями Соболевскій ведетъ отъ середины черниговской губерніи по Припати (то южнѣе, то сѣвернѣе), а затѣмъ по серединѣ гродненской губерніи, но при этомъ тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскіе дифтонги принимаются за бѣлорусскіе, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ слышится или только аканье, или только дзеканье, за малорусскіе. Рубежъ, очевидно, весьма условный, а въ частностяхъ оказывается, какъ мы видѣли, что малорусское вліяніе простирается и на лѣвый берегъ Припати, будучи замѣтнымъ уже въ южной части минскаго уѣзда и простираясь отсюда на юго-востокъ до новгородъ-сѣверскаго уѣзда, который представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ и малорусскихъ особенностей (III, 29). Въ западной части нарѣчный рубежъ, повидимому, совпадаетъ съ припятско-неманскимъ водораздѣломъ. Иначе говоря, вся сѣверная часть черниговской губерніи, вся южная половина минской и гродненской представляютъ полосу неопредѣленныхъ звуковыхъ колебаній, такъ сказать, малорусско-бѣлорусскій переливъ, въ которомъ обнаруживается совмѣстность чертъ обоихъ нарѣчій, что слѣдуетъ сказать и о значительной части сѣверно-малорусской полосы, отличающейся разнообразіемъ переливовъ, въ однихъ случаяхъ, смотря по мѣсту, приближающихся къ бѣлорусскому, въ другихъ, наоборотъ къ южно-малорусскому [1]). При всемъ этомъ,

---

[1]) Не рѣшаюсь отмѣчать полосы отдѣльныхъ говоровъ географически, какъ это сдѣлано выше относительно могилев-

значительное протяженіе малорусской основы на сѣверъ, т. е. и на лѣвый берегъ Припяти, не можетъ подлежать сомнѣнію [1]).

Этотъ фактъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что значительная часть припятской низи не малое время объединялась литовскимъ вліяніемъ, подвергаясь вмѣстѣ съ тѣмъ сильному воздѣйствію бѣлоруссизма [2]), который, повидимому, и былъ преимущественно проводникомъ такъ называемой литовской государственности, что, между прочимъ, отразилось и въ названіи русскаго населенія переходной полосы въ черниговской губерніи — „литвою".

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ фактъ, что область малорусской основы подымается все болѣе къ сѣверу, по мѣрѣ удаленія отъ Днѣпра на западъ. Въ мозырскомъ встрѣчается спорадическое аканье и вмѣстѣ спорадическое (частое) дзеканье (IV, 23), но уже вся юго-западная часть минской губерніи представляетъ переходъ отъ бѣлорусскаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію (III, 25); то же самое, кажется, слѣдуетъ сказать о прилегающихъ частяхъ гродненской губерніи, южная часть которой „можетъ быть названа вполнѣ малорусской" (IV, 27).

Если въ ослабленіи дифтонговъ, замѣчаемомъ въ юго-западныхъ частяхъ припятской низи, видѣть вліяніе южно-малорусскаго нарѣчія, съ которымъ юго-западная часть низи непосредственно соприкасается на югѣ, отдѣляясь отъ бѣлорусскаго на сѣверѣ переходной полосой, то нельзя не замѣтить, что, простираясь на все пространство, до устьевъ Горыни (только близъ устьевъ ея слышенъ диф-

---

ской и части смоленской губ. По состоянію матеріала, такое распредѣленіе врядъ ли удалось бы даже настоящему діалектологу. Для историко-этнографическихъ соображеній оно было бы очень важно. Распредѣленіе на картѣ Чубинскаго (Труды экспедиціи, VII, 2) не вполнѣ отвѣчаетъ даннымъ Соболевскаго.

[1]) Это утверждаетъ и *Соболевскій*, к. в.. и *Довнаръ Запольскій*, Бѣлорусское полѣсье, Кіевъ 1894. (Но почему оно бѣлорусское, при „несомнѣнной малорусской основѣ"?).

[2]) Архивъ Юго-Западной Руси, VII, 1; Предислов., 48.

тонгъ *уы*, IV, 24), переходя по верховьямъ Припяти и на лѣвый ея берегъ (въ Пинщинѣ), это южное вліяніе какъ будто соотвѣтствуетъ исторической территоріи древняго Волыня и позднѣйшей волынской волости, сказываясь замѣтно на верхней Припяти и правыхъ ея притокахъ, то есть, на естественныхъ путяхъ, связывавшихъ нашу низь съ краями возвышенности.

Это вліяніе какъ будто теряется въ неопредѣленныхъ колебаніяхъ говоровъ сѣдлецкой и гродненской губерній. Но для историко-этнографическихъ соображеній не можетъ быть безъ значенія замѣчаніе, что „въ сѣдлецкой губерніи способъ произношенія словъ напоминаетъ произношеніе въ такъ называемыхъ полѣсскихъ уѣздахъ на Волыни“, а южная часть гродненской, какъ сказано, считается вообще вполнѣ малорусскою. Если, наконецъ, принять во вниманіе, что, начиная съ Новгородка (а быть можетъ, и выше по Неману), лѣвый берегъ Немана представляетъ область переходную отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, то южно-малорусское вліяніе мы должны распространить не только на область всего бассейна верхней Припяти, но и на возвышенность, отдѣляющую низь припятскую отъ нарево-бобранской, гдѣ рядъ лѣсныхъ пущъ и болотъ, гдѣ въ началѣ нашей исторіи видимъ славяно-литовскій рубежъ.

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что область стародавней славянской осѣдлости, *припятская низь представляетъ весьма широкую полосу перелива между сѣверно-малорусскими и бѣлорусскими говорами.*

Этому обстоятельству мы придаемъ особенно важное значеніе, такъ какъ аналогичнаго этому явленія мы не усмотрѣли въ области русскаго языка въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, при наложеніи діалектологіи проф. Соболевскаго на 40-верстную карту генеральнаго штаба.

Говорные переливы составляютъ, правда, общее явленіе въ отношеніяхъ всѣхъ отдѣльныхъ звеньевъ русскаго языка. Такъ, цокающіе бѣлорусскіе говоры сливаются постепенно съ сѣверо-великорусскими, а въ области Березины и Сожи мы имѣемъ переливъ между всѣми тремя главными

ніе здѣсь литовскаго бѣлоруссизма; въ польско-русской полосѣ мы видимъ, что Русь и понынѣ держитъ въ своихъ рукахъ верховья праваго ската Вислы, несмотря на вѣковое преобладаніе польской государственности и продолжающійся и теперь перевѣсъ въ этихъ мѣстахъ польской общественности; наконецъ, въ словацко-моравской полосѣ мы видимъ значительное протяженіе на западъ словенскихъ элементовъ, несмотря на вѣковое вліяніе чехизма — политическое, колонизаціонное и наконецъ литературное.

Всѣ эти факты, конечно, не могутъ быть случайны, а должны имѣть болѣе глубокій смыслъ.

Болѣе или менѣе полное объясненіе этихъ фактовъ требуетъ, однако, такихъ данныхъ, которыхъ въ настоящее время еще не имѣется, въ виду чего мы можемъ лишь представить сводъ главнѣйшихъ данныхъ, сюда относящихся, не претендуя на полное уясненіе вопроса. Данныя эти распредѣляются естественно по тремъ группамъ, А) относительно полосы малорусско-бѣлорусской, Б) польско-русской, В) словено-русской.

А) Филологія говоритъ, что современное бѣлорусское нарѣчіе есть „не болѣе какъ третье, западное или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ“ [1]). Иначе говоря, филологія разграничиваетъ собственно два крупныхъ нарѣчія русскаго языка: сѣверное — великорусско-бѣлорусское и южное — малорусское.

Въ историческое время на территоріи сѣверно-малорусской мы видимъ такіе старые центры, какъ Туровъ, Овручъ, Пинскъ, а на бѣлорусской—волости полоцкую и смоленскую, съ такими крупными стародавними центрами, какъ Полоцкъ, Смоленскъ, Минскъ. Среди этихъ центровъ несомнѣнное хронологическое первенство принадлежитъ Полоцку. По лѣтописи онъ сверстникъ Новгорода, а имя его не заключаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ новизны,

[1]) *Соболевскій*, Діалектологія, к. в. III, 4.

какъ имя Новгорода. Въ общемъ эта территорія по природѣ однородна, тѣсно связана рѣчными путями, но направленіе этихъ путей другое, чѣмъ рѣкъ русскаго юга. Разливъ русскаго населенія въ сѣверо-восточномъ направленіи болѣе или менѣе помнитъ исторія. Естественныя условія весьма облегчали колонизаціонное движеніе, но эти же условія вызывали широкую этнографическую ассимиляцію и вмѣстѣ мѣшали выработкѣ опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей [1]); но что касается территоріи переходной полосы отъ сѣверно-малорусскаго къ бѣлорусскому, то, сколько ни запомнитъ исторія, мы видимъ здѣсь борьбу двухъ главныхъ политическихъ центровъ древней Руси — Полоцка и Кіева. При Мстиславѣ Мономаховичѣ мы встрѣчаемъ фактъ совершенно необычный въ практикѣ княжескихъ отношеній: захватъ полоцкихъ князей и отсылка ихъ въ Грецію. При Мономахѣ мы видимъ крупное столкновеніе Кіева и Минска на территоріи рѣчныхъ водораздѣловъ Немана и Припяти. Это столкновеніе продолжалось довольно долго (1104—1119) и обусловило цѣлый рядъ комбинацій со стороны осторожнаго Мономаха [2]).

Этимъ фактамъ, подробно, но все же неполно разсказаннымъ лѣтописью (за что, напримѣръ, грозился и укорялъ Мономаха Глѣбъ Минскій, неизвѣстно), предшествуютъ совершенно однородные факты отъ времени Владиміра, Ярослава и Ярославичей.

„Рогволожи внуки всегда взимали мечь на ярославово племя“, а загадочное, хотя врядъ ли допускающее сомнѣнія, указаніе никоновской лѣтописи о войнѣ Оскольда и Дира съ Полочанами относитъ борьбу Полоцка и Кіева ко времени, предшествующему утвержденію Рюриковичей въ Кіевѣ. Борьба эта давала, можно думать, матеріалъ и для народнаго творчества; въ Словѣ о полку игоревѣ она отразилась несомнѣнно. Однимъ словомъ, столкнове-

---

[1]) *Голубовскій*, Смоленская земля, 15; *Соболевскій*, Діалектол. I, 8.

[2]) Напр. отдача Огафьи Владиміровны за Всеволодка. Ип. л. подъ 1116 г.

ніемъ сѣвера и юга чуть ли не начинается историческій періодъ русской жизни, и если филологъ можетъ полагать существованіе русскихъ нарѣчій въ XI вѣкѣ, то историкъ не можетъ не видѣть фактовъ политическаго обособленія въ гораздо болѣе раннее время, а нарѣчный рубежъ, на которомъ столько разъ разыгрывалась борьба, даетъ историку право освѣщать ее нѣсколько инымъ свѣтомъ, чѣмъ обычныя столкновенія между волостями, князьями и проч. И филологія, и исторія одинаково указываютъ рубежъ на лѣвомъ берегу Припяти; и филологія, и исторія одинаково указываютъ связь русскаго сѣверо-запада и русскаго сѣверо-востока; и филологія, и исторія одинаково отводятъ другую половину русскаго міра для другой діалектической вѣтви русскаго племени, которую филологія указываетъ не только на пространствѣ почти всего нынѣшняго русскаго юга, отчасти составляющаго сравнительно недавнее пріобрѣтеніе или, если угодно, возвращеніе стараго, но и въ далекой отъ нынѣшнихъ предѣловъ русскаго государства закарпатской Угорщинѣ.

Б) Польско-русскій рубежъ представляетъ полосу, на которой весьма ярко отражается и теперь вѣковое историческое воздѣйствіе Польши на Русь. Всего ярче оно выражается въ двухъ польскихъ шляхахъ, которыми обозначается польское наступленіе на востокъ: а) Отъ Мазовіи, въ прямомъ направленіи на сѣверо-востокъ, чуть не до Орши тянется широкая (до 30 миль) полоса, усѣянная польскими колоніями, не сворачивающими ни въ Пинщину, ни въ Жмудь. б) Такая же полоса тянется отъ Малой Польши черезъ Львовъ на Подолье. Самый широкій польскій разливъ замѣчается здѣсь около Збаража, Бучача, Тарнополя, Летичева, доходя на востокъ до Бердичева, Житоміра и Овруча. Процентъ польскаго населенія доходитъ здѣсь въ западныхъ частяхъ до 50%, спускаясь на окраинахъ до 10% и ниже [1]).

[1]) *E. Czyński*, Uwagi ogólne nad rozmieszczeniem Polaków. Wisła, I, 1887 г.

временныхъ русскихъ говоровъ нѣтъ ни одного, который въ большей или меньшей степени былъ бы похожимъ на древній псковскій говоръ и могъ бы быть признаваемъ за его потомка. Въ настоящее время около Пскова говорятъ почти совсѣмъ такъ, какъ говорятъ около Новгорода" [1]).

Но если возможность измѣненій территоріальнаго протяженія говоровъ не позволяетъ утверждать, что территоріи теперешнихъ говоровъ совпадаютъ съ таковыми же въ древности, то съ значительнымъ вѣроятіемъ можно полагать, что, по крайней мѣрѣ, общіе территоріальные контуры главныхъ нарѣчій восходятъ къ далекой старинѣ. Древность нарѣчій не подлежитъ сомнѣнію, а природные рубежи должны получить въ этомъ случаѣ особенное значеніе.

2) *Столь широкой полосы говорныхъ переливовъ, какъ въ полосѣ малорусско-бѣлорусской, мы не встрѣчаемъ въ переливахъ говоровъ одной вѣтви* (т. е. такой вѣтви, которую можно считать одною безспорно). Мы указали, что переливъ бѣлорусско-великорусскій занимаетъ меньшее пространство, а если на Ловати видимъ довольно замѣтную полосу великорусскаго вліянія, то это — полоса вліянія, а не органическаго взаимопроникновенія. Незначительность говорныхъ рубежей въ другихъ вѣтвяхъ еще ярче окажется, если опредѣлить по картѣ пограничную черту, напр., великопольскихъ и мазурскихъ, чешскихъ и моравскихъ переливовъ [2]).

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что на всѣхъ мѣстахъ занимающей насъ полосы мы встрѣчаемъ факты однородные, и притомъ явно противорѣчащіе ходу исторической жизни за послѣдніе вѣка. Въ малорусско-бѣлорусской полосѣ мы видимъ значительное протяженіе къ сѣверу малорусской стихіи, не смотря на продолжительное преоблада-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Я налагалъ на карту схему Закржевскаго, Wisła, II и Діалектологію Шемберы, а также границы отдѣльныхъ говоровъ указываемыя Бартошемъ.

ніе здѣсь литовскаго бѣлоруссизма; въ польско-русской полосѣ мы видимъ, что Русь и понынѣ держитъ въ своихъ рукахъ верховья праваго ската Вислы, несмотря на вѣковое преобладаніе польской государственности и продолжающійся и теперь перевѣсъ въ этихъ мѣстахъ польской общественности; наконецъ, въ словацко-моравской полосѣ мы видимъ значительное протяженіе на западъ словенскихъ элементовъ, несмотря на вѣковое вліяніе чехизма — политическое, колонизаціонное и наконецъ литературное.

Всѣ эти факты, конечно, не могутъ быть случайны, а должны имѣть болѣе глубокій смыслъ.

Болѣе или менѣе полное объясненіе этихъ фактовъ требуетъ, однако, такихъ данныхъ, которыхъ въ настоящее время еще не имѣется, въ виду чего мы можемъ лишь представить сводъ главнѣйшихъ данныхъ, сюда относящихся, не претендуя на полное уясненіе вопроса. Данныя эти распредѣляются естественно по тремъ группамъ, А) относительно полосы малорусско-бѣлорусской, Б) польско-русской, В) словено-русской.

А) Филологія говоритъ, что современное бѣлорусское нарѣчіе есть „не болѣе какъ третье, западное или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ“ [1]). Иначе говоря, филологія разграничиваетъ собственно два крупныхъ нарѣчія русскаго языка: сѣверное — великорусско-бѣлорусское и южное — малорусское.

Въ историческое время на территоріи сѣверно-малорусской мы видимъ такіе старые центры, какъ Туровъ, Овручъ, Пинскъ, а на бѣлорусской — волости полоцкую и смоленскую, съ такими крупными стародавними центрами, какъ Полоцкъ, Смоленскъ, Минскъ. Среди этихъ центровъ несомнѣнное хронологическое первенство принадлежитъ Полоцку. По лѣтописи онъ сверстникъ Новгорода, а имя его не заключаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ новизны,

---

[1]) *Соболевскій*, Діалектологія, к. в. III, 4.

какъ имя Новгорода. Въ общемъ эта территорія по природѣ однородна, тѣсно связана рѣчными путями, но направленіе этихъ путей другое, чѣмъ рѣкъ русскаго юга. Разливъ русскаго населенія въ сѣверо-восточномъ направленіи болѣе или менѣе помнитъ исторія. Естественныя условія весьма облегчали колонизаціонное движеніе, но эти же условія вызывали широкую этнографическую ассимиляцію и вмѣстѣ мѣшали выработкѣ опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей [1]); но что касается территоріи переходной полосы отъ сѣверно-малорусскаго къ бѣлорусскому, то, сколько ни запомнитъ исторія, мы видимъ здѣсь борьбу двухъ главныхъ политическихъ центровъ древней Руси — Полоцка и Кіева. При Мстиславѣ Мономаховичѣ мы встрѣчаемъ фактъ совершенно необычный въ практикѣ княжескихъ отношеній: захватъ полоцкихъ князей и отсылка ихъ въ Грецію. При Мономахѣ мы видимъ крупное столкновеніе Кіева и Минска на территоріи рѣчныхъ водораздѣловъ Немана и Припяти. Это столкновеніе продолжалось довольно долго (1104—1119) и обусловило цѣлый рядъ комбинацій со стороны осторожнаго Мономаха [2]).

Этимъ фактамъ, подробно, но все же неполно разсказаннымъ лѣтописью (за что, напримѣръ, грозился и укорялъ Мономаха Глѣбъ Минскій, неизвѣстно), предшествуютъ совершенно однородные факты отъ времени Владиміра, Ярослава и Ярославичей.

„Рогволожи внуки всегда взимали мечь на ярославово племя“, а загадочное, хотя врядъ ли допускающее сомнѣнія, указаніе никоновской лѣтописи о войнѣ Оскольда и Дира съ Полочанами относитъ борьбу Полоцка и Кіева ко времени, предшествующему утвержденію Рюриковичей въ Кіевѣ. Борьба эта давала, можно думать, матеріалъ и для народнаго творчества; въ Словѣ о полку игоревѣ она отразилась несомнѣнно. Однимъ словомъ, столкнове-

---

[1]) *Голубовскій*, Смоленская земля, 15; *Соболевскій*, Діалектол. I, 8.

[2]) Напр. отдача Огафьи Владиміровны за Всеволодка. Ип. л. подъ 1116 г.

шихъ 20-ю селами, простиралось здѣсь до двухъ десятковъ; столько же лицъ владѣло 10 селами, и если прибавить сюда 400 селъ королевскихъ, 724 — духовныхъ, получимъ 1924 села, принадлежавшихъ крупнымъ собственникамъ, то есть, владѣвшимъ minimum 4—5 селами; а такъ какъ всѣхъ селъ въ краковской и сандомірской землѣ было 4729, то крупная собственность составитъ здѣсь 40%, остальное количество селъ падаетъ на владѣльцевъ одного села и мелкую шляхту (XIV, 96).

Это коренное различіе между Великой Польшей и Мазовіей съ одной и Малой Польшей съ другой стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно вполнѣ справедливо отмѣчено проф. Павинскимъ, имъ же указанъ и ключъ къ разгадкѣ этого явленія. „Географическое расположеніе крупнаго землевладѣнія въ Малой Польшѣ наводитъ на мысль, что оно возникло и возрастало всего легче на далекихъ окраинахъ политической территоріи“ (XIV, 112). Замѣчательно, что въ лѣвобережной части Малой Польши (то есть, на лѣвомъ берегу Вислы) въ повѣтѣ прошовскомъ, вислицкомъ, сандомірскомъ магнатскія имѣнія были мельче, за исключеніемъ развѣ графства Тенчинскихъ (XIV, 93).

Рядомъ съ этимъ высокознаменательнымъ фактомъ слѣдуетъ сопоставить и географическое расположеніе мелкой загродовой шляхты. Въ Великой Польшѣ она расположена преимущественно въ восточной части (въ землѣ ленчицкой, добринской, брестской, XII, 147); въ Мазовіи тоже, преимущественно между Наревомъ и Бугомъ (XVI, 68). Въ Малой Польшѣ, наименѣе богатой загродовой шляхтой, она расположена гнѣздами и при томъ, по преимуществу, на границахъ: въ сандомірскомъ повѣтѣ, вокругъ Чхова [1]), по сосѣдству съ королевскими и монастырскими землями, затѣмъ въ повѣтѣ щирецкомъ и слензскомъ.

---

[1]) „Замокъ и каштелянія, горная крѣпость на дорогѣ въ Угры“. Загродовую шляхту здѣсь даже называли milites XIV, 102. Ср. въ другихъ мѣстахъ praedia militaria, XIV, 26 сл.

Другое гнѣздо встрѣчается около древнѣйшихъ укрѣпленныхъ замковъ — Песковой Скалы, Ойцова, Гродиска. То же на королевщинахъ. То же отчасти въ лелевскомъ и вислицкомъ повѣтахъ. Еще ярче въ Парчевѣ, около Белжицъ и Люблина. Значеніе такого расположенія обнаружится вполнѣ, если сопоставить его съ расположеніемъ загродовой шляхты въ луковскомъ повѣтѣ, гдѣ она вытянулась оборонительной линіей на востокѣ, но ея нѣтъ со стороны Мазовіи (XIV, 102—106).

Указанные факты заимствованы изъ времени сравнительно весьма поздняго (XVI вѣка), но кто же станетъ отрицать громадное ихъ значеніе и для далекой древности. Магнатскія фортуны и острова загродовой шляхты создались, конечно, не сразу. Это цѣлый длинный историческій процессъ, въ XVI вѣкѣ представлявшій лишь пережитокъ отдаленной старины. Онъ неопровержимо доказываетъ, откуда росла Польша, или вѣрнѣе, на счетъ чего росла польская государственность и какими средствами расширялась. Вспомнимъ, что Плоцкъ служилъ польской княжеской резиденціей уже при Владиславѣ Германѣ, и что лишь предпослѣдній Пястъ окончательно перенесъ столицу Польши въ Краковъ. Если бы у насъ и не было никакихъ иныхъ намековъ и указаній на другой, не польскій, этнографическій характеръ Малой Польши, мы могли бы, во всякомъ случаѣ, утверждать, что Малая Польша, составляя сравнительно позднее пріобрѣтеніе польской государственности, по главной своей экономической чертѣ—можновладству, представляетъ прямую параллель съ польскимъ хозяйничаньемъ въ Галиціи и остальной Руси.

Эти соображенія вполнѣ подтверждаются данными этнографическими и діалектологическими [1]).

---

[2]) Къ сожалѣнію, относительно польской діалектологіи мы не имѣемъ вполнѣ надежныхъ данныхъ. Соображеніе Поля (Dzieła V: Rzecz o djalektach mowy polskiej) не имѣютъ никакого значенія, а схема Закржевскаго, Wisła II, не заключаетъ въ себѣ полнаго перечня говоровъ. Распредѣленіе Закржев-

Вопросъ о русско-польскомъ рубежѣ давно существуетъ въ наукѣ [1]), но отсутствіе этнографическаго и діалектологическаго матеріала, скудость историческихъ данныхъ, вліяніе представленій, обусловливаемыхъ настоящимъ или, по крайней мѣрѣ, недавнимъ положеніемъ вещей, склонность переносить эти представленія и на древность [2]) чрезвычайно мѣшали разрѣшенію давно поставленнаго вопроса. Теперь онъ можетъ быть освѣщенъ значительно полнѣе, благодаря начавшейся у насъ съ 80-хъ годовъ разработкѣ исторіи западно-русскихъ окраинъ и благодаря матеріалу, какой имѣется въ польскихъ трудахъ, восполняющихъ въ извѣстной мѣрѣ пробѣлы, столь замѣтные въ разработкѣ историко-этнографическихъ вопросовъ о западной Руси въ руской наукѣ [3]).

---

[1]) *Зубрицкій*, Gränzen zwischen d. russischen u. polnischen Nation in Galizien. Lemb. 1849. *А. И. Добрянскій*, О западныхъ границахъ подкарпатской Руси. Ж. М. Пр. 1880 ч. 208. *В. Площанскій*, Границы русскаго и польскаго народа по языку въ завислоцкой Руси. Львовъ 1885. *М. Кояловичъ*, Объ этнографической границѣ между зап. Русью и Польшей, въ Сборникѣ Шолковича, I т. Вильна, 1885. Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ довольно подробно *Барсовымъ* въ его Очеркахъ.

[2]) Весьма яркій примѣръ въ этомъ случаѣ представляетъ статья, по поводу „Очерковъ“ Барсова: Fantazye geograficzne na temat ziemi Lubelskiej i Podlaskiej. Ateneum, 1882; XI. Существованіе Руси „за Бугомъ“, т. е. въ люблинской и сѣдлецкой губ. здѣсь рѣшительно отрицается!

[3]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowej I—XVI, изданіе Крак. Ак. Н. Wisła, солидный этнографическій журналъ издается въ Варшавѣ съ 1887 г. Тутъ и тамъ богатый этнографическій и отчасти діалектологическій матеріалъ, хотя значеніе послѣдняго подрывается графикой. Богатый матеріалъ для характеристики общественнаго строя частей б. Польши заключаютъ въ себѣ географическо-статистическіе труды проф. *А. Павинскаго:* Żródła dziejowe, томы: XII—XIII—Великая Польша; XIV—XV—Малая Польша; XVI—Мазовія. Ссылки на нихъ далѣе будутъ обозначены въ текстѣ. По такому же плану разработаны и русскія земли *А. Яблоновскимъ*, XIX—Волынь и Подолье, XX—XXI—Украина. Этимъ же русскимъ землямъ посвящены V и VI тт.

Укажемъ прежде всего бытовыя особенности главныхъ частей бывшей Польши: Великой Польши и Мазовіи съ одной, Малой Польши съ другой стороны.

Великая Польша и Мазовія по строю быта, сословнымъ отношеніямъ, характеру землевладѣнія, распредѣленію земельной собственности вообще однородны, но обнаруживаютъ значительныя особенности сравнительно съ Малой Польшей. Въ территоріально-административномъ отношеніи Мазовія отличается отъ Великой Польши только нѣсколько меньшими размѣрами единицъ, но обѣ онѣ несравненно ближе между собою, чѣмъ съ Малой Польшей. Повѣтовъ въ Мазовіи 33, въ Великой Польшѣ—29, въ Малой Польшѣ 17. Одинъ повѣтъ въ Мазовіи на 17 квадратныхъ миль, въ Великой Польшѣ — 36, въ Малой Польшѣ — 59. Но дробность мазовской земли обусловливалась какъ характеромъ населенія („całe mrowiska drobnych właścicieli“), такъ и природными условіями страны.

Такая же дробность встрѣчается и въ землевладѣніи: крупныхъ хозяйственныхъ комплексовъ нѣтъ, рѣдко одной семьѣ принадлежитъ нѣсколько фольварковъ (но никогда больше 8-ми), напротивъ, нерѣдко одинъ фольваркъ находится въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ, которыя хозяйничаютъ съ помощью двухъ или нѣсколькихъ подданныхъ (быть можетъ, результатъ раздробленія, XVI, 61 сл.). Подобное же явленіе, лишь въ меньшей дробности, встрѣчается и въ Великой Польшѣ; хотя преобладащимъ типомъ землевладѣнія является здѣсь одновладѣльческое село (XII, 141).

Можновладства въ Мазовіи нѣтъ вовсе, въ Великой Польшѣ почти вовсе нѣтъ. Только Гурки, Остророги, Чарнковскіе и Лещинскіе составляютъ исключеніе среди великопольской шляхты, но, по отчисленіи принадлежащихъ имъ староствъ и временныхъ, по чину, владѣній, наиболѣе крупный магнатъ въ Великой Польшѣ не имѣлъ въ своихъ рукахъ больше 20 селъ (XII, 140).

Совсѣмъ не то въ Малой Польшѣ. Крупная собственность составляетъ главную ея черту; число лицъ, владѣв-

шихъ 20-ю селами, простиралось здѣсь до двухъ десятковъ; столько же лицъ владѣло 10 селами, и если прибавить сюда 400 селъ королевскихъ, 724 — духовныхъ, получимъ 1924 села, принадлежавшихъ крупнымъ собственникамъ, то есть, владѣвшимъ minimum 4—5 селами; а такъ какъ всѣхъ селъ въ краковской и сандомірской землѣ было 4729, то крупная собственность составитъ здѣсь 40%, остальное количество селъ падаетъ на владѣльцевъ одного села и мелкую шляхту (XIV, 96).

Это коренное различіе между Великой Польшей и Мазовіей съ одной и Малой Польшей съ другой стороны заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно вполнѣ справедливо отмѣчено проф. Павинскимъ, имъ же указанъ и ключъ къ разгадкѣ этого явленія. „Географическое расположеніе крупнаго землевладѣнія въ Малой Польшѣ наводитъ на мысль, что оно возникло и возрастало всего легче на далекихъ окраинахъ политической территоріи“ (XIV, 112). Замѣчательно, что въ лѣвобережной части Малой Польши (то есть, на лѣвомъ берегу Вислы) въ повѣтѣ прошовскомъ, вислицкомъ, сандомірскомъ магнатскія имѣнія были мельче, за исключеніемъ развѣ графства Тенчинскихъ (XIV, 93).

Рядомъ съ этимъ высокознаменательнымъ фактомъ слѣдуетъ сопоставить и географическое расположеніе мелкой загродовой шляхты. Въ Великой Польшѣ она расположена преимущественно въ восточной части (въ землѣ ленчицкой, добринской, брестской, XII, 147); въ Мазовіи тоже, преимущественно между Наревомъ и Бугомъ (XVI, 68). Въ Малой Польшѣ, наименѣе богатой загродовой шляхтой, она расположена гнѣздами и при томъ, по преимуществу, на границахъ: въ сандомірскомъ повѣтѣ, вокругъ Чхова [1]), по сосѣдству съ королевскими и монастырскими землями, затѣмъ въ повѣтѣ щирецкомъ и слензскомъ.

---

[1]) „Замокъ и каштелянія, горная крѣпость на дорогѣ въ Угры“. Загродовую шляхту здѣсь даже называли milites XIV, 102. Ср. въ другихъ мѣстахъ praedia militaria, XIV, 26 сл.

Другое гнѣздо встрѣчается около древнѣйшихъ укрѣпленныхъ замковъ — Песковой Скалы, Ойцова, Гродиска. То же на королевщинахъ. То же отчасти въ лелевскомъ и вислицкомъ повѣтахъ. Еще ярче въ Парчевѣ, около Белжицъ и Люблина. Значеніе такого расположенія обнаружится вполнѣ, если сопоставить его съ расположеніемъ загродовой шляхты въ луковскомъ повѣтѣ, гдѣ она вытянулась оборонительной линіей на востокѣ, но ея нѣтъ со стороны Мазовіи (XIV, 102—106).

Указанные факты заимствованы изъ времени сравнительно весьма поздняго (XVI вѣка), но кто же станетъ отрицать громадное ихъ значеніе и для далекой древности. Магнатскія фортуны и острова загродовой шляхты создались, конечно, не сразу. Это цѣлый длинный историческій процессъ, въ XVI вѣкѣ представлявшій лишь пережитокъ отдаленной старины. Онъ неопровержимо доказываетъ, откуда росла Польша, или вѣрнѣе, на счетъ чего росла польская государственность и какими средствами расширялась. Вспомнимъ, что Плоцкъ служилъ польской княжеской резиденціей уже при Владиславѣ Германѣ, и что лишь предпослѣдній Пястъ окончательно перенесъ столицу Польши въ Краковъ. Если бы у насъ и не было никакихъ иныхъ намековъ и указаній на другой, не польскій, этнографическій характеръ Малой Польши, мы могли бы, во всякомъ случаѣ, утверждать, что Малая Польша, составляя сравнительно позднее пріобрѣтеніе польской государственности, по главной своей экономической чертѣ—можновладству, представляетъ прямую параллель съ польскимъ хозяйничаньемъ въ Галиціи и остальной Руси.

Эти соображенія вполнѣ подтверждаются данными этнографическими и діалектологическими [1]).

---

[2]) Къ сожалѣнію, относительно польской діалектологіи мы не имѣемъ вполнѣ надежныхъ данныхъ. Соображеніе Поля (Dzieła V: Rzecz o djalektach mowy polskiej) не имѣютъ никакого значенія, а схема Закржевскаго, Wisła II, не заключаетъ въ себѣ полнаго перечня говоровъ. Распредѣленіе Закржев-

Польскіе говоры сводятся обыкновенно къ слѣдующимъ пяти группамъ: поморско-прусской, великопольской, мазовской, малопольской, слезской (Закржевскій). Основа дѣленія, очевидно, политическая группировка частей, можетъ возбуждать сомнѣнія. Они, прежде всего, вызываются поморскою группой.

Область нарѣчія *поморскаго* представляетъ въ настоящее время территорію этнографическаго перерожденія. Но это перерожденіе составляетъ характерную ея черту съ древнѣйшихъ временъ. Современные кашубы—потомки древнихъ поморянъ [1]), занимавшихъ нѣкогда лѣвый берегъ Вислы до Нотеци. Языкъ ихъ представляетъ въ удареніи существенное отличіе отъ польскаго [2]), а въ словарномъ матеріалѣ множество словъ, существующихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, но не употребляемыхъ въ польскомъ [3]). Ка-

---

скаго дополняю новѣйшими данными. Что касается Поля, то считаю нелишнимъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Поль много путешествовалъ: исходилъ и изъѣздилъ чуть не всю территорію бывшаго польскаго государства, одинъ изъ первыхъ примѣнилъ къ славянской географіи мѣстныя народныя названія и краснорѣчиво указалъ ихъ значеніе. Здѣсь нерѣдко указывались его труды, изъ которыхъ Północny wschód Europy i Północne stoki Karpat (Dzieła IV, VI) можно смѣло рекомендовать и теперь, какъ наилучшее дополненіе къ описанію Карпатъ Ремана; его этнографическіе очерки во многихъ отношеніяхъ не потеряли значенія и теперь, какъ замѣчанія человѣка съ чуткимъ ухомъ и зоркимъ глазомъ. Но нельзя не прибавить, что Поль—типичнѣйшій представитель тѣхъ механически сложившихся польскихъ представленій, какія и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, нерѣдко не позволяютъ Полякамъ разглядѣть дѣйствительность. Ср. мои Три силуэта, Изв. Слав. Общ. СПБ. 1886.

[1]) Названіе кашубовъ встрѣчается уже у Аль-Бекри, Зап. Ак. Н.. XXXII, 75.

[2]) Páleca = палица, dregí = дорогой.

[3]) *Надморскій* (псевдонимъ Козловскаго), Objaśnienia do mapy etnograficznej Prus królewskich, Pam. fizjogr. III, Warsz. 1883. Его же, Ludność polska w Prusach. Тамъ же IX, 1889. Ср. Wisła, III.

шубское нарѣчіе обыкновенно включается въ область польскаго языка. Основательно ли? это — вопросъ. Нѣмецкій потопъ не даетъ возможности опредѣлить отношеніе кашубовъ къ исчезнувшимъ вѣтвямъ западнаго славянства по нижней Одрѣ; только благодаря этому, языкъ сосѣднихъ поляковъ оказывается дѣйствительно самымъ близкимъ къ кашубскому. Но на польско-поморскомъ рубежѣ мы видимъ природную грань въ видѣ пущъ и болотъ [1]), исторія указываетъ намъ здѣсь упорную борьбу между двумя враждебными центрами, а данныя языка едва ли не даютъ основанія выдѣлить поморскую вѣтвь изъ группы чисто польскихъ нарѣчій и усматривать въ ней уцѣлѣвшій обломокъ обширной поморско-полабской вѣтви.

Населеніе хелминско-михаловской земли представляетъ теперь соединительное звено между поморской и мазурской вѣтвью. Здѣсь мы вступаемъ на почву другаго этнографическаго перерожденія — литовско-польскаго. Все такъ называемое прусско-мазурское поозерье занимаетъ теперь сѣверная вѣтвь мазуровъ. Но мы знаемъ несомнѣнно, что нѣкогда это были мѣста древнихъ прусскихъ голяди и судавовъ.

Это историческое пріобрѣтеніе польскаго племени таетъ, въ свою очередь, передъ нѣмецкимъ напоромъ.

Что касается слезской группы, то на ея почвѣ мы уже указывали моравско-польскій переливъ.

Коренное ядро польскаго языка представляетъ территорія велико-польскаго нарѣчія — гнѣздо польскаго народа и колыбель польской государственности съ Крушвицей, Гнѣзномъ и Познанью, т. е. династическимъ, политическимъ и церковнымъ центрами.

Велико-польское нарѣчіе занимаетъ весь бассейнъ Варты: до Одры на западѣ, до Нотеци (такъ называемые „Палуки“) на сѣверѣ; такъ что Бзура, Висла и Нотець составляютъ его границу съ мазурскимъ и поморскимъ нарѣчіями; на югѣ оно не переходитъ за верховья Варты

---

[1]) *Садовскій*, Drogi, 8 сля.

и Пилицы: говоръ въ келецкой и радомской губерніяхъ относится уже къ малопольскому нарѣчію. Можно поэтому полагать великопольскій переливъ уже къ сѣверу отъ Лысой Горы, что совпадаетъ съ природной и политической границей двухъ частей б. Польши.

Собственно мазурское ядро составляютъ *старые мазуры* съ центрами въ Плоцкѣ, Добржинѣ, Черскѣ. Куявяне и ленчичане связываютъ ихъ съ великополянами. Восточныя окраины Мазовіи въ древней подляшской землѣ представляютъ уже русско-польскій рубежъ, а самое названіе Подляшья указываетъ на его принадлежность русскому, а не польскому міру [1]). Дорогичинъ на Бугѣ — городъ древній русскій. Визна — теперь польская, въ 1145 году была уступлена Межкомъ и Болеславомъ польскимъ Игорю Ольговичу (Ип. л.), а ея близость къ этнографическому рубежу намекаетъ, что уступка ея могла имѣть и этнографическую подкладку; въ Городнѣ на Неманѣ видимъ коложскую церковь [2]).

Къ малополянамъ причисляются: т. наз. польскіе горали, краковяне, прошовяне, сандомиряне, кельчане, радомяне и т. наз. галиційскіе мазуры, Такимъ образомъ територія малопольскаго нарѣчія занимаетъ все верхнее теченіе Вислы. На водораздѣлѣ лѣвыхъ ея притоковъ съ одной, Варты и Пилицы съ другой, слѣдуетъ полагать переливъ къ великопольскому нарѣчію; тогда какъ на правомъ берегу Вислы должно полагать значительное протяженіе мазурскаго нарѣчія вверхъ по рѣкѣ.

---

[1]) *И. Леонтовичъ*, Очерки, 53. *М. Любавскій*, Областное дѣленіе, 18.

[2]) На IX арх. съѣздѣ въ Вильнѣ г. Орловскій доказывалъ, что лѣтописная Городна соотвѣтствуетъ именно нынѣшнему губернскому городу, а не мѣстечку минск. губ. пинск. у., какъ полагаютъ обыкновенно. Обсужденіе этого вопроса доказало только крайнюю необработанность вопросовъ, относящихся къ русскому Понеманью. И въ польской исторіи Мазовія разработана крайне слабо: новыхъ работъ о ней нѣтъ, а *Козловскаго*, Dzieje Mazowsza. Warsz. 1858 никуда не годятся.

Попрадъ не составляетъ границы. На западъ отъ нея между Попрадомъ и Дунайцемъ находятся еще 4 села (Шляхтово, Яворки, Чернавода и Бѣлавода), а приходы ихъ простираются и на села, лежащія значительно западнѣе. На угорской границѣ лемки сливаются съ своими сородичами—угорскими русскими, не представляя отъ нихъ никакихъ отличій. Угорская граница—лишь условная политическая линія, не имѣющая никакого этнографическаго значенія. Съ галицкими лемками вполнѣ сливаются угорскіе „русняки" Спижа (между верховьями Попрада и Горнада) [1].

Съ насъ достаточно замѣтить, что „руснядкая" Остурня лежитъ на сѣверо-западномъ вскраѣ татранскаго подножья, на юго-востокъ отъ Остурни тянется рядъ „руснядкихъ" селъ до Горнада; а округа ословаченныхъ Тельгарта, Шумяча, нижняго Скальника захватываютъ верховья чернаго Вага и Грона, гдѣ указываетъ русскихъ и Бартоломеидесъ [2].

ковъ было 172 села съ 129 церквами. Число душъ — 90 т.; въ 1869—всего 90 приходовъ (но, быть можетъ, были церкви приписныя) и 88.871 душа; въ 1888, по Удзѣлѣ — всего 150 селъ и съ лишнимъ 80 т. душъ. Какъ помирить съ этимъ показаніе Удзѣли о приростѣ лемковскаго населенія въ одномъ горлицкомъ повѣтѣ съ 1869 по 1888 г. чуть не въ 5 т. душъ? Не указываетъ ли это на нѣкоторыя особенности польской статистики?

[1]) По мадьярской статистикѣ здѣсь находятся слѣд. русскія поселенія (привожу ихъ названія такъ, какъ пишетъ Мишикъ): Kamjonka, Litmanova, Jarembina, Krenpach (pri Lubovni), Sulin, Medzibrod Krendzelovka, Závod, Jakubiany, Hodermark, Toriska, Nižné a Vyšné Repašy (но это мадьярская форма Répás. Мой пріятель отмѣтилъ при Répás-Alsó пряш. схемат.: *Рѣпникъ*. Замѣчу, что село существовало уже 1321. Пряш. схемат., 123), Olšavica, Pavlany, Podproč, Zavadka, Niž. Vyž. Slovinka, Helcmanovce Porač, Kojsov. Slov. Pohl. 1895, X. Крайнее русское село на западѣ — Остурня, на сѣверномъ скатѣ спижской Магуры. Говоръ его жителей сильно ополяченъ, но ихъ русская народность несомнѣнна. Тамъ же, стр. 625.

[2]) Отмѣтивъ въ населеніи Гёмёра разные этническіе эле-

Какъ полагаться на нее въ такихъ, напримѣръ условіяхъ, когда народъ на вопросъ—кто ты? отвѣчаетъ — господарь! Какъ молишься? — по русски! Какъ говоришь? — по просту! [1]).

Въ правѣ ли этнографъ игнорировать такой фактъ. Забитое и приниженное въ теченіе вѣковъ „быдло" только въ церкви и молитвѣ чувствовало себя человѣкомъ и, понятно, съ вѣрой связало свое національное имя. Для мѣщанства польское имя было знаменемъ политической правоспособности, и многіе изъ мѣщанъ, по совершенно понятнымъ разсчетамъ, будучи gente rutheni, становились natione poloni. Только вѣроисповѣданіе представляетъ на всемъ этомъ рубежѣ нѣкоторый критерій для опредѣленія народности, по крайней мѣрѣ, въ историческомъ отношеніи. Вѣковое уніатство никогда не затирало этнографическаго различія между русской-хлопской и панской вѣрой.

Вотъ почему, напримѣръ, уніатство жителей села Домбрувки (Дубровки) около Улянова на нижнемъ Санѣ [2]) есть указаніе этнографическое, получающее правильный смыслъ, при сопоставленіи ряда фактовъ католической пропаганды и вмѣстѣ этнографическаго перерожденія на правомъ берегу Вислы [3]); характеръ своеобразныхъ народ-

---

[1]) Wisła, III, 325. Этнографическій русско-польскій рубежъ на картахъ Кояловича въ „Документахъ" и „Чтеніяхъ" обозначенъ слишкомъ обще; въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ почти совпадаетъ съ границей, показанной у Глогера (*Pruski*, Obchody weselne, Krak. 1869), а карта эта признается даже поляками совершенно неточной (Wisła, III, 315). Вообще этнографія русско-польскаго порубежья представляетъ полный произволъ. Закржевскій, напримѣръ (Wisła, III), причисляетъ 8470 мѣщанъ бѣльскаго уѣзда къ полякамъ; за это онъ уступаетъ русскимъ 870 католиковъ. Но не только вѣроисповѣданіе не принимается въ разсчетъ, одинаково игнорируется и языкъ,—и тѣ, кто говорятъ: „три, пріѣхаў," тоже считаются поляками.

[2]) *Z. Wierzchowski*, Materyały, Zbiór wiad., XIV.

[3]) Свящ. *А. Будиловичъ*, Историческій очеркъ Милеевской церкви, въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Завепрянской Руси, Варшава, 1890.

ныхъ прозвицъ однородныхъ въ писскомъ, тарнобржежскомъ и ропчицкомъ округахъ [1]) служитъ не менѣе важнымъ этнографическимъ указаніемъ на однородность населенія праваго берега Вислы [2]). Въ этомъ случаѣ получаетъ не малое значеніе и то обстоятельство, что польское населеніе праваго берега Вислы между Рабой и Саномъ называется *мазурами*. Названіе это, а равно извѣстныя черты говора связываютъ его не съ лѣвобережными западными сосѣдями, а съ правобережнымъ польско-мазурскимъ сѣверомъ. Населеніе это, по всей вѣроятности, и представляетъ мазурскую колонію во время политическаго преобладанія на этой территоріи мазурскихъ князей.

Малопольское нарѣчіе и на востокѣ, и на югѣ не имѣетъ никакихъ естественныхъ границъ, подобныхъ водораздѣльной чертѣ малорусско-бѣлорусской или словеноморавской полосы, или природнымъ преградамъ (топи и пущи), какія представляетъ рубежъ великопольскаго и поморскаго нарѣчія, или наконецъ, какъ водораздѣлъ двухъ большихъ рѣкъ на моравско-польскомъ рубежѣ. На всей восточной и южной границѣ малопольскаго нарѣчія сидитъ и понынѣ Русь, а этнографическія данныя указываютъ на русско-польскомъ рубежѣ явленія, заслуживающія особеннаго вниманія. Отмѣтимъ такъ наз. *„замѣшанцевъ“* [3]) на самомъ вскраѣ предгорья между Ряшевомъ, Кросномъ и Ясломъ въ изгибѣ санской Вислоки.

По мѣстнымъ преданіямъ, замѣшанцы — потомки плѣнныхъ украинцевъ изъ эпохи казацкихъ войнъ, но откуда же въ ихъ говорѣ лемковскія черты? Что касается необыкновеннаго разнообразія говоровъ, отличныхъ въ каж-

---

[1]) *Wierzchowski*, к. в. *Udziela*, Lud w ropczyckiem, тамъ же.

[2]) Было бы весьма интересно сопоставить эти прозвища съ прозвищами русскихъ лемковъ.

[3]) *И. Верхратскій*, Говоръ замѣшанцевъ, Зап. наук. товар. им. Шевченка, III, Льв. 1894. Замѣшанцы, въ количествѣ 6500 душъ, живутъ въ 10 поселеніяхъ: Близенька, Гвоздянка, Коростенька, Бонарôвка, Опарôвка, Рѣпникъ, Петроша Воля, Вôлька Браткôвска, Ваневка и Чернорѣки.

домъ селѣ и даже въ разныхъ концахъ одного села, то его никакъ нельзя объяснять сброднымъ составомъ яко бы плѣнныхъ поселенцевъ. Два съ лишнимъ вѣка несомнѣнно сгладили бы особенности. Наконецъ, какъ объяснить различіе въ выговорѣ на разныхъ концахъ одного села? [1]). Между тѣмъ, такое же явленіе встрѣчаемъ очень часто въ сѣдлецкой губерніи—среди несомнѣнно искони русскаго населенія. Оно объясняется живымъ, именно теперешнимъ воздѣйствіемъ польскаго языка, различно воспринимаемымъ не только отдѣльными группами, но и отдѣльными личностями. Грамотный поселянинъ, читающій польскія книжки, молитвенники, пѣсенники, говоритъ иначе, чѣмъ его же неграмотный односельчанинъ.

Рядомъ съ селами замѣшанцевъ находится село Весела. Житель его, 76-лѣтній старикъ еще теперь хранитъ преданіе, что прежде въ селѣ не было костела, а лишь часовня, куда пріѣзжала нѣкая „пани" и понемногу ополячила населеніе [2]).

Замѣшанцы представляютъ сѣверо-восточную окраину лемковской территоріи, занимающей значительную часть уѣздовъ ново-сутечскаго, грибовскаго, горлицкаго, ясельскаго и кросненскаго. Въ трехъ первыхъ уѣздахъ они живутъ въ 99 гминахъ, числомъ въ 54.062 души; въ двухъ послѣднихъ въ 50 гминахъ, числомъ около 25 тысячъ душъ. Вмѣстѣ — съ лишнимъ 80 тысячъ душъ [3]). Рѣка

---

[1]) Таково именно с. Опаровка.

[2]) *L. Magierowski*, Kilka wiadomości o ludzie polskim ze wsi Wesołej, Zb. wiad., XIII, сообщаетъ со словъ этого старика слѣдующее: „Dawni nie byo tutok kościoła, jeno koplica, do chtore jakaś pani przyjechała... ta pani przerobiła tutejszych ludzi na polakow, *bo oni byli rusinami*"... Отмѣчу также указанія *Париляка* о вліяніи польскаго языка на говоръ русскаго населенія около Дрогобыча. Тамъ же, I.

[3]) *S. Udziela*, Rozsiedlenie się Łemków, Wisła. III. Круглымъ числомъ 90 т. насчиталъ въ 1876 г. *А. Кочубинскій* (Зап. Новорос. Ун. XVIII, 215) руководясь Рапацкимъ и церковными схематизмами. Замѣчательно: въ 1849 г., по Зубрицкому, у лем-

Попрадъ не составляетъ границы. На западъ отъ нея между Попрадомъ и Дунайцемъ находятся еще 4 села (Шляхтово, Яворки, Чернавода и Бѣлавода), а приходы ихъ простираются и на села, лежащія значительно западнѣе. На угорской границѣ лемки сливаются съ своими сородичами—угорскими русскими, не представляя отъ нихъ никакихъ отличій. Угорская граница—лишь условная политическая линія, не имѣющая никакого этнографическаго значенія. Съ галицкими лемками вполнѣ сливаются угорскіе „русняки“ Спижа (между верховьями Попрада и Горнада) [1].

Съ насъ достаточно замѣтить, что „руснацкая“ Остурня лежитъ на сѣверо-западномъ вскраѣ татранскаго подножья, на юго-востокъ отъ Остурни тянется рядъ „руснацкихъ“ селъ до Горнада; а округа ословаченныхъ Тельгарта, Шумяча, нижняго Скальника захватываютъ верховья чернаго Вага и Грона, гдѣ указываетъ русскихъ и Бартоломеидесъ [2].

ковъ было 172 села съ 129 церквами. Число душъ — 90 т.; въ 1869—всего 90 приходовъ (но, быть можетъ, были церкви приписныя) и 88.871 душа; въ 1888, по Удзѣлѣ — всего 150 селъ и съ лишнимъ 80 т. душъ. Какъ помирить съ этимъ показаніе Удзѣли о приростѣ лемковскаго населенія въ одномъ горлицкомъ повѣтѣ съ 1869 по 1888 г. чуть не въ 5 т. душъ? Не указываетъ ли это на нѣкоторыя особенности польской статистики?

[1]) По мадьярской статистикѣ здѣсь находятся слѣд. русскія поселенія (привожу ихъ названія такъ, какъ пишетъ Мишикъ): Kamjonka, Litmanova, Jarembina, Krenpach (pri Lubovni), Sulin, Medzibroď Krendzelovka, Závoď, Jakubiany, Hodermark, Toriska, Nižné a Vyšné Repašy (но это мадьярская форма Répás. Мой пріятель отмѣтилъ при Répás-Alsó пряш. схемат.: *Рѣпникъ*. Замѣчу, что село существовало уже 1321. Пряш. схемат., 123), Olšavica, Pavlany, Podproč, Zavadka, Niž. Vyž. Slovinka, Helcmanovce Porač, Kojsov. Slov. Pohl. 1895, X. Крайнее русское село на западѣ—Остурня, на сѣверномъ скатѣ спижской Магуры. Говоръ его жителей сильно ополяченъ, но ихъ русская народность несомнѣнна. Тамъ же, стр. 625.

[2]) Отмѣтивъ въ населеніи Гёмёра разные этническіе эле-

Иначе говоря, даже современныя этнографическія данныя доводятъ русскую стихію съ одной стороны на лѣвый берегъ Вислы гдѣ въ языкѣ земли связывается Русь [1]), съ другой сплошь до Татръ, обнаруживая во многихъ мѣстахъ явленія вполнѣ аналогичныя тѣмъ, какихъ цѣлый рядъ мы видѣли въ полосѣ сѣверной Угріи.

По скольку позволили скудныя и разрозненныя данныя, мы разсмотрѣли черты, характеризующія весь русско-польскій рубежъ. Вездѣ мы встрѣчали одни и тѣ же факты, указывающіе давнее-давнее взаимодѣйствіе двухъ племенныхъ вѣтвей: польской и русской. Многія мѣста даже теперь могутъ освѣщать процессы, какіе нѣкогда должны были происходить, конечно, дальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходятъ теперь.

Въ XIII в. Опатовъ является на короткое время резиденціей католическаго епископа для Руси, а въ отстоящемъ на 4 мили отъ Опатова селѣ Чмелевѣ „русскіе права и обычаи" были уничтожены офиціально только въ 1505 г., при чемъ село было сдѣлано городомъ. Разоренный вслѣдствіи Шведами чмелевскій замокъ стоялъ на мѣстѣ древней русской церкви [2]). Русская церковь встрѣчается еще въ XV вѣкѣ въ Казимирѣ на лѣвомъ берегу Вислы. Если съ этимъ сопоставить географическую номенклатуру,

---

менты, *Бартоломеидесъ* выдѣляетъ, однако, *Russo-* aut *Rutheno-Slavi* circa Granum quaerendi. Notitia hist. geogr. statist. comit. Gömör. Leutschovia 1805—1808, стр. 133—136. Здѣсь между прочимъ приведены образцы говора чистыхъ Славянъ, онѣмеченныхъ и омадьяренныхъ, съ общей характеристикой. Б. м. лингвистъ нашелъ бы здѣсь кое что интересное.

[1]) Въ радомской губ. теперь поселенія: Русинъ, два Русинова, Русска Основа, Русскій Бродъ. *Цинбергъ;* а списки XVI в. указываютъ на территоріи Малой Польши (воеводства краковское, сандомирское и люблинское): Ruska Wola, Ruski Brod, Ruskow (Ruszkow), Ruskowiec (major, minor), Ruskowiecz, Ruskowskye, Ruszkow, Russiecz. Żródła, XV, указатель.

[2]) *А, Петрушевичъ*, Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ краяхъ. Львовъ, 1882, стр. 67.

обнаруживающую названія отъ корня *рус*, не только на правомъ, но и на лѣвомъ берегу Вислы, и указанное выше расположеніе малопольскихъ колоній загродовой шляхты, то получится рядъ разнообразныхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ присутствія Руси въ самыхъ, повидимому, коренныхъ предѣлахъ Малой Польши.

Въ XIII вѣкѣ это была еще Русь, хотя въ большинствѣ уже католическая, и, кто знаетъ, быть можетъ, кажущіеся намъ хвастливыми [1]) разсказы объ успѣхахъ доминиканскихъ и францисканскихъ миссій на Руси именно въ XIII вѣкѣ, о дѣятельности любушскихъ епископовъ „съ незапамятныхъ временъ", на самомъ дѣлѣ далеко не такъ хвастливы, какъ это намъ кажется. Мы знаемъ также, что Малая Польша долго не была „Польшей", а лишь „Краковіей, Сандомиріей", что только въ XIII вѣкѣ появляется въ грамотахъ сыновей Владислава Одонича титулъ: „Maior Polonia", какъ бы въ чаяніи будущей „младшей" Польши, но эта младшая Польша официально становится Польшей лишь въ 1493 году на петроковскомъ сеймѣ, гдѣ впервые употребленъ Ольбрахтомъ терминъ: terrigenae regni nostri tam maioris, quam *minoris Poloniae* и лишь въ 1505 году офиціально уничтожены въ окрестностяхъ Опатова „русскіе права и обычаи".

Въ XI вѣкѣ Василько собирался „мстить ляхамъ" за какую то русскую землю. За какую это?—если, по справедливому замѣчанію Кочубинскаго, въ концѣ XIII вѣка государственная граница Руси совпадала съ нынѣшнимъ этнографическимъ рубежомъ! Отъ X в. мы имѣемъ два указанія, связывающія русское имя съ Краковомъ: „приходятъ (въ Прагу) изъ города Кракова Русы и Славяне съ товарами", говоритъ еврей Ибрагимъ [2]), а дарственная запись Гнѣзна папѣ Іоанну XV (985 — 996) указываетъ границу Руси около Кракова и отсюда до Одры [3]).

---

[1]) Такими казались они мнѣ прежде: Борьба Польши и Литвы-Руси, стр. 122—135.

[2]) Аль-Бекри, Зап. Ак. Наукъ, XXXII, 49.

[3]) Mon Pol., II, 556.

Примемъ теперь во вниманіе указанное расширеніе къ сѣверу малорусской стихіи въ сѣверо-западныхъ частяхъ припятской низи, естественную связь побужья съ поприпятьемъ, повепрія съ посаньемъ и поднѣстровьемъ, наличность и понынѣ почти сплошного русскаго населенія въ значительной части сѣдлецкой и люблинской губерній, принадлежность и теперь верховьевъ всего праваго вислинскаго ската русскому племени, и *мы должны будемъ признать всѣ эти факты несомнѣнными указаніями на иной въ далекой древности этнографическій характеръ всего верхняго и средняго повислинья* до естественной границы — верховьевъ Пилицы и Варты и гребня Святокрыжскихъ горъ.

Собственно говоря, этотъ фактъ въ наукѣ считается несомнѣннымъ, но до сихъ поръ наука довольствуется терминомъ „Хорваты“, „Хорватія“, совершенно забывая, что подобный терминъ вовсе не уясняетъ этнографическаго облика народа, что онъ такъ же растяжимъ, какъ, напр., терминъ поляне.

Всѣ указанныя выше обстоятельства не оставляютъ сомнѣнія въ дѣйствительномъ этнографическомъ характерѣ древней повислинской Хорватіи, а историческія судьбы этой части Хорватіи оказываются вполнѣ аналогичными историческимъ судьбамъ южной ея части, нынѣ угорской.

Историческіе вѣсы колеблются здѣсь очень долго: лишь въ концѣ XV в. устанавливается терминъ minor Polonia, а около Бихара мы видимъ живые слѣды Руси еще въ XVII в. Но историкъ не можетъ не отмѣтить рѣшительнаго перелома въ судьбахъ этой страны уже въ XIV в., а самое горячее содѣйствіе римской куріи, какъ угорскимъ Анжуйцамъ, такъ и Казиміру польскому достаточно ярко показываетъ, съ кѣмъ собственно пришлось бороться здѣсь русскому міру. Недаромъ же *русское имя связалось съ вѣрой на всемъ пространствѣ древней Хорватіи.*

Современная этнографія бросаетъ еще одинъ весьма яркій свѣтъ на прошлое. Слѣдъ дѣйствительной Польши

Кочубинскій. Въ встрѣчной русско-словацкой полосѣ рѣчь русская и словацкая неуловимо переливаются одна въ другую. „Система звуковая, формальныя особенности поразительно сближаютъ словацкое нарѣчіе съ русскимъ.... даже чехизмовъ немного, и они могутъ быть объяснены долговременнымъ употребленіемъ чешскаго языка въ школѣ, церкви и литературѣ“. При близости обоихъ нарѣчій (словацкаго и русскаго), одно полногласіе можетъ указать, кто словакъ, кто руснакъ, но и это не надежно: вслѣдствіе гоненія на полногласныя формы со стороны католическихъ священниковъ и полицейскихъ, „руснакъ, смотря по тому, съ кѣмъ говоритъ, употребляетъ то одну, то другую форму. По моему, заключаетъ проф. Кочибинскій, одно вѣрно: что православное, то русское, но что не православное, то еще не словацкое“ [1]).

Такой взглядъ высказалъ русскій ученый, первый послѣ Срезневскаго лично посѣтившій занимающую насъ территорію и имѣвшій возможность (какъ видно изъ отчетовъ) довольно близко присмотрѣться къ ней въ разныхъ мѣстахъ. Если принять во вниманіе, что всѣ, побывавшіе на мѣстѣ, единогласно подтверждаютъ склонность Русскихъ усваивать языкъ и даже обычаи словенскіе [2]), что въ словенско-русской полосѣ мы видимъ признаки несомнѣннаго перерожденія русскаго элемента въ словацкій [3]), то замѣчаніе Кочубинскаго получитъ еще большее значеніе.

Въ самое послѣднее время „Словенскіе Погляды“ подняли вопросъ снова [4]), давъ у себя мѣсто интереснымъ замѣткамъ Ст. Мишика [5]).

---

[1]) *Кочубинскій*, Отчетъ, Записки XIII, 121.

[2]) Это утверждаетъ и *Головацкій*, и *Петровъ*, Замѣтки по Уг. Руси, к. в. стр. 447.

[3]) Бартоломеидесъ прямо говоритъ о Русскихъ на Гронѣ. Теперь слѣдъ Руси слышится здѣсь только въ отдѣльныхъ словахъ, см. Slov. Pohlady, 1895, IX, стр. 575.

[4]) Akej viery sú Slovaci, Slov. Pohlady 1895, VIII—X.

[5]) Г. Мишикъ — человѣкъ мѣстный, очевидно, отлично знаетъ мѣстныя отношенія, ибо только такое знаніе можетъ

недалекомъ прошломъ эта полоса простиралась и значительно южнѣе. Съ другой стороны, русско-мадьярская полоса пряшевской епархіи представила намъ территорію 28 приходовъ, гдѣ церковныя власти сами признаютъ преобладаніе русскихъ элементовъ въ смѣшанномъ словенорусскомъ составѣ населенія.

Это явленіе мы позволяемъ себѣ сопоставить съ діалектологическими фактами сѣверно-малорусской полосы, гдѣ съ одной стороны, на малорусской основѣ попадаются бѣлоруссизмы, съ другой — чувствуется вліяніе южно-малорусское. Мы думаемъ, что, если бы составлены были схематизмы этой сѣверно-малорусской полосы съ вполнѣ точнымъ обозначеніемъ мѣстнаго говора, то церковныя власти врядъ ли оказались бы точнѣе пряшевской администраціи, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что даже у спеціалистовъ-діалектологовъ мы видѣли условное обозначеніе нарѣчія этой полосы. Мы склонны поэтому думать, что терминъ пряшевскаго схематизма — lingua slavo-ruthenica наиболѣе точно отражаетъ дѣйствительность. [1]).

Такой выводъ вполнѣ подтверждается и существующимъ въ наукѣ разногласіемъ по вопросу о русско-словенскомъ рубежѣ. Вопросъ этотъ давно обратилъ на себя вниманіе. Точныхъ данныхъ, какъ сказано, нѣтъ вовсе; но мнѣній очень много, и съ ними, волей-неволей, приходится считаться. Наиболѣе, повидимому, точное обозначеніе рубежа у Чѐрнига представляетъ на пространствѣ: Ужгородъ, Гуменное на востокѣ, Шаторалья-Уйгели, Кошицы, Левоча, Любовня на западѣ [2]) такое взаимопроникновеніе

---

[1]) Въ Угорской Руси и на Словачинѣ я былъ два раза въ 1892 и 1895 г. Результатъ впечатлѣній одинаковъ: уловить словено-русскій переливъ безъ спеціальныхъ изученій говоровъ невозможно; но спеціальныя изученія слѣдуетъ производить чуть ли не въ каждомъ селѣ. Съ другой стороны и около Ужгорода и на Лаборцѣ можно вполнѣ свободно объясняться съ населеніемъ по русски, чуть-чуть сбивая на малорусскій ладъ.

[2]) Карты L. M.—6. 7.

русскихъ и словенскихъ элементовъ, что болѣе или менѣе опредѣленное указаніе границъ между ними невозможно. Это признаетъ и Чернигъ [1]), и Бидерманъ, отмѣчающій путаницу въ статистическихъ счетахъ и этнографическомъ распредѣленіи населенія занимающей насъ полосы [2]). Путаница эта не прекратилась и теперь [3]).

На практикѣ большей частью сохраняетъ силу различеніе не по языку, а по вѣрѣ или, точнѣе, по обряду [4]). Кто отступалъ отъ этого, терялъ, въ виду отсутствія діалектологическихъ данныхъ, всякую основу для сколько нибудь надежныхъ заключеній.

Это слѣдуетъ сказать о Срезневскомъ и Шемберѣ. Срезневскій касался этого вопроса два раза [5]); выводы его въ обоихъ случаяхъ различны. Въ первомъ онъ полагалъ Русскихъ лишь съ ужанской столицы на востокъ, считая, очевидно, уніатовъ на западѣ отъ нея Словаками. Во второмъ онъ говоритъ такъ: „преимущественно (?) русскими назвать можно столицы мармарошскую, бережскую, угочскую, унгварскую, шаришскую и половину земненской",

---

[1]) Ethnographie, I, 45 слл.

[2]) Die Ungar. Ruthenen, I, 3, 14, ср. *Шембера*, Mnoho li jest Čechů, Moravanů a Slovaků, a kde obyvaji, Чешск. Часоп. 1876, стр. 666 слл.

[3]) „Языкъ русскій и словенскій въ полосѣ взаимной встрѣчи настолько близки другъ другу, что точное разграниченіе ихъ едва ли возможно, а потому случается, что округа, показанные разъ какъ русскіе, другой разъ обозначаются словенскими... Списокъ дѣтей школьнаго возраста въ 1870 г. обозначилъ русскую материнскую рѣчь во многихъ мѣстахъ, гдѣ въ 1880 г., по статистикѣ, оказалась словенская". Такъ говоритъ оффиціальная мадьярская статистика, *Láng Lajos* es *Jekelfalussy Jozsef*, Magyarország népességi statistikaja, 1884, стр. 142 по Slov. Pohl. 1895, VIII стр. 502.

[4]) Такъ поступилъ, напр., *Головацкій*, Великая Хорватія, Москвитянинъ 1841, XI, XII. То же, но стилистически болѣе обработано, Чешск. Часоп. 1843.

[5]) Журн. Мин. Просв. 1843, II и Вѣстн. Геогр. Общ., 1852, IV кн. 1.

т. е. Срезневскій допускаетъ черезполосность (Шаришъ западнѣе Земна), которая врядъ ли можетъ существовать въ дѣйствительности. Очевидно, поэтому вторая статья Срезневскаго не исправляетъ погрѣшностей первой. Шембера въ діалектологіи указалъ, какъ мы видѣли, въ 4-хъ комитатахъ сѣверной Угріи нарѣчный переливъ, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ земненскомъ и абаторнскомъ перевѣсъ русскихъ элементовъ, но въ указанной выше статьѣ (Много ли Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ), напечатанной 12-ю годами позже, онъ значительно расширилъ территорію словенской вѣтви на востокъ. Измѣнивъ прежнее мнѣніе, онъ возвратилъ „въ лоно чехо-словенскаго народа 140 тысячъ отчужденныхъ отъ него сородичей“ [1]). Обоснованіе такого „возвращенія“ доказываетъ, однако, что оно вытекало болѣе изъ чешскаго патріотизма, чѣмъ изъ дѣйствительныхъ фактовъ [2]).

Но слѣдуетъ замѣтить, что есть мнѣнія, ограничивающія значеніе вѣроисповѣданія, какъ болѣе или менѣе надежнаго этнографическаго показателя, нашей полосы, по совершенно другимъ соображеніямъ, чѣмъ это мы видѣли у Срезневскаго и Шемберы. Вотъ, что говоритъ объ этомъ

---

[1]) Часоп. 1876, 668.

[2]) Указавъ, что обыкновенно русская народность въ Угріи опредѣлялась по „старой вѣрѣ“, Шембера находитъ, что въ дѣйствительности православные (уніаты) въ Гемерѣ, Абауйторнѣ, Боршодѣ говорятъ по словенски, тоже въ Спижѣ, Шаришѣ и сѣверной части Земна, за исключеніемъ нѣсколькихъ русскихъ поселеній около Любовни и полосы галицкаго пограничья (Зборовъ, Бардѣевъ, Свидникъ, Стропковъ, Гуменное), наконецъ словенскій говоръ переходитъ за Ужгородъ. „Языкъ русскій въ Спижѣ, Шаришѣ, Земнѣ неодинаковъ (nestejný), перемѣшанъ съ словенскимъ... начище говорятъ по русски около Свидника и на галицкой границѣ. Незамѣтныя особенности произношенія около Воронова и Собранца, за которыя прозываютъ жителей сотаками, не составляютъ особеннаго говора“. Часоп. 1876, 665—669. Желаніе возвратить чешскому народу 140 т. сородичей заставило Шемберу забыть и о данныхъ языка, и о старой традиціи.

Кочубинскій. Въ встрѣчной русско-словацкой полосѣ рѣчь русская и словацкая неуловимо переливаются одна въ другую. „Система звуковая, формальныя особенности поразительно сближаютъ словацкое нарѣчіе съ русскимъ.... даже чехизмовъ немного, и они могутъ быть объяснены долговременнымъ употребленіемъ чешскаго языка въ школѣ, церкви и литературѣ". При близости обоихъ нарѣчій (словацкаго и русскаго), одно полногласіе можетъ указать, кто словакъ, кто руснакъ, но и это не надежно: вслѣдствіе гоненія на полногласныя формы со стороны католическихъ священниковъ и полицейскихъ, „руснакъ, смотря по тому, съ кѣмъ говоритъ, употребляетъ то одну, то другую форму. По моему, заключаетъ проф. Кочибинскій, одно вѣрно: что православное, то русское, но что не православное, то еще не словацкое" [1]).

Такой взглядъ высказалъ русскій ученый, первый послѣ Срезневскаго лично посѣтившій занимающую насъ территорію и имѣвшій возможность (какъ видно изъ отчетовъ) довольно близко присмотрѣться къ ней въ разныхъ мѣстахъ. Если принять во вниманіе, что всѣ, побывавшіе на мѣстѣ, единогласно подтверждаютъ склонность Русскихъ усваивать языкъ и даже обычаи словенскіе [2]), что въ словенско-русской полосѣ мы видимъ признаки несомнѣннаго перерожденія русскаго элемента въ словацкій [3]), то замѣчаніе Кочубинскаго получитъ еще большее значеніе.

Въ самое послѣднее время „Словенскіе Погляды" подняли вопросъ снова [4]), давъ у себя мѣсто интереснымъ замѣткамъ Ст. Мишика [5]).

---

[1]) *Кочубинскій*, Отчетъ, Записки XIII, 121.

[2]) Это утверждаетъ и *Головацкій*, и *Петровъ*, Замѣтки по Уг. Руси, к. в. стр. 447.

[3]) Бартоломеидесъ прямо говоритъ о Русскихъ на Гронѣ. Теперь слѣдъ Руси слышится здѣсь только въ отдѣльныхъ словахъ, см. Slov. Pohlady, 1895, IX, стр. 575.

[4]) Akej viery sú Slovaci, Slov. Pohlady 1895, VIII—X.

[5]) Г. Мишикъ — человѣкъ мѣстный, очевидно, отлично знаетъ мѣстныя отношенія, ибо только такое знаніе можетъ

Замѣчанія Мишика сводятся къ слѣдующему. 1) Русскій характеръ спижаковъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Сами они считаютъ себя Русскими, таковыми же считаютъ ихъ и Словаки, а ихъ пѣсни, постройка домовъ, женскіе наряды, наконецъ говоръ вполнѣ подтверждаютъ это [1]). 2) Названіе русскій въ Угорщинѣ обозначаетъ не одну вѣру. Нѣмцы называютъ Русскихъ Ruthenen, Rusnaken, мадьяре — ruthének, oroszok, а по вѣрѣ görögök. „Если слово русскій означаетъ только вѣру, почему же такъ не называютъ Румынъ и Сербовъ". Въ то же время Русскими слывутъ на Спижѣ иногда и католики [2]). 3) И въ настоящее время можно видѣть живые примѣры, освѣщающіе процессъ ословаченія: въ Маркушовцахъ, напр., старики между собою и теперь бесѣдуютъ „по руснядки", но при другихъ всегда употребляютъ спижско-словенскій говоръ [3]). Въ говорѣ тельгартчанъ встрѣчаются русскія слова [4]). 4) Среди русскаго населенія много словенскихъ элементовъ, но при давнемъ сосѣдствѣ иначе и быть не можетъ, а давно испытанная трудность разграниченія Словаковъ и Русскихъ доказываетъ лишь, что послѣдніе подвергаются постепенно словацкому вліянію [5]).

Въ противовѣсъ этимъ фактическимъ даннымъ редакція „Поглядовъ" указываетъ, такъ сказать, среднее пропорціональное изъ той путаницы взглядовъ, существующихъ

давать основаніе выступать противъ установившихся взглядовъ. Съ другой стороны, силу его доводовъ чувствуетъ, очевидно, и почтенная редакція „Поглядовъ": не будучи съ ними согласна, она, однако, дала имъ у себя мѣсто.

[1]) Slov. Pohl., 1895, VIII, 501. По мнѣнію г. Мишика въ населеніи Спижа замѣтна племенная разница между Русскими и Словаками, но ближайшихъ указаній объ этомъ онъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ.

[2]) Тамъ же, X.

[3]) Тамъ же, IX.

[4]) Напр.: ощадить, по слов. šetriť. Проф. Пастрнекъ отмѣчаетъ слѣды русской стихіи и въ говорѣ шумячанъ, тамъ же, VII, 442.

[5]) Тамъ же, стр. 566, 624.

въ наукѣ, какую мы отмѣтили выше [1]). Прибавимъ еще, что тѣ факты, какіе сообщаются въ противовѣсъ даннымъ Мишика, какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ показаніями схематизма, по которому 28 русско-мадьярскихъ приходовъ пряшевской епархіи, вмѣстѣ съ 61 таковыхъ же мукачевской, представляютъ полосу *русско-мадьярскую*, то есть

---

[1]) Почтенная редакція придаетъ, повидимому, важное значеніе справкѣ на мѣстѣ *А. Л. Петрова*, Замѣтки, Ж. М. Пр. 1892, II, въ частности, его статистичесчимъ вычисленіямъ и оставленію безъ вниманія замѣчанія Кочубинскаго о неуловимости словенско-русскаго перелива. Объ этомъ два слова. 1) О статистическихъ вычисленіяхъ. „Мы произвели, говоритъ Петровъ на основаніи схематизмовъ... слѣдующее вычисленіе. Въ смѣшанныхъ приходахъ съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ (lingua ruth. et hung.) мы отнесли $^2/_3$ къ Русскимъ, $^1/_3$ къ Мадьярамъ; въ приходахъ, гдѣ преобладаютъ Мадьяры (lingua hung. et ruth.), наоборотъ... гдѣ употребляются три языка, относили къ Русскимъ $^1/_3$. Такимъ образомъ мы получили (слѣдуютъ цыфры для отдѣльныхъ епархій и наконецъ общая сумма) около 500 т. Мы думаемъ, что это скорѣе minimum, чѣмъ maximum". Быть можетъ, выводъ Петрова вѣренъ. 500 т. насчиталъ и Бидерманъ въ 1862 г. Если много Русскихъ съ того времени омадьярилось, то много и народилось. Но все же статистическіе пріемы Петрова мнѣ кажутся неосновательными. Схематизмы весьма важный источникъ для общей характеристики этнографическихъ отношеній, главнымъ образомъ, благодаря ихъ указаніямъ на языкъ церковной проповѣди, но для статистическихъ вычисленій они не годятся, а если отчислять проценты, смотря по тому, что стоитъ на первомъ мѣстѣ: слово hungarica или ruthenica, то цыфры должны получиться совершенно произвольныя, а слѣд. вся статистическая операція теряетъ значеніе. Кстати, прибавлю, что въ схематизмахъ, которыми я пользовался, такого раздѣленія: lingua ruth. et hung. и lingua hung. et ruth. — нѣтъ. 2) Если Петровъ считаетъ возможнымъ не останавливаться на границѣ Кочубинскаго, такъ какъ послѣдній „отказывается отъ выдѣленія Словаковъ отъ Русскихъ на основаніи языка" (447), то почему же самъ Петровъ въ своемъ общемъ итогѣ „не отдѣляетъ уніатовъ, употребляющихъ болѣе или менѣе близкій къ словацкому языкъ" отъ Русскихъ (450)? Да и что значитъ: „языкъ болѣе или менѣе близкій къ словацкому"?

въ историческомъ смыслѣ русскую, что признаетъ и мадьярская оффиціальная статистика [1]).

---

[1]) Вотъ какія данныя сообщаетъ объ этой полосѣ редакторъ „Слов. Поглядовъ", I. Шкультетый (I. Škultéty), которому и принадлежатъ замѣчанія редакціи къ даннымъ Мишика. „Я думаю, что уніаты въ Тельгартѣ, Шумячѣ, Вернарѣ такіе же настоящіе Словаки, какъ и ихъ сосѣди-католики въ Погорѣлой, Завадкѣ, Гельнѣ и Поломкѣ, хотя меня могли бы ввести въ заблужденіе слова тельгартчанина: „mladšieho koňa chcú trochu *oščadit*". Въ говорѣ тельгартчанъ могутъ быть слѣды вліянія церковно-славянскаго обряда и школы. Но къ ю.-з. отъ Тельгарта далеко въ горахъ и долинѣ въ гёмёрско-словенскихъ говорахъ и до самой мадьярской полосы (слѣд.. замѣчу, какъ разъ въ „русско-мадьярской" полосѣ пряшевскаго схематизма) есть и такія слова: *ступка* (mažiar), *токъ* (въ сараѣ, holomnica), *оглодокъ*, *ложка* (lyžica), *уповать*, *упованіе*, *облѣзлъ*, *вынулъ*, *успокоивать*". (IX, 575). Это данныя случайныя („len co mi napochytre prichodi na um", замѣчаетъ г. Шкультетый), они улавливаются безъ труда и не особенно тонкимъ филологическимъ слухомъ. Проф. Пастрнекъ сообщаетъ указанія филологически существенныя: *я* (ja) въ словахъ: hovjadzina, pjata, svjati; *ого:* takoho peknoho, pre tisovskoho; *ому:* dobromu (VII, 442) въ говорѣ сосѣднихъ съ тельгартчанами шумячанъ. Это ужъ врядъ ли вліянія церковно-славянщины. Шумячане, тельгартчане—теперь Словаки. И прекрасно! Если Мишикъ радъ столь близкому сосѣдству русской вѣтви, если Шкультетый радъ, что между Русскими и Словаками оказывается и единство вѣры (VIII, 503), то мы Русскіе еще болѣе радуемся, что съ Словаками, которые были и, Богъ дастъ, будутъ всегда *сердцемъ славянства*, насъ связываетъ не только общая родовая, но и ближайшая семейная связь. Въ томъ обмѣнѣ крови, какой, съ незапамятныхъ временъ, и понынѣ продолжается въ словено-русскихъ горахъ, мы позволяемъ себѣ усматривать богатые залоги будущаго. Уповая на будущее, мы касаемся настоящаго лишь по стольку, по скольку имъ освѣщается прошлое, и въ этомъ случаѣ не можемъ оставлять безъ вниманія фактовъ, открывающихъ и понынѣ явные слѣды Руси тамъ, гдѣ по замѣчанію и Бартоломеидеса, и Броневскаго, и Бѣла, и Сирмая (всѣ эти указанія были приведены выше), еще въ началѣ нынѣшняго вѣка Русь жила въ своемъ несомнѣнно русскомъ образѣ.

Нашъ взглядъ на эту полосу мы, кажется, довольно определенно указали выше. Мы склонны думать, что полоса эта представляетъ явленіе не случайное, а органическое, подобно тому, какъ и полоса сѣверно- и южно-малорусскаго перелива, но окончательно обосновать такой взглядъ помогутъ только будущія этнографическія и діалектологическія разысканія.

Въ обзорѣ взглядовъ по вопросу о русско-словацкой полосѣ мы не отмѣтили взгляда Шафарика. Взглядъ этотъ сталъ извѣстенъ лишь въ самое послѣднее время, благодаря высоко интереснымъ статьямъ о Шафарикѣ К. Иречка [1]).

Письма Шафарика къ Палацкому (1830—31 г.) заключаютъ, между прочимъ, весьма интересную полемику по поводу этнографическаго мѣста Словаковъ въ славянской семьѣ. „Палацкій возбуждалъ въ 1827 г. Колара составить для „Часописа" этнографическій обзоръ угорскихъ Славянъ въ родѣ того, какой составилъ Чапловичъ. Не получивъ, однако, отъ Колара ничего, самъ написалъ статью: „О народахъ угорскихъ, преимущественно Словакахъ". Здѣсь Палацкій подробно разъяснялъ, что до Мадьяръ Чехи, Мораване и Словаки были одинъ и тотъ же народъ, что старочешскій языкъ былъ гораздо ближе къ словацкому, чѣмъ теперь". Вотъ эта то статья Палацкаго и вызвала полемику. Шафарикъ остался ею весьма недоволенъ. 11 октября 1830 г. онъ писалъ Палацкому слѣдующее: „Отождествлять діалектически Чеховъ и Словаковъ — это такой же старый грѣхъ, за который вы часто упрекаете нѣмцевъ. Вы Чехи навѣрно никогда не слышали Словака въ новоградскихъ и гемерскихъ горахъ, иначе вамъ бы сильно пришлось качать головами надъ вашими „разновидностями". Вы съ Копитаромъ полагаете, что Сербы спустились на югъ изъ Лужицъ и что языкъ ихъ уже въ Илліріи утратилъ черты сѣверо-западной группы, пріобрѣтя черты юго-восточной. *А что Словаки отдалились отъ словенства,*

---

[1]) *K. Jireček*, P. I. Šafarik mezi Iihoslovany, Osvěta, 1895.

благодаря чешскимъ вселеніямъ (гуситы и проч.), *вліянію литературному и сосѣдству съ Моравіей*, этого вы не хотите допустить". Въ другомъ письмѣ (10 янв. 1831 г.) находится слѣдующее замѣчаніе: „ужъ хорватское нарѣчіе въ сто разъ ближе къ виндскому [1]), чѣмъ говоръ простого татранскаго Словака къ говору простого Чеха" [2]).

Очевидно такимъ образомъ, что Шафарикъ выключилъ Словаковъ-уніатовъ изъ состава словенской вѣтви [3]) не только на основаніи вѣроисповѣднаго или обрядоваго различія, а поступилъ такъ по болѣе глубокимъ побужденіямъ. Его замѣчаніе о мѣстѣ Словаковъ въ славянской семьѣ возбуждаетъ весьма существенные вопросы, которые при настоящемъ состояніи относящагося сюда матеріала не могутъ быть, конечно, обоснованы такъ, чтобы исключать всякія сомнѣнія, но законность вопросовъ указывается неумолимой логикой фактовъ.

Въ языкѣ земли занимающая насъ полоса нынѣшней сѣверной Угріи запечатлѣна названіями отъ корня *рус* повсемѣстно начиная съ той документальной Ruscia, какую мы указали въ грамотѣ 1228 до связаннаго съ прибытіемъ

---

[1]) По замѣчанію Иречка, Шафарикъ имѣетъ здѣсь въ виду близость кайкавщины къ говорамъ альпійскихъ Словинцевъ.

[2]) Привожу эти замѣчанія Шафарика въ подлинникѣ, во избѣжаніе возможныхъ неточностей перевода: „Že Slovaky s Čechy dialekticky stotožňuje, to je právě taký starý hřích, z jakeho Vy Nemce káráte... Věru jste vy Čechové nikdy neslyšeli Slovaka v Novohradských, Gémerských horách, sice byste nad Vašimi „Varietät" velice hlavou kroutili... Vy s Kopitarem za to máte, že Srbi z Luzic dole přišli a že se v Illyrii z tychž B (т. е. группа с.-з. Славянъ) do A (группа ю.-в.) přešinuli! Ale že Slováci českymi osadami (Husiti etc), literaturou, sousedstvim s Moravou (Prešpurk, Trenčin, Nitra etc jsou Moravané ne Slováci) etc v nareci od slovenčiny vdalili (maji ještě: rab, rastem, rasca, razpora, razsocha a sto jinych podobnych z A), tomu Vy dopustiti nechcete". „Již pak chorvátské nářeči stokrat bližši vindickeho, nežli mluva sprosteho tatranskeho Slovaka mluvy sprosteho Čecha". Osvěta, 1895, IX.

[3]) Narodopis, Praha 1849 стр. 95, 149.

Угровъ Оросвара [1]). Долина Горнада еще въ XIII в. называлась porta Rusciae, а многочисленность этихъ же названій въ „Русскихъ горахъ", гдѣ они имѣютъ несомнѣнно живой этнографическій смыслъ, рѣшительно не позволяетъ лишать эти названія на отмѣченной полосѣ, по крайней мѣрѣ, историко-этнографическаго значенія, тѣмъ болѣе, что существованіе ихъ, какъ мы видѣли неоднократно, подтверждается документами съ тѣхъ поръ, какъ имѣются документы, а обычное объясненіе ихъ позднѣйшими передвиженіями населенія, нерѣдко переводомъ его по приказу владѣльцевъ, слишкомъ напоминаетъ ставшее общимъ объясненіе однородныхъ фактовъ на территоріи Славянъ германскихъ, о чемъ мы говорили выше.

Прибавимъ, что названіе Ruzia, Ruszia, Russia мелькаетъ въ древнее время на территоріи Словачины и въ письменныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Русь связывается съ Моравіей Святополка, какъ по показаніямъ Энея Сильвія, такъ и Пулкавы, а извѣстіе о смерти Генриха (1031 г.), сына Стефана угорскаго, даетъ возможность довольно точно опредѣлить территоріальный смыслъ этой Руси: въ угорско-польской хроникѣ Генрихъ названъ nobilis dux Sclavoniae, а въ хроникѣ гильдесгеймской онъ же называется: dux Ruizorum [2]).

Что касается сербскаго и болгарскаго пограничья нашей территоріи, то мы не имѣемъ возможности подвергать разсмотрѣнію относящіеся сюда вопросы. О сербскомъ порубежьѣ мы можемъ лишь повторить сдѣланное выше замѣчаніе, что между Дунаемъ, Тисой и Марошемъ мы видимъ Славянъ съ самаго начала исторической эпохи; ничто

---

[1]) См. выше, 209 пр. 3. Ср. *Biedermann*, Die Ungarisch. Ruth. I, 6.

[2]) Mon. Pol. I, 508 пр. 43. Прибавлю еще, что упоминаніе раффельштеттенскаго документа о Ругахъ въ связи съ Чехами (Sclavi vero, qui de Rugis vel de Baemanis mercandi causa exeunt) не оставляетъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ о сосѣдней съ Чехіей Словачинѣ, и большинствомъ изслѣдователей толкуется въ смыслѣ Русскихъ. *Гротъ*, Мор. и Мад. 391 пр. 2.

потомъ не говоритъ намъ объ ихъ исчезновеніи, а съ того времени, съ котораго вообще начинаются документы, мы опять имѣемъ о нихъ документальныя упоминанія [1]). Что касается болгарскаго пограничья, то замѣтимъ лишь, что вопросъ о сѣверной Болгаріи поставленъ въ наукѣ (особенно въ трудахъ проф. Пича) внѣ всякаго сомнѣнія, непрерывность славянства въ отдѣльныхъ поселеніяхъ Трансильваніи можетъ быть возведена документально къ тому времени, съ котораго вообще начинаются документы, т. е. къ первымъ годамъ XIV в. [2]), причемъ съ другой стороны еще въ 1231 существовали живые свидѣтели господства славянскихъ элементовъ на занимающей насъ полосѣ [3]). Дальнѣйшая ея исторія представляетъ рядъ фактовъ, совершенно аналогичныхъ тѣмъ, какіе указаны были въ полосѣ русско-польской и русско-словенской, т. е. постепенное примѣненіе старой этнологической основы къ новому строю жизни и наконецъ окончательное измѣненіе ея облика, соотвѣтственно этому новому строю, причемъ, однако, русское имя удержалось повсюду до тѣхъ поръ, когда наконецъ было замѣчено наукой [4]).

---

[1]) См. выше, стр. 187. Значительность славянской стихіи въ этихъ мѣстахъ давно указана проницательнымъ Цейсомъ, по поводу эмерамскаго перечня. Die Deutschen, 601.

[2]) Регесты къ исторіи чергедскихъ Болгаръ начинаются съ 1302 г. Dac. Slaven, 264.

[3]) *Тейчъ*, Urkb. N. 49. Очень тонко замѣтилъ Гунфальви, что господство „Болгаръ", которое въ 1231 г. можно было доказать живыми свидѣтелями, не можетъ относиться ко временамъ самостоятельнаго болгарскаго царства.

[4]) Списокъ чергедскихъ пѣснопѣній имѣетъ такое заглавіе: I. N. R. I. | 1830 | Cantionale | seu | Graduale | Bulgaricum | (Отвѣсныя линіи обозначаютъ строки). Надъ послѣднимъ словомъ поставлено сверху другими чернилами: Servianum. Въ то же время традиція сохранила за этими мѣстами русское имя въ обозначеніи жителей у трансильванскихъ саксовъ, а языкъ земли подтверждаетъ это и теперь. О послѣднемъ представителѣ этой Руси—Петрѣ Флюерашѣ (Свистунъ) 78-и лѣтъ, еще смутно помнящемъ славянскія молитвы, см. мой

Всѣ указанные факты въ извѣстной мѣрѣ освѣщаютъ вопросъ о территоріи и населеніи древней Руси. Но эта Русь остается и теперь Русью лишь въ незначительной полосѣ, составляюшей крайнюю юго-западную окраину русскаго міра. Остальныя части разсмотрѣнной нами территоріи связываютъ теперь съ Русью лишь „темной старины завѣтныя преданья" да языкъ земли не затертый доселѣ. Одно изъ двухъ: *или этотъ языкъ имѣетъ смыслъ, и въ такомъ случаѣ является непререкаемымъ разъясненіемъ темныхъ преданій, или же онъ не имѣетъ никакого смысла, и въ такомъ случаѣ, какъ историко-этнографическій источникъ, онъ долженъ быть совсѣмъ исключенъ изъ научнаго оборота.*

Если бы этотъ источникъ открывалъ передъ нами факты неслыханные, противорѣчащіе другимъ даннымъ, можно бы понимать сомнѣнія. Но нѣтъ! Письменныя сообщенія открываютъ передъ нами несомнѣнное славянство нашей территоріи въ VI в., причемъ до конца IX этническій составъ ея не мѣняется. Но письменные источники оставляютъ насъ въ неизвѣстности насчетъ предѣловъ и степени распространенія славянскаго элемента на нашей территоріи. Языкъ земли лишь дополняетъ эту недомолвку письменныхъ данныхъ, открывая повсюду присутствіе славянскаго элемента въ хоро- и топонимическихъ обозначеніяхъ, которыя въ языкѣ позднѣйшихъ здѣшнихъ всельниковъ не имѣютъ никакого смысла, но на смежной, и понынѣ славянской землѣ имѣютъ и теперь живой и ясный смыслъ, вполнѣ соотвѣтствующій общему закону языка земли. Мало того, въ этомъ языкѣ, мы видимъ и теперь отдѣльныя полосы, а въ нихъ, соотвѣтственно разстоянію отъ славянской и понынѣ территоріи, то замираніе, то приливъ характеризующихъ землю, а потому и связанныхъ съ нею

Отчетъ. На вопросъ: кто были его предки—Сербы или Болгаре, онъ отвѣтилъ: „да вѣдь это же все равно". Совершенно аналогичныя явленія были указаны въ Повислинье: воспоминанія 76-лѣтняго старика с. Весела и на Словачинѣ.

звуковъ. Языкъ земли этихъ полосъ мѣняется постепенно и на нашихъ глазахъ, но этотъ фактъ становится замѣтнымъ лишь въ цѣлой суммѣ отдѣльныхъ случаевъ; слѣдовательно, въ немъ отражается не та мимолетная смѣна отдѣльныхъ явленій, о которой говорятъ намъ письменныя свидѣтельства, представляющія смѣну событій по годамъ и мѣсяцамъ, съ поименованіемъ внезапно появляющихся и также внезапно исчезающихъ героевъ, а результатъ цѣлаго историческаго процесса, какой происходитъ при столкновеніи разнородныхъ элементовъ. Этотъ процессъ опять таки происходитъ повсюду, гдѣ сталкивались такіе элементы, повсюду выражаясь сообразно характеру этихъ элементовъ, но въ существѣ повсюду одинаково: на всей территоріи древней Германіи, на всей занимающей насъ землѣ, на всѣхъ окраинахъ Россіи, въ ея встрѣчахъ съ Литвой, Чудью и турецко-татарской стихіей. Повсюду въ языкѣ земли отражается и то, что было, и что теперь происходитъ, причемъ повсюду это зеркало исторіи отражаетъ не мимолетность событій а тягуче-устойчивую медленность историческихъ процессовъ.

То же самое отражается и въ языкѣ народа, въ его обликѣ, обстановкѣ и духовныхъ чертахъ.

Вотъ матеріалъ, въ извѣстной мѣрѣ восполняющій отсутствіе статистическихъ данныхъ, вводящій насъ въ сущность историческаго процесса, а въ полосахъ замиранія и прилива славянскихъ звуковъ раскрывающій передъ нами главнѣйшія стадіи этого вѣкового процесса.

Въ разсмотрѣніи вопроса о территоріи и населеніи древней Руси, о ея внутреннихъ и внѣшнихъ связяхъ и отношеніяхъ мы и положили въ основу этотъ матеріалъ. Мы исчерпали его по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности, а потому и рѣшаемся дѣлать выводы, тѣмъ болѣе, что характеръ нашего матеріала, непререкаемо обнаруживаетъ общій образъ изслѣдуемаго историко-этнографическаго явленія, хотя въ то же время требуетъ еще весьма подробной всесторонней и, слѣдовательно, продолжительной разработки частностей для окончательнаго, а по крайней мѣрѣ, бо-

открываютъ здѣсь неподлежащее сомнѣнію славянство [1]), такъ что въ началѣ исторической эпохи, освѣщаемой точными данными, славянское кольцо смыкалось здѣсь безъ сомнѣнія [2]), почему кайкавщина и получаетъ особенное значеніе.

Что касается полосы разрыва на востокѣ, то сплошное славянство ея, послѣ всего вышеуказаннаго, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, а при несомнѣнной древности нарѣчій, мы должны предполагать переливы между ними на тѣхъ мѣстахъ, которыя указываются природой и отчасти исторіей (граница Словенъ и Антовъ). При посредствѣ этихъ переливовъ, наша Русь связывалась съ славянствомъ сербскимъ на юго-западѣ, болгарскимъ на югѣ, „антскимъ" на юго-востокѣ [3]).

Въ свою очередь сама Русь, представляя „quasi alter orbis" уже въ давнее время, не могла быть цѣлымъ вполнѣ однороднымъ. Однородность племенъ и вѣтвей представляетъ несомнѣнно понятіе весьма условное; можетъ и даже должна сопровождаться значительнымъ разнообразіемъ говорныхъ и бытовыхъ оттѣнковъ. Отдѣльныя части одной вѣтви, представляемыя этими оттѣнками, могутъ переживать различныя судьбы, то совмѣстно со всей вѣтвью, которой принадлежатъ, то отдѣльно отъ нея. Это опредѣляется историческимъ ходомъ, который далеко не всегда (можно даже сказать никогда) представляетъ естественное развитіе начальной основы. Соотвѣтственно этому ходу, отдѣльныя звенья одной вѣтви или сохраняютъ общія черты въ большей или меньшей неприкосновенности, или въ значитель-

---

[1]) *O. Kämmel*, Die slavische Ortsnamen im nordöstlichen Theile Nieder-Oesterreichs. Арх. Ягича, VII, 1883. Достаточно данныхъ приведено и у *Черница*, Ethnogr. I, 95—97. Города: Остригомъ, Вышеградъ, Веспримъ, Бѣлградъ (Alba regalis) всѣ рѣшительно домадьярскіе и по названіямъ, и по характеру. *Пичъ*, Nationalkampf 51 пр. 15, 73 пр. 4.

[2]) Это признаетъ и *Рэслеръ*, Zeitpunkt, 93.

[3]) Аналогію въ этомъ случаѣ можетъ представлять переливъ великопольско-поморскій.

ной мѣрѣ теряютъ ихъ. Этимъ мы склонны объяснять такъ наз. „болгаризмъ“ русскихъ въ Трансильваніи, уклоненіе нынѣшнихъ Словаковъ въ сторону чехизма, бывшихъ малополянъ въ сторону польщизны. Перенесеніе нынѣшнихъ этнографическихъ отношеній на далекую древность должно имѣть извѣстныя границы: нельзя игнорировать тысячелѣтняго хода исторіи; то, что теперь мадьярское, румынское, польское, болгарское могло и не быть таковымъ нѣкогда, совершенно такъ же, какъ не все то, что теперь русское было русскимъ и въ древности.

Вотъ предположенія, какія мы рѣшаемся прибавить къ сдѣланнымъ выше выводамъ. Мы отлично понимаемъ, что они обоснованы не такъ, чтобы исключать сомнѣнія и недоумѣнія. Во всякомъ случаѣ необыкновенная устойчивость той русской основы, которая и донынѣ замѣчается въ уцѣлѣвшей еще части русскаго міра на далекихъ русскихъ окраинахъ (у самаго подножья Татръ), съ другой стороны, устойчивость русскаго имени, дожившаго въ такихъ мѣстахъ, какъ ущелья Трансильваніи, до той поры, когда его замѣтила наука, представляютъ факты, игнорировать которые рѣшительно невозможно.

Къ чему приведутъ дальнѣйшія научныя разысканія: оправдаютъ ли они наши взгляды, или укажутъ ихъ несостоятельность и дадутъ такимъ образомъ основаніе для другого освѣщенія вопроса — это дѣло будущаго. Будущая научная разработка затронутыхъ въ настоящемъ изслѣдованіи вопросовъ откроетъ въ нихъ много частностей, какихъ мы и подозрѣвать не могли; но смѣемъ надѣяться она не отвергнетъ одного: существеннѣйшей важности древнихъ судебъ нашей земли для славяно-русской древности не отвергнетъ, надѣемся, и значенія того метода, которому мы слѣдовали.

Къ этнографіи древней Руси.

Въ VI вѣкѣ туманъ, окутывающій историческую древность славянства, начинаетъ разсѣеваться, а къ половинѣ VII вѣка оно ясно обрисовывается на необъятномъ пространствѣ отъ Эгейскаго и Адріатическаго моря на югѣ, до Балтійскаго на сѣверѣ, литовскаго поозерья и финнскихъ дебрей на сѣверо-востокѣ, до Дона и даже Волги на юговостокѣ, а отсюда до Альпійскихъ горъ и западныхъ окраинъ европейской низи. Этнографическій характеръ основного слоя всего этого пространства не подлежитъ сомнѣнію. Приходится имѣть дѣло не съ загадочными терминами, какъ Скиѳы, Сарматы, Бастарны, отчасти Гунны и проч., а съ опредѣленными этнографическими единицами; уясненію подлежитъ не самый этнографическій характеръ, а взаимныя отношенія отдѣльныхъ частей необъятнаго славянскаго цѣлаго, отношеніе его къ тѣмъ инороднымъ элементамъ, съ которыми это цѣлое или отдѣльныя его части приходятъ въ столкновеніе.

Эти двѣ группы подлежащихъ уясненію вопросовъ находятся въ самой тѣсной связи. О внутреннихъ отношеніяхъ славяно-русскаго цѣлаго мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія; но эта скудость ощущается и въ сравнительно позднее время: всегда и вездѣ повседневные факты внутренней жизни обращали на себя мало вниманія. Больше свѣдѣній дошло до насъ о внѣшнихъ отношеніяхъ. Здѣсь главную роль играетъ степь. На протяженіи ряда вѣковъ степь высылаетъ одну орду за другой; каждая орда, подобно волнѣ, разливается по припонтійскому югу, остается здѣсь

до прихода новой орды, которая тѣснитъ предшественницу далѣе на западъ, такъ что степной прибой охватываетъ все пространство припонтійскаго юга, переливаясь даже на выходящія за предѣлы нашей территоріи степи древней Паннoніи.

Отъ Болгаръ и Аваръ до Татаръ все одно и то же! Болгары, Авары, Мадьяры, Печенѣги, Половцы и наконецъ Татары проходятъ весь путь, назначенный природой. Исторія ихъ (за исключеніемъ Татаръ, повернувшихъ, послѣ разгрома Угріи, назадъ въ южно-русскія степи) кончается на нашей территоріи, причемъ исторія тѣхъ Болгаръ, которые были вытѣснены Аварами изъ Паннoніи и очутились на югѣ Италіи во владѣніяхъ лангобардскаго короля Гримоальда, гдѣ еще подъ конецъ VIII в. они помнили свой языкъ, хотя уже всѣ (какъ сообщаетъ Павелъ Діаконъ) говорили по латыни [1]), вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ племенныхъ взаимодѣйствій, какія такъ ярко поставилъ передъ нами языкъ нашей земли. На эти взаимодѣйствія указываетъ намъ столь же ярко исторія ославянившихся Болгаръ дунайскихъ, Мадьяръ, вобравшихъ въ себя остатки Печенѣговъ и особенно Половцевъ (Кумановъ), а, б. м., и уцѣлѣвшіе остатки Аваръ, наконецъ исторія Румынъ. Послѣдніе, однако, не принадлежатъ степи; ихъ этнографическій образъ обозначается значительно позже, а потому и вопросы, относящіеся къ ихъ исторіи, не могутъ занимать насъ теперь. Здѣсь достаточно упомянуть, что они представляютъ собою одно изъ послѣднихъ звеньевъ въ томъ непрерывномъ приливѣ инородныхъ элементовъ, который былъ причиной разрыва славянской территоріи и обозначается еще и теперь, какъ клинъ нѣмецкій, мадьярскій (съ вошедшими сюда другими степными элементами), румынскій, а еще въ сравнительно недавнее время татарскій.

Въ центральной части этого клина (мадьярствѣ) сказалось всего ярче совокупное дѣйствіе степи, и весьма поэтому погрѣшаютъ тѣ историки, которые разрывъ славян-

---

[1]) *Zeuss*, Die Deutschen, 717.

ская территорія принадлежала однимъ Мадьярамъ. Не Мадьяры начали этотъ разрывъ, но Мадьяры его довершили. Значеніе Куманъ въ исторіи мадьяръ давно уже не подлежало никакому сомнѣнію: новѣйшіе мадьярскіе историки не считаютъ возможнымъ оставлять въ этомъ случаѣ безъ вниманія и роль остатковъ аварства [1], съ другой стороны весьма правдоподобно, что, еще до прибытія въ Паннонію, мадьярскія орды представляли смѣсь разнородныхъ степныхъ элементовъ [2].

Нѣмецкій и румынскій клинья только присосѣдились къ центральному клину. Мы видѣли, что языкъ земли этихъ окраинныхъ клиньевъ не оставляетъ сомнѣнія въ этнографическомъ характерѣ того цѣлаго, которое они расщепляли, но ихъ роль въ обоихъ случаяхъ второстепенная. Румынскій клинъ, какъ сказано, обозначается позже: нѣмецкій выводитъ насъ за предѣлы занимающей насъ территоріи. Остается степь.

Исторія ея наступленія представляетъ тѣ внѣшнія обстоятельства, съ которыми самымъ тѣснымъ образомъ связана исторія славяно-русскаго цѣлаго. Она бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на это цѣлое и потому имѣетъ для насъ интересъ. Значеніе степи отмѣчено уже первой писанной нашей исторіей. Вотъ что говоритъ лѣтопись: „Словеньску же языку живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфь, рекше отъ Козаръ, рекомiи Болгаре... а по семъ придоша Угре бѣлiи... въ си же времена быша и Обры... по сихъ придоша Печенѣзи, и паки идоша Угры черніи.....“ Непрерывность волнъ степного прибоя отмѣчена здѣсь какъ нельзя болѣе ярко, нужды нѣтъ, что перечень этихъ волнъ оставляетъ желать много въ смыслѣ этнографической ясности. Если бы источники не путали, къ чему бы сводилась роль исторической критики?

---

¹) *Вамбери*, A magyarság keletkezése es gyarapodása, по отзыву Slov. Pohl. 1895, XII.

²) *Н. Я. Данилевскій,* О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебедію. Изв. р. геогр. общ. XIX. Здѣсь отмѣчается сильное вліяніе башкирства на мадьярскую орду.

При крайней скудости свѣдѣній о внутреннихъ отношеніяхъ славяно-русскаго цѣлаго, исторія степного прибоя представляетъ нѣкоторый матеріалъ для характеристики той основы, на которую степь налегала, разрѣжала, отодвигала, ибо, хотя степныя волны замѣчались исторіей лишь, такъ сказать, у порога въ Европу (греческую и латинскую), все же иногда, по этому поводу, отмѣчались и факты предшествующіе.

При неполнотѣ и отрывочности источниковъ, исторія степного прибоя отличается крайней сложностью. Изслѣдователю приходится охватить необъятное пространство отъ Дуная до Алтая, разбираться въ запутанной этнографіи степняковъ, далеко неясныхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, отмѣтить послѣдовательность наступленія, путь, по которому оно происходило, обстоятельства, которыми сопровождалось. Все это такія задачи, что сколько нибудь удовлетворительнаго ихъ освѣщенія придется еще ждать, вѣроятно, долго.

Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду лишь нѣкоторое уясненіе вопросовъ, задаваемыхъ представленными въ предыдущей главѣ данными, открывающими передъ нами продолженіе того историческаго процесса, который начался давнымъ давно, но и теперь еще въ мѣстахъ, гдѣ удержались представители степи, можетъ отчасти освѣщать далекую старину, какъ ни измѣнились формы воздѣйствій и соотношеніе взаимодѣйствующихъ элементовъ. Это тѣ же вопросы о предѣлахъ славяно-русской территоріи и взаимныхъ отношеніяхъ ея частей, но освѣщаемые не тѣмъ статистическимъ матеріаломъ, какимъ мы пользовались до сихъ поръ (языкъ земли), ибо въ восточныхъ частяхъ занимающей насъ территоріи этотъ матеріалъ не уцѣлѣлъ, а скудными историческими намеками.

Понятно, что наше разсмотрѣніе можетъ представлять лишь опытъ свода главнѣйшихъ данныхъ.

жества [1]). Потомъ здѣсь нѣсколько разъ упоминается Тмутаракань но каждый разъ лишь по случаю, а послѣ 1094 лѣтопись уже не упоминаетъ о ней, хотя городъ продолжалъ существовать [2]).

По позднѣйшимъ лѣтописнымъ указаніямъ видно, что еще въ XII в. русскіе чувствовали себя дома на Донцѣ и Осколѣ, а юго-восточное порубежье простиралось до Вороны и Хопра. Въ 1111 г. въ области Дона упоминаются города: Шарукань, Сугровъ, Балинъ, Чешлюевъ, причемъ въ Шаруканцахъ явно сказываются чувства родственнаго единства [3]).

Еще въ 1170 не совсѣмъ были отрѣзаны торговые степные пути, и хотя слова Мстислава къ русскимъ князьямъ доказываютъ, что положеніе Руси въ этихъ мѣстахъ было уже безнадежно [4]), но и потомъ мысль, „поискати града Тмутараканя“ подвигала князей на смѣлые походы. Походы эти возбуждали въ русскихъ людяхъ особенныя чувства [5]); заслуживающія полнаго вниманія, хотя, при

---

[1]) Объ этомъ *Н. Ламбинъ*, О тмутараканской Руси. Ж. М. Пр. 1874, ч. 171, гдѣ указано и чтеніе загадочнаго мѣста лѣтописи. Греки стараются оберечь отъ Русскихъ Корсунь, то же стараніе видно и въ договорѣ съ Святославомъ. Ип. 48.

[2]) *П. Голубовскій*, Печенѣги, 24, 184.

[3]) Ип., 192.

[4]) „Братье! пожальтеся о Русской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несутъ хрестьяны на всяко лѣто у вежѣ свои, а съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и Греческій путь изъотнимаютъ и Соляный и Залозный, а лѣпо ны было братье, възряче на Божію помочь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести. И угодна бысть рѣчь... Богу и всеѣ братьѣ и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за крестьяны и за Рускую землю головы свои сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти“. Ип. 368.

[5]) Слово о полку игоревѣ. Давно замѣчено, что югъ отлично знакомъ автору.

условіяхъ тогдашняго русскаго политическаго уклада, они представляли безплодные порывы [1]).

Все это даетъ полное право утверждать, что въ нашей лѣтописи мы имѣемъ отрывочныя, совершенно случайныя упоминанія о славяно-русскомъ югѣ, вовсе не отражающія его дѣйствительной жизни и состоянія, а воспроизводящія лишь нѣкоторые моменты отношеній къ нему Руси среднеднѣпровской, вѣрнѣе, собственно среднеднѣпровскихъ князей.

Въ историческомъ освѣщеніи древне-русской жизни отсутствіе черниговскихъ сводовъ такъ же ощутительно, какъ и отсутствіе сводовъ полоцкихъ.

Къ счастью, скудость лѣтописныхъ извѣстій о нашемъ югѣ въ извѣстной мѣрѣ пополняется цѣлымъ рядомъ арабскихъ свидѣтельствъ, касающихся нашего времени (VIII—X в.). Этотъ кругъ источниковъ далеко не новость въ нашей наукѣ благодаря Френу, Шармуа и особенно русскимъ арабистамъ: Гаркави, Хвольсону и бар. Розену, сдѣлавшимъ арабскія показанія общедоступными русскому ученому міру [2]).

Благодаря нашимъ арабистамъ, мы имѣемъ показанія 26 арабовъ на протяженіи отъ конца VIII до конца X в. Многіе изъ этихъ арабовъ были близки къ халифамъ и, слѣдовательно, могли располагать свѣдѣніями особенно важными, б. м., оффиціальными [3]). Другіе отличались ученостью

---

[1]) Мѣткія замѣчанія объ этомъ у *Голубовскаго*, Печенѣги, 159 сл. и *его же*, Истор. Сѣверск. з., 94.

[2]) *А. Гаркави*, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, С.-ПБгъ, 1870 и Дополненія 1871. *Д. Хвольсонъ*, Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста. СПБ. 1869. Бар. *Розенъ* и *Куникъ*, Извѣстія Аль-Бекри о Руси и Славянахъ, Зап. Ак. Н. XXXII, СПБ. 1879.

[3]) Таковы, вѣроятно, показанія Аль-Фазари о протяженіи славянской и болгарской территоріи, Аль-Баладури—о Славянахъ въ Хозаріи. Ибнъ-Фадланъ самъ принималъ участіе въ посольствѣ къ волжскимъ Болгарамъ, Ибнъ-Хордадбе былъ начальникомъ почтъ въ Джибалѣ (Мидіи), а съ этою должностью соединялась также должность политическаго агента и на-

жества [1]). Потомъ здѣсь нѣсколько разъ упоминается Тмутаракань но каждый разъ лишь по случаю, а послѣ 1094 лѣтопись уже не упоминаетъ о ней, хотя городъ продолжалъ существовать [2]).

По позднѣйшимъ лѣтописнымъ указаніямъ видно, что еще въ XII в. русскіе чувствовали себя дома на Донцѣ и Осколѣ, а юго-восточное порубежье простиралось до Вороны и Хопра. Въ 1111 г. въ области Дона упоминаются города: Шарукань, Сугровъ, Балинъ, Чешлюевъ, причемъ въ Шаруканцахъ явно сказываются чувства родственнаго единства [3]).

Еще въ 1170 не совсѣмъ были отрѣзаны торговые степные пути, и хотя слова Мстислава къ русскимъ князьямъ доказываютъ, что положеніе Руси въ этихъ мѣстахъ было уже безнадежно [4]), но и потомъ мысль, „поискати града Тмутараканя" подвигала князей на смѣлые походы. Походы эти возбуждали въ русскихъ людяхъ особенныя чувства [5]); заслуживающія полнаго вниманія, хотя, при

---

[1]) Объ этомъ *Н. Ламбинъ*, О тмутараканской Руси. Ж. М. Пр. 1874, ч. 171, гдѣ указано и чтеніе загадочнаго мѣста лѣтописи. Греки стараются оберечь отъ Русскихъ Корсунь, то же стараніе видно и въ договорѣ съ Святославомъ. Ип. 48.

[2]) *П. Голубовскій*, Печенѣги, 24, 184.

[3]) Ип., 192.

[4]) „Братье! пожальтеся о Русской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несутъ хрестьяны на всяко лѣто у вежѣ свои, а съ нами роту взимающе, всегда переступающе; а уже у насъ и Греческій путь изъотнимаютъ и Соляный и Залозный, а лѣпо ны было братье, възряче на Божію помочь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести. И угодна бысть рѣчь... Богу и всеѣ братьѣ и мужемъ ихъ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за крестьяны и за Рускую землю головы свои сложити и къ мученикомъ причтеномъ быти". Ип. 368.

[5]) Слово о полку игоревѣ. Давно замѣчено, что югъ отлично знакомъ автору.

условіяхъ тогдашняго русскаго политическаго уклада, они представляли безплодные порывы [1]).

Все это даетъ полное право утверждать, что въ нашей лѣтописи мы имѣемъ отрывочныя, совершенно случайныя упоминанія о славяно-русскомъ югѣ, вовсе не отражающія его дѣйствительной жизни и состоянія, а воспроизводящія лишь нѣкоторые моменты отношеній къ нему Руси среднеднѣпровской, вѣрнѣе, собственно среднеднѣпровскихъ князей.

Въ историческомъ освѣщеніи древне-русской жизни отсутствіе черниговскихъ сводовъ такъ же ощутительно, какъ и отсутствіе сводовъ полоцкихъ.

Къ счастью, скудость лѣтописныхъ извѣстій о нашемъ югѣ въ извѣстной мѣрѣ пополняется цѣлымъ рядомъ арабскихъ свидѣтельствъ, касающихся нашего времени (VIII—X в.). Этотъ кругъ источниковъ далеко не новость въ нашей наукѣ благодаря Френу, Шармуа и особенно русскимъ арабистамъ: Гаркави, Хвольсону и бар. Розену, сдѣлавшимъ арабскія показанія общедоступными русскому ученому міру [2]).

Благодаря нашимъ арабистамъ, мы имѣемъ показанія 26 арабовъ на протяженіи отъ конца VIII до конца X в. Многіе изъ этихъ арабовъ были близки къ халифамъ и, слѣдовательно, могли располагать свѣдѣніями особенно важными, б. м., оффиціальными [3]). Другіе отличались ученостью

---

[1]) Мѣткія замѣчанія объ этомъ у *Голубовскаго*, Печенѣги, 159 слл. и *его же*, Истор. Сѣверск. з., 94.

[2]) *А. Гаркави*, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, С.-ПБгъ, 1870 и Дополненія 1871. *Д. Хвольсонъ*, Извѣстія о Хозарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста. СПБ. 1869. Бар. *Розенъ* и *Куникъ*, Извѣстія Аль-Бекри о Руси и Славянахъ, Зап. Ак. Н. XXXII, СПБ. 1879.

[3]) Таковы, вѣроятно, показанія Аль-Фазари о протяженіи славянской и болгарской территоріи, Аль-Баладури—о Славянахъ въ Хозаріи. Ибнъ-Фадланъ самъ принималъ участіе въ посольствѣ къ волжскимъ Болгарамъ, Ибнъ-Хордадбе былъ начальникомъ почтъ въ Джибалѣ (Мидіи), а съ этою должностью соединялась также должность политическаго агента и на-

(Аль Табари), иные, кромѣ того, необыкновенной бывалостью и любознательностью. Аль-Масуди, напр., „принадлежалъ къ ученѣйшимъ людямъ, когда либо произведеннымъ Арабами“ и съ 912—956(7) постоянно странствовалъ, между прочимъ, былъ въ Иракѣ, Арменіи и на Каспійскомъ морѣ. Во время своихъ путешествій, онъ не пропускалъ ни одного случая для распросовъ и справокъ [1]). Ибнъ-Хаукаль во время своихъ путешествій постоянно имѣлъ въ рукахъ сочиненія предшествующихъ географовъ, былъ знакомъ съ географическими картами [2]).

Перечитывая показанія Арабовъ, невольно поражаешься трезвостью, можно даже сказать, сухою дѣловитостью этихъ сыновъ востока, съ которыми обычно связывается у насъ представленіе о склонности къ фантастическимъ преувеличеніямъ. Аль-Бекри, правда, сообщаетъ объ Амазонкахъ, но съ чьихъ словъ?—со словъ императора Оттона! У Арабовъ совершенно нѣтъ разсказовъ о любовныхъ приключеніяхъ какихъ бы то ни было героевъ съ красавицами или уродливыми чудовищами, какіе нерѣдки у Грековъ, и совершенно невозможно, чтобы Арабы, при видѣ представителей незнакомаго племени, заинтересовались, подобно византійцамъ, только головной прической [3]), а не тѣмъ, кто они, какъ живутъ, каковы ихъ внутреннія и внѣшнія отношенія. Арабы поражаютъ спокойной вздумчивостью, наблюдательностью, правдивостью. Про Аль-Масуди Григорьевъ говоритъ, что онъ „не былъ водимъ ни ревностью къ религіи, ни любовью къ отечеству, не имѣлъ въ виду ни увеличить славы мусульманъ, ни воспѣть своего героя“. То же, думается, можно сказать и про другихъ. Повидимому, Арабамъ было чуждо даже ученое тщеславіе. Вотъ съ какими

чальника полиціи, и слѣд. самое близкое отношеніе къ жизни и умѣнье оріентироваться въ ея данныхъ. *Гаркави* Сказанія, 9, 37, 82 сл., 44.

[1]) Тамъ же, 117, 128.

[2]) Тамъ же, 215.

[3]) *Θеофанъ* у Стриттера, I, 644.

словами обращается, напр., Истахри къ Хаукалю: „я замѣчаю, что ты родился подъ счастливой звѣздой, посему возьми мое сочиненіе и исправляй его по твоему усмотрѣнію“ [1]).

Вотъ почему Арабы вводятъ насъ въ самую суть внутреннихъ славянскихъ отношеній: многочисленность колѣнъ, постоянная смѣна ихъ равновѣсія отъ возвышенія то одного, то другого колѣна. На этомъ общемъ фонѣ Арабы отмѣтили и начало болѣе крупныхъ политическихъ группъ, какъ среди славянскаго племени вообще, такъ въ частности среди русскаго славянства. У Арабовъ впервые встрѣчаемъ настоящія народныя названія; они указали факты совмѣщенія названій родовыхъ и видовыхъ [2]), причемъ запомнили и сообщили не только первыя, но и вторыя, сообщили даже нѣсколько славянскихъ словъ: князь, саджу [3]), жупанъ, улище [4]). Арабы оставили подробныя извѣстія объ обширной торговлѣ Славянъ и Руссовъ, и вѣрность этихъ извѣстій вполнѣ подтвердили другія историческія указанія и археологія; тщательно отмѣчали какъ внутреннія, такъ и внѣшнія отношенія славянскаго міра. Арабы отмѣтили даже то, чему, до послѣдняго времени, не придавала особеннаго значенія современная наука: смѣшеніе племенъ и этнографическія перерожденія [5]).

Мы имѣемъ пока далеко не все, что оставили послѣ себя Арабы, но и то, что имѣемъ, сообщаетъ арабскимъ показаніямъ громадное значеніе, ставитъ ихъ въ рядъ первостепенныхъ источниковъ, особенно по сравненію съ Римлянами и Греками, необладавшими никакими способностями этнографическаго различенія [6]). Византійцы, напр., почти

---

[1]) Сказанія, 215.

[2]) Особенно Аль-Масуди, отчасти Аль-Бекри.

[3]) Сказанія 48, 87.

[4]) *Хвольсонъ*, Ибнъ-Даетъ, 126. Ср. также замѣчаніе акад. Куника къ Аль-Бекри, стр. 110—113.

[5]) Особенно относительно Болгаръ: „изъ какого вы народа, и что такое Булгаръ?“ спрашивали Болгаръ въ Багдадѣ, и въ отвѣтъ: „народъ смѣшанный изъ Туркъ и Славянъ“. Сказанія 105.

[6]) *Fr. Müller*, Allg. Ethnogr. Wien 1879, стр. 3.

имѣли въ виду главнымъ образомъ южное славянство во-обще, на западѣ прилегающее къ предѣламъ Рума (Византіи), на востокѣ къ „Русскому морю“, какъ называется оно у Масуди, „славянскому“, какъ называетъ его безыменный арабскій географъ X вѣка [1]). Затѣмъ, у Аль-Бекри встрѣчаются показанія о славянствѣ сѣверо-западномъ; у Фадлана о сѣверо-восточномъ. Но оба эти показанія объясняются случайностью. Аль-Бекри пользовался запиской еврея Ибрагима, участвовавшаго въ посольствѣ Абдеррахмана III къ императору Оттону въ половинѣ X вѣка. Фадланъ самъ участвовалъ въ посольствѣ (б. м., въ качествѣ секретаря) халифа Муктадира къ новообращеннымъ въ мусульманство волжскимъ Болгарамъ. Это и объясняетъ, какимъ образомъ попали къ Арабамъ извѣстія о славянствѣ сѣверномъ, а подробность сохраненной Аль-Бекри записки Ибрагима указываетъ, какой точностью и добросовѣстностью отличались арабы.

За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ показанія о славянствѣ сѣверномъ, поскольку оно не было связано съ волжскими Болгарами [2]), слѣдуетъ предполагать только у Масуди. „Образцовый“ компиляторъ и ученѣйшій изъ арабовъ, очевидно, имѣлъ подъ руками особенные источники. За исключеніемъ указанныхъ трехъ случаевъ, т. е. Аль-Бекри, Фадлана и Масуди, слѣдовательно въ 23-хъ показаніяхъ, какъ они сообщены на русскомъ языкѣ, прямыя свидѣтельства имѣются только о славянствѣ южномъ, т. е. юго-западномъ и юго-восточномъ [3]).

---

[1]) Сказанія, 130, 133, 251.

[2]) Которые, повидимому, были въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ Арабами. Ср. *В. Григорьевъ,* Волжскіе Булгары, Библіотека д. Чт. 1836, XIX, 1.

[3]) Въ томъ числѣ, конечно, и хозарскомъ. *Ключевскій* полагаетъ, что у Масуди нѣтъ извѣстій о славянствѣ западномъ (т. е. сѣв.-зап.). Онъ пріурочиваетъ его показанія къ карпатскому, частью къ нижнедунайскому міру. Р. Мысль, 1880, IV. Но хашанинъ—Кашубы. Бамджинъ, дѣйствительно, врядъ ли Чехи, какъ Гаркави, Сказанія, 175. У Аль-Бекри это — Бвйма.

ра“ у Ибрагима и другихъ арабовъ—непремѣнно норманны (датскихъ острововъ) [1]), какъ будто для арабовъ сѣверъ то же, что для жителей Петербура, Дерпта и Геттингена. У Куника это тѣмъ болѣе странно, что у того же Ибрагима Чехія прямо называется „лучшею изъ странъ сѣвера“ [2]). Наши арабисты, Хвольсонъ и Гаркави, внесли въ свои работы не мало лишняго и неяснаго, считаясь серьезно съ норманнизмомъ, хотя, слѣдуетъ сказать, что оба они вполнѣ вѣрно поняли и оцѣнили основы этой теоріи [3]) и нанесли ей смертельный ударъ,—не на основаніи соображеній, а на основаніи точныхъ показаній современниковъ начальной Руси [4]).

Арабская этнографическая и географическая номенклатура возбуждаетъ, конечно, не мало вопросовъ, но то же, несомнѣнно въ большей мѣрѣ, слѣдуетъ сказать объ этихъ же данныхъ у Римлянъ и Грековъ. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія, что эта номенклатура въ арабской, конечно, огласовкѣ, напоминаетъ, а иногда и прямо сходится съ дѣйствительными славянскими народными названіями. Не вина Арабовъ, что кошмаръ норманнизма заставлялъ ученыхъ переносить ихъ указанія туда, куда они никакъ не могутъ относиться.

Поскольку намъ удалось ознакомиться съ арабскими показаніями, мы вынесли полное убѣжденіе, что Арабы

---

[1]) Извѣстія Аль-Бекри, 87.

[2]) Тамъ же, 49.

[3]) Замѣчанія Хвольсона, Зап. Акад. Н. XVIII. Отзывъ Гаркави о коментаріяхъ Круга къ Фадлану, Сказаніе 111.

[4]) Это слѣдуетъ имѣть въ виду, при оцѣнкѣ отзывовъ норманнистовъ объ Арабахъ. Вотъ что, напр., говоритъ акад. Куникъ о Масуди: „онъ не точно опредѣлялъ мѣстности тѣхъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, которыя ему были мало извѣстны и вообще свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, доходившія до него изъ различныхъ источниковъ, распространялъ безъ всякой критики на весь міръ Славянъ, въ которомъ ему были лично извѣстны, можетъ быть, только нѣсколько человѣкъ“. Изв. Аль-Бекри, 94. Этотъ [illegible] не требуетъ коментарія.

упоминанія объ этомъ славянствѣ такъ немногочисленны, что мы позволимъ себѣ привести ихъ сполна:

1) А Улутичи (и) Тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпрў, и присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днѣпру оли до моря, и суть гoроди ихъ и до сего дне, да то ся зовяху отъ Грѣкъ Великая Скуфь [1]).

2) (Оскольдъ и Диръ) бѣша ратніи къ Древляны и со Угличи [2]).

3) И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, и Сѣверяны, и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци имяше рать [3]).

ныхъ. Нѣтъ ни одного факта, ни одного даже намека, который изобличилъ бы чуждое скандинавское происхожденіе послѣднихъ... Арабы постоянно называютъ племя *Русь*, указываютъ на южныя ихъ жилища, съ первыхъ страницъ лѣтописи мы встрѣчаемъ Русь въ коллективномъ смыслѣ *русско-славянскихъ племенъ*, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мы не находимъ этой Руси; ни одна черта въ бытѣ и характерѣ арабской Руси не обличаетъ исключительно скандинавскаго ея происхожденія, ни одна черта, за вычетомъ преувеличеній, не противна быту и характеру Славянъ-русскихъ; напротивъ, многое прямо подходитъ только къ нимъ и только ими объясняется. Къ кому же, какъ не къ русскимъ Славянамъ, должно отнести извѣстія Арабовъ? Къ такому выводу неминуемо придетъ всякій, для кого вопросъ о происхожденіи имени Русь имѣетъ значеніе дѣйствительно нерѣшеннаго вопроса". Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей. Сочиненія II, 107.

[1]) Такъ въ Ип., 7, гдѣ, по вѣрному замѣчанію Ламбина, исправнѣе прочихъ. Всѣ разночтенія у *Ламбина*, Славяне на сѣверномъ Черноморьѣ. Журн. Мин. Пр. ч. 191, стр. 53. Ср. *Соболевскій*, Чтенія въ Общ. Нестора, V, 3. Извѣстію лѣтописи соотвѣтствуетъ показаніе эмерамскаго перечня: Unlizi populus multus, civitates CCCXVIII.

[2]) Подъ 862 г. Воскр., Соф., Тв. Въ Новг.: *Улицы*, но годъ 854 не можетъ имѣть значенія. У Татищева подъ 864, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти оскольдова сына въ войнѣ съ *Болгарами*, что отмѣчено подъ тѣмъ же годомъ и въ древнѣйшей кіевской л. никон. списка. Обстоятельство существеннаго значенія.

[3]) Подъ 885 г. Лавр., то же въ Ип., но съ пропускомъ

Главную роль въ арабскихъ извѣстіяхъ играютъ Славяне и Болгаре. Территорія Славянъ, по Аль-Фазари — 3500 на 700 фарсанговъ, т. е. почти равна пространству халифата; земля болгарская 1500 на 300 фарсанговъ [1]). Аль-Фаргани, Аль-Хоррами и Хордадбе указываютъ землю Славянъ на западъ отъ Болгаръ, слѣдовательно — это славяне юго-западные, иллирійскіе, пріадріатическіе — тотъ цѣлый міръ, на значительность котораго отчасти намекаетъ эмерамскій перечень [2]). Что это именно эти, а не другіе славяне доказываетъ положеніе земли болгарской — невдалекѣ отъ моря Джурджанъ, то есть Каспійскаго (Аль-Фаргани) между Хазаро-Аланами и Слявянами, слѣдовательно, это Болгаре дунайскіе, съ тѣми ордами своихъ ближайшихъ сородичей, которые кочевали на широкомъ пространствѣ къ сѣверу отъ Дуная. Такимъ образомъ, арабскія показанія открываютъ на занимающей насъ территоріи прежде всего широкое протяженіе славяно-русской основы на востокѣ, и въ то же время широкій разливъ степныхъ болгарскихъ ордъ на этой основѣ, ставя вмѣстѣ съ тѣмъ вопросы о взаимодѣйствіи тѣхъ первыхъ кочевыхъ ордъ, какія, по лѣтописи, открыли наступленіе степи и той основы, на которую они обрушились [3]).

II.

Въ разъясненіе этихъ вопросовъ соберемъ прежде всего тѣ скудныя данныя, которыя встрѣчаются въ источникахъ о древнемъ славянствѣ нашего юга. Лѣтописныя

---

¹) Сказанія, 9, 11.

²) *Zeuss*, Die Deutschen. 601.

³) Здѣсь кстати привести слова *А. Котлярскаго:* „осмотрѣвъ бѣгло свидѣтельства древнѣйшихъ арабскихъ путешественниковъ о Славянахъ и Руси, нельзя не прійти къ убѣжденію, что ихъ Саклабы — несомнѣнное племя Славянъ, по преимуществу западныхъ; *Русь* же — племя Славянъ восточ-

упоминанія объ этомъ славянствѣ такъ немногочисленны, что мы позволимъ себѣ привести ихъ сполна:

1) А Улутичи (и) Тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпрў, и присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днѣпру оли до моря, и суть городи ихъ и до сего дне, да то ся зовяху отъ Грѣкъ Великая Скуфь [1]).

2) (Оскольдъ и Диръ) бѣша ратніи къ Древляны и со Угличи [2]).

3) И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, и Сѣверяны, и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци имяше рать [3]).

ныхъ. Нѣтъ ни одного факта, ни одного даже намека, который изобличилъ бы чуждое скандинавское происхожденіе послѣднихъ... Арабы постоянно называютъ племя *Русь*, указываютъ на южныя ихъ жилища, съ первыхъ страницъ лѣтописи мы встрѣчаемъ Русь въ коллективномъ смыслѣ *русско-славянскихъ племенъ*, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ мы не находимъ этой Руси; ни одна черта въ бытѣ и характерѣ арабской Руси не обличаетъ исключительно скандинавскаго ея происхожденія, ни одна черта, за вычетомъ преувеличеній, не противна быту и характеру Славянъ-русскихъ; напротивъ, многое прямо подходитъ только къ нимъ и только ими объясняется. Къ кому же, какъ не къ русскимъ Славянамъ, должно отнести извѣстія Арабовъ? Къ такому выводу неминуемо придетъ всякій, для кого вопросъ о происхожденіи имени Русь имѣетъ значеніе дѣйствительно нерѣшеннаго вопроса". Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей. Сочиненія II, 107.

[1]) Такъ въ Ип., 7, гдѣ, по вѣрному замѣчанію Ламбина, исправнѣе прочихъ. Всѣ разночтенія у *Ламбина*, Славяне на сѣверномъ Черноморьѣ. Журн. Мин. Пр. ч. 191, стр. 53. Ср. *Соболевскій*, Чтенія въ Общ. Нестора, V, 3. Извѣстію лѣтописи соотвѣтствуетъ показаніе эмерамскаго перечня: Unlizi populus multus, civitates CCCXVIII.

[2]) Подъ 862 г. Воскр., Соф., Тв. Въ Новг.: *Улицы*, но годъ 854 не можетъ имѣть значенія. У Татищева подъ 864, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти оскольдова сына въ войнѣ съ *Болгарами*, что отмѣчено подъ тѣмъ же годомъ и въ древнѣйшей кіевской л. никон. списка. Обстоятельство существеннаго значенія.

[3]) Подъ 885 г. Лавр., то же въ Ип., но съ пропускомъ

4) Иде Олегъ на Грѣкы... поя же множество Варягъ, Словѣнъ, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверу, и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци яже суть толковины: си вси звахуться Великая Скуфь [1]).

5) Игорь же сѣдяше въ Кіевѣ, княжа и воюя на Древляны и на Оугличѣ. И бѣ у него (Игоря) воевода именемъ Свѣнделдъ и примучи Угличѣ, възложи на ня дань и вдасть Свѣнделду. И не вдадяшется единъ градъ, именемъ Пересѣченъ, и сѣде около его три лѣта, и едва взя [2]). И бѣша сѣдяще Улицѣ по Днѣпру внизъ и по семъ придоша межи Богъ и Днѣстръ и сѣдоша тамо [3]).

Мѣстожительство занимающихъ насъ славяно-русскихъ колѣнъ опредѣляется въ трехъ мѣстахъ: въ двухъ (1 и 4): „Великая Скуфь", въ послѣднемъ (5) очень опредѣленно указывается передвиженіе одного колѣна съ низовьевъ Днѣпра въ междурѣчье Буга и Днѣстра. Объ этомъ сообщаютъ 17 списковъ лѣтописи [4]), въ томъ числѣ никоновскій, гдѣ безъ сомнѣнія заключается древнѣйшая кіевская лѣтопись и новгородскій, начало которой, какъ увидимъ, тоже заслуживаетъ особеннаго вниманія. Вслѣдствіе этого извѣстіе о передвиженіи не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, если его разсматривать съ точки зрѣнія критики лѣтописнаго текста. Не менѣе вѣроятнымъ окажется оно, если примѣнить къ этому извѣстію соображенія историче-

---

сѣверянъ. У Тат.: „Суляны по Сулѣ". О другихъ разночтеніяхъ: посуличи, съ Суличи, см. ниже.

[1]) Подъ 907 во всѣхъ спискахъ, кромѣ Новгор. съ несущественными разночтеніями: тиверць, тиверици, или явными описками: иверци.

[2]) Сюда же относится извѣстіе Новгор. л. подъ 940 г.: Въ се лѣто яшася Уличи по дань Игорю, и Пересѣченъ взятъ бысть. Въ се же лѣто дасть дань на нихъ Свѣнделду.

[3]) Новгор. подъ 922, но года здѣсь спутаны; въ ник. и у Тат. подъ 914.

[4]) *Ламбинъ*, к. в. ч. 191 стр. 246.

скія о древнѣйшемъ состояніи славяно-русскаго юга и отношеніи его къ степи [1]).

Передвиженіе, по этому показанію, не вышло за предѣлы той же „великой Скуфи". Терминъ этотъ съ отдаленнѣйшаго времени имѣлъ слишкомъ опредѣленное значеніе и врядъ ли поэтому можетъ возбуждать сомнѣнія. Великая Скиѳія это *ἀρχαίη Σκυθική* Геродота — отъ Дуная до начала Таврическаго полуострова, въ отличіе отъ Малой Скиѳіи, т. е. нынѣшней Добруджи [2]). Это, слѣдовательно, вся юго-западная часть нынѣшняго русскаго юга отъ Дуная до громадной днѣпровской излучины, за которою въ древности начиналась Сарматія, а въ занимающее насъ время „Козаре", т. е. поселенія юго-восточныхъ славянскихъ колѣнъ, утонувшихъ въ политико-географическомъ обозначеніи, заимствованномъ отъ ихъ верховныхъ покровителей Хазаръ.

Объ этихъ славяно-русскихъ колѣнахъ довольно опредѣленно упоминаютъ Арабы (Баладури, Табари), а назва-

---

[1]) *Соболевскій*, Чтен. въ общ. Наст. V, стр. 4, считаетъ это извѣстіе ни на чемъ не основаннымъ. Почему?—неизвѣстно.

[2]) *Müllenhoff*, D. Alterthumskunde, III, 7, 36. Передъ опредѣленностью лѣтописнаго утвержденія склонился даже Шлецеръ, признавъ его „eine wirklich gelerte u. wichtige Bemerkung" (III, 79) и взявъ назадъ какъ указаніе на Svithiod hin mikla, такъ и выраженіе: lallt der Einschieber seinen Byzantiern nach (II, 123). Кунику, впрочемъ, долго спустя видѣлся сѣверъ: по поводу οἱ λεγόμενοι βόρειοι Σκύθαι (Ср. *Гедеоновъ*, Отрывки, 102), почтенный академикъ спрашиваетъ: „не переводъ ли франкскаго названія Nordmanni?" Каспій, 698. Совершенно также въ „племенахъ сѣвера" у Аль-Бекри Куникъ усматриваетъ тоже норманновъ, хотя у Аль-Бекри Чехія на- звана „лучшею изъ странъ сѣвера" (49). Впрочемъ, было б напрасно настаивать на границахъ, указываемыхъ Милленг фомъ. Терминъ Скиѳія не имѣлъ въ древности вполнѣ опр дѣленныхъ границъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду пок ваніе Гвидона равеннскаго: „sexta ut hora noctis Scytharum atria, unde Sklavinorum exorta est prosapia"... *Шафар* древности, I, 1, 108. Связь Скиѳіи съ именемъ *Словенъ* у ...аго писателя IX в. заслуживаетъ полнаго вниманія.

мѣстожительство — поднѣстровье — до Дуная и моря, на основаніи лѣтописнаго свидѣтельства и Багрянороднаго [1]).

Надеждинъ указалъ на цѣлый округъ въ Бессарабіи, съ которымъ названіе „уголъ" связано безспорно съ VII в. И здѣсь оказалось село Пересѣчени, упоминаемое въ документѣ молдавскаго господаря Иліи въ 1396 г. Здѣсь и помѣщаетъ Надеждинъ угличей, считая именно эту форму правильной, такъ какъ, по его мнѣнію, уличи „не имѣетъ никакого смысла на славянскомъ языкѣ" [2]).

Наконецъ Ламбинъ въ отдѣльной статьѣ подвергъ вопросъ о славянахъ причерноморскихъ тщательному пересмотру [3]). Сопоставивъ по всѣмъ спискамъ 3-й перечень повѣсти, гдѣ оба колѣна обозначены какъ весьма многочисленныя, Ламбинъ принимаетъ форму ульци, не считая ее словомъ чуждымъ и необъяснимымъ, ибо есть слова: улица, переулокъ, закоулокъ. „Хотя жилища ульцевъ и тивърцевъ не обозначены въ отдѣльности, однако, судя по самому порядку, въ какомъ поименованы эти два народа и двѣ рѣки, служившія средоточіемъ ихъ жилищъ, равно какъ и по вѣроятности происхожденія имени тивьрци отъ древняго названія Днѣстра — Тирасъ, мы въ правѣ помѣстить ульцевъ по Бугу до самаго моря и далѣе на югозападъ до нижняго Дуная". Но не отвергаетъ Ламбинъ и угличей. Сопоставляя съ указаннымъ перечнемъ разсказъ лѣтописи о Свѣнельдѣ, Ламбинъ находитъ, что чтеніе угличи подъ 914 (по Ламбину, 913) нельзя считать опискою вмѣсто уличи, ибо „они (т. е. угличи) отличены отъ ульцевъ не только по имени, но и по самому мѣсту жительства". „Если бы, продолжаетъ Ламбинъ, въ сказаніи подъ 913 годомъ дѣло шло не объ угличахъ, а объ уличахъ, какъ полагалъ Шафарикъ, т. е. если бы въ немъ

---

[1]) Древности, II, 1, 207—211.

[2]) О мѣстоположеніи древняго Пересѣчена, Зап. Одеск. Общ. I.

[3]) Славяне на сѣверномъ Черноморьи. Ж. М. Пр. 1877 ч. 191, 1879 ч. 206.

первоначально было написано: „и бѣша сѣдяше уличи по Днѣпру внизъ“, то это показаніе было бы явно несогласно съ предыдущимъ показаніемъ, по которому уличи (ульци) сидѣли по всему теченію Буга до моря, т. е. до днѣпровскаго лимана, и притомъ были народъ многочисленный, чего никакъ нельзя сказать о народѣ, котораго жилища обозначены, такъ сказать, одною только точкою — „по Днѣпру внизъ“. (Хороша „точка“: „по Днѣпру внизъ“!). Эти поднѣпровскіе „угличи“ — часть обширной вѣтви „ульцевъ“ получили свое названіе отъ „угла“, образуемаго теченіемъ Днѣпра. „Если южная оконечность черноморской равнины между Прутомъ, сѣвернымъ устьемъ Дуная и моремъ называлась нѣкогда „угломъ“, то тѣмъ большее право на такое названіе имѣлъ уголъ или треугольникъ у днѣпровскихъ пороговъ, составляющій восточную оконечность той же равнины, и потому славянское населеніе этого восточнаго угла непремѣнно должно было называться *угличи*, на томъ же основаніи какъ обитатели полей назывались поляне, а лѣсной страны — древляне“ [1]).

Такимъ образомъ у Ламбина „ульци“ — общее названіе племени, отъ Буга до днѣпровской излучины, а „угличи“ — частное обозначеніе ихъ колѣна, жившаго въ самой этой излучинѣ (по Ламбину „углу“), гдѣ впослѣдствіи „въ разныхъ мѣстахъ существовала Сѣчь запорожская, именемъ своимъ напоминающая древній городъ угличей Пересѣченъ“ [2]).

Сопоставляя всѣ эти мнѣнія, можно сказать слѣдующее: только Карамзинъ и Шафарикъ основываютъ свои положенія о мѣстожительствѣ племени преимущественно на письменныхъ данныхъ, отчасти на названіяхъ поселеній [3]). Карамзинъ сбивчивъ и разногласитъ. Шафарикъ твердо стоитъ на томъ, что всѣ лѣтописныя разночтенія обозна-

---

[1]) Тамъ же, ч. 191, стр. 55—57, 69.

[2]) Тамъ же, 70.

[3]) У Шафарика Тивровъ, Тавровъ, у Карамзина Пересѣченъ.

мѣстожительство — поднѣстровье — до Дуная и моря, на основаніи лѣтописнаго свидѣтельства и Багрянороднаго [1]).

Надеждинъ указалъ на цѣлый округъ въ Бессарабіи, съ которымъ названіе „уголъ" связано безспорно съ VII в. И здѣсь оказалось село Пересѣчени, упоминаемое въ документѣ молдавскаго господаря Иліи въ 1396 г. Здѣсь и помѣщаетъ Надеждинъ угличей, считая именно эту форму правильной, такъ какъ, по его мнѣнію, уличи „не имѣетъ никакого смысла на славянскомъ языкѣ" [2]).

Наконецъ Ламбинъ въ отдѣльной статьѣ подвергъ вопросъ о славянахъ причерноморскихъ тщательному пересмотру [3]). Сопоставивъ по всѣмъ спискамъ 3-й перечень повѣсти, гдѣ оба колѣна обозначены какъ весьма многочисленныя, Ламбинъ принимаетъ форму ульци, не считая ее словомъ чуждымъ и необъяснимымъ, ибо есть слова: улица, переулокъ, закоулокъ. „Хотя жилища ульцевъ и тиверцевъ не обозначены въ отдѣльности, однако, судя по самому порядку, въ какомъ поименованы эти два народа и двѣ рѣки, служившія средоточіемъ ихъ жилищъ, равно какъ и по вѣроятности происхожденія имени тиврци отъ древняго названія Днѣстра — Тирасъ, мы въ правѣ помѣстить ульцевъ по Бугу до самаго моря и далѣе на юго-западъ до нижняго Дуная". Но не отвергаетъ Ламбинъ и угличей. Сопоставляя съ указаннымъ перечнемъ разсказъ лѣтописи о Свѣнельдѣ, Ламбинъ находитъ, что чтеніе углици подъ 914 (по Ламбину, 913) нельзя считать опискою вмѣсто уличи, ибо „они (т. е. угличи) отличены отъ ульцевъ не только по имени, но и по самому мѣсту жительства". „Если бы, продолжаетъ Ламбинъ, въ сказаніи подъ 913 годомъ дѣло шло не объ угличахъ, а объ уличахъ, какъ полагалъ Шафарикъ, т. е. если бы въ немъ

---

[1]) Древности, II, 1, 207—211.

[2]) О мѣстоположеніи древняго Пересѣчена, Зап. Одеск. Общ. I.

[3]) Славяне на сѣверномъ Черноморьи. Ж. М. Пр. 1877 ч. 191, 1879 ч. 206.

первоначально было написано: „и бѣша сѣдяше уличи по Днѣпру внизъ“, то это показаніе было бы явно несогласно съ предыдущимъ показаніемъ, по которому уличи (ульцы) сидѣли по всему теченію Буга до моря, т. е. до днѣпровскаго лимана, и притомъ были народъ многочисленный, чего никакъ нельзя сказать о народѣ, котораго жилища обозначены, такъ сказать, одною только точкою — „по Днѣпру внизъ“. (Хороша „точка“: „по Днѣпру внизъ“!). Эти поднѣпровскіе „угличи“ — часть обширной вѣтви „ульцевъ“ получили свое названіе отъ „угла“, образуемаго теченіемъ Днѣпра. „Если южная оконечность черноморской равнины между Прутомъ, сѣвернымъ устьемъ Дуная и моремъ называлась нѣкогда „угломъ“, то тѣмъ большее право на такое названіе имѣлъ уголъ или треугольникъ у днѣпровскихъ пороговъ, составляющій восточную оконечность той же равнины, и потому славянское населеніе этого восточнаго угла непремѣнно должно было называться *угличи*, на томъ же основаніи какъ обитатели полей назывались поляне, а лѣсной страны — древляне“ [1]).

Такимъ образомъ у Ламбина „ульцы“ — общее названіе племени, отъ Буга до днѣпровской излучины, а „угличи“ — частное обозначеніе ихъ колѣна, жившаго въ самой этой излучинѣ (по Ламбину „углу“), гдѣ впослѣдствіи „въ разныхъ мѣстахъ существовала Сѣчь запорожская, именемъ своимъ напоминающая древній городъ угличей Пересѣченъ“ [2]).

Сопоставляя всѣ эти мнѣнія, можно сказать слѣдующее: только Карамзинъ и Шафарикъ основываютъ свои положенія о мѣстожительствѣ племени преимущественно на письменныхъ данныхъ, отчасти на названіяхъ поселеній [3]). Карамзинъ сбивчивъ и разногласитъ. Шафарикъ твердо стоитъ на томъ, что всѣ лѣтописныя разночтенія обозна-

---

[1]) Тамъ же, ч. 191, стр. 55—57, 69.

[2]) Тамъ же, 70.

[3]) У Шафарика Тивровъ, Тавровъ, у Карамзина Пересѣченъ.

чаютъ одно племя. Въ этомъ отношеніи съ Шафарикомъ согласенъ и Ламбинъ, у котораго „ульци“ обнимаютъ и „угличей“. Татищевъ, Надеждинъ, Ламбинъ сообразуются съ тѣмъ фактомъ, который имѣетъ безспорное значеніе въ образованіи колѣнныхъ названій, именно: связь ихъ съ природой страны и названіями ея урочищъ. Мнѣніе Татищева, полагающаго угличей на лѣвомъ берегу Днѣпра противорѣчитъ общему смыслу лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Мѣстожительство занимающаго насъ колѣна можно полагать только на правомъ берегу. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Остается, такимъ образомъ, вопросъ о формѣ названія.

Рѣшающее значеніе должно быть предоставлено въ этомъ случаѣ природѣ страны. Этимъ главнѣйше опредѣлялись всегда племенныя и колѣнныя названія. Природа „великой Скуфи“ вообще степная; а естественныя урочища въ степяхъ — рѣки. Въ рѣкахъ, слѣдовательно, и въ ихъ природномъ характерѣ должно искать разгадки названія нашего племени, тѣмъ болѣе, что и другое названіе, связанное съ нашей территоріей указываетъ всего вѣроятнѣе на названіе рѣки.

Ламбинъ вѣрно указалъ естественное урочище образуемое нижнимъ теченіемъ Днѣпра, но невѣрно обозначилъ и невѣрно назвалъ его.

Нижнее теченіе Днѣпра образуетъ огромную излучину. По нашему, это, пожалуй, уголъ, но народная номенклатура вообще не употребляетъ этого названія для обозначенія рѣчныхъ изгибовъ, которые всегда обозначаются словами отъ корня *лук*. Середина Лимана и Черкасы лежатъ на 50 градусѣ, а теченіе крайняго изгиба днѣпровской луки отъ Самары до Конской воды на 53°, такъ что днѣпровская излучина захватываетъ пространство трехъ градусовъ. Вся эта излучина перерѣзана рѣками, несущими свои воды къ югу: Бузулукъ, Ингулецъ и Ингулъ. Почти всѣ ихъ притоки, а также лѣвые притоки южнаго Буга текутъ тоже съ сѣвера на югъ. Такимъ образомъ, излучина естественно обращена вся къ морю, вѣрнѣе къ „Рус-

фической номенклатурѣ вообще, а по указанному характеру территоріи бассейна днѣпровско-бужскаго лимана, долженъ быть приложенъ къ ней на томъ же самомъ основаніи, по которому — повторимъ слова Ламбина — жители полей назывались поляне, а жители лѣсовъ — древляне. Возстановить правильное чтеніе варіантовъ, сообщенныхъ лѣтописью — дѣло филологовъ. Мы склонны принять форму, предлагаемую Соболевскимъ: улучичи; такъ какъ эта форма вполнѣ отвѣчаетъ названію урочища: улучье и наиболѣе удовлетворительно объясняетъ формы: улучи и уличи — представляющія, всего вѣроятнѣе, не раскрытыя переписчиками сокращенія. Рѣшительно отвергаемъ форму лютичи [1]), такъ какъ она совсѣмъ другого корня; суличи какъ возникшую изъ явно невѣрнаго чтенія „с Уличи" [2]).

Что касается формы „угличи", то она не можетъ возбуждать сомнѣній, но, по всѣмъ даннымъ, угличи—другое, чѣмъ улучичи. У Византійцевъ мы имѣемъ подробное описаніе того мѣста, съ которымъ связано было названіе „угла". По прямому ихъ показанію, это названіе принадлежало туземцамъ [3]).

Что это названіе славянское доказываетъ самое слово, что Славяне здѣсь жили давно, на это мы имѣемъ не внушающія подозрѣнія свидѣтельства, что названіе уголъ очень крѣпко связано было съ мѣстомъ, доказываетъ позднѣйшій его татарскій переводъ—буджакъ.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы именно здѣсь жило то племя, съ которымъ воевалъ Свѣнельдъ, какъ полагаетъ Надеждинъ, чтобы село Пересѣчени было непремѣнно тотъ Пересѣченъ, который онъ осаждалъ цѣлыхъ три года. Одноименныхъ поселеній и урочищъ можетъ

---

1) Объ указываемой Шлецеромъ формѣ: глутичи, впрочемъ, безъ означенія списка (II, 121), нечего и говорить.

2) Что касается формы лучане, то она, кажется, привнесена сюда отъ другого, волостного центра, получившаго важное значеніе позже.

3) Locum idoneum occupavit (Аспарухъ), quem sua lingua *oglum* appellant. *Никифоръ* у Стриттера, II, 504.

Подъ вліяніемъ его и произошло передвиженіе. Объ этомъ упоминаетъ древнѣйшая кіевская лѣтопись въ никоновскомъ спискѣ и ея вѣроятное сокращеніе въ новгородскомъ. Совпаденіе, устраняющее малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ вѣрности факта, подтверждаемаго также всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи русскаго юга.

Кромѣ борьбы съ степняками, этому же племени пришлось выдерживать борьбу и съ Кіевомъ. Борьба эта начинается, какъ мы видѣли, очень рано. Повидимому, въ ней слѣдуетъ искать начала историческихъ отношеній Кіева къ Болгаріи, но, за отсутствіемъ сколько нибудь опредѣленныхъ данныхъ, мы можемъ дѣлать объ этомъ лишь болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія и догадки. Ничего опредѣленнаго не можемъ сказать и о томъ, какое вліяніе на внутреннюю жизнь племени имѣла эта борьба. Одно только врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію: строй жизни долженъ былъ расшатываться. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ въ такомъ случаѣ всегда обнаруживались дробленія; въ цѣломъ обозначались мелкія части, называемыя по своимъ волостнымъ центрамъ. Такихъ центровъ среди занимающаго насъ племени не знаемъ. Можемъ предполагать, что они были; о городахъ говоритъ и наша лѣтопись, и записка географа баварскаго [1]), но ни тотъ, ни другой источникъ не сообщаютъ названій. Лѣтопись путается въ самомъ названіи племени; но улутичи, лутичи, уличи — все это названія одного корня, смыслъ котораго связанъ съ природнымъ характеромъ того урочища, которое мы обозначили. Корень этотъ играетъ видную роль въ славянской геогра-

---

[1]) „Unlici populus multus, civitates CCCXVIII", б. м., и преувеличено, но и по лѣтописи, „бѣ множество ихъ"; тутъ и тамъ лишь названіе урочища. Отъ лѣвобережнаго славянства даже этого не осталось. „Въ имени Хозаріи, по справедливому замѣчанію Забѣлина, исчезаютъ всѣ имена пріазовскихъ и приднѣпровскихъ (т. е., конечно, лѣвобережныхъ) народностей" (Исторія I, 403), хотя какъ Арабы, такъ и намекъ географа баварскаго (Caziri civitates C) показываютъ, что и здѣсь было то же, что и въ другихъ мѣстахъ славянщины.

фической номенклатурѣ вообще, а по указанному характеру территоріи бассейна днѣпровско-бужскаго лимана, долженъ быть приложенъ къ ней на томъ же самомъ основаніи, по которому — повторимъ слова Ламбина — жители полей назывались поляне, а жители лѣсовъ — древляне. Возстановить правильное чтеніе варіантовъ, сообщенныхъ лѣтописью — дѣло филологовъ. Мы склонны принять форму, предлагаемую Соболевскимъ: улучичи; такъ какъ эта форма вполнѣ отвѣчаетъ названію урочища: улучье и наиболѣе удовлетворительно объясняетъ формы: улучи и уличи — представляющія, всего вѣроятнѣе, не раскрытыя переписчиками сокращенія. Рѣшительно отвергаемъ форму лютичи [1]), такъ какъ она совсѣмъ другого корня; суличи какъ возникшую изъ явно невѣрнаго чтенія „с Уличи“ [2]).

Что касается формы „угличи“, то она не можетъ возбуждать сомнѣній, но, по всѣмъ даннымъ, угличи — другое, чѣмъ улучичи. У Византійцевъ мы имѣемъ подробное описаніе того мѣста, съ которымъ связано было названіе „угла“. По прямому ихъ показанію, это названіе принадлежало туземцамъ [3]).

Что это названіе славянское доказываетъ самое слово, что Славяне здѣсь жили давно, на это мы имѣемъ не внушающія подозрѣнія свидѣтельства, что названіе уголъ очень крѣпко связано было съ мѣстомъ, доказываетъ позднѣйшій его татарскій переводъ—буджакъ.

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы именно здѣсь жило то племя, съ которымъ воевалъ Свѣнельдъ, какъ полагаетъ Надеждинъ, чтобы село Пересѣчени было непремѣнно тотъ Пересѣченъ, который онъ осаждалъ цѣлыхъ три года. Одноименныхъ поселеній и урочищъ можетъ

---

[1]) Объ указываемой Шлецеромъ формѣ: глутичи, впрочемъ, безъ означенія списка (II, 121), нечего и говорить.

[2]) Что касается формы лучане, то она, кажется, привнесена сюда отъ другого, волостного центра, получившаго важное значеніе позже.

[3]) Locum idoneum occupavit (Аспарухъ), quem sua lingua ογλον appellant. *Никифоръ* у Стриттера, II, 504.

быть много и въ разныхъ мѣстахъ. Татищевъ указываетъ Пересѣченъ въ одномъ мѣстѣ, Карамзинъ въ другомъ, Надеждинъ въ третьемъ; урочище Пересѣченъ было въ кіевской области и на Днѣпрѣ [1]). И въ настоящее время подобныя названія нерѣдки на славянской землѣ [2]).

Названіе волостного центра только тогда можетъ быть принимаемо во вниманіе, при объясненіи колѣннаго названія, когда мѣстопоселеніе колѣна и положеніе его главнаго города не внушаетъ никакихъ сомнѣній. Въ данномъ случаѣ этого нельзя сказать о Пересѣченѣ. Ненадежность лѣтописнаго текста позволяетъ видѣть въ противникахъ Свѣнельда не жителей историческаго „угла", а улучичей. Позднѣйшая Сѣчь даетъ основаніе предполагать здѣсь существованіе подобоименнаго центра и въ далекой древности [3]), тѣмъ болѣе, что самый текстъ заставляетъ предполагать, что столкновеніе съ Свѣнельдомъ произошло до передвиженія. Угличи должны были быть по той же самой причинѣ, по которой были поляне, древляне и проч., но ихъ не слѣдуетъ искать въ днѣпровско-бужскомъ улучьѣ. Они должны были быть тамъ, гдѣ было урочище „уголъ", на которое указываютъ византійцы и позднѣйшее названіе: буджакъ. Это урочище лежало уже внѣ предѣловъ улучья.

По Никифору, это было мѣсто, прилежащее къ Дунаю и укрѣпленное съ одной стороны болотами, съ другой—скалами и бугристыми возвышеніями. По Ѳеофану, Аспарухъ прибылъ въ „уголъ", перейдя Днѣпръ и Днѣстръ [4]). Бугъ

---

[1]) *Барсовъ*, Матеріалы, 158, *Мончаловскій*, Очеркъ Подольской земли, 32 пр. 1.

[2]) Въ Угріи: Preszaka (три), Preszeka, Preszekar, *Škvor*, Ortslexicon; въ Чехіи: Přesĕka *Kotyška*, Uplný mistop. Slovn.

[3]) Тверск. л. 47, прямо полагаетъ Пересѣченъ на Днѣпрѣ, и врядъ ли слѣдуетъ совсѣмъ игнорировать это указаніе. Кстати замѣчу, что названія: Ингулъ, Ингулецъ не имѣютъ никакого отношенія къ славянскому „углу". Названіе турецкое: іен-кулъ, „что значитъ — обширное озеро". *Эварницкій*, Вольности запорожск. козаковъ, СПБ. 1890, стр. 138.

[4]) *Стриттеръ*, II, 504.

верцы, врядъ ли вѣрно. Они стоятъ вмѣстѣ съ драговичами и, слѣдовательно, скорѣе древляне. А что касается Attorozi географа баварскаго, то относительно ихъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго.

Однимъ словомъ, названіе Тиверцы кажется намъ русской огласовкой греческаго географическаго термина, крѣпко связаннаго съ поднѣстровьемъ по преимуществу. Оно врядъ ли представляетъ живое народное именованіе. Для всего громаднаго пространства нынѣшняго русскаго юго-запада мы имѣемъ, такимъ образомъ, лишь два названій: *улучье* и *уголъ* [1]). Отъ этихъ естественныхъ урочищъ и заимствованы названія колѣнъ. Но мы не вправѣ предполагать, чтобы эти общія названія исключали возможность существованія болѣе мелкихъ колѣнныхъ обозначеній. Сопоставленіе данныхъ этнографіи на всей славянской землѣ ручается за то, что такія мелкія колѣнныя или волостныя обозначенія могли существовать и вѣроятно существовали, но мы ихъ не знаемъ, какъ не знаемъ ни одного названія города (кромѣ Пересѣчена и Олешья) [2]), хотя лѣтопись прямо говоритъ о городахъ, а намекъ географа баварскаго позволяетъ думать, что ихъ было не мало.

Вотъ и все главнѣйшее, что можно сказать о припонтійскомъ сѣверѣ, на основаніи немногихъ точныхъ данныхъ и болѣе или менѣе правдоподобныхъ соображеній.

Въ историко-этнографическомъ отношеніи не можетъ подлежать сомнѣнію, что вся эта территорія составляла

---

[1]) Оба эти названія въ языкѣ земли встрѣчаются часто; первое преимущественно въ рѣкахъ, второе въ мѣстностяхъ. Въ писц. кн. пинск. и клецк. урочищъ: уголъ — 18, углы — 9, кромѣ того: уголецъ, угольская (нива), угольское. У Галича на Днѣпрѣ: Угольники (Ип. л. 506), теперь—Неуглова корчма, поле Угольники (*Дашкевичъ*, Замѣтки 69). Въ Польшѣ: Węglany, Węglczew; въ словинской Краинѣ: Vôglje, Vôgle, Vogliče. Синонимъ: Кутъ. отс. Покутье.

[2]) О положеніи его см. акад. *Васильевскій*, Записка готскаго топарха. Ж. М. Пр. 1876, ч. 185, стр. 115.

наше поднѣстровье, а вслѣдствіе этого названіе тиверцы скорѣе можетъ быть русской огласовкой общепринятаго, давняго географическаго термина для поднѣстровья, чѣмъ дѣйствительно народнымъ живымъ обозначеніемъ колѣна. Такое предположеніе отчасти подтверждается, во-1-хъ тѣмъ, что подъ 907 г. лѣтопись говоритъ лишь о тиверцахъ, примѣняя, очевидно, только къ нимъ названіе „великой Скуфи". Названіе тиверцы, такимъ образомъ, является здѣсь названіемъ общимъ для всего пространства и въ этомъ случаѣ оно какъ будто соотвѣтствуетъ книжному же термину „великая Скуфь" нашей лѣтописи, а равно и греческимъ „Тавроскиѳамъ", „сѣвернымъ скиѳамъ" [1]). Во-2-хъ, названіе „Тиверцы" — въ этнографической номенклатурѣ является одинокимъ. Въ топониміи оно весьма рѣдко: изъ указанныхъ Барсовымъ топографическихъ названій сюда можетъ относиться только „Тивровъ" (винницк. у.) [2]). Во-3-хъ, мнѣніе Шафарика [3]), что теверіаны (если принимать такое чтеніе) Багрянороднаго — тоже, что лѣтописные ти-

---

[1]) Сопоставленіе перечня подъ 907 г. съ третьимъ перечнемъ славяно-русскихъ колѣнъ не оставляетъ сомнѣнія, что выраженіе подъ 907 г.: „си вси звахуться Великая Скуфь", можетъ относиться только къ тиверцамъ, которые поэтому представляютъ общее обозначеніе колѣнъ „Великой Скуфи". Не могу поэтому согласиться ни съ мнѣніемъ, по которому выраженіе: „си вси звахуться Великая Скуфь" относится ко всѣмъ исчисляемымъ подъ 907 г. племенамъ, „чтобы не вводить читателя въ заблужденіе относительно объема реченія: толковины, которымъ лѣтописецъ характеризуетъ однихъ только тиверцевъ", *Барсовъ*, Очерки, пр. 158, ни съ мнѣніемъ, относящимъ—толковины лишь къ тиверцамъ, въ смыслѣ отдѣльнаго колѣна, *Молчановскій*, Очеркъ изв. о Подольск. з., 30 пр. 2. Что касается выраженія „толковины", то объясненіе *В. Григоровича:* союзникъ, федератъ, наиболѣе правдоподобно. Труды 3 арх. съѣзда, I, LXII.

[2]) Очерки, 96. Такія названія, какъ Тарнава, Тарногура (тамъ же, пр. 159) не имѣютъ сюда никакого отношенія. Названій, подобоименныхъ Тиврову, мнѣ нигдѣ не попалось.

[3]) Древности, II, 1, 211 сл.

различенія славянскихъ группъ въ VI вѣкѣ лежали языч-ныя примѣты? Мы не можемъ этого допустить не по логическимъ только соображеніямъ, а *на основаніи несомнѣнной однородности языка славянской земли* [1]). Слѣдовательно, въ основѣ различенія долженъ бы лежать не языкъ, а что-то другое. Что именно, мы съ опредѣленностью сказать не можемъ, но въ этомъ случаѣ прежде всего приходятъ на умъ тѣ природныя грани, какія въ условіяхъ начальнаго быта должны были играть особенную роль [2]), опредѣляя рубежи отдѣльныхъ естественно возникающихъ центровъ, связывавшихъ населеніе. Далѣе, получаютъ значеніе тѣ природныя условія, какими опредѣлялся бытъ народа: степь, горы и возвышенности, наконецъ низь не могли не вліять на характеръ быта, а слѣдовательно, и общественнаго строя населенія. Въ населеніи степей и отчасти горъ мы должны предполагать большую подвижность, чѣмъ въ населеніи плодородныхъ долинъ и тѣхъ низменныхъ пространствъ, какія представляютъ всѣ данныя для правильнаго земледѣльческаго быта. Также точно совершенно другія условія представляетъ лѣсная полоса нашей низи, съ богатыми данными для лѣсного, бортнаго и звѣринаго промысла.

Эти пространства, различныя по природнымъ условіямъ, какъ будто дополняютъ другъ друга: одна полоса нуждается въ другой, а при удобныхъ путяхъ сообщенія, взаимный обмѣнъ становится естественнымъ. Недаромъ поэтому въ началѣ исторической эпохи, освѣщаемой точными

---

[1]) По Хордадбе, славянскіе евнухи служили въ Багдадѣ переводчиками для русскихъ купцовъ, въ чемъ позволительно усматривать в. важное свидѣтельство о близости славянскихъ нарѣчій. По прямому показанію Хордадбе: „Русскіе—племя изъ Славянъ“, *Гаркави*, Сказанія, 49.

[2]) Напомню знаменитыя слова *Michelet:* „L'histoire est d'abord toute géographique", „la liberté (человѣческая воля) est forte aux âges civilisés, la nature dans les temps barbares, alors les fatalités locales sont toutes-puissantes, *la simple géographie est une histoire,* Hist. de Fr. Livr II, III.

сплошное славянство, на западѣ примыкающее къ славянству карпатскому, на юго-западѣ — дунайскому, на востокѣ — заднѣпровскому, точнѣе — подонскому, которымъ въ древнѣйшее время связывалась область сѣверянъ съ волостью тмутараканскою. Уже въ VI в. вполнѣ ясно отмѣчены среди этого славянства отдѣльныя группы, и слѣдовательно, какъ справедливо замѣтилъ Цейсъ, должны были существовать извѣстные признаки такого раздѣленія [1]). Цейсъ, со свойственной ему проницательностью, замѣчаетъ, что уже тогда „въ массѣ Славянъ и Антовъ заключалось множество мелкихъ колѣнъ, носившихъ тѣ же названія, какія обнаруживаются потомъ" [2]). Нельзя дѣйствительно предположить, чтобы въ этомъ колѣнномъ дробленіи не сказывались уже тогда извѣстные діалектическіе оттѣнки. Они должны были существовать и благодаря громадному протяженію территоріи, и благодаря разнороднымъ воздѣйствіямъ. По всему сказанному въ предыдущей главѣ, мы не можемъ отвергать такого предположенія. Мы должны признавать существованіе нарѣчій уже въ отдаленной древности, а слѣдовательно, должны предполагать и полосы нарѣчныхъ переливовъ, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, совпадали съ природными гранями; но все таки мы не можемъ освободиться отъ нѣкоторыхъ сомнѣній, относительно предполагаемой Цейсомъ основы дѣленія. При существованіи говорныхъ переливовъ, черты нарѣчій врядъ ли могли быть легко уловимы, особенно при извѣстномъ тугоушіи славянскихъ сосѣдей. Современная діалектологія доказываетъ несомнѣнно, какъ трудно локализовать говорныя отличія, даже при нынѣшнемъ филологическомъ всеоружіи. Можно ли, въ виду этого, предполагать, чтобы въ основѣ

---

[1]) *Zeuss*, Die Deutschen, 602 сл.

[2]) Сказать: *тѣ же названія*, конечно, нѣсколько смѣло,— названія мѣнялись; но такъ какъ эти измѣненія вращались въ извѣстномъ кругѣ, то, по существу, трудно что нибудь возразить противъ замѣчанія Цейса.

различенія славянскихъ группъ въ VI вѣкѣ лежали языч-ныя примѣты? Мы не можемъ этого допустить не по логическимъ только соображеніямъ, а *на основаніи несомнѣнной однородности языка славянской земли*[1]). Слѣдовательно, въ основѣ различенія долженъ бы лежать не языкъ, а что-то другое. Что именно, мы съ опредѣленностью сказать не можемъ, но въ этомъ случаѣ прежде всего приходятъ на умъ тѣ природныя грани, какія въ условіяхъ начальнаго быта должны были играть особенную роль[2]), опредѣляя рубежи отдѣльныхъ естественно возникающихъ центровъ, связывавшихъ населеніе. Далѣе, получаютъ значеніе тѣ природныя условія, какими опредѣлялся бытъ народа: степь, горы и возвышенности, наконецъ низъ не могли не влiять на характеръ быта, а слѣдовательно, и общественнаго строя населенія. Въ населеніи степей и отчасти горъ мы должны предполагать большую подвижность, чѣмъ въ населеніи плодородныхъ долинъ и тѣхъ низменныхъ пространствъ, какія представляютъ всѣ данныя для правильнаго земледѣльческаго быта. Также точно совершенно другія условія представляетъ лѣсная полоса нашей низи, съ богатыми данными для лѣсного, бортнаго и звѣринаго промысла.

Эти пространства, различныя по природнымъ условіямъ, какъ будто дополняютъ другъ друга: одна полоса нуждается въ другой, а при удобныхъ путяхъ сообщенія, взаимный обмѣнъ становится естественнымъ. Недаромъ поэтому въ началѣ исторической эпохи, освѣщаемой точными

---

[1]) По Хордадбе, славянскіе евнухи служили въ Багдадѣ переводчиками для русскихъ купцовъ, въ чемъ позволительно усматривать в. важное свидѣтельство о близости славянскихъ нарѣчій. По прямому показанію Хордадбе: „Русскіе—племя изъ Славянъ", *Гаркави*, Сказанія, 49.

[2]) Напомню знаменитыя слова *Michelet*: „L'histoire est d'abord toute géographique", „la liberté (человѣческая воля) est forte aux âges civilisés, la nature dans les temps barbares, alors les fatalités locales sont toutes-puissantes, *la simple géographie est une histoire*, Hist. de Fr. Livr II, III.

данными мы встрѣчаемъ рядъ городовъ по преимуществу на рѣчныхъ узлахъ. Лѣтописныя данныя, какъ увидимъ ниже, открываютъ захудалость и межеумочность нѣкоторыхъ изъ такихъ центровъ въ полосѣ, уцѣлѣвшей отъ степного размыва (Теребовль, Звенигородъ, Бужскъ), и сообщаютъ одинъ только намекъ на существованіе городовъ въ полосѣ размытой степными волнами. Это обстоятельство не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что картина жизни, какую открываетъ передъ нами первая писанная страница нашей исторіи, представляетъ далеко не начало этой исторіи, а скорѣе одинъ изъ послѣднихъ моментовъ того страшнаго перелома, какой испытала на себѣ цѣлая полоса древне-русской территоріи, ближайшая къ Русскому морю, слѣдовательно давшая ему свое названіе, а слѣдовательно *русская безъ всякаго сомнѣнія*. То, что открываетъ передъ нами лѣтопись, представляетъ лишь напоминаніе о быломъ, причемъ слѣды этого былого обозначаются довольно долго, все болѣе и болѣе слабѣя, пока наконецъ не затопляются окончательно татарскимъ валомъ.

Извѣстія Арабовъ, при сопоставленіи ихъ съ лѣтописными намеками, даютъ твердую основу исторической этнографіи славяно-русскаго юга. Въ свѣтѣ арабскихъ показаній получаетъ настоящій смыслъ и многочисленность Славянъ „великой Скуфи", и устойчивость ея славянской номенклатуры, и загадочно мелькающее въ лѣтописяхъ тмутараканское княжество — преемникъ русскаго княжества, упоминаемаго въ договорѣ Игоря и Святослава. По свидѣтельству Іордана, славянская территорія на востокѣ простиралась до Днѣпра [1]). Показанія Арабовъ (Баладури, Табари, Масуди) не оставляютъ никакого сомнѣнія, что и за Днѣпромъ Славяне были многочисленны. Донъ у Арабовъ называется даже „славянской" рѣкою, а такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, мы видимъ въ этой сторонѣ отступленіе Славянъ передъ напоромъ степи, но еще по Арабамъ

[1]) Момс. изд., 63. Прокопій не указываетъ опредѣленной границы, см. *Крекъ*, Einleit., 295.

видимъ въ Хазаріи значительный славянскій элементъ, по всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ, отъ VI до X в. не было перемѣны основного этнографическаго слоя, то скачекъ отъ Іордана къ Арабамъ и лѣтописи не долженъ показаться удивительнымъ и смѣлымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ восточную границу Іордана нельзя считать границей этнографической. Вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ тѣхъ фактовъ, какіе были указаны въ полосѣ сѣверной Угріи, становятся понятны сообщенія Арабовъ объ этнографической смѣси и даже перерожденіяхъ подъ вліяніемъ этой смѣси [1]).

Отъ альпійскихъ отроговъ на западѣ до Волги на востокѣ мы должны въ началѣ исторической эпохи признавать основу славянскую, причемъ эта основа должна предшествовать напору степи, ибо появленіе ея здѣсь во время самаго напора представляетъ и логическій абсурдъ, и опровергается историческими данными, открывающими здѣсь отступленіе славянства въ одну сторону — на западъ, по направленію натиска, который сообщала степь, въ другую на сѣверъ — въ мѣста лѣсныя и потому для степняковъ недоступныя.

Одна сторона жизни этой древней Руси оставила по себѣ особенно замѣтные слѣды — торговля. Она отмѣчена Арабами, ею же вѣроятно въ извѣстной степени обусловливалась многочисленность городовъ, благодаря ей, на первыхъ страницахъ нашей исторіи встрѣчаемся съ торгово-политическими договорами, она же оставила по себѣ слѣды

---

[1]) Болгары въ Багдадѣ на вопросъ: „изъ какого вы народа, и что такое Булгаръ?" отвѣтили: „народъ смѣшанный изъ Туркъ и Славянъ". (*Гаркави*, Сказанія 105). На этой же почвѣ получаетъ смыслъ и интересное сообщеніе Аль-Бекри: „и главнѣйшія изъ племенъ сѣвера говорятъ по славянски, потому что смѣшались съ ними, какъ напр., ал-Тршкинъ и Анклій, и Баджанакіа, и Русы, и Хазары" (стр. 54). Здѣсь Русы, оставшіеся между Печенѣгами и Хазарами, отнесены же къ племенамъ неславянскимъ. Рядъ фактовъ, указанныхъ выше на территоріи Угріи, дѣлаетъ сообщеніе Аль-Бекри совершенно яснымъ.

въ монетахъ, находимыхъ нынѣ. Окрѣпли ли торговыя связи нашего славянства съ отдаленнымъ востокомъ только при Хазарахъ, или же хазарскій періодъ представляетъ продолженіе болѣе далекой старины — этого мы въ точности не знаемъ, но знаемъ несомнѣнно, что восточные торговые рынки оглашались тогда славянской рѣчью не только еврейскихъ купцовъ, считавшихъ необходимымъ знать по славянски, но и самихъ русскихъ, доходившихъ до Багдада [1]). Знаемъ далѣе, что связи эти установились очень прочно, ибо еще подъ конецъ XII в. удерживались жалкіе слѣды великаго былого [2]), и даже при Татарахъ, торговыя связи не прервались окончательно, а до XIV в. сохранялась память о другой картинѣ жизни русскаго юга [3]).

До IX в. сила Хазаръ была крѣпка, но уже въ 837 (или 838) г. хазарскій каганъ обращался къ императору Ѳеофилу съ просьбой помочь ему въ постройкѣ крѣпости на Дону (Саркелъ), для удержанія степного напора. Повидимому, при этомъ преслѣдовались и болѣе широкіе планы, хотя извѣстія объ относящихся сюда обстоятельствахъ крайне скудны и разсѣяны по источникамъ, не имѣющимъ между собою никакой связи. Вотъ какъ представляются теперь эти обстоятельства.

Въ 838 г. въ Константинополь явились послы народа „Русь". Византійскіе источники объ этомъ не упоминаютъ, но въ маѣ 839 г., по свидѣтельству бертинскихъ лѣтописей, явилось въ Ингельгеймѣ греческое посольство а съ нимъ и Русь. Въ Ингельгеймѣ это имя напомнило сѣверныхъ пиратовъ, но не знаменитыхъ своими разбоями Датчанъ и Норвежцевъ, а болѣе далекихъ и вообще мало извѣстныхъ тогда Шведовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, оказалось по наведеннымъ относительно „Руси" справкамъ.

---

[1]) Хордадбе у *Гаркави*, Сказанія, 48, 49.

[2]) См. выше, стр. 282. пр. 4.

[3]) „Деревья, существующія теперь, говоритъ Ибнъ-Яхія, представляютъ только остатки насажденій, сдѣланныхъ древними обитателями". *Голубовскій*, Печенѣги, 4.

Какимъ образомъ представители нашей Руси могли оказаться въ Ингельгеймѣ Свеонами—это другой вопросъ. Мы не можемъ принять на себя разъясненія этого вопроса. Позволимъ себѣ только указать на свидѣтельство о Руси у Аль-Бекри, врядъ ли оставляющее сомнѣніе, что имя это, подобно многимъ другимъ славянскимъ этнографическимъ обозначеніямъ, было связано съ разными мѣстами, т. е. принадлежало къ разряду повторяющихся названій, но, по крайней мѣрѣ, у Аль-Бекри мѣста, съ которыми оно связано, принадлежатъ славянской землѣ и никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ норманнскому сѣверу [1]). Ничего болѣе, по поводу Свеоновъ бертинской лѣтописи, мы не можемъ сказать.

Судьба русскаго посольства 839 г. неизвѣстна [2]). Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что построенная, при

---

[1]) Аль-Бекри указываетъ Русь 1) на крайнемъ юго-востокѣ, между Печенѣгами и Хазарами (54), о чемъ было упомянуто выше. См. выше, стр. 308; 2) Русь около Кракова (49). См. выше, стр. 256; 3) къ востоку отъ владѣній Мшки, т. е. Мешка польскаго (51); 4) Русь на верховьяхъ Волги (60); 5) на поморьѣ къ западу отъ Пруссовъ (51). Не трудно замѣтить, что Русь хазарская, краковская и побужская (на з. Бугѣ; она именно граничила съ владѣніями Мешка на востокѣ) есть одна Русь, тотъ alter orbis, о которомъ говоритъ Матвѣй краковскій. Что касается двухъ другихъ Русей, то о Руси на верховьяхъ Волги говоритъ и Фадланъ, *Гаркави*, Сказанія, 92, а о Руси, нападающей на Пруссовъ „съ запада на корабляхъ", акад. Куникъ замѣчаетъ слѣдующее: „извѣстія Ибрагима о нападеніи морскихъ разбойниковъ Русовъ съ запада приводитъ насъ въ сосѣдство съ Славянами Накуна, которые, по словамъ Ибрагима, жили на крайнемъ западѣ, т. е. по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, въ Меклепбургѣ" (87). Почему, однако, акад. Куникъ этимъ не довольствуется, а прямо послѣ этого указанія переносится на землю, что „лежитъ противъ меклепбургскихъ береговъ"—это его дѣло. Для науки важно, что говоритъ источникъ, а не его коментаторъ.

[2]) Только акад. *Куникъ* считаетъ возможнымъ гадать объ этомъ. Berufung, II, 205. На мой взглядъ, было бы умѣстнѣе дѣлать предположенія о томъ, какимъ образомъ среди этой

по всей вѣроятности, и жили въ области Днѣпра или еще ближе къ черноморскому побережью, признавая вмѣстѣ со своимъ племенемъ верховную власть хазарскаго кагана, если и имѣли своихъ князей, которыхъ впрочемъ и могли именовать каганами. Говоря о хазарскомъ владычествѣ, византійская хроника могла бы тутъ же упомянуть и о прибытіи представителей Русскаго племени; если она этого не сдѣлала, то удивляться нѣтъ причины; в отправленіи посольства къ императору Франковъ, именно того самаго посольства, къ которому присоединились русскіе пришлецы, византійскіе историки упоминаютъ въ весьма отчетливыхъ чертахъ, однако и тутъ имени Русь ни не произнесено".

Такимъ образомъ, одинъ изъ краеугольныхъ кáмней норманнизма, поставленный наконецъ, благодаря академику Васильевскому, на свое надлежащее мѣсто, оказывается весьма важнымъ текстуальнымъ дополненіемъ къ арабскимъ извѣстіямъ. На надлежащемъ мѣстѣ онъ получаетъ характеръ этнографическаго указанія, и слѣдовательно примѣненіе къ нему исключительно грамматическаго комментарія нарушаетъ непреложные законы исторической критики [1]).

---

[1]) Такой именно коментарій представляетъ толкованіе акад. Куникомъ выраженія: rex chacanus vocabulo (Гедеоновъ и его система. Зап. Ак. Н. VI, 73 слл.). Акад. Васильевскій признаетъ это толкованіе „филологическими тонкостями сомнительной прочности". Прибавлять что нибудь къ этому отзыву излишне. Замѣчу только, что литературная исторія извѣстія бертинскихъ лѣтописей представляютъ едва ли не самую яркую иллюстрацію исторіи нашего норманнизма; а кажущееся Кунику въ высшей степени вѣроятнымъ предположеніе, что мнимый *Hákan* „уже утвердилъ свою резиденцію среди Чуди или же въ к. л. славянской колоніи на чудской землѣ" (Mélanges russes, V. Беру изъ Васильевскаго к. в.), или то фантастическое странствіе, какое заставилъ совершить Русь бертинскихъ лѣтописей Шлецеръ (II, 182), будетъ всегда служить образчикомъ той фактической обоснованности доказательствъ, какими поддерживала свою теорію наша по преимуществу „академическая" школа.

дятся, какъ мы видѣли, въ полномъ согласіи и свидѣтельства источниковъ.

Повторяемъ: арабскія извѣстія даютъ твердую основу исторической этнографіи славяно-русскаго юга, а сопоставленіе ихъ съ лѣтописными намеками на отдаленную древность и точными фактами сравнительно позднѣйшаго времени (IX—XII в.), съ случайными показаніями иностранцевъ, какъ западныхъ, начиная съ Іордана, такъ и византійцевъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что, начиная со времени, сколько нибудь доступнаго точному историческому обслѣдованію, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ основнымъ этнографическимъ слоемъ славянства; что этотъ слой покрываетъ пространство отъ дунайскаго колѣна до Каспійскаго моря, плотно облегая все сѣверное побережье „Русскаго моря“. Мы можемъ безъ колебанія утверждать, что территорія сѣверянъ связывалась съ Тмутараканью сплошными славянскими поселеніями [1]), и что вообще русскія поселенія на нашемъ югѣ были не летучими форпостами сѣвера, а прочной стародавней осѣдлостью.

Приведенное выше свидѣтельство Ибнъ-Яхіи показываетъ, что не только картина жизни юга, но и картина его природы въ древности могла отличаться отъ того, что представляетъ намъ степной югъ въ позднѣйшее время. Значительныя лѣсныя пространства были несомнѣнно нерѣдки въ нынѣ безлѣсныхъ степяхъ [2]). Эти лѣсныя пространства сообщали, конечно, нѣсколько иную физіономію русскому югу, а въ тревожное время они должны были

---

[1]) Конечно, посколько это допускалось природными условіями. Ср. *Барсовъ*, Очерки 150—152 и особенно важныя замѣчанія *Ламбина* о русскомъ княжествѣ въ Боспорѣ и Тмутаракани. О тмутараканской Руси. Ж. М. Пр. 1874, ч. 171, стр. 69.

[2]) Подробное обозначеніе этихъ лѣсныхъ пространствъ см. у *Голубовскаго* Печенѣги гл. 1-я. Они падаютъ вообще на побережья рѣкъ, гдѣ недостатокъ влаги не могъ быть чувствителенъ. Многоводіе южныхъ рѣкъ въ древности подтверждается и нѣкоторыми находками.

содѣйствіи византійскихъ инженеровъ крѣпость Саркелъ не удержала степняковъ: появляются Мадьяре[1]), а за ними Печенѣги, т. е. тотъ степной валъ, который коснулся не только причерноморья, но и средне-днѣпровской полосы — Кіева. Въ 915 г. Печенѣги являются на Руси[2]), въ 968 г. подходятъ къ Кіеву, въ 972 г. отъ нихъ гибнетъ представитель Руси, а съ 980 г. они принимаютъ участіе въ княжескихъ междоусобіяхъ. Начинается полный поворотъ въ жизни русскаго юга. Печенѣговъ вскорѣ смѣняютъ Половцы, Половцевъ Татары. Такимъ образомъ съ половины IX в. уже не было даже короткой передышки. Цвѣтущій нѣкогда русскій югъ со многими городами превратился понемногу въ голую степь.

Картина кочевого запустѣнія русскаго юга до такой степени овладѣла нами, что, несмотря на труды Срезневскаго, Ламанскаго, Барсова, Иловайскаго, Ключевскаго, Дринова, Голубовскаго, Пича, мы все еще очень склонны смотрѣть на славяно-русскій югъ, какъ на пустое мѣсто, съ другимъ представленіемъ все еще не можемъ освоиться. Между тѣмъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ доказываетъ, что это превращеніе, несмотря на непрерывный прибой степи, послѣдовало не сразу, а слѣдовательно, нашъ югъ долженъ былъ обладать значительнымъ запасомъ силъ противодѣйствующихъ. Такія силы тогда могли заключаться прежде всего въ массѣ. Съ этимъ естественнымъ соображеніемъ нахо-

---

Руси могла возникнуть мысль объ образованіи союза европейскихъ народовъ противъ надвигающейся степи.

[1]) Соображенія о времени выхода Мадьяръ изъ ихъ прародины и пребыванія въ южно-русскихъ степяхъ, вмѣстѣ съ относящимися сюда свидѣтельствами источниковъ, см. *Гротъ*, Моравія и Мадьяры 192 слл.

[2]) Впрочемъ „первое" появленіе Печенѣговъ въ лѣтописи отмѣчено два раза (подъ 915 и 968 г.), а подъ 867 занесено въ никон. л. извѣстіе о побѣдѣ Оскольда и Дира надъ Печенѣгами. Это извѣстіе не невѣроятно, такъ какъ въ 915 г. Печенѣги были уже на Дунаѣ, — ихъ нанимали тогда Греки противъ Симеона болгарскаго. *Стриттеръ*, II, 584.

дятся, какъ мы видѣли, въ полномъ согласіи и свидѣтельства источниковъ.

Повторяемъ: арабскія извѣстія даютъ твердую основу исторической этнографіи славяно-русскаго юга, а сопоставленіе ихъ съ лѣтописными намеками на отдаленную древность и точными фактами сравнительно позднѣйшаго времени (IX—XII в.), съ случайными показаніями иностранцевъ, какъ западныхъ, начиная съ Іордана, такъ и византійцевъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что, начиная со времени, сколько нибудь доступнаго точному историческому обслѣдованію, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ основнымъ этнографическимъ слоемъ славянства; что этотъ слой покрываетъ пространство отъ дунайскаго колѣна до Каспійскаго моря, плотно облегая все сѣверное побережье „Русскаго моря". Мы можемъ безъ колебанія утверждать, что территорія сѣверянъ связывалась съ Тмутараканью сплошными славянскими поселеніями [1]), и что вообще русскія поселенія на нашемъ югѣ были не летучими форпостами сѣвера, а прочной стародавней осѣдлостью.

Приведенное выше свидѣтельство Ибнъ-Яхіи показываетъ, что не только картина жизни юга, но и картина его природы въ древности могла отличаться отъ того, что представляетъ намъ степной югъ въ позднѣйшее время. Значительныя лѣсныя пространства были несомнѣнно нерѣдки въ нынѣ безлѣсныхъ степяхъ [2]). Эти лѣсныя пространства сообщали, конечно, нѣсколько иную физіономію русскому югу, а въ тревожное время они должны были

---

[1]) Конечно, поскольку это допускалось природными условіями. Ср. *Барсовъ*, Очерки 150—152 и особенно важныя замѣчанія *Ламбина* о русскомъ княжествѣ въ Боспорѣ и Тмутаракани. О тмутараканской Руси. Ж. М. Пр. 1874, ч. 171, стр. 69.

[2]) Подробное обозначеніе этихъ лѣсныхъ пространствъ см. у *Голубовскаго* Печенѣги гл. 1-я. Они падаютъ вообще на побережья рѣкъ, гдѣ недостатокъ влаги не могъ быть чувствителенъ. Многоводіе южныхъ рѣкъ въ древности подтверждается нѣкоторыми находками.

служить первымъ пріютомъ населенія отъ кочевниковъ. Въ лѣса спасалось населеніе отъ Болгаръ, Аваръ, Мадьяръ, Печенѣговъ, Половцевъ. Каждый новый приливъ кочевниковъ вносилъ съ собой новое опустошеніе страны, разоръ населенія, существенно вліялъ не только на строй жизни, но отчасти и на природу страны. При всемъ равнодушіи лѣтописи къ судьбѣ юга, въ ней все же сохранились намеки на непрерывность степного прибоя, который прежде всего и главнымъ образомъ ударялъ въ русскій югъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ сказываться и на сопредѣльныхъ частяхъ славяно-русскаго міра, нарушая, конечно, правильное теченіе его жизни, особенно при естественной связи съ югомъ нашей средней полосы.

Такъ, въ общихъ чертахъ, представляется намъ древняя исторія того широкаго пространства, которое по природѣ естественно связано съ древнимъ Русскимъ моремъ. Связь эта въ западной части нашего пространства непререкаемо свидѣтельствуется языкомъ земли, и понынѣ явственно обличающимъ свой древнѣйшій характеръ, несмотря на покрывающій его толстый слой инороднаго напоса. Для восточныхъ частей нашей полосы мы лишены этого матеріала, но, по отмѣченнымъ Срезневскимъ лѣтописнымъ указаніямъ, которыя, надо думать, далеко не исчерпываютъ всего матеріала, можно судить, что и здѣсь языкъ земли удерживалъ сравнительно долго свой древнѣйшій славянскій характеръ. Отсутствіе урочищъ, конечно, въ значительной мѣрѣ содѣйствовало его измѣненію. Къ счастью, взамѣнъ этого матеріала, мы имѣемъ рядъ письменныхъ свидѣтельствъ, обнаруживающихъ здѣсь славянство и даже точно опредѣляющихъ ближайшій этнографическій обликъ этого славянства: „Русы — племя изъ Славянъ“, говоритъ Хордадбе, по другимъ, наоборотъ, Славяне племя Русское и можно несомнѣваться, что подъ этими Славянами разумѣются не отдаленные новгородскіе словене.

Болѣе или менѣе точное объясненіе этой терминологіи возможно лишь на почвѣ этнографической. Выше мы указывали возможность совмѣщенія названій общихъ и част-

ныхъ, видѣли, что рядомъ съ названіями, не внушающими никакихъ сомнѣній насчетъ своего смысла и значенія, есть и названія загадочныя, и наконецъ, что названія могутъ мѣняться [1]). Все это мы встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ на занимающей насъ территоріи. Населеніе значительной части ея, на протяженіи почти столѣтія (550 — 630), обозначается названіемъ Анты [2]); но между эпохой Антовъ и эпохой Словенъ-Руси источники не указываютъ на смѣну основного этнографическаго слоя. Обнаруживается, такимъ образомъ, только *перемѣна названія*. При этомъ мы не имѣемъ возможности опредѣлить, было ли названіе Анты употребительнымъ и у самихъ племенъ, обозначаемыхъ этимъ именемъ въ нашихъ источникахъ, или же нѣтъ. Совершенно то же можно сказать и о іордановыхъ Венедахъ. О послѣднихъ мы знаемъ несомнѣнно, что такое названіе употреблялось среди Нѣмцевъ очень долго, да и теперь еще употребляется, но, по всѣмъ видимостямъ, оно не употреблялось самими сѣверо-западными славянами, какъ не употребляется у Чеховъ названіе Богемцевъ, у Мадьяръ названіе Угровъ, Гунгаровъ, Венгровъ. Подобныя аналогіи не должны быть упускаемы изъ виду при объясненіи фактовъ древней нашей этнографіи. Но покуда всѣ эти вопросы даютъ основаніе утверждать лишь то, что древняя наша этнографія стоитъ на весьма шаткой почвѣ [3]).

---

[1]) Классическое подтвержденіе этого — смѣна названій: Дулѣбы, Бужане, Волыняне.

[2]) *Крекъ*, Einleit. 295 пр. 1.

[3]) Въ „Замѣчаніяхъ" о волжской Руси Хвольсона акад. Куникъ предлагаетъ арабистамъ вопросъ: „въ чемъ состоитъ настоящая причина того, что Черное море только съ X вѣка называется Русскимъ, и почему преимущественно только во второй половинѣ IX в. появляется вышедшій изъ внутренности Россіи *народъ мореплаватель?*" (Курсивъ въ подлинникѣ). По поводу этого вопроса акад. Куникъ говоритъ слѣдующее. „Этотъ и подобные вопросы не могутъ быть разрѣшены на основаніи однихъ только арабскихъ источниковъ. Съ этимъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ еще вопросъ: отчего у тѣхъ Арабовъ, которые писали ранѣе 860 года постоянно рѣчь

III.

Въ разъясненіи вопросовъ древней этнографіи славяно-русскаго міра судьбы населенія древняго Улучья и Угла имѣютъ громадное значеніе. Что сталось съ этимъ населеніемъ — вопросъ громадной важности. Къ сожалѣнію, для уясненія его у насъ имѣется весьма мало прямыхъ данныхъ. Наша лѣтопись, правда, отмѣтила непрерывность степного прибоя, но въ то же время она обнаруживаетъ полное равнодушіе къ судьбѣ припонтійскаго юга. Мы видѣли, что память о славянствѣ этого юга уцѣлѣла въ лѣтописи, собственно говоря, только въ названіяхъ двухъ урочищъ [1]). Память объ отношеніяхъ его къ степи сохранилась только въ названіяхъ степныхъ ордъ, обосно-

---

идетъ только о Славянахъ, и не говорится о Руссахъ?.. Безъ сомнѣнія мысль издать въ русскомъ переводѣ восточные источники о Славянахъ и Руси — мысль счастливая, однако всякій, знакомый съ этою областью источниковъ, убѣжденъ въ томъ, что свидѣтельства Арабовъ о сказанныхъ народахъ только тогда могутъ быть приняты за вполнѣ достовѣрныя, когда вообще упрочится этнографическая и географическая терминологія восточныхъ писателей, на сколько она касается странъ, прилежащихъ къ Черному морю и Волгѣ. Поэтому, кромѣ изданныхъ г. Гаркави извѣстій Арабовъ о Славянахъ и Руссахъ, необходимо имѣть еще свѣдѣнія о Болгарахъ, Хазарахъ, Буртасахъ, Печенѣгахъ, Аланахъ и пр." Зап. Ак. Н., XVIII, 1, стр. 153. Я позволилъ себѣ привести эти слова не затѣмъ, чтобы напомнить о поставленномъ почтеннымъ академикомъ вопросѣ: какимъ образомъ „вышелъ изъ внутренности Россіи народъ-мореплаватель?" а затѣмъ — что для уясненія этнографической терминологіи не только Арабовъ, но и другихъ иностранцевъ, сообщающихъ извѣстія о Руси и Славянахъ, необходимо, насколько возможно, *разслѣдовать терминологію и самихъ этихъ Русскихъ и Славянъ*, о чемъ какъ то забылъ упомянуть почтенный академикъ, ибо безъ этого, всѣ объясненія древней этнографической терминологіи останутся только грамматическимъ коментаріемъ, „филологическими тонкостями сомнительной прочности".

[1]) Намекъ на передвиженіе одной части припонтійскаго населенія къ западу не вошелъ во всѣ списки.

видимъ въ Хазаріи значительный славянскій элементъ, по всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ, отъ VI до X в. не было перемѣны основного этнографическаго слоя, то скачекъ отъ Іордана къ Арабамъ и лѣтописи не долженъ показаться удивительнымъ и смѣлымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ восточную границу Іордана нельзя считать границей этнографической. Вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ тѣхъ фактовъ, какіе были указаны въ полосѣ сѣверной Угріи, становятся понятны сообщенія Арабовъ объ этнографической смѣси и даже перерожденіяхъ подъ вліяніемъ этой смѣси [1]).

Отъ альпійскихъ отроговъ на западѣ до Волги на востокѣ мы должны въ началѣ исторической эпохи признавать основу славянскую, причемъ эта основа должна предшествовать напору степи, ибо появленіе ея здѣсь во время самаго напора представляетъ и логическій абсурдъ, и опровергается историческими данными, открывающими здѣсь отступленіе славянства въ одну сторону — на западъ, по направленію натиска, который сообщала степь, въ другую на сѣверъ — въ мѣста лѣсныя и потому для степняковъ недоступныя.

Одна сторона жизни этой древней Руси оставила по себѣ особенно замѣтные слѣды—торговля. Она отмѣчена Арабами, ею же вѣроятно въ извѣстной степени обусловливалась многочисленность городовъ, благодаря ей, на первыхъ страницахъ нашей исторіи встрѣчаемся съ торговополитическими договорами, она же оставила по себѣ слѣды

---

[1]) Болгары въ Багдадѣ на вопросъ: „изъ какого вы народа, и что такое Булгаръ?“ отвѣтили: „народъ смѣшанный изъ Туркъ и Славянъ". (*Гаркави*, Сказанія 105). На этой же почвѣ получаетъ смыслъ и интересное сообщеніе Аль-Бекри: „и главнѣйшія изъ племенъ сѣвера говорятъ по славянски, потому что смѣшались съ ними, какъ напр., ал-Трпкинъ и Анклій, и Баджанакіа, и Русы, и Хазары" (стр. 54). Здѣсь Русы, оставшіеся между Печенѣгами и Хазарами, отнесены уже къ племенамъ неславянскимъ. Рядъ фактовъ, указанныхъ выше на территоріи Угріи, дѣлаетъ сообщеніе Аль-Бекри совершенно яснымъ.

въ монетахъ, находимыхъ понынѣ. Окрѣпли ли торговыя связи нашего славянства съ отдаленнымъ востокомъ только при Хазарахъ, или же хазарскій періодъ представляетъ продолженіе болѣе далекой старины — этого мы въ точности не знаемъ, но знаемъ несомнѣнно, что восточные торговые рынки оглашались тогда славянской рѣчью не только еврейскихъ купцовъ, считавшихъ необходимымъ знать по славянски, но и самихъ русскихъ, доходившихъ до Багдада [1]). Знаемъ далѣе, что связи эти установились очень прочно, ибо еще подъ конецъ XII в. удерживались жалкіе слѣды великаго былого [2]), и даже при Татарахъ, торговыя связи не прервались окончательно, а до XIV в. сохранялась память о другой картинѣ жизни русскаго юга [3]).

До IX в. сила Хазаръ была крѣпка, но уже въ 837 (или 838) г. хазарскій каганъ обращался къ императору Ѳеофилу съ просьбой помочь ему въ постройкѣ крѣпости на Дону (Саркелъ), для удержанія степного напора. По-видимому, при этомъ преслѣдовались и болѣе широкіе планы, хотя извѣстія объ относящихся сюда обстоятельствахъ крайне скудны и разсѣяны по источникамъ, не имѣющимъ между собою никакой связи. Вотъ какъ представляются теперь эти обстоятельства.

Въ 838 г. въ Константинополь явились послы народа „Русь“. Византійскіе источники объ этомъ не упоминаютъ, но въ маѣ 839 г., по свидѣтельству бертинскихъ лѣтописей, явилось въ Ингельгеймѣ греческое посольство а съ нимъ и Русь. Въ Ингельгеймѣ это имя напомнило сѣверныхъ пиратовъ, но не знаменитыхъ своими разбоями Датчанъ и Норвежцевъ, а болѣе далекихъ и вообще мало извѣстныхъ тогда Шведовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, оказалось по наведеннымъ относительно „Руси“ справкамъ.

---

[1]) Хордадбе у *Гаркави*, Сказанія, 48, 49.

[2]) См. выше, стр. 282, пр. 4.

[3]) „Деревья, существующія теперь, говоритъ Ибнъ-Яхія, представляютъ только остатки насажденій, сдѣланныхъ древними обитателями“. *Голубовскій*, Печенѣги, 4.

Справки, по указанію источника, наводились тщательно, но все таки къ несомнѣннымъ результатамъ не привели. Осталось неизвѣстнымъ, что такое въ данномъ случаѣ эта „свейская Русь“: лазутчики, присланные для развѣдки, или искатели дружбы и союза? [1]). Дальнѣйшая судьба этой „Руси“ неизвѣстна по источникамъ.

Загадочное сообщеніе бертинскихъ лѣтописей породило въ нашей наукѣ цѣлую литературу. Разслѣдованіе, начавшееся въ Ингельгеймѣ, закончилось, такъ сказать, надняхъ, причемъ особеннаго вниманія зслуживаетъ то обстоятельство, что послѣднее по времени толкованіе извѣстія [2]) совпадаетъ по смыслу съ первымъ научнымъ его объясненіемъ у Байера, открывшаго это извѣстіе и объяснившаго выраженіе chacanus, какъ тюркскій титулъ владѣтельнаго лица (каганъ). „Вмѣстѣ съ Томмсеномъ и вопреки академику А. А. Кунику мы полагаемъ, говоритъ акад. В. Г. Васильевскій, что въ выраженіи хаканъ нужно видѣть не собственное имя (Гаконъ), а, гораздо проще, извѣстный титулъ властителей у Хазаръ, Аваровъ, у самихъ Русскихъ, когда они были подъ властью Хазаръ и послѣ. Само собою напрашивающееся историческое сопоставленіе для насъ заключаетъ въ себѣ больше обязательности и убѣдительности, чѣмъ филологическія тонкости сомнительной прочности; и потому мы думаемъ, что въ разсказѣ Пруденція всего лучше нужно разумѣть того же самого хазарскаго кагана, который въ данный моментъ, именно въ 838 г. находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Византіею и присылалъ туда свои посольства. Послы отъ имени Русскаго не только пришли въ Грецію черезъ нынѣшнюю Россію по Днѣпру, что считаетъ несомнѣннымъ Томмсенъ,

---

[1]) Quorum aduentus causam Imperator diligentius investigans, comperit, eos gentis esse Sueonum: exploratores potius regni illius nostrique, quam amicitiae petitores, ratus, penes se eousque retinendos indicavit, quoad veraciter inueniri posset, utrum fideliter eo nec ne peruenerint.

[2]) Акад. *Васильевскій*, Русско-визант. изслѣдованія, СПБ, 1893, стр. CXXV.

но, по всей вѣроятности, и жили въ области Днѣпра или вообще ближе къ черноморскому побережью, признавая вмѣстѣ со своимъ племенемъ верховную власть хазарскаго кагана, если и имѣли своихъ князей, которыхъ впрочемъ тоже могли именовать каганами. Говоря о хазарскомъ посольствѣ, византiйская хроника могла бы тутъ же упомянуть и о прибытiи представителей Русскаго племени; если она этого не сдѣлала, то удивляться нѣтъ причины; объ отправленiи посольства къ императору Франковъ, именно того самаго посольства, къ которому присоединились и русскiе пришлецы, византiйскiе историки упоминаютъ въ весьма отчетливыхъ чертахъ, однако и тутъ имени Русь ими не произнесено".

Такимъ образомъ, одинъ изъ краеугольныхъ кáмней норманнизма, поставленный наконецъ, благодаря академику Васильевскому, на свое надлежащее мѣсто, оказывается весьма важнымъ текстуальнымъ дополненiемъ къ арабскимъ извѣстiямъ. На надлежащемъ мѣстѣ онъ получаетъ характеръ этнографическаго указанiя, и слѣдовательно примѣненiе къ нему исключительно грамматическаго комментарiя нарушаетъ непреложные законы исторической критики [1]).

[1]) Такой именно коментарiй представляетъ толкованiе акад. Куникомъ выраженiя: rex chacanus vocabulo (Гедеоновъ и его система. Зап. Ак. Н. VI, 73 слл.). Акад. Васильевскiй признаетъ это толкованiе „филологическими тонкостями сомнительной прочности". Прибавлять что нибудь къ этому отзыву излишне. Замѣчу только, что литературная исторiя извѣстiя бертинскихъ лѣтописей представляютъ едва ли не самую яркую иллюстрацiю исторiи нашего норманнизма; а кажущееся Кунику въ высшей степени вѣроятнымъ предположенiе, что мнимый *Hâkan* „уже утвердилъ свою резиденцiю среди Чуди или же въ к. л. славянской колонiи на чудской землѣ" (Mélanges russes, V. Беру изъ Васильевскаго к. в.), или то фантастическое странствiе, какое заставилъ совершить Русь бертинскихъ лѣтописей Шлецеръ (II, 182), будетъ всегда служить образчикомъ той фактической обоснованности доказательствъ, какими поддерживала свою теорiю наша по преимуществу „академическая" школа.

нынѣ у казанскихъ татаръ въ названіи „булгарлыкъ“ [1]). Но этотъ вопросъ мы оставимъ въ сторонѣ. Мы не сомнѣваемся въ неславянствѣ Болгаръ, но признаемся, мы нѣсколько удивляемся той легкости, съ какою нѣкоторые солидные ученые опредѣляютъ время ихъ этнографическаго перерожденія. „Для этого достаточно было приблизительно 250 лѣтъ“ говоритъ Иречекъ [2]). Но указываетъ ли исторія хоть одинъ аналогичный фактъ подобной быстроты этнографическаго перерожденія цѣлаго народа? Нельзя забывать, что уже въ началѣ IX в. болгарскіе цари, окружены болярами [3]), пьютъ „здравицу“. Вторженію Болгаръ были рады Славяне, какъ избавленію отъ Грековъ — это допускаетъ и Иречекъ. Но, при его представленіи дѣла, это значитъ, что Славяне рады были броситься изъ огня въ полымя. И факты не противорѣчатъ, и здравый смыслъ не оскорбляется, если принять во вниманіе постепенность болгарскаго наступленія по территоріи славяно-русскаго юга.

Здѣсь, среди славянскаго населенія, Болгаре жили задолго до основанія государства въ Мизіи. Показаніе болгарскаго именника преувеличено, конечно, но характерно, что третье лицо этого списка — Гостунъ, правда, только намѣстникъ, носитъ славянское имя [4]). Мы знаемъ въ точности, какъ складывались отношенія между Русью и Половцами. Въ половинѣ XI в. являются они на Русь, а подъ конецъ XII и, особенно, въ началѣ XIII обоюдныя отношенія обнаруживаютъ начала мирнаго сожительства: нападенія стано-

---

[1]) *Григорьевъ*, Волжскіе Булгары. Библ. д. Чтенія, 1836, IX, 1. Это „внутренніе Болгары" арабскихъ извѣстій, *Хвольсонъ*, Ибнъ-Дастъ, 82. По Григорьеву — входящіе въ составъ мусульманской имперіи. Заслуживаетъ вниманія и офиціальное званіе у дунайскихъ Болгаръ: „внѣшніе и внутренніе боляре". *Дриновъ*, Южные Славяне, 83—86.

[2]) Gesch. d. Bulgaren, 137.

[3]) Неславянское происхожденіе этого слова, какъ обыкновенно принимается, мнѣ сомнительно.

[4]) Славянство имени признаетъ *Иречекъ*, 127, *Куникъ* сближаетъ его впрочемъ съ именемъ аварскаго эксарха Ἑρμίτζης. Изв. Ак. Н. XXXII, стр. 133.

содѣйствіи византійскихъ инженеровъ крѣпость Саркелъ не удержала степняковъ: появляются Мадьяре[1]), а за ними Печенѣги, т. е. тотъ степной валъ, который коснулся не только причерноморья, но и средне-днѣпровской полосы — Кіева. Въ 915 г. Печенѣги являются на Руси[2]), въ 968 г. подходятъ къ Кіеву, въ 972 г. отъ нихъ гибнетъ представитель Руси, а съ 980 г. они принимаютъ участіе въ княжескихъ междоусобіяхъ. Начинается полный поворотъ въ жизни русскаго юга. Печенѣговъ вскорѣ смѣняютъ Половцы, Половцевъ Татары. Такимъ образомъ съ половины IX в. уже не было даже короткой передышки. Цвѣтущій нѣкогда русскій югъ со многими городами превратился понемногу въ голую степь.

Картина кочевого запустѣнія русскаго юга до такой степени овладѣла нами, что, несмотря на труды Срезневскаго, Ламанскаго, Барсова, Иловайскаго, Ключевскаго, Дринова, Голубовскаго, Пича, мы все еще очень склонны смотрѣть на славяно-русскій югъ, какъ на пустое мѣсто, съ другимъ представленіемъ все еще не можемъ освоиться. Между тѣмъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ доказываетъ, что это превращеніе, несмотря на непрерывный прибой степи, послѣдовало не сразу, а слѣдовательно, нашъ югъ долженъ былъ обладать значительнымъ запасомъ силъ противодѣйствующихъ. Такія силы тогда могли заключаться прежде всего въ массѣ. Съ этимъ естественнымъ соображеніемъ нахо-

---

Руси могла возникнуть мысль объ образованіи союза европейскихъ народовъ противъ надвигающейся степи.

¹) Соображенія о времени выхода Мадьяръ изъ ихъ прародины и пребыванія въ южно-русскихъ степяхъ, вмѣстѣ съ относящимися сюда свидѣтельствами источниковъ, см. *Гротъ*, Моравія и Мадьяры 192 слл.

²) Впрочемъ „первое" появленіе Печенѣговъ въ лѣтописи отмѣчено два раза (подъ 915 и 968 г.), а подъ 867 занесено въ никон. л. извѣстіе о побѣдѣ Оскольда и Дира надъ Печенѣгами. Это извѣстіе не невѣроятно, такъ какъ въ 915 г. Печенѣги были уже на Дунаѣ, — ихъ нанимали тогда Греки противъ Симеона болгарскаго. *Стриттеръ*, II, 584.

дятся, какъ мы видѣли, въ полномъ согласіи и свидѣтельства источниковъ.

Повторяемъ: арабскія извѣстія даютъ твердую основу исторической этнографіи славяно-русскаго юга, а сопоставленіе ихъ съ лѣтописными намеками на отдаленную древность и точными фактами сравнительно позднѣйшаго времени (IX—XII в.), съ случайными показаніями иностранцевъ, какъ западныхъ, начиная съ Іордана, такъ и византійцевъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что, начиная со времени, сколько нибудь доступнаго точному историческому обслѣдованію, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ основнымъ этнографическимъ слоемъ славянства; что этотъ слой покрываетъ пространство отъ дунайскаго колѣна до Каспійскаго моря, плотно облегая все сѣверное побережье „Русскаго моря". Мы можемъ безъ колебанія утверждать, что территорія сѣверянъ связывалась съ Тмутараканью сплошными славянскими поселеніями [1]), и что вообще русскія поселенія на нашемъ югѣ были не летучими форпостами сѣвера, а прочной стародавней осѣдлостью.

Приведенное выше свидѣтельство Ибнъ-Яхіи показываетъ, что не только картина жизни юга, но и картина его природы въ древности могла отличаться отъ того, что представляетъ намъ степной югъ въ позднѣйшее время. Значительныя лѣсныя пространства были несомнѣнно нерѣдки въ нынѣ безлѣсныхъ степяхъ [2]). Эти лѣсныя пространства сообщали, конечно, нѣсколько иную физіономію русскому югу, а въ тревожное время они должны были

---

[1]) Конечно, поскольку это допускалось природными условіями. Ср. *Барсовъ*, Очерки 150—152 и особенно важныя замѣчанія *Ламбина* о русскомъ княжествѣ въ Боспорѣ и Тмутаракани. О тмутараканской Руси. Ж. М. Пр. 1874, ч. 171, стр. 69.

[2]) Подробное обозначеніе этихъ лѣсныхъ пространствъ см. у *Голубовскаго* Печенѣги гл. 1-я. Они падаютъ вообще на побережья рѣкъ, гдѣ недостатокъ влаги не могъ быть чувствителенъ. Многоводіе южныхъ рѣкъ въ древности подтверждается и нѣкоторыми находками.

служить первымъ пріютомъ населенія отъ кочевниковъ. Въ лѣса спасалось населеніе отъ Болгаръ, Аваръ, Мадьяръ, Печенѣговъ, Половцевъ. Каждый новый приливъ кочевниковъ вносилъ съ собой новое опустошеніе страны, разоръ населенія, существенно вліялъ не только на строй жизни, но отчасти и на природу страны. При всемъ равнодушіи лѣтописи къ судьбѣ юга, въ ней все же сохранились намеки на непрерывность степного прибоя, который прежде всего и главнымъ образомъ ударялъ въ русскій югъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ сказываться и на сопредѣльныхъ частяхъ славяно-русскаго міра, нарушая, конечно, правильное теченіе его жизни, особенно при естественной связи съ югомъ нашей средней полосы.

Такъ, въ общихъ чертахъ, представляется намъ древняя исторія того широкаго пространства, которое по природѣ естественно связано съ древнимъ Русскимъ моремъ. Связь эта въ западной части нашего пространства непререкаемо свидѣтельствуется языкомъ земли, и понынѣ явственно обличающимъ свой древнѣйшій характеръ, несмотря на покрывающій его толстый слой инороднаго наноса. Для восточныхъ частей нашей полосы мы лишены этого матеріала, но, по отмѣченнымъ Срезневскимъ лѣтописнымъ указаніямъ, которыя, надо думать, далеко не исчерпываютъ всего матеріала, можно судить, что и здѣсь языкъ земли удерживалъ сравнительно долго свой древнѣйшій славянскій характеръ. Отсутствіе урочищъ, конечно, въ значительной мѣрѣ содѣйствовало его измѣненію. Къ счастью, взамѣнъ этого матеріала, мы имѣемъ рядъ письменныхъ свидѣтельствъ, обнаруживающихъ здѣсь славянство и даже точно опредѣляющихъ ближайшій этнографическій обликъ этого славянства: „Русы — племя изъ Славянъ“, говоритъ Хордадбе, по другимъ, наоборотъ, Славяне племя Русское и можно несомнѣваться, что подъ этими Славянами разумѣются не отдаленные новгородскіе словене.

Болѣе или менѣе точное объясненіе этой терминологіи возможно лишь на почвѣ этнографической. Выше мы указывали возможность совмѣщенія названій общихъ и част-

нымъ, видимъ, что рядомъ съ названіями, не внушающими никакихъ сомнѣній насчетъ своего смысла и значенія, есть и названія неясныя и видимъ, что названія могутъ мѣняться [1]. Все это мы встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ на занимающей насъ территоріи. Населеніе значительной части ея, на протяженіи почти столѣтія (550 — 630), обозначается названіемъ Анты [2]; но между эпохой Антовъ и эпохой Словенъ-Руси источники не указываютъ на смѣну основного этнографическаго слоя. Обнаруживается, такимъ образомъ, только *перемѣна названія*. При этомъ мы не имѣемъ возможности опредѣлить, было ли названіе Анты употребительнымъ и у самихъ племенъ, обозначаемыхъ этимъ именемъ въ нашихъ источникахъ, или же нѣтъ. Совершенно то же можно сказать и о іордановыхъ Венедахъ. О послѣднихъ мы знаемъ несомнѣнно, что такое названіе употреблялось среди Нѣмцевъ очень долго, да и теперь еще употребляется, но, по всѣмъ видимостямъ, оно не употреблялось самими сѣверо-западными славянами, какъ не употребляется у Чеховъ названіе Богемцевъ, у Мадьяръ названіе Угровъ, Гунгаровъ, Венгровъ. Подобныя аналогіи не должны быть упускаемы изъ виду при объясненіи фактовъ древней нашей этнографіи. Но покуда всѣ эти вопросы даютъ основаніе утверждать лишь то, что древняя наша этнографія стоитъ на весьма шаткой почвѣ [3].

---

¹) Классическое подтвержденіе этого — смѣна названій: Дулѣбы, Бужане, Волыняне.

²) *Крекъ*, Einleit. 295 пр. 1.

³) Въ „Замѣчаніяхъ" о волжской Руси Хвольсона акад. Куникъ предлагаетъ арабистамъ вопросъ: „въ чемъ состоитъ настоящая причина того, что Черное море только съ X вѣка называется Русскимъ, и почему преимущественно только во второй половинѣ IX в. появляется вышедшій изъ внутренности Россіи *народъ мореплаватель?*" (Курсивъ въ подлинникѣ). По поводу этого вопроса акад. Куникъ говоритъ слѣдующее. „Этотъ и подобные вопросы не могутъ быть разрѣшены на основаніи однихъ только арабскихъ источниковъ. Съ этимъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ еще вопросъ: отчего у тѣхъ Арабовъ, которые писали ранѣе 860 года постоянно рѣчь

III.

Въ разъясненіи вопросовъ древней этнографіи славяно-русскаго міра судьбы населенія древняго Улучья и Угла имѣютъ громадное значеніе. Что сталось съ этимъ населеніемъ — вопросъ громадной важности. Къ сожалѣнію, для уясненія его у насъ имѣется весьма мало прямыхъ данныхъ. Наша лѣтопись, правда, отмѣтила непрерывность степного прибоя, но въ то же время она обнаруживаетъ полное равнодушіе къ судьбѣ припонтійскаго юга. Мы видѣли, что память о славянствѣ этого юга уцѣлѣла въ лѣтописи, собственно говоря, только въ названіяхъ двухъ урочищъ [1]). Память объ отношеніяхъ его къ степи сохранилась только въ названіяхъ степныхъ ордъ, обосно-

---

идетъ только о Славянахъ, и не говорится о Руссахъ?.. Безъ сомнѣнія мысль издать въ русскомъ переводѣ восточные источники о Славянахъ и Руси — мысль счастливая, однако всякій, знакомый съ этою областью источниковъ, убѣжденъ въ томъ, что свидѣтельства Арабовъ о сказанныхъ народахъ только тогда могутъ быть приняты за вполнѣ достовѣрныя, когда вообще упрочится этнографическая и географическая терминологія восточныхъ писателей, на сколько она касается странъ, прилежащихъ къ Черному морю и Волгѣ. Поэтому, кромѣ изданныхъ г. Гаркави извѣстій Арабовъ о Славянахъ и Руссахъ, необходимо имѣть еще свѣдѣнія о Болгарахъ, Хазарахъ, Буртасахъ, Печенѣгахъ, Аланахъ и пр." Зап. Ак. Н., XVIII, 1, стр. 153. Я позволилъ себѣ привести эти слова не затѣмъ, чтобы напомнить о поставленномъ почтеннымъ академикомъ вопросѣ: какимъ образомъ „вышелъ изъ внутренности Россіи народъ-мореплаватель?" а затѣмъ — что для уясненія этнографической терминологіи не только Арабовъ, но и другихъ иностранцевъ, сообщающихъ извѣстія о Руси и Славянахъ, необходимо, насколько возможно, *разслѣдовать терминологію и самихъ этихъ Русскихъ и Славянъ*, о чемъ какъ то забылъ упомянуть почтенный академикъ, ибо безъ этого, всѣ объясненія древней этнографической терминологіи останутся только грамматическимъ коментаріемъ, „филологическими тонкостями сомнительной прочности".

[1]) Намекъ на передвиженіе одной части припонтійскаго населенія къ западу не вошелъ во всѣ списки.

вавшихся на Дунаѣ. Почему именно память о судьбѣ подунавья такъ крѣпко запала въ душу кіевлянъ—это другой вопросъ. Мы ограничиваемся пока голой отмѣткой факта, что только *ударъ, нанесенный степью дунайскимъ Словенамъ, заставилъ лѣтопись вспомнить о первыхъ степныхъ волнахъ* [1]).

Но орды, утвердившіяся на Дунаѣ, конечно, не перескочили черезъ припонтійскій югъ, прошло нѣкоторое время, пока добрались они до Дуная. Это время они хозяйничали на нашемъ югѣ, боролись съ нимъ, расшатывали его, наконецъ расшатали. Въ лѣтописи, которая многими считается общерусскою, не оказывается даже ни одного слова объ этомъ „божіемъ попущеніи". Лѣтописное упоминапіе о Болгарахъ, Обрахъ и Уграхъ переноситъ насъ отъ подунавья далеко на востокъ только потому, что этотъ востокъ связанъ самой природой съ подунавьемъ, что онъ составляетъ съ нимъ одно неразрывное цѣлое. Такимъ образомъ, наша лѣтопись въ разсказѣ о степномъ прибоѣ замолчала совсѣмъ судьбу причерноморья, сохранила память лишь объ общей судьбѣ, постигшей подунавье и даетъ намъ картину отношеній къ степи лишь для позднѣйшаго времени, когда степь стала у воротъ Кіева, и новой „матери русскихъ городовъ" пришлось начать борьбу „безъ переступа" за свое собственное бытіе съ Печенѣгами, и особенно Половцами [2]). И эти кочевники, подобно Болгарамъ, Обрамъ, Házграмъ, по тѣмъ же причинамъ, прошли весь путь, назначенный природой страны. Исторія Печенѣговъ кончается на Вардарѣ, у Ниша, Софіи, въ Моrленѣ на Овечьемъ полѣ. Они оставили здѣсь слѣды своего пребыванія въ географическихъ названіяхъ [3]). Исторія Полов-

---

[1]) „Словеньску же языку, якоже ркохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуфь, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгаре" и проч.

[2]) Въ виду этого, извѣстіе кіевской лѣтописи въ никон. сводѣ, о борьбѣ Оскольда съ Болгарами, получаетъ особенное значеніе, хотя и требуетъ разъясненія.

[3]) Печенско брдо по дорогѣ изъ Софіи въ Берковицу,

цевъ кончается въ предѣлахъ Угріи: въ горахъ Матры, на Бодрогѣ, Тисѣ и Дунаѣ [1]). Они также обозначили свой путь какъ Печенѣги. Кромѣ того, слѣды степняковъ замѣтны и понынѣ въ населеніи нашей территоріи въ разныхъ мѣстахъ: въ степяхъ Угріи (Куманы), въ Бессарабіи и Планинѣ (Гагаузы) [2]).

То обстоятельство, что наша лѣтопись сообщаетъ свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ степи лишь за позднѣйшее время, не осталось безъ вліянія на научную постановку вопросовъ о степномъ размывѣ. Мы съ достаточной точностью знаемъ, какова была судьба населенія княжествъ переяславскаго, сѣверскаго, черниговскаго и южныхъ окраинъ кіевскаго, имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія и о тѣхъ представителяхъ степи, которые были главными дѣятелями во второй стадіи размыва степью славяно-русскаго юга. Рядомъ съ этимъ изученіе народной и книжной словесности обнаружило въ ней значительное присутствіе степныхъ мотивовъ [3]).

Печенскій путь въ Пологѣ, сс.: Печенѣги на Дунаѣ, Печеневцы на болг. Моравѣ. *Иречекъ*, G. d. Bulg., 222.

[1]) *Голубовскій*, Печенѣги, 248; *Гунфальви*, Ethnogr. 235 сл., пр. 412.

[2]) О тождествѣ лѣтописныхъ Торковъ и Узовъ см. *Голубовскій*, к. в. 43—46. Ср. выше 83 пр. 2 и *Брунъ*, Черноморье, II, Од. 1880, стр. 333.

[3]) „Въ дѣйствіяхъ главныхъ богатырей (нашего эпоса) отразилась, хотя часто въ фантастическихъ чертахъ, реальная многовѣковая борьба Руси съ внѣшними врагами, главнымъ образомъ со степью. Въ этомъ согласны между собою наши изслѣдователи эпоса: Аксаковъ, Буслаевъ, Майковъ, О. Миллеръ, Веселовскій, Ждановъ, Дашкевичъ, Халанскій, Квашнинъ-Самаринъ, Е. Барсовъ и др. Если это такъ, то самыя раннія историческія пѣсни о борьбѣ русскихъ богатырей съ разными восточными насильниками и нахвальщиками должны были слагаться не среди всѣхъ русскихъ племенъ, а среди того населенія, которое, выдвинувшись дальше другихъ на востокъ и югъ въ степи, выдерживало на себѣ въ домонгольскій періодъ главный натискъ азіатскихъ разбойниковъ. Раіономъ

Какимъ образомъ представители нашей Руси могли оказаться въ Ингельгеймѣ Свеонами—это другой вопросъ. Мы не можемъ принять на себя разъясненія этого вопроса. Позволимъ себѣ только указать на свидѣтельство о Руси у Аль-Бекри, врядъ ли оставляющее сомнѣніе, что имя это, подобно многимъ другимъ славянскимъ этнографическимъ обозначеніямъ, было связано съ разными мѣстами, т. е. принадлежало къ разряду повторяющихся названій, но, по крайней мѣрѣ, у Аль-Бекри мѣста, съ которыми оно связано, принадлежатъ славянской землѣ и никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ норманнскому сѣверу [1]). Ничего болѣе, по поводу Свеоновъ бертинской лѣтописи, мы не можемъ сказать.

Судьба русскаго посольства 839 г. неизвѣстна [2]). Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что построенная, при

---

[1]) Аль-Бекри указываетъ Русь 1) на крайнемъ юго-востокѣ, между Печенѣгами и Хазарами (54), о чемъ было упомянуто выше. См. выше, стр. 308; 2) Русь около Кракова (49). См. выше, стр. 256; 3) къ востоку отъ владѣній Мшки, т. е. Мешка польскаго (51); 4) Русь на верховьяхъ Волги (60); 5) на поморьѣ къ западу отъ Пруссовъ (51). Не трудно замѣтить, что Русь хазарская, краковская и побужская (на з. Бугѣ; она именно граничила съ владѣніями Мешка на востокѣ) есть одна Русь, тотъ alter orbis, о которомъ говоритъ Матвѣй краковскій. Что касается двухъ другихъ Русей, то о Руси на верховьяхъ Волги говоритъ и Фадланъ, *Гаркави*, Сказанія, 92, а о Руси, нападающей на Пруссовъ „съ запада на корабляхъ", акад. Куникъ замѣчаетъ слѣдующее: „извѣстія Ибрагима о нападеніи морскихъ разбойниковъ Русовъ съ запада приводитъ насъ въ сосѣдство съ Славянами Накуна, которые, по словамъ Ибрагима, жили на крайнемъ западѣ, т. е. по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, въ Мекленбургѣ" (87). Почему, однако, акад. Куникъ этимъ не довольствуется, а прямо послѣ этого указанія переносится на землю, что „лежитъ противъ мекленбургскихъ береговъ"—это его дѣло. Для науки важно, что говоритъ источникъ, а не его коментаторъ.

[2]) Только акад. *Куникъ* считаетъ возможнымъ гадать объ этомъ. Berufung, II, 205. На мой взглядъ, было бы умѣстнѣе дѣлать предположенія о томъ, какимъ образомъ среди этой

содѣйствіи византійскихъ инженеровъ крѣпость Саркелъ не удержала степняковъ: появляются Мадьяре[1]), а за ними Печенѣги, т. е. тотъ степной валъ, который коснулся не только причерноморья, но и средне-днѣпровской полосы — Кіева. Въ 915 г. Печенѣги являются на Руси[2]), въ 968 г. подходятъ къ Кіеву, въ 972 г. отъ нихъ гибнетъ представитель Руси, а съ 980 г. они принимаютъ участіе въ княжескихъ междоусобіяхъ. Начинается полный поворотъ въ жизни русскаго юга. Печенѣговъ вскорѣ смѣняютъ Половцы, Половцевъ Татары. Такимъ образомъ съ половины IX в. уже не было даже короткой передышки. Цвѣтущій нѣкогда русскій югъ со многими городами превратился понемногу въ голую степь.

Картина кочевого запустѣнія русскаго юга до такой степени овладѣла нами, что, несмотря на труды Срезневскаго, Ламанскаго, Барсова, Иловайскаго, Ключевскаго, Дринова, Голубовскаго, Пича, мы все еще очень склонны смотрѣть на славяно-русскій югъ, какъ на пустое мѣсто, съ другимъ представленіемъ все еще не можемъ освоиться. Между тѣмъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ доказываетъ, что это превращеніе, несмотря на непрерывный прибой степи, послѣдовало не сразу, а слѣдовательно, нашъ югъ долженъ былъ обладать значительнымъ запасомъ силъ противодѣйствующихъ. Такія силы тогда могли заключаться прежде всего въ массѣ. Съ этимъ естественнымъ соображеніемъ нахо-

---

Руси могла возникнуть мысль объ образованіи союза европейскихъ народовъ противъ надвигающейся степи.

[1]) Соображенія о времени выхода Мадьяръ изъ ихъ прародины и пребыванія въ южно-русскихъ степяхъ, вмѣстѣ съ относящимися сюда свидѣтельствами источниковъ, см. *Гротъ*, Моравія и Мадьяры 192 слл.

[2]) Впрочемъ „первое" появленіе Печенѣговъ въ лѣтописи отмѣчено два раза (подъ 915 и 968 г.), а подъ 867 занесено въ никон. л. извѣстіе о побѣдѣ Оскольда и Дира надъ Печенѣгами. Это извѣстіе не невѣроятно, такъ какъ въ 915 г. Печенѣги были уже на Дунаѣ, — ихъ нанимали тогда Греки противъ Симеона болгарскаго. *Стриттеръ*, II, 584.

дятся, какъ мы видѣли, въ полномъ согласіи и свидѣтельства источниковъ.

Повторяемъ: арабскія извѣстія даютъ твердую основу исторической этнографіи славяно-русскаго юга, а сопоставленіе ихъ съ лѣтописными намеками на отдаленную древность и точными фактами сравнительно позднѣйшаго времени (IX—XII в.), съ случайными показаніями иностранцевъ, какъ западныхъ, начиная съ Іордана, такъ и византійцевъ не оставляютъ никакого сомнѣнія, что, начиная со времени, сколько нибудь доступнаго точному историческому обслѣдованію, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ основнымъ этнографическимъ слоемъ славянства; что этотъ слой покрываетъ пространство отъ дунайскаго колѣна до Каспійскаго моря, плотно облегая все сѣверное побережье „Русскаго моря". Мы можемъ безъ колебанія утверждать, что территорія сѣверянъ связывалась съ Тмутараканью сплошными славянскими поселеніями [1]), и что вообще русскія поселенія на нашемъ югѣ были не летучими форпостами сѣвера, а прочной стародавней осѣдлостью.

Приведенное выше свидѣтельство Ибнъ-Яхіи показываетъ, что не только картина жизни юга, но и картина его природы въ древности могла отличаться отъ того, что представляетъ намъ степной югъ въ позднѣйшее время. Значительныя лѣсныя пространства были несомнѣнно нерѣдки въ нынѣ безлѣсныхъ степяхъ [2]). Эти лѣсныя пространства сообщали, конечно, нѣсколько иную физіономію русскому югу, а въ тревожное время они должны были

---

[1]) Конечно, посколько это допускалось природными условіями. Ср. *Барсовъ*, Очерки 150—152 и особенно важныя замѣчанія *Ламбина* о русскомъ княжествѣ въ Боспорѣ и Тмутаракани. О тмутараканской Руси. Ж. М. Пр. 1874, ч. 171, стр. 69.

[2]) Подробное обозначеніе этихъ лѣсныхъ пространствъ см. у *Голубовскаго* Печенѣги гл. 1-я. Они падаютъ вообще на побережья рѣкъ, гдѣ недостатокъ влаги не могъ быть чувствителенъ. Многоводіе южныхъ рѣкъ въ древности подтверждается и нѣкоторыми находками.

служить первымъ пріютомъ населенія отъ кочевниковъ. Въ лѣса спасалось населеніе отъ Болгаръ, Аваръ, Мадьяръ, Печенѣговъ, Половцевъ. Каждый новый приливъ кочевниковъ вносилъ съ собой новое опустошеніе страны, разоръ населенія, существенно вліялъ не только на строй жизни, но отчасти и на природу страны. При всемъ равнодушіи лѣтописи къ судьбѣ юга, въ ней все же сохранились намеки на непрерывность степного прибоя, который прежде всего и главнымъ образомъ ударялъ въ русскій югъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ сказываться и на сопредѣльныхъ частяхъ славяно-русскаго міра, нарушая, конечно, правильное теченіе его жизни, особенно при естественной связи съ югомъ нашей средней полосы.

Такъ, въ общихъ чертахъ, представляется намъ древняя исторія того широкаго пространства, которое по природѣ естественно связано съ древнимъ Русскимъ моремъ. Связь эта въ западной части нашего пространства непререкаемо свидѣтельствуется языкомъ земли, и понынѣ явственно обличающимъ свой древнѣйшій характеръ, несмотря на покрывающій его толстый слой инороднаго наноса. Для восточныхъ частей нашей полосы мы лишены этого матеріала, но, по отмѣченнымъ Срезневскимъ лѣтописнымъ указаніямъ, которыя, надо думать, далеко не исчерпываютъ всего матеріала, можно судить, что и здѣсь языкъ земли удерживалъ сравнительно долго свой древнѣйшій славянскій характеръ. Отсутствіе урочищъ, конечно, въ значительной мѣрѣ содѣйствовало его измѣненію. Къ счастью, взамѣнъ этого матеріала, мы имѣемъ рядъ письменныхъ свидѣтельствъ, обнаруживающихъ здѣсь славянство и даже точно опредѣляющихъ ближайшій этнографическій обликъ этого славянства: „Русы — племя изъ Славянъ“, говоритъ Хордадбе, по другимъ, наоборотъ, Славяне племя Русское и можно несомнѣваться, что подъ этими Славянами разумѣются не отдаленные новгородскіе словене.

Болѣе или менѣе точное объясненіе этой терминологіи возможно лишь на почвѣ этнографической. Выше мы указывали возможность совмѣщенія названій общихъ и част-

ныхъ, видѣли, что рядомъ съ названіями, не внушающими никакихъ сомнѣній насчетъ своего смысла и значенія, есть и названія загадочныя, и наконецъ, что названія могутъ мѣняться [1]). Все это мы встрѣчаемъ въ данномъ случаѣ на занимающей насъ территоріи. Населеніе значительной части ея, на протяженіи почти столѣтія (550 — 630), обозначается названіемъ Анты [2]); но между эпохой Антовъ и эпохой Словенъ-Руси источники не указываютъ на смѣну основного этнографическаго слоя. Обнаруживается, такимъ образомъ, только *перемѣна названія.* При этомъ мы не имѣемъ возможности опредѣлить, было ли названіе Анты употребительнымъ и у самихъ племенъ, обозначаемыхъ этимъ именемъ въ нашихъ источникахъ, или же нѣтъ. Совершенно то же можно сказать и о іордановыхъ Венедахъ. О послѣднихъ мы знаемъ несомнѣнно, что такое названіе употреблялось среди Нѣмцевъ очень долго, да и теперь еще употребляется, но, по всѣмъ видимостямъ, оно не употреблялось самими сѣверо-западными славянами, какъ не употребляется у Чеховъ названіе Богемцевъ, у Мадьяръ названіе Угровъ, Гунгаровъ, Венгровъ. Подобныя аналогіи не должны быть упускаемы изъ виду при объясненіи фактовъ древней нашей этнографіи. Но покуда всѣ эти вопросы даютъ основаніе утверждать лишь то, что древняя наша этнографія стоитъ на весьма шаткой почвѣ [3]).

---

[1]) Классическое подтвержденіе этого — смѣна названій: Дулѣбы, Бужане, Волыняне.

[2]) *Крекъ,* Einleit. 295 пр. 1.

[3]) Въ „Замѣчаніяхъ" о волжской Руси Хвольсона акад. Куникъ предлагаетъ арабистамъ вопросъ: „въ чемъ состоитъ настоящая причина того, что Черное море только съ X вѣка называется Русскимъ, и почему преимущественно только во второй половинѣ IX в. появляется вышедшій изъ внутренности Россіи *народъ мореплаватель?*" (Курсивъ въ подлинникѣ). По поводу этого вопроса акад. Куникъ говоритъ слѣдующее. „Этотъ и подобные вопросы не могутъ быть разрѣшены на основаніи однихъ только арабскихъ источниковъ. Съ этимъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ еще вопросъ: отчего у тѣхъ Арабовъ, которые писали ранѣе 860 года постоянно рѣчь

III.

Въ разъясненіи вопросовъ древней этнографіи славяно-русскаго міра судьбы населенія древняго Улучья и Угла имѣютъ громадное значеніе. Что сталось съ этимъ населеніемъ — вопросъ громадной важности. Къ сожалѣнію, для уясненія его у насъ имѣется весьма мало прямыхъ данныхъ. Наша лѣтопись, правда, отмѣтила непрерывность степного прибоя, но въ то же время она обнаруживаетъ полное равнодушіе къ судьбѣ припонтійскаго юга. Мы видѣли, что память о славянствѣ этого юга уцѣлѣла въ лѣтописи, собственно говоря, только въ названіяхъ двухъ урочищъ [1]). Память объ отношеніяхъ его къ степи сохранилась только въ названіяхъ степныхъ ордъ, обосно-

---

идетъ только о Славянахъ, и не говорится о Руссахъ?.. Безъ сомнѣнія мысль издать въ русскомъ переводѣ восточные источники о Славянахъ и Руси — мысль счастливая, однако всякій, знакомый съ этою областью источниковъ, убѣжденъ въ томъ, что свидѣтельства Арабовъ о сказанныхъ народахъ только тогда могутъ быть приняты за вполнѣ достовѣрныя, когда вообще упрочится этнографическая и географическая терминологія восточныхъ писателей, на сколько она касается странъ, прилежащихъ къ Черному морю и Волгѣ. Поэтому, кромѣ изданныхъ г. Гаркави извѣстій Арабовъ о Славянахъ и Руссахъ, необходимо имѣть еще свѣдѣнія о Болгарахъ, Хазарахъ, Буртасахъ, Печенѣгахъ, Аланахъ и пр." Зап. Ак. Н., XVIII, 1, стр. 153. Я позволилъ себѣ привести эти слова не затѣмъ, чтобы напомнить о поставленномъ почтеннымъ академикомъ вопросѣ: какимъ образомъ „вышелъ изъ внутренности Россіи народъ-мореплаватель?" а затѣмъ — что для уясненія этнографической терминологіи не только Арабовъ, но и другихъ иностранцевъ, сообщающихъ извѣстія о Руси и Славянахъ, необходимо, насколько возможно, *разслѣдовать терминологію и самихъ этихъ Русскихъ и Славянъ*, о чемъ какъ то забылъ упомянуть почтенный академикъ, ибо безъ этого, всѣ объясненія древней этнографической терминологіи останутся только грамматическимъ коментаріемъ, „филологическими тонкостями сомнительной прочности".

[1]) Намекъ на передвиженіе одной части припонтійскаго населенія къ западу не вошелъ во всѣ списки.

вавшихся на Дунаѣ. Почему именно память о судьбѣ подунавья такъ крѣпко запала въ душу кіевлянъ—это другой вопросъ. Мы ограничиваемся пока голой отмѣткой факта, что только *ударъ, нанесенный степью дунайскимъ Словенамъ, заставилъ лѣтопись вспомнить о первыхъ степныхъ волнахъ* [1]).

Но орды, утвердившіяся на Дунаѣ, конечно, не перескочили черезъ припонтійскій югъ, прошло нѣкоторое время, пока добрались они до Дуная. Это время они хозяйничали на нашемъ югѣ, боролись съ нимъ, расшатывали его, наконецъ расшатали. Въ лѣтописи, которая многими считается общерусскою, не оказывается даже ни одного слова объ этомъ „божіемъ попущеніи". Лѣтописное упоминаніе о Болгарахъ, Обрахъ и Установахъ переноситъ насъ отъ подунавья далеко на востокъ только потому, что этотъ востокъ связанъ самой природой съ подунавьемъ, что онъ составляетъ съ нимъ одно неразрывное цѣлое. Такимъ образомъ, наша лѣтопись въ разсказѣ о степномъ прибоѣ замолчала совсѣмъ судьбу причерноморья, сохранила память лишь объ общей судьбѣ, постигшей подунавье и даетъ намъ картину отношеній къ степи лишь для позднѣйшаго времени, когда степь стала у воротъ Кіева, и новой „матери русскихъ городовъ" пришлось начать борьбу „безъ переступа" за свое собственное бытіе съ Печенѣгами, и особенно Половцами [2]). И эти кочевники, подобно Болгарамъ, Обрамъ, Униграмъ, по тѣмъ же причинамъ, прошли весь путь, назначенный природой страны. Исторія Печенѣговъ кончается на Вардарѣ, у Ниша, Софіи, въ Могленѣ на Овечьемъ полѣ. Они оставили здѣсь слѣды своего пребыванія въ географическихъ названіяхъ [3]). Исторія Полов-

---

[1]) „Словеньску же языку, якоже ркохомъ, живущю на Дунаи, придоша отъ Скуѳь, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгаре" и проч.

[2]) Въ виду этого, извѣстіе кіевской лѣтописи въ никон. сводѣ, о борьбѣ Оскольда съ Болгарами, получаетъ особенное значеніе, хотя и требуетъ разъясненія.

[3]) Печенско брдо по дорогѣ изъ Софіи въ Берковицу,

цевъ кончается въ предѣлахъ Угріи: въ горахъ Матры, на Бодрогѣ, Тисѣ и Дунаѣ [1]). Они также обозначили свой путь какъ Печенѣги. Кромѣ того, слѣды степняковъ замѣтны и понынѣ въ населеніи нашей территоріи въ разныхъ мѣстахъ: въ степяхъ Угріи (Куманы), въ Бессарабіи и Планинѣ (Гагаузы) [2]).

То обстоятельство, что наша лѣтопись сообщаетъ свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ степи лишь за позднѣйшее время, не осталось безъ вліянія на научную постановку вопросовъ о степномъ размывѣ. Мы съ достаточной точностью знаемъ, какова была судьба населенія княжествъ переяславскаго, сѣверскаго, черниговскаго и южныхъ окраинъ кіевскаго, имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія и о тѣхъ представителяхъ степи, которые были главными дѣятелями во второй стадіи размыва степью славяно-русскаго юга. Рядомъ съ этимъ изученіе народной и книжной словесности обнаружило въ ней значительное присутствіе степныхъ мотивовъ [3]).

Печенскій путь въ Пологѣ, сс.: Печенѣги на Дунаѣ, Печеневцы на болг. Моравѣ. *Иречекъ*, G. d. Bulg., 222.

[1]) *Голубовскій*, Печенѣги, 248; *Гунфальви*, Ethnogr. 235 сл., пр. 412.

[2]) О тождествѣ лѣтописныхъ Торковъ и Узовъ см. *Голубовскій*, к. в. 43—46. Ср. выше 83 пр. 2 и *Брунъ*, Черноморье, II, Од. 1880, стр. 333.

[3]) „Въ дѣйствіяхъ главныхъ богатырей (нашего эпоса) отразилась, хотя часто въ фантастическихъ чертахъ, реальная многовѣковая борьба Руси съ внѣшними врагами, главнымъ образомъ со степью. Въ этомъ согласны между собою наши изслѣдователи эпоса: Аксаковъ, Буслаевъ, Майковъ, О. Миллеръ, Веселовскій, Ждановъ, Дашкевичъ, Халанскій, Квашнинъ-Самаринъ, Е. Барсовъ и др. Если это такъ, то самыя раннія историческія пѣсни о борьбѣ русскихъ богатырей съ разными восточными насильниками и нахвальщиками должны были слагаться не среди всѣхъ русскихъ племенъ, а среди того населенія, которое, выдвинувшись дальше другихъ на востокъ и югъ въ степи, выдерживало на себѣ въ домонгольскій періодъ главный натискъ азіатскихъ разбойниковъ. Раіономъ

древности записи. Что этотъ терминъ не исключалъ одновременнаго существованія и другихъ терминовъ доказываютъ извѣстія иностранцевъ, лѣтописное упоминаніе дулѣбовъ подъ 907 и данныя этнографіи, не оставляющія сомнѣнія въ возможности одновременнаго существованія нѣсколькихъ обозначеній, тѣмъ болѣе, что территорія нашихъ колѣнъ была не мала, и слѣдовательно ихъ могло быть нѣсколько, съ отдѣльными центрами. Свидѣтельство лѣтописи указываетъ только, что центры эти были въ извѣстныхъ взаимныхъ отношеніяхъ; на это же указываетъ и природа страны. Однимъ словомъ, въ свидѣтельствѣ лѣтописи мы имѣемъ ясное указаніе на смѣну моментовъ политической исторіи страны.

Но если въ исторіи волынянъ terminus ad quem можетъ быть опредѣленъ довольно точно, то terminus a quo не поддается опредѣленію. Кромѣ того, относительно бужанъ мы не можемъ сказать вполнѣ утвердительно, къ какому роду обозначеній принадлежитъ это названіе,— есть ли это названіе географическое, или политическое [1]. Одно только не подлежитъ сомнѣнію: на нашей землѣ городовъ было много, а географическое ихъ расположеніе, вмѣстѣ съ данными языка земли и намеками археологіи, доказываетъ, что они могли имѣть значеніе въ то сравнительно мирное время, память о которомъ сохранилась въ нашей лѣтописи и которое должно было предшествовать періоду, извѣстному намъ по историческимъ свидѣтельствамъ.

Еще менѣе ясенъ терминъ — дулѣбы [2], въ то же время онъ вводитъ насъ въ кругъ древнѣйшихъ славянскихъ

---

[1]) *Барсовъ*, Очерки 101, считаетъ его волостнымъ: „въ древнемъ географическомъ словарѣ нельзя найти для обозначенія порѣчнаго населенія „Семянъ, Росянъ, Сулянъ, Дунаянъ", но встрѣчаются Посемцы, Поршане, Посулъцы, Дунайцы; тогда какъ жители Кіева, Смоленска, Пинска носятъ названія Кіянъ, Смольнянъ, Пинянъ". Это, несомнѣнно, остроумное замѣчаніе. Но лѣтописецъ понимаетъ бужанъ въ географическомъ смыслѣ, а въ филологіи, какъ извѣстно, есть правила и исключенія.

[2]) *Перволъфъ*, Slavische Völkernamen, Арх. Ягича, VIII, 9,

стѣну отъ Селивріи на Пропонтидѣ до Деркона на Понтѣ — „знакъ слабости, памятникъ трусости", а въ припискѣ къ болгарскому переводу манассіиной хроники отмѣчено, что именно при Анастасіи Болгары начали занимать „землю сію" [1]). Но до дѣйствительнаго утвержденія Болгаръ за Дунаемъ прошло еще больше полутора вѣка. Все это время Болгары оставались въ предѣлахъ „Скуфи". По свидѣтельству загадочнаго болгарскаго именника, Болгары до утвержденія въ Мизіи, жили 515 лѣтъ „обону страну Дуная", т. е. на лѣвомъ его берегу. Цыфра преувеличена, но показаніе заслуживаетъ вниманія: „имена приводимыхъ князей не всѣ извѣстны изъ византійскихъ источниковъ; извѣстныя передаются довольно вѣрно" [2]).

Въ концѣ VI вѣка владѣнія Болгаръ доходили на западѣ до Сингидуна (Бѣлграда) [3]). Какъ далеко простирались они на востокъ, въ точности неизвѣстно, но, по наиболѣе правдоподобному предположенію Цейса, имя Болгаръ было общимъ племеннымъ названіемъ кочевыхъ ордъ, покрывавшихъ въ VI и VII вѣкѣ значительную часть нашей территоріи. Болгарскія племена Кутургуровъ и Утургуровъ облегаютъ весь сѣверный берегъ Азовскаго моря. Въ сосѣдствѣ съ ними, по византійскимъ свидѣтельствамъ, видимъ много кочевыхъ ордъ [4]). Были ли это разнородные кочевники, или отдѣльныя колѣна одного степного племени, это трудно рѣшить; но врядъ ли можно сомнѣваться, что въ поволжьѣ и подоньѣ происходили столкновенія между господствовавшими тамъ болгарскими ордами и ордами надвигавшихся новыхъ степняковъ. Среди нихъ особенно выдвигаются Хазары, передъ которыми Болгары понемногу отступаютъ. Въ прикаспійскихъ странахъ Хазары начинаютъ играть

---

[1]) *Иречекъ*, Gesch. d. Bulgaren, 83, 84, пр. 25.

[2]) *А. Поповъ*, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, М. 1866, I, стр. 26.

[3]) Отсюда въ 597 вытѣсняетъ Болгаръ византійскій полководецъ Прискъ. *Θеофанъ* у Стриттера, II, 500.

[4]) *Zeuss*, Die Deutschen, 712 слл.

роль въ первой четверти VII вѣка [1]). Въ половинѣ VII в. ихъ господство достигаетъ Дона, а около 700 г. простирается и на Крымъ. Соотвѣтственно этому, происходятъ повороты и въ исторіи Болгаръ. Значительная часть ихъ должна была отодвинуться въ лѣтописную „великую Скуфь“, т. е. на правый берегъ Днѣпра, въ виду чего заслуживаетъ полнаго вниманія смутный отголосокъ ихъ господства здѣсь, сохраненный древнѣйшей кіевской лѣтописью никоновскаго свода [2]), тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, всѣ другіе списки удержали память о „насильничествѣ“ Болгаръ, лишь поскольку оно относилось къ „Словенамъ“ на Дунаѣ, т. е. надо думать, не въ Мизіи, а на лѣвомъ берегу Дуная, ибо мизійскіе Славяне были рады Болгарамъ, освободившимъ ихъ отъ ига Грековъ [3]).

Такимъ образомъ показаніе нашей лѣтописи прямо ставитъ вопросъ о господствѣ Болгаръ на лѣвомъ берегу Дуная, о такъ называемой задунайской Болгаріи. Въ настоящее время имѣется слишкомъ достаточно данныхъ о болгарскомъ господствѣ въ Валахіи и Трансильваніи не только до Мадьяръ (какъ думаетъ, нпр., Иречекъ), но сплошь до конца X вѣка [4]); а если принять во вниманіе, что центромъ болгарскаго государства до X в. была Преслава на великой Камчіѣ, что въ 864, по свидѣтельству древнѣйшей кіевской лѣтописи произошло столкновеніе между Кіевомъ и Болгарами, причемъ другіе списки упоминаютъ о борьбѣ Кіева съ Угличами, то врядъ ли можно будетъ сомнѣваться въ томъ, что господство Болгаръ простиралось и на значительную часть племенъ лѣтописной „великой Скуфи“.

Это господство не было кратковременнымъ. Въ VII в. „Уголъ“ былъ центромъ болгарскаго могущества, а это названіе принадлежало мѣстному населенію [5]), сохранилось

---

[1]) *Стриттеръ*, III, 550.

[2]) 864 г. убіенъ бысть отъ Болгаръ Оскольдовъ сынъ.

[3]) *Иречекъ*, к. в., 130.

[4]) Объ этомъ особенно *Пичъ*, Abstamm., 70 сл., Nationalkampf, 78 сл., Streitfrage, 71 сл.

[5]) *Никифоръ*, у Стритт. II, 504.

и въ нашей лѣтописи въ названіи жившаго здѣсь славяно-русскаго колѣна. Отсюда въ 679 перешли Болгары на правый берегъ Дуная, сосредоточившись первоначально въ сѣверной части древней Мизіи. Дальнѣйшая исторія Болгаръ представляетъ быстрое расширеніе ихъ власти на югъ. Въ вѣкъ Симеона предѣлы Болгаріи простирались „отъ Месемвріи на Понтѣ мимо Адріанополя до Родопы, далѣе южная граница, на протяженіи отъ Олимпа до устья Каламы противъ Корфу, шла отъ моря до моря. Албанскій берегъ принадлежалъ Симеону отъ Корфу до Дрима, за исключеніемъ отдѣльныхъ пунктовъ. Со стороны Сербіи границу составляли соединенный Дримъ, бѣлый Дримъ и Ибаръ. Отсюда граница достигала Савы, Приштина, Липлянъ; Нишъ, Браничево, Бѣлградъ, находились тогда подъ властью Болгаріи“ [1]). Но это было время, когда вслѣдъ за Болгарами въ нашихъ степяхъ появились Мадьяры, когда, съ другой стороны, съ притязаніями на русскій югъ выступила и новая мать русскихъ городовъ. До половины IX в. мы, такимъ образомъ, можемъ предполагать господство Болгаръ на значительной части сѣверо-западнаго причерноморья, и именно это обстоятельство имѣетъ для насъ особенно важное значеніе, не по вопросу объ отношеніяхъ политическихъ центровъ кіевскаго и болгарскаго, а по вопросу объ отношеніяхъ представителей степи—Болгаръ и той славяно-русской основы, на которую они налегли, по лѣтописи, первые.

Не мало споровъ было по вопросу, какому племени принадлежатъ Болгары. Объ этомъ имѣется много мнѣній. По однимъ, это Татары (Тунманъ, Энгель), по другимъ — Славяне (Венелинъ, Раичъ, Иловайскій); по третьимъ — Гунны (Цейсъ); иные готовы связать ихъ съ Самоѣдами (Рэслеръ), иные, наконецъ, съ Чувашами (Куникъ). Мы вполнѣ признаемъ законность вопроса о племенномъ характерѣ Болгаръ, хотя бы въ виду Болгаръ на Волгѣ, имя которыхъ долго жило въ нашихъ лѣтописяхъ, живетъ и по-

---

[1]) *Дриновъ*, Южные Славяне, 79; *Иречекъ*, к. в. 167.

нынѣ у казанскихъ татаръ въ названіи „булгарлыкъ“ [1]). Но этотъ вопросъ мы оставимъ въ сторонѣ. Мы не сомнѣваемся въ неславянствѣ Болгаръ, но признаемся, мы нѣсколько удивляемся той легкости, съ какою нѣкоторые солидные ученые опредѣляютъ время ихъ этнографическаго перерожденія. „Для этого достаточно было приблизительно 250 лѣтъ“ говоритъ Иречекъ [2]). Но указываетъ ли исторія хоть одинъ аналогичный фактъ подобной быстроты этнографическаго перерожденія цѣлаго народа? Нельзя забывать, что уже въ началѣ IX в. болгарскіе цари, окружены болярами [3]), пьютъ „здравицу“. Вторженію Болгаръ были рады Славяне, какъ избавленію отъ Грековъ — это допускаетъ и Иречекъ. Но, при его представленіи дѣла, это значитъ, что Славяне рады были броситься изъ огня въ полымя. И факты не противорѣчатъ, и здравый смыслъ не оскорбляется, если принять во вниманіе постепенность болгарскаго наступленія по территоріи славяно-русскаго юга.

Здѣсь, среди славянскаго населенія, Болгаре жили задолго до основанія государства въ Мизіи. Показаніе болгарскаго именника преувеличено, конечно, но характерно, что третье лицо этого списка — Гостунъ, правда, только намѣстникъ, носитъ славянское имя [4]). Мы знаемъ въ точности, какъ складывались отношенія между Русью и Половцами. Въ половинѣ XI в. являются они на Русь, а подъ конецъ XII и, особенно, въ началѣ XIII обоюдныя отношенія обнаруживаютъ начала мирнаго сожительства: нападенія стано-

---

[1]) *Григорьевъ*, Волжскіе Булгары. Библ. д. Чтенія, 1836, IX, 1. Это „внутренніе Болгары“ арабскихъ извѣстій, *Хвольсонъ*, Ибнъ-Дастъ, 82. По Григорьеву — входящіе въ составъ мусульманской имперіи. Заслуживаетъ вниманія и офиціальное званіе у дунайскихъ Болгаръ: „внѣшніе и внутренніе боляре“. *Дриновъ*, Южные Славяне, 83—86.

[2]) Gesch. d. Bulgaren, 137.

[3]) Неславянское происхожденіе этого слова, какъ обыкновенно принимается, мнѣ сомнительно.

[4]) Славянство имени признаетъ *Иречекъ*, 127, *Куникъ* сближаетъ его впрочемъ съ именемъ аварскаго эксарха Ἑρμίτζης. Изв. Ак. Н. XXXII, стр. 133.

вятся рѣже, святой Никола пользуется большимъ и всеобщимъ уваженіемъ, нѣкоторые Половцы принимаютъ монашество въ Кіево-печерскомъ монастырѣ [1]). Нельзя забывать, что на главныхъ стоянкахъ Половцевъ славянское населеніе было уже разрѣжено, и слѣдовательно Половцы не испытывали на себѣ того отовсюднаго культурнаго воздѣйствія Руси, какое несомнѣнно должны были испытывать Болгаре, при прежней значительно большей плотности Славянъ на югѣ. Утвержденіе болгарской власти въ Мизіи не сопровождалось никакими фактами, указывающими на завоеваніе страны. Лѣтописное „насѣльницѣ Словеномъ быша“ слишкомъ непредѣленно; о характерѣ переселенія сѣверянъ къ Берегавѣ [2]) мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній, а что касается ранняго крѣпостничества [3]), то оно, конечно, могло бы указывать на завоеваніе, но, помимо неопредѣленности извѣстія о немъ [4]), мы не знаемъ, кто были крѣпостные — Славяне или Волохи?

Этнографическое перерожденіе Болгаръ не подлежитъ сомнѣнію и не представляетъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе продолжительное культурное и племенное воздѣйствіе на Болгаръ со стороны славяно-русскаго юга. Здѣсь главнымъ образомъ совершилась этнографическая переработка Болгаръ. Это можно утверждать рѣшительно, но сказать что нибудь больше, отмѣтить отдѣльные фазисы этого процесса мы не въ состояніи.

Русскій югъ въ концѣ концовъ палъ, но особенно на Болгарахъ онъ сослужилъ добрую службу славянству, подготовивъ ему тотъ оплотъ, который дѣйствительно защитилъ и удержалъ славянство на Балканахъ отъ греческой „льсти“ и изощреннаго звѣрства.

---

1) *Голубовскій*, Печенѣги, гл. 5-я.
2) *Өеофанъ* у Стриттера II, 508.
3) *Иречекъ*, 135.
4) Возможно предполагать и нѣкоторое преувеличеніе явленія, такъ какъ извѣстіе это находится въ поученіи Константина, называемаго паннонскимъ. *Горскій* и *Невоструевъ*, Описаніе рукописей моск. синод. библ. II, 2, 247.

повѣсти", составъ и источники ея, наслоенія, время составленія—все это вопросы, не только не порѣшенные, но во многихъ случаяхъ и вовсе не затронутые. Нѣкоторые изъ такихъ вопросовъ (напр., о составѣ и источникахъ) оказываются весьма сложными и нелегкими. Изслѣдованіе акад. Васильевскаго объ источникѣ лѣтописнаго сказанія о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, доказываетъ, что анализъ отдѣльныхъ частей древней повѣсти можетъ уводить весьма далеко, открывая въ ней слѣды источниковъ, въ настоящее время уже недоступныхъ [1]). То же, кажется, слѣдуетъ сказать и объ этнографическихъ показаніяхъ нашего источника [2]), времени его составленія и проч.

---

[1]) Русско-византійскіе отрывки, Ж. М. Пр. 1877, ч. 189, стр. 184.

[2]) На основаніи какихъ данныхъ обсуждались этнографическія сообщенія древнѣйшей лѣтописи, объ этомъ лучше всего можно судить по указанной выше статьѣ акад. Куника: „Несторъ, какъ систематикъ въ исторической этнографіи." Почтенный академикъ зачисляетъ здѣсь Нестора въ „категорію историческихъ мечтателей, какъ Кадлубекъ и Ко.", по слѣдующимъ основаніямъ. 1) Извѣстіе о вытѣсненіи Славянъ съ Дуная Волохами не есть народное преданіе, а „лишь отголосокъ ложной краковской учености"; „ибо теперь можно смѣло утверждать, что раздѣленіе Славянъ на двѣ главныя вѣтви должно было произойти на с.-в. Европы задолго до Траяна". Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ смѣло можно это теперь утверждать? Что касается названія влахъ, то объясненіе его завело ак. Куника до Исландіи. Мы знаемъ, что названіе это остается загадочнымъ и теперь (см. выше, стр. 213 пр. 2), слѣд., объясненіе ак. Куника — лишь „филологическія тонкости сомнительной прочности". 2) Ак. Куникъ утверждаетъ, что Малая Польша около Кракова — это, по Нестору, „Ляхи по преимуществу", а „Несторъ" говоритъ вотъ что: „Словени... пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове, а ѿтъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне". Очевидно, Поляне—Великополяне. Свидѣтельство лѣтописи вполнѣ согласно съ данными и исторіи, и этнографіи (см. выше, стр. 255 сл.); соображенія ак. Куника съ этими данными нисколько не считаются, мало того: искажаютъ памятникъ. 3) „Несторъ не имѣетъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о томъ,

около Мутненскаго озера (Нейзидлеръ) наидольше удержались ихъ остатки [1]). Широкіе предѣлы аварской державы [2])— сказка; шаткость ея основаній обнаружилась сразу, какъ только къ нимъ прикоснулась серьезная научная критика [3]). „Бяху бо Обри тѣломъ велици, а умомъ горди и потреби я Богъ". Это ужъ не сказка, а быль. Отъ аварскаго языка осталось лишь одно загадочное слово: „боголабра" и ни одного названія въ топографіи [4]).

Мы остановились на Аварахъ, потому что аварское вторженіе вводитъ насъ въ область исторической этнографіи славяно-русскаго міра. Какъ исторія Болгаръ бросаетъ свѣтъ на славяно-русскій югъ въ причерноморьѣ, такъ обстоятельства, связанныя съ движеніемъ Аваръ, даютъ нѣсколько важныхъ указаній на сосѣднее съ болгарскимъ, но независимое отъ Болгаръ славянство, въ области котораго Авары сдѣлали первый привалъ. Византійцы называютъ этихъ славянъ Антами.

Гдѣ искать этихъ Антовъ? Ближайшее опредѣленіе ихъ мѣстожительства имѣетъ двойное значеніе: въ вопросѣ о пути Аваръ и въ вопросахъ славяно-русской этнографіи.

---

[1]) *Гунфальви*, Ethnographie, 259.

[2]) Отъ Энжи до Дона, а на сѣверъ чуть не до Балтійскаго моря. *Гунфальви*, к. в. 85, 88.

[3]) *Дриновъ*, Заселеніе, 103—106. Уже *Цейсъ* значительно сузилъ предѣлы власти Аваръ: „Dass der Chacan auch während seiner Uebermacht nicht über den gesammten Stamm der Slaven geherrscht habe, bezeugen mehrere Angaben. Nur die zunächst umwohnenden Slaven standen in seinen Diensten". Die Deutschen, 735. Славянскій князь Дакіи Добритъ былъ независимъ отъ Аваръ и не боялся ихъ: гордый отвѣтъ его аварскимъ посламъ, требовавшимъ покорности и дани см. у *Дринова*, к. в. 105.

[4]) *Гунфальви*, к. в. 258. Названіе Vetvár сомнительно, а археологическія стремена и подковы могутъ, по замѣчанію Гунфальви, принадлежать и другимъ народамъ. Стр. 98. О „боголабра", пр. 182. Въ самое послѣднее время очень напираетъ на значеніе Аваръ *Вамбери:* „соединенію (?) ихъ съ Мадьярами онъ придаетъ особенное значеніе; это его credo, ядро его взглядовъ". Slov. Pohl. 1895, XII, 718.

забытъ [1]). Разсказъ о событіи 881 г. послужилъ для лѣтописца основой. Къ ней прибавлены были лѣтописцемъ взятыя изъ западно-славянскихъ преданій сказанія о дунайской прародинѣ Словенъ и затѣмъ сообщеніе о славяно-русскихъ колѣнахъ, почерпнутыя тоже изъ данныхъ при византійской миссіи [2]). Такимъ образомъ, первыя страницы

---

[1]) *Ламбинъ* не сомнѣвается, что при этой византійской миссіи былъ архивъ, и даже сообщаетъ подробно содержаніе этого архива. Славяне на сѣв. Черноморьи, Ж. М. Пр. 1879, XII, стр. 151—152. Въ другой статьѣ Ламбинъ предполагаетъ двѣ реляціи. Лѣтописцу попалась вторая (883), ибо первая, написанная „безъ сомнѣнія въ 881 г. тотчасъ по убіеніи Оскольда и Дира, гдѣ епископъ (представитель миссіи) сообщилъ патріарху о ихъ мученической смерти и христіанскомъ погребеніи, почтивъ память ихъ слезою сочувствія, и не преминулъ также разсказать о томъ, какъ завоеватели распорядились съ дружиной убитыхъ князей и какъ отнеслись они къ миссіи и къ христіанамъ въ Кіевѣ...“ и проч. Источникъ лѣтописнаго сказанія; тамъ же, 1874 ч. 174, стр. 113. Угадывать содержаніе документовъ, о которыхъ никто и нигдѣ не упоминаетъ ни словомъ, ни намекомъ — это, конечно, верхъ критической проницательности.

[2]) Эти же данныя, т. е. реляція послужила, по Ламбину, источникомъ для Багрянороднаго. „Одна такая записка, въ которой содержалось описаніе торговаго пути и всей дѣятельности Руси по византійской торговлѣ, переведенная на греческій языкъ, можетъ быть, для Константина Багрянороднаго, составляетъ 9-ю главу въ его сочиненіи О управленіи государствомъ“. Славяне на сѣв. Черноморьи, Ж. М. Пр. 1879, ч. 206, стр. 152. Казалось бы, всего правильнѣе: возстановить первоначальный источникъ сличеніемъ обѣихъ его передачъ, т. е. Багрянороднаго и лѣтописи, но анализъ 9-й главы Багрянороднаго у Ламбина представляетъ нѣчто совсѣмъ другое: опытъ объясненія ошибокъ Багрянороднаго. Онѣ объясняются неправильнымъ греческимъ переводомъ славянскаго источника (какого? реляціи?). Ламбинъ дѣлаетъ даже „попытку возстановить по греческому тексту начало предполагаемой славянской записки, примѣняясь по возможности къ языку договора игорева“, Источникъ, ч. 173, стр. 231—232. Все это дѣлается безъ всякихъ шутокъ; мало того, гипотеза Ламбина кажется нѣкото-

комъ хорошо знакомая, чтобы возбуждать какія нибудь сомнѣнія.

Всѣ эти соображенія получаютъ особенное значеніе, при сопоставленіи ихъ съ показаніемъ лѣтописи объ Обрахъ. Аварское иго весьма живо запечатлѣлось въ памяти нашихъ предковъ. По поводу Обровъ слагались „притчи", быть можетъ, были пѣсни, подобно тому, какъ были впослѣдствіи пѣсни „половецкія" и какъ существуютъ до сихъ поръ былины про татаръ. Въ лѣтописной замѣткѣ объ Обрахъ слышится былинный складъ. Лѣтопись сообщаетъ намъ названіе колѣна, испытавшаго на себѣ аварское иго: „Обры воеваша на Словены и примучиша Дулѣбы, сущая Словены". Лѣтопись помнитъ даже, въ чемъ состояли аварскія муки и насилья, и показаніе ея во многомъ совпадаетъ съ свидѣтельствомъ западнаго источника (Фредегара), какъ въ изображеніи насилій, такъ и въ обозначеніи племенной вѣтви, съ той только (вполнѣ естественной) разницей, что иностранецъ сообщаетъ общее названіе вѣтви, а нашъ источникъ обозначаетъ фактъ ближайшимъ точнымъ колѣннымъ названіемъ, указывая, такимъ образомъ, опредѣленное мѣсто для самаго факта. Указаніе лѣтописи вводитъ насъ изъ области текстовъ въ кругъ народной жизни, сообщаетъ факту прочное обоснованіе. Именно этотъ этнографическій фактъ и подлежитъ уясненію.

Названіе дулѣбы встрѣчается въ нашей лѣтописи всего три раза: 1) въ указанномъ преданіи объ аварскомъ игѣ, 2) въ третьемъ перечнѣ русскихъ колѣнъ („Дулѣбы же живяху по Бугу, кдѣ нынѣ Волыняне") и 3) въ перечнѣ участниковъ Олегова похода въ 907 г., причемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ къ названію дулѣбы не прибавлено объясненія, какъ въ двухъ предыдущихъ.

Что касается мѣстожительства, то оно опредѣляется точно только въ 3-емъ перечнѣ: „кдѣ нынѣ Волыняне". Подъ 907 г. дулѣбы помѣщены между тиверцами и хорва-

---

тился жизнью. *Менандръ* у Стриттера, II, 41. Вспомнимъ отвѣтъ Добрита аварскимъ посламъ.

тами. Мы замѣтили выше, что терминъ тиверцы кажется намъ въ данномъ случаѣ общимъ географическимъ терминомъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть сѣверо-западную часть причерноморья или, въ частности, „Уголъ“. Такимъ же общимъ названіемъ является и терминъ хорваты, имѣющій опредѣленный, хотя и весьма растяжимый смыслъ, въ приложеніи къ населенію возвышенныхъ частей покарпатья. Именно съ этими частями очень крѣпко и очень долго связано названіе хорваты, а растяжимость лѣтописныхъ обозначеній вполнѣ совпадаетъ съ растяжимостью этнографическихъ терминовъ въ устахъ народа и въ настоящее время, о чемъ говорилось подробно въ предшествующей главѣ. Такимъ образомъ, перечень 907 г. даетъ основаніе помѣщать территорію дулѣбовъ въ области карпатскаго подгорья въ обширномъ смыслѣ слова, тѣмъ болѣе, что это совпадаетъ съ показаніемъ 3-го перечня. Мы замѣтили выше, что именно эта область, какъ въ характерѣ своей природы, такъ и въ языкѣ земли, запечатлѣна особенно тѣсной связью съ окружающимъ ее по всѣмъ сторонамъ пространствомъ. Днѣпровско-бужское улучье и днѣстровскій уголъ на юго-востокѣ, среднее, т. е. кіевское поднѣпровье на востокѣ, правый припятскій скатъ на сѣверѣ, трансильванская трапеція на юго-задѣ отъ дулѣбской территоріи обозначаются на картѣ какъ болѣе или менѣе цѣльныя области, не безъ связи съ окружающимъ ихъ пространствомъ, но въ то же время и съ природными границами; но днѣстровскій водоскатъ, съ примыкающими къ нему верховьями обоихъ Буговъ, нигдѣ не имѣетъ природной границы, связываясь со всѣмъ окружающимъ его пространствомъ самымъ тѣснымъ образомъ. Неразрывная этнографическая связь населенія всего занимающаго насъ пространства опредѣляется безспорно діалектологіей.

Мы думаемъ, что въ свѣтѣ этихъ данныхъ слѣдуетъ разсматривать вопросы исторической этнографіи, связанные съ именемъ дулѣбовъ.

Географическая номенклатура открываетъ намъ до 10-ти названій: дулѣбы (дулибы, дулепы) на территоріи старыхъ

повѣтовъ: луцкаго (3), владимірскаго (1), червоноградскаго (1), подольскаго (3) [1]), далѣе названіе дулибы встрѣчается въ округахъ бучацкомъ, бобрецкомъ, стрыйскомъ [2]), въ бассейнѣ Ропы вислоцкой (бѣцкій округъ) [3]), т. е. на пространствѣ отъ верховьевъ праваго припятскаго ската сплошь до Днѣстра, и отъ подольскаго побожья до посанья и краковскаго повислинья.

На этой территоріи, какъ сказано, особенно тѣсно связанной со всѣмъ окружающимъ пространствомъ, встрѣчаемъ такіе стародавніе центры какъ Теребовль, Звенигородъ, Бужскъ. Названія этихъ городовъ характерны; въ нихъ слышится далекая древность. Начала ихъ теряются во мглѣ, а та картина ихъ жизни, какую представляетъ лѣтопись, обнаруживаетъ захудалость Звенигорода и Бужска [4]), межеумочность Теребовля, на который заявляетъ притязаніе

---

[1]) *А. Яблоновскій*, Żródła, XIX. Урочище дулибы есть въ пинск. пов. Писц. кн. пинск. и клецк. 244.

[2]) *Bigo*, Skorowidz.

[3]) *А. Павинскій*, Żródła, XIV, 115: Duliabka (Dołembki). Сюда же, б. м., относится названіе: дулява около Тржебини и около Городища на Днѣстрѣ; *Павинскій*, к. в., 35; Zbiór wiad., II, 20. Въ русской Польшѣ вовсе нѣтъ подобныхъ названій. Дуплиска (*Барсовъ*, Очерки, 102) сюда не относится, врядъ ли и Дулбуновъ.

[4]) Даже положеніе ихъ вызываетъ споры. *Барсовъ*, Матеріалы. Не отрицая, что упоминаемый въ лѣтописяхъ съ 1099 г. Бужскъ нельзя пріурочить къ Бужску на з. Бугѣ при впаденіи Полтвы, я, однако, сомнѣваюсь, чтобы вѣроятный центръ древнихъ бужанъ могъ находиться не на зап. Бугѣ. Къ сожалѣнію, эта территорія совершенно не разслѣдована. У *Чоловскаго* (Dawne zamki i twierdze na Rusi halickiej, Teka konserwatorska, Lw. 1892, стр. 66) Бужскъ показанъ въ числѣ „исчезнувшихъ" укрѣпленій. Что касается Звенигорода, то его слѣдуетъ пріурочивать къ Звенигороду днѣстр. у устья Звинячки, а не къ бережанскому, какъ обыкновенно. На это указываетъ, какъ отмѣченное Киркоромъ и Коперницкимъ (Zbiór wiad.) археологическое богатство этого мѣста, такъ и его географическое положеніе: здѣсь посредствующій пунктъ между русскимъ сѣверо-востокомъ и подунавьемъ. Съ по-

Давыдъ, потомъ Святополкъ, а затѣмъ возгорается упорная борьба съ Ростиславичами. Въ 1097 г. одержавъ побѣду надъ Святополкомъ, Ростиславичи останавливаются на „межѣ своей“ [1]). Кто и когда полагалъ эти межи?.... Въ западной части нашей территоріи находится одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ историческихъ центровъ — Перемышль, связанный природою съ повислиньемъ и побужьемъ съ одной, потисьемъ съ другой стороны. Исторія обнаруживаетъ въ этихъ мѣстахъ упорную борьбу не между волостями, а между разными политическими группами. Мы видѣли, что ходъ этой борьбы опредѣленно обрисовывается только совокупностью данныхъ этнографіи и исторіи. Этнографическія данныя не сообщаютъ датъ, но какъ нельзя болѣе ярко открываютъ стадіи историческихъ процессовъ въ цѣлыхъ географическихъ полосахъ. Эти полосы непререкаемо свидѣтельствуютъ о борьбѣ, о борьбѣ говорятъ и первыя писанныя страницы русской исторіи, но эти же страницы сохранили память и о мирныхъ временахъ: „и живяху въ мирѣ поляне и деревляне, и сѣверъ, и радимичи, и вятичи, и хорвате“.

Мы видѣли, что намекъ нашей лѣтописи какъ нельзя болѣе ярко дополняется языкомъ земли и нѣмыми памятниками далекаго былого, и если въ настоящее время развитіе общественной жизни и общественнаго благосостоянія опредѣляется сѣтью желѣзнодорожныхъ путей, то едва ли для опредѣленія этихъ сторонъ въ отдаленной древности слѣдуетъ игнорировать тѣ природные пути, какіе представляютъ рѣки, особенно если на соединительныхъ узлахъ встрѣчаемъ съ древнѣйшаго времени крупные центры, если окрестности этихъ центровъ, по нѣкоторымъ намекамъ,

---

слѣднимъ Звенигородъ связывался черезъ Черновцы, въ которыхъ слѣдуетъ признать „Чернавскый торгъ“ воскресенскаго перечня, указывающаго здѣсь несомнѣнно карпато-русскіе города. Читаю такъ: „Чернавскый торгъ на Прутѣ рѣцѣ, Романовъ торгъ на Молдовѣ, Немечь“ и проч. Ср. *Брунъ*, Черноморье, II, 347.

[1]) Ип. л. 177.

представляютъ археологическіе клады [1]), а языкъ земли обнаруживаетъ и до сихъ поръ живой смыслъ, мало гармонирующій съ извѣстнымъ намъ по историческимъ свидѣтельствамъ положеніемъ дѣлъ [2]).

Такимъ образомъ въ занимающей насъ полосѣ мы имѣемъ рядъ указаній на долгій историческій процессъ, связанный съ памятью о мирныхъ вообще отношеніяхъ отдѣльныхъ колѣнъ, слѣдовательно, на время предшествующее тѣмъ государственнымъ отношеніямъ, какія складываются на памяти исторіи, а на занимающихъ насъ мѣстахъ запечатлѣны непрерывной борьбой новыхъ государственныхъ центровъ. Эти указанія имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что они связаны съ полосой вообще наименѣе нарушенной и въ то же время несомнѣнно стародавней славянской осѣдлости [3]), благодаря чему многое, на что въ другихъ размытыхъ или разорванныхъ мѣстахъ имѣются лишь темные намеки, здѣсь освѣщается ходомъ жизни довольно ярко. Напр., относительно территоріи улучичей и угличей мы имѣемъ лишь намекъ на существованіе городовъ, здѣсь мы видимъ захудалые города въ самомъ началѣ нашей исторической жизни. Тамъ мы могли лишь предполагать совмѣщеніе названій общихъ и частныхъ, здѣсь мы имѣемъ на это прямыя данныя. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія.

Съ занимающей насъ территоріей связано въ лѣтописи три названія: дулѣбы, бужане, волыняне. По лѣтописи эти названія послѣдовательно смѣняются одно другимъ. Эта

---

[1]) Отчеты *Киркора*, Zbiór wiad., I—III, VI—VIII. Тамъ же раскопки *Коперницкаго* около Городницы на Днѣстрѣ, между Журиномъ и Серетомъ).

[2]) См. выше 164, 176. Чѣмъ объясняются богатства древняго Кіева, ослѣплявшія иностранцевъ? О болгарской Пресавѣ см. у *Калайдовича*, Іоаннъ экзархъ болгарскій, стр. 63. Развалины ея съ удивленіемъ описывалъ Гаджи-Хальфа въ XVII в. *Иречекъ*, Gesch. d. Bulg. 166.

[3]) Значительную часть нашей территоріи относитъ къ славянской прародинѣ даже *Милленгофъ*, II, 89.

смѣна названій уже обратила на себя вниманіе науки и объясняется изслѣдователями въ сущности довольно согласно, какъ намекъ на историческіе періоды. „Въ бужанахъ и волынянахъ открываются названія земель, послѣдовательно возникавшихъ въ эпоху образованія Русскаго государства на территоріи дулѣбскаго племени или колѣна, названія, еще не успѣвшія тогда вытѣснить или замѣнить собою стародавнее племенное названіе“ [1]). Но эти періоды устанавливаются различно. По однимъ, каждое изъ названій обозначаетъ извѣстный періодъ [2]). Другіе устанавливаютъ хронологическіе періоды несогласно съ лѣтописью: по Ключевскому, дулѣбы-волыняне одинъ періодъ, бужане другой [3]), по Барсову, дулѣбы — одинъ, бужане — второй;

---

[1]) *Барсовъ*, Очерки, 101. Далѣе указывается, что на дулѣбской территоріи „разложеніе земель подъ вліяніемъ городовъ могло начаться задолго до вступленія ея въ составъ Руси“.

[2]) „Весьма возможно, что жители нашей территоріи назывались дулѣбами еще въ первичномъ періодѣ централизаціи, такъ какъ подъ этимъ именемъ они извѣстны въ VII в. Подъ давленіемъ Аваровъ они сплотились въ одно цѣлое и приняли имя отъ рѣки, на которой они жили, Буга — Бужанъ; теперь они группируются около главнаго города Бужска. Съ теченіемъ времени значеніе Бужска пало“, центромъ сталъ Волынь, отсюда и названіе колѣна. *А. Андріяшевъ*, Очерки, 7.

[3]) „Дулѣбы — имя племени, бывшаго во главѣ союза колѣнъ; средоточіемъ его былъ городъ Волынь, и всѣ союзныя племена по нему назывались волынянами. Когда союзъ распался, и самое племя дулѣбовъ разбилось отъ выселеній и перемѣшалось съ другими, за обитателями побужья утвердилось имя бужанъ, какъ кривичи по р. Полотѣ стали зваться полочанами „рѣчки ради“. Значитъ, дулѣбы — имя племенное, волыняне — терминъ политическаго происхожденія, бужане — географическаго. Отношеніе между дулѣбами и волынянами то же, какое было между полянами и волостью кіевскою или — шпре — Русью“. Боярская дума. Р. Мысль, 1880, IV. Указываемые проф. Ключевскимъ періоды прямо противорѣчатъ лѣтописи, а предположеніе объ „этнографическихъ различіяхъ“ совершенно произвольно; далѣе, термины — географическій, политическій — не разграничены: одинъ разъ волыняне — терминъ „политическаго происхожденія“, другой разъ — географическій.

волынянъ онъ, повидимому, готовъ считать позднѣйшимъ обозначеніемъ [1]).

Достаточно и этихъ указаній, чтобы видѣть, въ какомъ состояніи находится научная обработка занимающихъ насъ вопросовъ [2]). Прибавимъ, что стороннiе, авторитетные и притомъ почти одновременные источники указываютъ на занимающей насъ территоріи два, а быть можетъ, и три племени, именно въ то время, къ которому относятся показанія нашей лѣтописи [3]). Устраняется ли этимъ хронологическій смыслъ сообщаемыхъ лѣтописью обозначеній? Остановимся на значеніи этихъ обозначеній.

Только одно изъ нихъ — волыняне совершенно ясно по смыслу. Обозначеніе это удерживается очень долго, но объемъ его былъ далеко не всегда одинаковъ. Въ XIV в. названіе Волынь примѣнялось несомнѣнно и къ значительной части Галичины [4]); въ XV вѣкѣ границы его передвинулись на востокъ. Это обнаруживается особенно во время борьбы Свидригайла съ Польшей. Окончательный переходъ Галичины во власть Польши достаточно объясняетъ причины сокращенія предѣловъ Волыня на западѣ. Западныя части древней волынской земли, т. е. ставшій польскимъ Галичъ, съ половины XIV в. сталъ уже обозна-

---

[1]) *Н. Барсовъ*, Очерки, 101; но здѣсь явныя противорѣчія: названіе волынь, волыняне въ началѣ считается позднѣйшимъ, а нѣсколько ниже связывается съ древнимъ городомъ Волынемъ.

[2]) Важная заслуга постановки этихъ вопросовъ принадлежитъ проф. Барсову и Ключевскому.

[3]) Бужане съ 231 городами, волыняне съ 70 городами — эмерамскій перечень; дулѣбы, волыняне и бужане (бамджинъ) — Аль-Масуди. Заслуживаетъ вниманія текстъ лѣтоп. Переясл. Сузд.: „Божане, еже по Бугу *седятъ* и после же Волынци назвашася".

[4]) Моя ст.: Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси, Ж. М. Пр. 1891, XII, стр. 326. Волынскими называются галицкіе города и въ воскр. перечнѣ.

чаться въ польскихъ грамотахъ не иначе, какъ Russia, впослѣдствіи эти земли составили такъ называемое Русское воеводство. Въ то же самое время въ восточной Руси древніе волынскіе города стали иногда обозначаться какъ „польскіе“ [1]), а у нѣмецкихъ рыцарей, наоборотъ, Волынь, внѣ предѣловъ польскаго государства, является „Русью“ по преимуществу [2]); на этой территоріи рыцари обозначаютъ и отдѣльныя части, имѣвшія, конечно, административный смыслъ [3]).

Эти точные факты позднѣйшаго времени бросаютъ значительный свѣтъ на обстоятельства, о которыхъ наша лѣтопись сохранила лишь намеки. Волынь, какъ терминъ опредѣленный входитъ въ общее употребленіе лишь съ XIV вѣка. Это совершенно справедливо отмѣтилъ Барсовъ. Но смыслъ этой опредѣленности объясняется такъ же точно, какъ и опредѣленный смыслъ такихъ терминовъ какъ Подолье, Буковина и проч.—это опредѣленность искусственная [4]). Но терминъ Волынь, повидимому, не мѣстоописательный, а волостной. Это обстоятельство и даетъ основаніе искать начала обозначенія въ историческомъ фактѣ, т. е. усматривать въ названіи волыняне хронологическій или точнѣе политическій моментъ. „Названіе области именемъ города, не бывшаго мѣстнымъ центромъ въ областномъ дѣленіи Руси X—XI в., показываетъ, что онъ былъ *нѣкогда* такимъ центромъ, и имя Волынянъ не было терминомъ позднѣйшаго происхожденія“ [5]). Послѣднее всего ярче доказывается раннимъ исчезновеніемъ термина въ лѣтописяхъ. Источники даютъ возможность приблизительно опредѣлить лишь

---

[1]) Варіантъ воскрес. перечня, рукоп. Публ. библ. F. IV. N. 239.

[2]) Сношенія Свидригайла съ Орденомъ: „Unde dye Rewsen gemeynlich bey im bleben“. Ss. rr. prus. III, 498. Ср. *А. Левицкій*, Powstanie Świdrygiełły, 148 пр. 47. Крак. 1892.

[3]) Перечень владѣній Свидригайла, составленный рыцарями, у *Коцебу*, Свидригайло. Прилож.

[4]) См. выше, стр. 116.

[5]) *Ключевскій*, Р. Мысль, 1880, VI, 36.

моментъ паденія центра—конецъ X в. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ эти же источники открываютъ намъ и обычныя слѣдствія—нарушеніе естественнаго хода жизни — разложеніе земли. На территоріи древняго Волыня встрѣчаемъ „Червенскіе грады", терминъ лишь мелькающій въ лѣтописи, но не новый: онъ предшествуетъ паденію Волыня. Грады, а въ томъ числѣ и Червенъ, упоминаются подъ 981 г. Политическій смыслъ этихъ терминовъ, т. е. ясный намекъ на нѣкоторыя перемѣны съ строѣ жизни, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, а одинаковость основъ общаго строя славяно-русской жизни доказывается сопоставленіемъ этихъ намековъ съ другими фактами позднѣйшаго времени [2]).

Такимъ образомъ, послѣдній моментъ древнѣйшей исторіи нашей земли, отмѣченный хорошо знакомымъ лѣтописи терминомъ — волыняне, можетъ быть опредѣленъ точно. Лѣтописное названіе волыняне не можетъ служить доказательствомъ позднѣйшей вставки, какъ склоненъ думать Барсовъ, а наоборотъ, представляетъ важное доказательство

---

[1]) О построеніи Владиміра говорятъ лѣтописи: никон., воскр., соф., тв. и Тат. Ср. *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ, Прил. 1-е, стр. 10. Путаница въ извѣстіяхъ происходитъ отъ смѣшенія обоихъ Владиміровъ (Ср. тв. л.: Давыдъ везетъ Василька во Владиміръ на Кл.). Что должно разумѣть Владиміръ вол., это указалъ уже Татищевъ, II, пр. 196. Очень интересна путаница въ названіи области: суздальская (никон., воскрес.), смоленская (соф.), словенская (въ суздальской землѣ (!) тв.), червенская (Тат.). Едва ли эти термины не указываютъ на особые источники. По крайней мѣрѣ, у Татищева несомнѣнно былъ источникъ карпатскаго происхожденія. Это замѣтно у него уже съ княженія Святослава. Въ послѣднее десятилѣтіе X в. замѣтна путаница хронологической сѣти въ главныхъ сводахъ. Но несомнѣнно тогда происходили важныя событія на нашей землѣ. Дѣла, можно думать, затрогивали и сосѣдей, чѣмъ и объясняется прибытіе къ Владиміру посольствъ: польскаго, чешскаго, угорскаго.

[2]) Города подунайскіе упоминаются подъ 1151 г. Андрей Боголюбскій, выдвигая Владиміръ противъ старыхъ городовъ Ростова и Суздаля, дѣлаетъ точно то же, что сдѣлалъ Владиміръ св. на Волыни.

древности записи. Что этотъ терминъ не исключалъ одновременнаго существованія и другихъ терминовъ доказываютъ извѣстія иностранцевъ, лѣтописное упоминаніе дулѣбовъ подъ 907 и данныя этнографіи, не оставляющія сомнѣнія въ возможности одновременнаго существованія нѣсколькихъ обозначеній, тѣмъ болѣе, что территорія нашихъ колѣнъ была не мала, и слѣдовательно ихъ могло быть нѣсколько, съ отдѣльными центрами. Свидѣтельство лѣтописи указываетъ только, что центры эти были въ извѣстныхъ взаимныхъ отношеніяхъ; на это же указываетъ и природа страны. Однимъ словомъ, въ свидѣтельствѣ лѣтописи мы имѣемъ ясное указаніе на смѣну моментовъ политической исторіи страны.

Но если въ исторіи волынянъ terminus ad quem можетъ быть опредѣленъ довольно точно, то terminus a quo не поддается опредѣленію. Кромѣ того, относительно бужанъ мы не можемъ сказать вполнѣ утвердительно, къ какому роду обозначеній принадлежитъ это названіе,— есть ли это названіе географическое, или политическое [1]). Одно только не подлежитъ сомнѣнію: на нашей землѣ городовъ было много, а географическое ихъ расположеніе, вмѣстѣ съ данными языка земли и намеками археологіи, доказываетъ, что они могли имѣть значеніе въ то сравнительно мирное время, память о которомъ сохранилась въ нашей лѣтописи и которое должно было предшествовать періоду, извѣстному намъ по историческимъ свидѣтельствамъ.

Еще менѣе ясенъ терминъ — дулѣбы [2]), въ то же время онъ вводитъ насъ въ кругъ древнѣйшихъ славянскихъ

---

[1]) *Барсовъ*, Очерки 101, считаетъ его волостнымъ: „въ древнемъ географическомъ словарѣ нельзя найти для обозначенія порѣчнаго населенія „Семянъ, Росянъ, Сулянъ, Дунаянъ", но встрѣчаются Посемцы, Поршане, Посулъцы, Дунайцы; тогда какъ жители Кіева, Смоленска, Пинска носятъ названія Кіянъ, Смольнянъ, Пинянъ". Это, несомнѣнно, остроумное замѣчаніе. Но лѣтописецъ понимаетъ бужанъ въ географическомъ смыслѣ, а въ филологіи, какъ извѣстно, есть правила и исключенія.

[2]) *Первольфъ*, Slavische Völkernamen, Арх. Ягича, VIII, 9,

этнографическихъ обозначеній: дулѣбовъ встрѣчаемъ въ южной Чехіи [1]) и въ Панноніи, между Блатенскимъ озеромъ, Салой и Дравой. Эта повторяемость названія давно подала поводъ сближать дулѣбовъ восточныхъ и западныхъ [2]). Мы высказали выше нашъ взглядъ на подобныя сближенія [3]). Мы не особенно склонны допускать, что дулѣбы паннонскіе и чешскіе обязаны своимъ существованіемъ Аварамъ, но, въ данномъ случаѣ, мы считаемъ нужнымъ указать на это мнѣніе, какъ потому что названіе дулѣбы, повидимому, не принадлежитъ къ мѣстоописательнымъ, повторяемость его въ другихъ мѣстахъ славянской земли сомнительна [4]), такъ въ особенности по слѣдующимъ причинамъ.

Дѣло въ томъ, что хотя преданіе о власти Обровъ сохранилось только въ нашей лѣтописи, но слово *obr* у Чеховъ, olbrzym (obrzym) у Поляковъ даютъ поводъ думать, что нѣкоторая часть этихъ племенъ не осталась незатронутой аварскимъ нашествіемъ. Было указано, что мнѣніе о широкихъ предѣлахъ аварской власти не имѣетъ никакихъ серьезныхъ основаній; но разгромъ Аваръ при Карлѣ повлекъ за собою вытѣсненіе аварской орды кагана Ѳедора съ лѣваго берега Дуная на правый [5]). Слѣдовательно, господство Аваръ можно предполагать и на территоріи Моравы, а быть можетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время и въ части сопредѣльной Чехіи. Отсюда слѣ-

---

указываетъ областное вäр.: дулебъ, дулебина, дулебый — дуракъ, слѣпой. Но это врядъ ли подходитъ. Бранныя и насмѣшливыя прозвища часты, но прилагаются къ небольшимъ колѣнамъ, имѣютъ, такъ сказать, мѣстное значеніе.

1) Одноименныя поселенія: Дудлѣбы на Орлицѣ и около Будѣевицъ, Дудлѣбцы при устьѣ Углавы въ Радбузу. *V. Kotyška*, Uplný mistop. Slovnik.

2) *Шафарикъ*, Древности, II, 2, 271. *Lelewel*, Narody na ziemiach sławiańskich. Pozn. 1853, стр. 746.

3) См. выше, стр. 216.

4) Ср. *Кентржинскій*, Die Lygier, 112; *Э. Богуславскій*, Historya Słowan, 506.

5) *B. Dudik*, Dejiny Moravy, I, 69.

дуетъ, что господство Аваръ на восточной дулѣбской территоріи лишь промелькнуло [1]), на западной оно удержалось до временъ историческихъ.

Для насъ съ этимъ связано весьма важное обстоятельство. Лѣтопись сохранила живую память о насиліяхъ аварскихъ, но, въ виду кратковременности пребыванія Аваръ на территоріи нашихъ дулѣбовъ и отдаленной давности этого пребыванія, можно съ весьма большой вѣроятностью предполагать, что память объ Аварахъ вынесена нашей лѣтописью оттуда же, откуда вынесена и память объ Települ Уграхъ, Болгарахъ, даже Волохахъ. Наши древніе книжники долго помнили о „Моравахъ". Здѣсь полагали они столъ апостола Андроника, поприще дѣятельности ап. Павла, здѣсь, по ихъ убѣжденію, впервые „положены были книги". Оживленность связей съ этими мѣстами доказывается и тѣмъ, что славянскія житія свв. Людмилы и Вячеслава, чинъ службы, при перенесеніи мощей послѣдняго изъ Болеславы въ Прагу, сохранились только въ русскихъ памятникахъ [2]).

Были ли это только связи книжныя, отголоски завѣтныхъ преданій церковной старины? За отвѣтомъ обратимся къ первымъ страницамъ нашей лѣтописи.

V.

Мы коснемся лишь той части нашей древней лѣтописи, къ которой должно быть относимо заглавное надписаніе, указывающее содержаніе повѣствованія. Это надписаніе не можетъ относиться ко всей такъ называемой древнѣйшей лѣтописи: въ немъ не отмѣченъ такой фактъ обще-русскаго значенія какъ крещеніе Руси при Владимірѣ святомъ, слѣдовательно, та „повѣсть", къ которой должно относиться заглавіе, не доходила до крещенія, не имѣла даже въ виду дойти до него, останавливалась на времени предшеству-

[1]) Это доказываетъ и хронологія аварскаго движенія.
[2]) *Будиловичъ*, Общеславянскій языкъ, II, 89, 104.

ющемъ. „Повѣсть“ ставитъ задачей разсказать о томъ, откуда пошла русская земля и откуда она стала. Переводя этотъ образный языкъ древняго повѣствователя на нынѣшній отвлеченный способъ выраженія — это значитъ, что повѣсть имѣла въ виду указать древнѣйшую территорію Руси и окончательную установку этой Руси въ Кіевѣ. Не въ Кіевѣ началась Русь, но здѣсь она утвердилась окончательно — вотъ смыслъ заглавнаго надписанія.

Такъ понималось оно всегда. Первыя страницы лѣтописи полагались поэтому въ основу всѣхъ теорій, объяснявшихъ начало Руси, причемъ, какъ извѣстно, особенно посчастливилось одному отрывку этихъ первыхъ страницъ, сообщающему о призваніи и прибытіи князей. Первая наша научная теорія о началѣ Руси обосновалась главнымъ образомъ на этомъ отрывкѣ. Извѣстіе о призваніи Варяговъ казалось Шлецеру главной частью начальной лѣтописи („ein Hauptstück der russischen Annalen“). Такое же значеніе приписывали извѣстію и Соловьевъ, и Бестужевъ-Рюминъ. По мнѣнію обоихъ этихъ представителей нашей науки прибытіе князей, какъ эпохальный фактъ нашей древней жизни, вызвало отдѣльный разсказъ, къ которому присоединено было предисловіе, сообщающее извѣстія о временахъ, предшествующихъ началу нашего историческаго бытія [1]).

Съ этой точки зрѣнія разсматривались первыя страницы нашей древней лѣтописи и въ такъ называемую эпоху „варягоборства“. Норманнисты начертали имя Нестора на своемъ знамени, нѣкоторые изъ нихъ (напр., Погодинъ) оперировали преимущественно лѣтописью; въ то же самое время ихъ противники опровергали ихъ лѣтописью же.

Естественно, что, при такихъ условіяхъ, обѣ стороны должны были разочароваться въ своемъ главномъ источникѣ. Въ наукѣ какъ бы возродился скептицизмъ, по крайней мѣрѣ, относительно первыхъ страницъ лѣтописи.

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, III, стр. 119, изд. 1880. *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ, 19; Русская Исторія, 1, 23.

Прежде всего лѣтописный источникъ пересталъ казаться тѣмъ живымъ непосредственнымъ, а потому достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о прошломъ, какимъ считался прежде. И академикъ Куникъ, и Гедеоновъ усмотрѣли въ Несторѣ систематика. Правда, систему у Нестора они усмотрѣли не въ одномъ и томъ же. Для Куника Несторъ систематикъ въ исторической этнографіи [1]), для Гедеонова, наоборотъ, система Нестора „не касается вопроса о словено-русской народности, но вертится единственно на задуманномъ имъ объясненіи имени Русь отъ варяговъ" [2]). Скоро затѣмъ скептицизмъ еще усилился. Одинъ изъ энергичныхъ противниковъ норманнизма Д. И. Иловайскій прямо объявилъ, что все начало лѣтописей до половины XI вѣка не можетъ имѣть значенія научнаго источника; это — „басни", которыя нечего усиливаться поддерживать научными изысканіями. „Такія усилія составляютъ ошибку Байера, Шлецера и ихъ слишкомъ усердныхъ послѣдователей" [3]). Къ подобному же выводу пришли и представители норманнизма, хотя выразили его не столь рѣшительно. Академикъ Куникъ, правда, не допускаетъ, чтобы „Несторъ могъ рѣшиться навязать потомству нахальную ложь о томъ, что княжескій родъ, называемый Русью, незадолго до 865 былъ призванъ изъ-за Балтійскаго моря", но въ то же время онъ замѣчаетъ (по поводу пріемовъ Погодина): „одними ссылками на почтеннаго Нестора теперь ничего не подѣлаешь" [4]). Замѣчаніе это слѣдуетъ понимать только въ смыслѣ скептицизма по отношенію къ свидѣтельству лѣтописи, такъ какъ исключительно „одними ссылками на Нестора" наука никогда не оперировала. Такъ же скептически относится къ лѣтописному сообщенію о началѣ Руси и проф. Успенскій. Сообщеніе это, говоритъ онъ, долго служило

---

[1]) *Куникъ*, Гедеоновъ и его система, Зап. Акад. Наукъ, VI, 1864.

[2]) *Гедеоновъ*, Варяги и Русь, гл. XIV, стр. 464.

[3]) Разысканія о началѣ Руси, М. 1882. Ст. Къ вопросу о лѣтописныхъ легендахъ.

[4]) Каспій, 459, 457.

„яблокомъ раздора и непримиримой вражды между научными направленіями. Цѣлая фаланга ученыхъ, начиная съ прошлаго столѣтія, боролась до изнеможенія, отстаивая всѣми силами неприкосновенность этого мѣста лѣтописи. Много таланта и остроумія потрачено было на то, чтобы сдѣлать его недоступнымъ для нападенія противниковъ. Борьба около этой своего рода крѣпости въ русской исторической наукѣ не окончилась и понынѣ, но не потому, чтобы ея твердыни оказывались дѣйствительно неуязвимыми противъ новыхъ орудій исторической критики, а болѣе потому, что враждующія стороны утомились и, къ тому же, сознали, что съ завладѣніемъ этимъ мѣстомъ немного выиграетъ ни та, ни другая партія, такъ какъ позади него выросли новыя укрѣпленія, господствующія надъ позиціей“ [1]).

Такимъ образомъ, между „непримиримыми“ направленіями установилось замѣтное единомысліе во взглядахъ на одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ о началѣ Руси. Мы позволяемъ себѣ думать, что это единомысліе во всякомъ случаѣ преждевременно. Не вдаваясь въ спеціальныя подробности, мы постараемся привести нѣсколько соображеній, которыя, надѣемся, въ извѣстной мѣрѣ подтвердятъ нашъ скептицизмъ по отношенію къ указаннымъ взглядамъ на лѣтописный источникъ о началѣ Руси.

Прежде всего не можетъ подлежать сомнѣнію, что именно такой источникъ представляютъ первыя страницы нашей лѣтописи. Это прямо подтверждается заглавіемъ, удержаннымъ всѣми списками — обстоятельство чрезвычайной важности, какъ замѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ [2]). Этимъ же обстоятельствомъ несомнѣнно доказывается и древность источника. Противъ этого, собственно, и не возражаетъ никто (кромѣ Д. И. Иловайскаго). Но только эти два положенія и можно считать несомнѣнными, все остальное подлежитъ уясненію. Возникновеніе и объемъ „древней

[1]) Русь и Византія. Од. 1888, стр. 3.
[2]) О составѣ, 18.

повѣсти", составъ и источники ея, наслоенія, время составленія—все это вопросы, не только не порѣшенные, но во многихъ случаяхъ и вовсе не затронутые. Нѣкоторые изъ такихъ вопросовъ (напр., о составѣ и источникахъ) оказываются весьма сложными и нелегкими. Изслѣдованіе акад. Васильевскаго объ источникѣ лѣтописнаго сказанія, о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ, доказываетъ, что анализъ отдѣльныхъ частей древней повѣсти можетъ уводить весьма далеко, открывая въ ней слѣды источниковъ, въ настоящее время уже недоступныхъ [1]). То же, кажется, слѣдуетъ сказать и объ этнографическихъ показаніяхъ нашего источника [2]), времени его составленія и проч.

---

[1]) Русско-византійскіе отрывки, Ж. М. Пр. 1877, ч. 189, стр. 184.

[2]) На основаніи какихъ данныхъ обсуждались этнографическія сообщенія древнѣйшей лѣтописи, объ этомъ лучше всего можно судить по указанной выше статьѣ акад. Куника: „Несторъ, какъ систематикъ въ исторической этнографіи." Почтенный академикъ зачисляетъ здѣсь Нестора въ „категорію историческихъ мечтателей, какъ Кадлубекъ и Ко.", по слѣдующимъ основаніямъ. 1) Извѣстіе о вытѣсненіи Славянъ съ Дуная Волохами не есть народное преданіе, а „лишь отголосокъ ложной краковской учености"; „ибо теперь можно смѣло утверждать, что раздѣленіе Славянъ на двѣ главныя вѣтви должно было произойти на с.-в. Европы задолго до Траяна". Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ смѣло можно это теперь утверждать? Что касается названія влахъ, то объясненіе его завело ак. Куника до Исландіи. Мы знаемъ, что названіе это остается загадочнымъ и теперь (см. выше, стр. 213 пр. 2), слѣд., объясненіе ак. Куника — лишь „филологическія тонкости сомнительной прочности". 2) Ак. Куникъ утверждаетъ, что Малая Польша около Кракова — это, по Нестору, „Ляхи по преимуществу", а „Несторъ" говоритъ вотъ что: „Словени... пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася Ляхове, а ѿтъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне". Очевидно, Поляне—Великополяне. Свидѣтельство лѣтописи вполнѣ согласно съ данными и исторіи, и этнографіи (см. выше, стр. 255 сл.); соображенія ак. Куника съ этими данными нисколько не считаются, мало того: искажаютъ памятникъ. 3) „Несторъ не имѣетъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о томъ,

Цѣлый рядъ вопросовъ связанъ, такимъ образомъ, съ занимающимъ насъ памятникомъ, и ни одинъ изъ нихъ не уясненъ окончательно. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ освѣщаются нѣкоторые изъ указанныхъ вопросовъ. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, *какъ возникла* „повѣсть“.

По Забѣлину, „повѣсть“ — только отвѣтъ на требованія „мысли общественной“, а именно общества городского, верховодившаго тогдашней жизнью; возникнуть она могла не раньше времени Ярослава [1]).

Совсѣмъ иначе смотритъ на это Ламбинъ. Начальный разсказъ лѣтописи, по его мнѣнію, возникъ на основѣ реляціи о кіевской катастрофѣ 882 (881 г.). Эта реляція сообщена была въ Византію представителемъ византійской миссіи въ Кіевѣ; черновикъ ея попалъ въ руки лѣтописца, который и сообщилъ его не безъ пропусковъ и сокращеній, такъ какъ точный смыслъ фактовъ въ XI в. былъ уже

что Кроаты (!!) и Сербы лишь въ позднѣйшее время (въ 7-мъ вѣкѣ) перешли въ свои задунайскія жилища изъ странъ закарпатскихъ". Ак. Куникъ, конечно, вправѣ вѣрить Багрянородному, но не имѣетъ права выставлять его показанія, какъ несомнѣнную истину, ибо рядъ высокоавторитетныхъ лицъ этимъ показаніямъ не вѣритъ. Наконецъ 4) „Сказанія о поселеніи разныхъ славянскихъ племенъ на Днѣпрѣ, на Полотѣ, на озерѣ Ильменѣ и т. д. есть не что иное, какъ умствованіе, истолкованіе именъ этихъ племенъ". Можно, конечно, и это утверждать, но лишь при полномъ незнакомствѣ съ этнографіей. А между тѣмъ мнѣніе ак. Куника отчасти вошло въ науку. Его считалъ „значительнымъ“ *Котляревскій*, Сочиненія, II, стр. 102; взглядъ на Нестора, какъ на сочлена краковской школы, повторилъ и ак. *Л. Н. Майковъ*, Отзывъ объ Очеркахъ Барсова.

[1]) Она построена „общими силами всего общества“; въ ней „слишкомъ много общаго всенароднаго... и очень мало частнаго, личнаго, собственно авторскаго“; она построена въ монастырѣ, потому что монастырь былъ центромъ тогдашняго книжнаго ученія; наконецъ, „какъ общенародное дѣло, она съ первой до послѣдней строки правдива". *Забѣлинъ*, Истор. р. жизни, I, гл. V, стр. 483—502.

забыть [1]). Разсказъ о событіи 881 г. послужилъ для лѣтописца основой. Къ ней прибавлены были лѣтописцемъ взятыя изъ западно-славянскихъ преданій сказанія о дунайской прародинѣ Словенъ и затѣмъ сообщеніе о славянорусскихъ колѣнахъ, почерпнутыя тоже изъ данныхъ при византійской миссіи [2]). Такимъ образомъ, первыя страницы

---

[1]) *Ламбинъ* не сомнѣвается, что при этой византійской миссіи былъ архивъ, и даже сообщаетъ подробно содержаніе этого архива. Славяне на сѣв. Черноморьи, Ж. М. Пр. 1879, XII, стр. 151—152. Въ другой статьѣ Ламбинъ предполагаетъ двѣ реляціи. Лѣтописцу попалась вторая (883), ибо первая, написанная „безъ сомнѣнія въ 881 г. тотчасъ по убіеніи Оскольда и Дира, гдѣ епископъ (представитель миссіи) сообщилъ патріарху о ихъ мученической смерти и христіанскомъ погребеніи, почтивъ память ихъ слезою сочувствія, и не преминулъ также разсказать о томъ, какъ завоеватели распорядились съ дружиной убитыхъ князей и какъ отнеслись они къ миссіи и къ христіанамъ въ Кіевѣ...“ и проч. Источникъ лѣтописнаго сказанія; тамъ же, 1874 ч. 174, стр. 113. Угадывать содержаніе документовъ, о которыхъ никто и нигдѣ не упоминаетъ ни словомъ, ни намекомъ — это, конечно, верхъ критической проницательности.

[2]) Эти же данныя, т. е. реляція послужила, по Ламбину, источникомъ для Багрянороднаго. „Одна такая записка, въ которой содержалось описаніе торговаго пути и всей дѣятельности Руси по византійской торговлѣ, переведенная на греческій языкъ, можетъ быть, для Константина Багрянороднаго, составляетъ 9-ю главу въ его сочиненіи О управленіи государствомъ“. Славяне на сѣв. Черноморьи, Ж. М. Пр. 1879, ч. 206, стр. 152. Казалось бы, всего правильнѣе: возстановить первоначальный источникъ сличеніемъ обѣихъ его передачъ, т. е. Багрянороднаго и лѣтописи, но анализъ 9-й главы Багрянороднаго у Ламбина представляетъ нѣчто совсѣмъ другое: опытъ объясненія ошибокъ Багрянороднаго. Онѣ объясняются неправильнымъ греческимъ переводомъ славянскаго источника (какого? реляціи?). Ламбинъ дѣлаетъ даже „попытку возстановить по греческому тексту начало предполагаемой славянской записки, примѣняясь по возможности къ языку договора Игорева“. Источникъ, ч. 173, стр. 231—232. Все это дѣлается безъ всякихъ шутокъ; мало того, гипотеза Ламбина кажется нѣкото-

нашей лѣтописи представляются Ламбину механической сшивкой случайно попавшихъ въ руки лѣтописца матеріаловъ.

По Гедеонову, наоборотъ: въ разсказѣ о Руси слѣдуетъ видѣть „систему". Лѣтописецъ комбинируетъ извѣстія византійскія о началѣ русскаго имени съ фактомъ призванія. Система „не касается вопроса о словено-русской народности (въ этомъ отношеніи представленія лѣтописца ясны), но вертится единственно на задуманномъ имъ объясненіи имени Русь отъ варяговъ". Оттого путаница, частыя повторенія положеній о Руси, какъ будто изъ боязни, что этого не поймутъ. Гедеоновъ утверждаетъ даже, что „Несторъ этого въ самомъ дѣлѣ боялся" [1]).

Едва ли нужно прибавлять, что всѣ эти мнѣнія отвѣчаютъ лишь общимъ взглядамъ ученыхъ на начала нашей исторической жизни. Этими взглядами освѣщается источникъ, а не отъ источника заимствуются взгляды, какъ бы собственно слѣдовало. Вслѣдствіе этого источникъ остается по прежнему весьма слабо разработаннымъ. Приведенные взгляды имѣютъ для насъ только то значеніе, что они доказываютъ общее сознаніе ученыхъ объ отдѣльности извѣстій о началѣ Руси, т. е. объ отдѣльности „повѣсти" о началѣ Руси. Но гдѣ кончается эта повѣсть? На это не даютъ отвѣта ни Забѣлинъ, ни Гедеоновъ, даже не задаются этимъ вопросомъ [2]). Потому ли, что вопросъ

рымъ ученымъ „весьма правдоподобной". *А. Маркевичъ* О лѣтописяхъ, 1, 142. (Надо, впрочемъ, сказать, что въ академической рецензіи статей Ламбина, Зап. Ак. Н., 1872, XX, мысль о византійской миссіи въ Кіевѣ признана фантазіей). Н. Ламбинъ серьезный и почтенный ученый, но его статьи будутъ, думается, еще долго служить яркимъ образчикомъ того, что̀ такое прогрессивный методъ, въ примѣненіи къ вопросамъ чисто этнографическаго характера.

[1]) Варяги и Русь, гл. XIV, стр. 464.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что, на взглядъ Ламбина, разсказъ лѣтописи о дунайской родинѣ Словенъ кончается словами: „тѣмъ же и грамота прозвася словѣньская". Славяне на сѣв. Черном., ч. 206, стр. 148.

этотъ казался имъ исчерпаннымъ? Едва ли можно это предполагать; такъ какъ и по вопросу объ *объемѣ* повѣсти въ наукѣ не существуетъ опредѣленнаго мнѣнія.

По Костомарову, заглавіе можетъ примѣняться „именно къ одной только повѣсти, составляющей предисловіе къ лѣтописи" [1]).

По мнѣнію Соловьева, оно относится лишь къ „первоначальному сказанію о прибытіи князей съ предисловіемъ о дорюриковомъ времени" [2]). Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и Бестужевъ-Рюминъ, дополняя его указаніемъ на то, что „переходъ заглавія и даже предисловія одного изъ источниковъ, служившихъ для составленія свода, въ самый сводъ" — явленіе не безпримѣрное, а въ виду сводности древней лѣтописи, не можетъ представлять ничего особенно удивительнаго [3]).

Со всѣми этими мнѣніями трудно согласиться, потому что они основываются не на данныхъ самого источника, а на обстоятельствахъ постороннихъ, внѣшнихъ (предположеніе объ эпохальномъ значеніи призванія и прибытія князей у Соловьева и Бестужева-Рюмина), или даже случайныхъ (у Костомарова: разстановка годовъ несомнѣнно

---

[1]) „Собственно лѣтопись начинается словами: „въ лѣто 6360... начася прозывати Руска земля", ибо заглавіе: „се повѣсти временныхъ лѣтъ" показываетъ, что повѣствователь не имѣлъ въ виду разсказывать послѣдовательно судьбу русской земли, а только рѣшить вопросъ, какъ она возникла". *Костомаровъ,* Лекціи, стр. 31.

[2]) „Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что извѣстія о пришествіи князей и утвержденіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной разсказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ разсказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ извѣстіи о походѣ Оскольда и Дира на Грековъ". По Соловьеву, этотъ разсказъ составляетъ часть разсказа о призваніи, прибытіи и утвержденіи князей. Исторія Россіи, III, стр. 119, изд. 1880.

[3]) О составѣ, 19. Въ Исторіи объемъ повѣсти опредѣленъ такъ: „она могла доходить доходить до начала княженія Олега въ Кіевѣ" I, 23.

позднѣйшая, годъ 852 чисто случайный), между тѣмъ анализъ памятника долженъ имѣть въ виду прежде всего самый памятникъ, особенно при опредѣленіи объема отдѣльной части въ сводѣ. Для этого прежде всего необходимо точно обозначить объемъ цѣлаго, въ которое включена часть, чтобы сопоставлять ее только съ тѣмъ цѣлымъ, которому она принадлежитъ. Это требованіе такъ естественно, что разъяснять его подробнѣе нѣтъ надобности. Существованіе лѣтописнаго свода, предшествовавшаго тому, который мы называемъ первоначальнымъ, предполагалось давно, но, если не ошибаемся, только Срезневскій сдѣлалъ попытку болѣе точно опредѣлить объемъ этого начальнаго свода по признакамъ и основаніямъ, въ немъ же самомъ заключающимся.

Срезневскій указалъ на перечень лѣтъ по княженіямъ, оканчивающійся сводомъ лѣтъ: „отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи 60". Тутъ счетъ русскихъ лѣтописныхъ лѣтъ раздѣленъ на три части: 1) до смерти Святослава, 2) до смерти Ярослава, 3) до смерти Святополка". Смыслъ такого распредѣленія Срезневскій усматриваетъ только въ отношеніи „лѣтописца къ тѣмъ лѣтописямъ, изъ которыхъ бралъ онъ матеріалъ. Годомъ смерти Святополка думалъ заключить свою лѣтопись тотъ лѣтописецъ, который пережилъ Святополка; годомъ смерти Ярослава оканчивался трудъ одного изъ его предшественниковъ; годомъ смерти Святослава оканчивалась хоть одна изъ лѣтописей прежде, чѣмъ продолжена была далѣе. Такимъ образомъ, одна изъ древнѣйшихъ лѣтописей доведена была не далѣе какъ до 972 года" [1]).

---

[1]) Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Прилож. къ II т. Зап. Ак. Н. С-ПБ. 1862, стр. 7—8. *Бестужевъ-Рюминъ* дополняетъ соображенія Срезневскаго слѣдующимъ существеннымъ указаніемъ: „еслибы таблица (числоположеній) составилась не случайно, какъ спивка предшествовавшихъ замѣтокъ", то въ ней не были бы пропущены такіе факты, какъ

Въ опредѣленіи объема древнѣйшей лѣтописи Срезневскій исходитъ не отъ внѣшнихъ случайныхъ, а отъ внутреннихъ признаковъ памятника. Это несомнѣнно важное достоинство его замѣчаній, и они сохраняли бы полную силу, еслибы древность списковъ доказывала вмѣстѣ съ тѣмъ и большую древность текста, а числоположенія были бы вездѣ одинаковы. Но древность списка вовсе не ручается за древность, а слѣдовательно, и вѣрность текста. Это понималъ уже Бередниковъ, прямо указавшій необходимость сличенія текста „исправнѣйшихъ списковъ" съ побочными [1]). Это отлично понималъ и самъ Срезневскій, чрезвычайно ярко указавшій „неполноту нашихъ лѣтописей и необходимость дополнять ихъ взаимно", а слѣдовательно, такъ сказать, равносильность всѣхъ списковъ, иногда даже значительно позднѣйшихъ [2]). Очевидно поэтому, что, обосновавъ свое опредѣленіе объема древнѣйшей лѣтописи на сводѣ лѣтъ, обозначенныхъ лишь въ такъ называемыхъ древнѣйшихъ спискахъ, Срезневскій лишилъ свои соображенія той фактической обоснованности, какою вообще отличаются его замѣчанія о лѣтописи [3]). Почему такъ посту-

---

крещеніе русской земли, мученическая кончина Бориса и Глѣба. „Отсутствіе указаній на подобныя событія и выборъ смерти Святослава и Ярослава, относительно менѣе важныхъ, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ мнѣнія Срезневскаго". О составѣ, 36. Къ мнѣнію Срезневскаго примыкаетъ и *Барсовъ*, указывающій, что въ числоположеніяхъ годъ смерти Святослава особенно подчеркнутъ, слѣдовательно, онъ былъ извѣстенъ лѣтописцу точно. Съ этого же года „хронологическая рамка лѣтописей становится менѣе искусною, болѣе естественною". Очерки, пр. 4.

[1]) Акад. *Бычковъ*, Обзоръ хода изданій лѣтописей въ Россіи, Ж. М. Пр. 1860, ч. 105. Очень ярко указалъ невѣрность карамзинскаго возвеличенія древнѣйшихъ списковъ *Ламбинъ*, Источникъ, тамъ же, ч. 173, стр. 248.

[2]) Чтенія, 15—16.

[3]) Другія мнѣнія объ объемѣ древнѣйшаго свода см. у *Бестужева-Рюмина*, О составѣ, 30. Эти мнѣнія имѣютъ, впрочемъ, въ виду не то, что можно называть древнѣйшимъ сводомъ.

пилъ Срезневскій, этого мы не умѣемъ объяснить. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что въ сводахъ воскресенскомъ, софійскомъ и никоновскомъ годовыя грани другія, причемъ въ софійскомъ и никоновскомъ, рядомъ съ гранями древнѣйшихъ списковъ, указываются такіе моменты, какъ крещеніе Болгаръ, преложеніе книгъ, крещеніе Руской земли, смерть Владиміра святого, убіеніе Бориса и Глѣба—моменты гораздо болѣе существенной важности и въ спеціально русской жизни, и въ той древнѣйшей славяно-русской, которую несомнѣнно предполагалъ Срезневскій, возводя начала русскаго лѣтописанія къ древнѣйшему времени славяно-русской письменности и особенно выдвинувъ славяно-русскій (въ отличіе отъ позднѣйшаго спеціально-русскаго) характеръ древнѣйшихъ записей начальной лѣтописи [1]). Срезневскій разсматриваетъ вопросъ собственно объ объемѣ древнѣйшей лѣтописи [2]). Ясно, слѣдовательно, что вопросъ объ объемѣ повѣсти остается въ наукѣ безъ отвѣта.

То же слѣдуетъ сказать и по вопросу *о времени* составленія повѣсти.

Время составленія древнѣйшей лѣтописи предполагается Срезневскимъ значительно раньше, чѣмъ принято обык-

---

[1]) Этимъ замѣчаніямъ Срезневскаго нельзя не придавать особеннаго значенія. Какъ и Надеждинъ, Срезневскій имѣлъ счастливую возможность смотрѣть на древнюю Русь не съ отдаленнаго сѣвера, откуда эта Русь врядъ ли могла представляться въ своемъ надлежащемъ объемѣ. Этимъ обусловлено общее освѣщеніе вопроса, для своего времени необыкновенное, да и теперь еще не вполнѣ усвоенное нашей наукой. Ср. *Разсудовъ*, Нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ, Моск. Унив. Изв. 1868, N. IX и *А. Маркевичъ*, О лѣтописяхъ, Од. 1883, I, стр. 165. Не только, впрочемъ, по общему взгляду на наше древнѣйшее лѣтописаніе, но и по фактической доказательности статьи Срезневскаго (Чтенія, к. в., Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгор. Изв. 2 Отд. Ак. Н. т. 2, листъ 28 и 31) замѣчательны.

[2]) *Барсовъ*, к. в., впрочемъ, и считаетъ древнѣйшую лѣтопись, въ объемѣ, предполагаемомъ Срезневскимъ, „повѣстью“.

новенно думать. Изъ нея нельзя исключить повѣсти, ибо заглавное надписаніе можетъ относиться только къ ней, а такъ какъ оно вошло во всѣ своды, то слѣдовательно, составленіе „повѣсти" должно было предшествовать составленію сводовъ. Древность „повѣсти" доказывается и другими признаками и, что особенно важно, не внѣшними, а заключающимися въ самомъ памятникѣ. Эти признаки отмѣчены изслѣдователями въ тѣхъ гео- и этнографическихъ свѣдѣніяхъ, какія сообщаются на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи. Они принадлежатъ эпохѣ болѣе ранней, чѣмъ конецъ XI вѣка [1]). Если въ этомъ отношеніи и существуютъ нѣкоторыя колебанія [2]), то едва ли не потому, что, по особымъ условіямъ развитія нашей науки, она обращала вниманіе какъ разъ на тѣ данныя лѣтописи (финнскій сѣверъ), которыя, за отсутствіемъ древнѣйшихъ датъ, трудно опредѣлить хронологически. Но если присмотрѣться къ гео- и этнографической картинѣ лѣтописнаго славянства, то врядъ ли останется сомнѣніе, что оно представляется цѣльнымъ и самостоятельнымъ почти во всей своей цѣлокупности. Прибавимъ къ этому живой смыслъ племенныхъ обозначеній, и притомъ не только топическихъ, и станетъ ясно, что относить лѣтописную гео- и этнографическую картину къ XI в. рѣшительно нельзя. Достаточно и этихъ указаній, чтобы не сомнѣваться въ значительно болѣе раннемъ возникновеніи повѣсти, чѣмъ обыкновенно полагается.

Обозначеннымъ выше не исчерпываются, однако, вопросы, связанныя съ повѣстью, такъ какъ и *характеръ* ея не выясненъ.

---

[1]) *Бѣляевъ*, О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи. Зап. Геогр. Общ., VI, стр. 6. СПБ. 1852; академикъ *Л. Н. Майковъ*, Отзывъ объ Очеркахъ Барсова, Ж. М. Пр. ч. 174, стр. 240 сл.

[2]) *Барсовъ*, Очерки, гл. 1—2, слѣдуя Шегрену, относитъ лѣтописную картину разселенія восточной Европы къ концу XI, началу XII в.

По мнѣнію Бестужева-Рюмина, повѣсть едва ли не слѣдуетъ признать „сшивной" [1]), по Барсову, наоборотъ, повѣсть не только „самостоятельное историческое произведеніе", но „она представляетъ черты особаго и цѣльнаго изложенія, разбитаго позднѣйшимъ редакторомъ на годы вставками оффиціальныхъ документовъ (договоры) заимствованіями и выписками изъ византійскихъ писателей" [2]). Къ этому же взгляду на повѣсть какъ на цѣльное произведеніе склоняется и К. Я. Гротъ, допускающій, что цѣлью повѣсти было разсказать о судьбѣ Словенъ на Дунаѣ [3]). Если принять во вниманіе представленныя выше номенклатурныя и этнографическія данныя, то такая цѣль оказывается не весьма далекой отъ той задачи, которая обозначена заглавіемъ начальной повѣсти.

Этотъ краткій обзоръ связанныхъ съ „повѣстью" вопросовъ и ихъ научной обработки врядъ ли можетъ оставлять сомнѣніе, что этотъ источникъ самъ по себѣ далеко не разслѣдованъ. Можно ли, въ виду этого, дѣлать какія бы ни было заключенія о его важности или неважности, годности или негодности? Не представляютъ ли подобныя заключенія лишь одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ въ „безпримѣрно рѣдкостномъ ходѣ развитія" вопроса о началѣ Руси?

Наука лишь начинаетъ подходить къ разъясненію вопросовъ, связанныхъ съ „повѣстью". Вопросы эти представляютъ необъятный матеріалъ для ученыхъ изысканій. Тутъ и вопросы о литературныхъ связяхъ и заимствованіяхъ, о народныхъ преданіяхъ, объ апокрифахъ, и въ этомъ случаѣ, какъ литературныхъ, такъ и находившихся въ живомъ народномъ обращеніи; о гео- и этнографическихъ представленіяхъ, о времени и обстоятельствахъ, какимъ они могутъ соотвѣтствовать. Повторяемъ, къ уясненію этихъ вопросовъ наука лишь начинаетъ подходить.

---

[1]) О составѣ, 46.
[2]) Очерки пр. 4 и 14.
[3]) Мор. и Мадьяры, 238 сл.

Въ одномъ отношеніи она подходитъ къ нимъ, къ счастью, надежнымъ путемъ обратнаго метода. Имѣемъ въ виду уясненіе общаго характера нашего древняго лѣтописанія. Если взять для примѣра капитальное изслѣдованіе Бестужева-Рюмина „О составѣ русскихъ лѣтописей", то нельзя не замѣтить, что въ немъ очень мало сказано о „повѣсти", но весьма тщательно разобранъ древній сводъ (какъ сильвестровой редакціи, такъ и южно-русскій), и это сдѣлано съ опредѣленной цѣлью: наведеніемъ подтвердить то, что о древнѣйшей части можетъ быть высказано лишь предположительно [1]). Благодаря этому, наши взгляды на древнее лѣтописаніе основываются не на предположеніяхъ, а на точныхъ данныхъ. Мы можемъ не сомнѣваться, что шлецеровскаго „истиннаго Нестора" не было и быть не могло, и слѣдовательно, историкъ не можетъ отдавать предпочтеніе одному какому нибудь списку или даже одному какому нибудь изводу,—для историка они всѣ равны. Не сомнѣваемся далѣе, что не только отдѣльныя записи, но даже повѣсти и сказанія могли составляться въ разныхъ мѣстахъ [2]), и едва ли именно онѣ и не были первоначальной формой нашего дѣеписанія; что это дѣеписаніе, въ дошедшемъ до насъ видѣ, представляетъ плодъ весьма длин-

---

[1]) О составѣ, 69.

[2]) Мѣстныя записи выдвинулъ Бестужевъ-Рюминъ, но тщательно отмѣчая записи новгородскія, ростовскія, черниговскія, тмутараканскія, онъ не съ такимъ, повидимому, вниманіемъ останавливается на записяхъ волынскихъ и юго-западныхъ. Тѣмъ большее значеніе получаетъ указанная этимъ ученымъ въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ сильвестрова свода незамѣтность нерасположенія къ Святополку и его роду. Это можетъ давать основаніе предполагать, что въ сильвестровомъ сводѣ столкнулись двѣ волынскія редакціи—древнѣйшая, благопріятная Святополковичамъ и позднѣйшая — Мономаховичамъ. При замѣченныхъ давно особенностяхъ Васильева сказанія, это обстоятельство получаетъ нѣкоторое значеніе. Заслуживаютъ вниманія и извѣстія о ю.-з. окраинахъ русскаго міра за время Святослава и Владиміра св. у Татищева. Ихъ нѣтъ въ другихъ сводахъ, но, конечно, они не выдуманы.

наго и, пожалуй, усиленнаго труда, въ которомъ роль сводчиковъ и редакторовъ была весьма не мала; наконецъ не можемъ сомнѣваться и въ отдаленной древности нашего дѣеписанія, какъ не можемъ сомнѣваться въ томъ, что христіанство, а слѣдовательно, и плоды христіанской культуры были на Руси, и даже въ Кіевѣ, задолго до Владиміра святого.

Какъ ни общеизвѣстны теперь эти положенія, тѣмъ не менѣе напомнить о нихъ, говоря о первыхъ страницахъ нашей лѣтописи, вовсе не лишне, потому что и древнѣйшая часть нашей лѣтописи, въ которую вошла начальная повѣсть о Руси—тоже сводъ и, слѣдовательно, можетъ представлять результатъ тоже не малыхъ трудовъ. *Сводъ этотъ долженъ былъ предшествовать другимъ, потому что онъ вошелъ во всѣ своды.*

Безъ всякаго сомнѣнія на этомъ древнѣйшемъ сводѣ сильно отразились слѣды позднѣйшей редакторской работы. Самое яркое доказательство этого представляетъ заглавіе начальной повѣсти. Оно имѣется рѣшительно во всѣхъ спискахъ (что́ и сообщаетъ ему особенное значеніе), но не вездѣ оно одно и не вездѣ одинаково. Во всѣхъ спискахъ софійскаго и воскресенскаго изводовъ и въ тверской имѣется двойное заглавіе [1]). Въ никоновскомъ, лаврентіевскомъ, въ лѣтописцѣ Переяславля суздальскаго заглавіе одно, но не одинаковое. Заглавіе лаврентьевскаго (и ипатскаго) какъ бы суживаетъ, ограничиваетъ заглавіе, обозначенное въ никоновскомъ сводѣ. Въ этомъ случаѣ оно представляетъ прямой противовѣсъ заглавію новгородскихъ изводовъ. Въ первыхъ содержаніе повѣствованія должно

---

[1]) О воскр. и соф., б. м., правильнѣе сказать: тройное. Древнѣйшее заглавіе: „повѣсти откуда...“ и проч. срослось съ текстомъ (ср. указанное выше, стр. 350, замѣчаніе Бестужева-Рюмина), а какъ заглавіе проставлено въ воскр.: „книга глаголемая Временникъ, сіи рече Лѣтописецъ русскій, (и) отъ него же времени начатъ прозыватися Русская земля“, въ соф.: „Лѣтописецъ руськыя земля“. Въ ипатскомъ тоже двойное заглавіе.

скахъ заставляетъ обратить вниманіе и на общее содержаніе начальнаго никоновскаго текста. Его особенный характеръ обнаруживается при сравненіи съ текстомъ другихъ сводовъ.

Укажемъ прежде всего отношеніе дѣйствительнаго содержанія текста къ содержанію, предполагаемому заглавіемъ. Въ этомъ случаѣ всего естественнѣе остановиться на сводахъ съ однимъ заглавіемъ, а такъ какъ тексты лавр., ип. и лѣтоп. Переяславля сузд. по расположенію матеріала совершенно одинаковы [1]), а нѣкоторыя различія нисколько не измѣняютъ общаго отношенія текста къ заглавію [2]), то достаточно будетъ сопоставить тексты никоновскій и лаврентьевскій. Это сопоставленіе приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) *Въ расположеніи матеріала оба свода обнаруживаютъ одинаково крупный перерывъ на второмъ десяткѣ X-го вѣка* [3]).

---

[1]) Этотъ же текстъ положенъ въ основу и Татищевымъ.

[2]) Эти различія существенны лишь въ одномъ мѣстѣ: въ разсказѣ объ обычаяхъ славяно-русскихъ колѣнъ, предшествующемъ выпискѣ изъ Георгія, въ лѣт. Пер. с. имѣется характерное собщеніе о „бестудіи“ Латынъ и воздѣйствіи его на Словенъ. Что касается разсказа о 862 г., то описка въ выраженіи: „рѣша Русь“ (вмѣсто „Руси“) имѣется въ лаврентьев- и троицкомъ. Въ остальныхъ мѣстахъ — лишь стилистическія отмѣны.

[3]) За извѣстіемъ о борьбѣ Игоря съ древлянами и уличами и о передвиженіи послѣднихъ въ ник. слѣдуетъ перерывъ до 946 г., но собственно до 941, такъ какъ походъ Игоря упомянутъ, хотя и не помѣченъ годомъ. Въ лавр. извѣстіе о борьбѣ съ древлянами буквально сходно съ ник., далѣе слѣдуетъ извѣстіе о Симеонѣ болг.; подъ 915 „первый“ приходъ Печенѣговъ на русскую землю, тоже въ связи съ дѣлами Симеона, что указываетъ, что подъ „русской землей“ здѣсь слѣдуетъ разумѣть русское подунавье; далѣе за время 916—940 три записи, изъ которыхъ лишь одна (920: борьба Игоря съ Печенѣгами) относится къ кіевской Руси. Слѣд., записи съ 914 г. не принадлежатъ кіевской Руси. Такое объясненіе

2) *Повѣствовательная часть, не обозначенная годомъ, въ обоихъ сводахъ по расположенію матеріала совершенно одинакова, по содержанію представляетъ нѣсколько несущественныхъ отмѣнъ, по тексту представляетъ лишь стилистическія отличія* [1]).

3) *Лѣтописная часть со времени вокняженія Олега въ Кіевѣ вообще одинакова по матеріалу; до вокняженія обнаруживаетъ существенную разницу: а) въ основѣ годовой сѣти, б) въ расположеніи матеріала, в) въ содержаніи и характерѣ извѣстій.*

а) Разница въ годовой сѣти сказывается въ томъ, что въ никоновскомъ сводѣ начало русскаго имени не поставлено въ связь съ началомъ царствованія Михаила. Первое лѣто михаилова царствованія упоминается здѣсь въ связи съ русскими событіями одинъ разъ, по случаю опекунства Олега; но это — несомнѣнно перенесеніе въ текстъ замѣтки на поляхъ, ибо замѣтка эта не стоитъ ни въ какой связи съ текстомъ, а первый годъ михаилова царствованія имѣетъ въ никоновскомъ сводѣ значеніе лишь въ примѣненіи къ болгарскимъ событіямъ, какъ видно по числоположеніямъ. Года въ никоновскомъ начинаются съ

записи о „первомъ" появленіи Печенѣговъ кажется мнѣ правдоподобнѣе, чѣмъ объясненіе *Срезневскаго*, Чтенія 6.

[1]) Существенное значеніе имѣетъ лишь: 1) отсутствіе въ лавр. извѣстія о Гостомыслѣ, 2) разница въ сообщеніяхъ о Кіѣ: лавр. не упоминаетъ о Болгарахъ, а лишь о Дунайцахъ, ник. говоритъ о Болгарахъ дунайскихъ и волжскихъ. Остальныя отмѣны не существенны: „Дунаи" въ первомъ ник. перечнѣ славянскихъ вѣтвей извѣстны и лаврентьевскому своду; ап. Андрей входитъ на горы „сія" (лавр.), „тыа" (ник.); Обры мучаху Словены" (ник.), дулѣбы (лавр.); въ ник. нѣтъ тяжелыхъ стилистическихъ повтореній (обнаруживающихъ вставку) въ разсказѣ о древнемъ бытѣ полянъ (лавр., 8), но стиль лавр. текста вообще лучше никоновскаго; что касается явныхъ вставокъ, то вставка объ обычаяхъ вятичей и Половцевъ есть въ обоихъ сводахъ, а упоминанія о Печенѣгахъ и Черныхъ Уграхъ нѣтъ въ никоновскомъ.

6367 г. (изгнаніе новгородскими словенами Варяговъ), а слѣдующее затѣмъ извѣстіе записано подъ 6369 такъ: „при Михаилѣ и Василіи царема и при Фотіи патріарсѣ пріидоша Словене, рекше Новогородци, и Меря, и Кривичи, Варегомъ рѣша: „земля наша велика и обилна; поидите владѣти нами". Они же бояхуся звѣринаго ихъ обычая и нрава, и едва избрашася три браты", и только подъ слѣдующимъ 6370 г. обозначено утвержденіе русскаго имени (отъ прибывшихъ въ этомъ году варяговъ) среди сѣверныхъ словенъ, хотя, какъ извѣстно, прошло еще много времени, пока русское имя дѣйствительно связалось съ новгородско-словенской землей [1]).

Такимъ образомъ, въ лавр. годовыя обозначенія и начало русскаго имени связываются съ началомъ царствованія Михаила (6360 индиктъ 15), вслѣдствіе русскаго нашествія на Царьградъ; на самомъ дѣлѣ, однако, сообщеніе объ этомъ нашествіи здѣсь пропущено; оно помѣчено 6374 г., а записи начинаются съ 6366 г., не съ русскихъ, а съ болгарскихъ событій [2]). Въ никоновскомъ годовыя обозначенія начинаются съ событій на сѣверѣ въ 6367, а подъ 6369 упомянуто, что призваніе произошло „при Михаилѣ и Василіи и при Фотіи". За пропажей текстовъ, относящихся къ первому обозначенному году, въ радзивилловскомъ и троицкомъ [3]), приходится ограничиться лишь простой отмѣткой этихъ различій; равно какъ, за утратой синодальнаго списка новгородской лѣтописи, нельзя сказать, почему въ новгородскихъ сводахъ за начало положенъ не 852, а 854 годъ.

---

[1]) При Ольгѣ югъ и сѣверъ опредѣленно обозначаются какъ „земля русская и новгородская". Ник. 29. То же въ „Русской Правдѣ": Словенинъ и Русинъ. Очень мѣткія замѣчанія объ этомъ см. у *Гедеонова*, Варяги и Русь, гл. XIII.

[2]) Эта запись о войнѣ и крещеніи болгарскомъ соотвѣтствуетъ никоновской подъ 6371, но представляетъ другую редакцію.

[3]) См. Лавр. л., изд. 1872, стр. 13, 16, 18 примѣчанія.

б) Разница въ расположеніи матеріала обнаруживается особенно ярко въ извѣстіи о возстаніи словенъ, призваніи и прибытіи князей. Въ ник. эти три момента обозначены, какъ мы видѣли, отдѣльными годами, въ лавр. они соединены въ цѣльный разсказъ и поставлены подъ однимъ годомъ 6370. Сводность этого разсказа не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній, а обозначеніе времени смерти двухъ младшихъ варяжскихъ братьевъ согласно съ никоновскими годовыми записями, можетъ давать основаніе считать этотъ сводный разсказъ болѣе позднимъ, чѣмъ эти годовыя записи. Что касается расположенія матеріала со времени вокняженія Олега въ Кіевѣ до перерыва извѣстій, то разница здѣсь не существенна [1]). Слѣдуетъ прибавить, что въ лаврентьевскомъ съ 914 сказывается другая редакція въ извѣстіи о походѣ Симеона на Царьградъ. Извѣстіе 915 г. о „первомъ“ приходѣ Печенѣговъ мы склонны считать записью, сдѣланной въ русскомъ подунавьѣ, что подтверждается совмѣстностью ея съ болгарскими извѣстіями.

в) Въ содержаніи извѣстій лаврентьевскій сводъ обнаруживаетъ чрезвычайную скудость свѣдѣній о русскомъ югѣ. За всѣ 29 лѣтъ перваго періода русской исторіи, какъ онъ обозначается лаврентьевскимъ числоположеніемъ („отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Ольгова русскаго князя лѣтъ 29“) отмѣченъ лишь походъ Оскольда и Дира на Царьградъ—событіе, котораго, очевидно, нельзя было пропустить. Походъ этотъ помѣченъ тѣмъ же годомъ, какъ и въ ник. (6374), но съ характерной прибавкой: „въ 14 (лѣто) Михаила цесаря“. Въ виду указанной выше лавр. помѣты подъ 852, упоминанія о предшествовавшихъ 6374 году походахъ на Царьградъ въ ник. и—что особенно важно — въ новгородскомъ сокращеніи, подведенномъ подъ 854, наконецъ, сводности разсказа подъ 6370 г., *искус-*

---

[1]) Въ лавр. походы на древлянъ и сѣверянъ обозначены отдѣльными годами (883, 884), въ ник. оба подъ 883; о походѣ 885 на радимичей (лавр.) въ ник. не упомянуто.

ственность въ расположеніи матеріала въ лавр. сводѣ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Въ характерѣ извѣстій разница обоихъ сводовъ сказывается особенно ярко въ разсказѣ объ Оскольдѣ и Дирѣ. Въ лаврентьевскомъ установлена связь ихъ съ Рюрикомъ, прибытіе въ Кіевъ изъ Новгорода и, слѣдовательно, первенство Новгорода передъ Кіевомъ, если не въ историческомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ политическомъ смыслѣ.

Ясно, что какъ *содержаніе*, такъ *и характеръ извѣстій лаврентьевскаго свода за первый періодъ исторіи Руси всего менѣе отвѣчаетъ заглавію.* Заглавіе связываетъ русскую землю съ Кіевомъ, но кіевскихъ извѣстій въ сводѣ нѣтъ, а русское имя приносится въ Кіевъ двумя варягами изъ дружины Рюрика.

Допустить такое грубое несоотвѣтствіе заглавія и содержанія въ первоначальномъ разсказѣ рѣшительно невозможно; слѣдовательно, оно должно быть объясняемо какъ результатъ позднѣйшей работы редакторовъ. Въ этомъ случаѣ утрата текста радз. и троицк. списковъ невознаградима, хотя расположеніе матеріала въ ник. сводѣ и соотвѣтствіе этому расположенію новгородскаго сокращенія служитъ чрезвычайно важнымъ указаніемъ на то, что начальный никоновскій текстъ по расположенію матеріала, содержанію и характеру извѣстій древнѣе лаврентьевскаго.

Такимъ образомъ, сопоставленіе заглавій „повѣсти“ во всѣхъ сводахъ и содержаніе матеріала двухъ сводовъ открываетъ необходимость той же работы, какую нѣкогда предпринялъ Шлецеръ съ цѣлью возстановить „чистаго Нестора“. Разница только въ томъ, что такая работа задается не фикціей о Несторѣ, какъ начальномъ лѣтописцѣ, а точнымъ фактомъ существованія *„Повѣсти о русской землѣ“, которая должна была быть, потому что заглавія свидѣтельствуютъ объ этомъ неопровержимо.* Эти же заглавія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта повѣсть должна была подвергаться передѣлкамъ, и слѣдовательно, тотъ видъ, который она имѣетъ теперь, не есть ея первоначальный видъ.

Возможно ли возстановить ее въ первоначальномъ видѣ? До извѣстной степени несомнѣнно возможно *путемъ* тщательнаго *сличенія рѣшительно всѣхъ списковъ;* такъ какъ съ значительной вѣроятностью можно предполагать, что то, что общо всѣмъ спискамъ, представляетъ основу древнѣйшаго свода, а слѣдовательно, и входившей въ него „повѣсти откуда пошла русская земля". Только путемъ такого сличенія могутъ быть опредѣлены вставки, не на основаніи случайныхъ видимостей [1]), а на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ. Только такимъ путемъ можетъ быть рѣшенъ какъ вопросъ о существованіи древнѣйшаго свода, такъ и вопросъ объ его объемѣ.

Въ данномъ случаѣ мы, понятно, не можемъ взять на себя всю работу. Мы сопоставили *общее содержаніе матеріала* въ сводахъ: лавр. (ипатск., лѣтоп. Переяславля сузд.), новгор., никон, соф., воскр., тверск. и татищевск. и пришли къ слѣдующимъ выводамъ.

1) *Расположеніе матеріала обнаруживаетъ вездѣ ту же грань, какая была отмѣчена выше,* при сличеніи сводовъ никоновскаго и лаврентьевскаго. На второмъ десяткѣ X вѣка вездѣ крупный перерывъ — до 940-хъ годовъ, а *съ этого времени лѣтописная сѣть всѣхъ сводовъ вообще совпадаетъ.*

Это обстоятельство имѣетъ весьма существенное значеніе въ вопросѣ объ объемѣ начальнаго свода. Второй десятокъ X вѣка, вообще совпадающій съ концомъ княженія Олега [2]), представляетъ въ расположеніи всего лѣтописнаго матеріала въ совокупности рѣзкую грань, что, очевидно, не могло быть случайностью. Вокняженіе Олега

---

[1]) Какъ, напр., у *Ламбина,* Источникъ лѣтоп. сказанія о началѣ Руси. Ж. М. Пр. 1874, ч. 173—174.

[2]) Замѣчательно, что эта грань совпадаетъ и съ началомъ царствованія Александра — гранью, полагаемой сводами воскр. и соф.: „мы же отъ начала русской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила царя до *Александра* и Исакія". Царство Александра отмѣчено въ ник. подъ 6420 (912).

въ Кіевѣ было несомнѣнно весьма важнымъ моментомъ русской исторической жизни, оно и отмѣчается во всѣхъ числоположеніяхъ, слѣдовательно, какъ грань, указано уже редакторами сводовъ. Почему это именно событіе было поставлено гранью, это вполнѣ понятно и теперь; почему конецъ княженія Ольгова составляетъ грань въ общемъ расположеніи лѣтописнаго матеріала, этого мы не умѣемъ объяснить, но фактъ не подлежитъ сомнѣнію.

Онъ получаетъ особенное значеніе, въ виду слѣдующаго обстоятельства. Текстъ сводовъ никоновскаго и новгородскаго прерывается одинаково на извѣстіи о передвиженіи улучичей, причемъ оба они оканчиваются одинаковыми выраженіями: „по семъ („послѣди“ ник.) скажемъ“ („въ приключившихся лѣтѣхъ“. новг.). *Въ виду всего этого, едва ли не слѣдуетъ полагать на указанной грани конецъ древнѣйшаго свода* [1]).

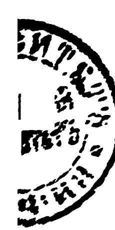
2) Расположеніе матеріала повѣствовательной части одинаково. Самый матеріалъ тоже одинаковъ. Различія сводятся къ редакціоннымъ отмѣнамъ главнымъ образомъ—стилю; что касается частныхъ заглавій, то въ однихъ сводахъ они есть, въ другихъ ихъ нѣтъ. Но одно обстоятельство обращаетъ на себя вниманіе. Разсказъ объ Обрахъ кончается въ никоновскомъ сводѣ извѣстной притчей, послѣ чего слѣдуетъ наиболѣе полный перечень славянорусскихъ колѣнъ [2]). Въ другихъ сводахъ (лавр., ип., соф., воскр., тверск., тат.) за притчей слѣдуетъ такая вставка: „по сихъ же (т. е. Обрахъ) придоша Печенѣзи, паки идоша Угры Черніи мимо Кіевъ, послѣ же при Ользѣ“. Замѣчательно, что въ лѣтописцѣ Переяславляužд. этой замѣтки нѣтъ, но текстъ не соотвѣтствуетъ и никоновскому:

---

[1]) Года 6428—6430 поставлены въ новгор. явно невѣрно, такъ же точно, какъ ниже невѣрно проставлены событія подъ 6448 и 6450.

[2]) Что касается лѣтописныхъ перечней, то я вполнѣ раздѣляю взглядъ *Барсова*, Очерки, гл. IV, стр. 69 сл., почему и не распространяюсь о нихъ.

Территорія и населеніе.



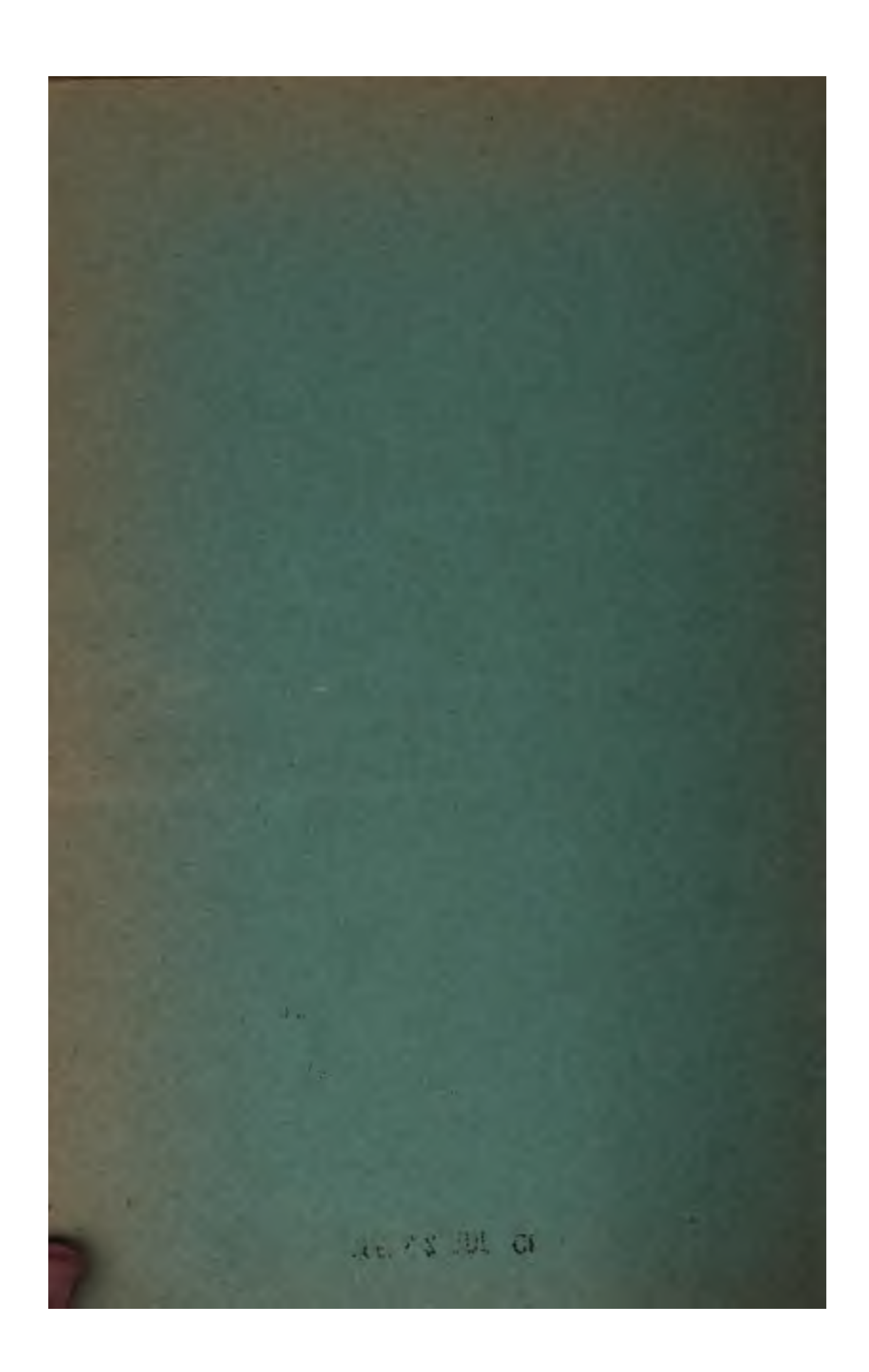
дѣйствительно имѣется упоминаніе о борьбѣ Оскольда и Дира съ Печенѣгами подъ 6375 г. Если это соображеніе вѣрно, то можно думать, что расположеніе повѣствовательнаго матеріала въ начальномъ сводѣ было иное, чѣмъ то, какое оказывается теперь, то есть вся повѣствовательная часть была соединена вмѣстѣ, не была разбита, а за нею слѣдовала часть лѣтописная, иначе говоря: *древнѣйшій сводъ начинался сводомъ преданій, а за преданіями слѣдовали записи отдѣльныхъ фактовъ.*

Это предположеніе вполнѣ подтверждается новгородской лѣтописью. Здѣсь, по заглавію списка Археографической коммиссіи, тоже была повѣсть о началѣ русской земли, но повѣсть „вкратцѣ изъ великаго лѣтописанія" [1]). Что же представляетъ сокращеніе? Въ разсказѣ, подведенномъ подъ 854 оно представляетъ краткій сводъ преданій *полянскихъ* и *словенскихъ* (новгородскихъ). Съ утвержденіемъ Олега въ Кіевѣ до отмѣченнаго выше перерыва проставлено три года, но, кажется, излишне доказывать, что относящіяся къ нимъ событія не годовыя записи, а краткій сводный пересказъ Олегова княженія. Слѣдовательно, содержаніе первыхъ страницъ новгородской лѣтописи съ полною точностью отвѣчаетъ заглавію, проставленному въ спискѣ Археографической коммиссіи. Обстоятельство существенной важности, особенно если принять во вниманіе, что сокращеніе и ник. сводъ имѣютъ одинаковое заглавіе [2]), во многихъ существенныхъ подробностяхъ согласны и оканчиваются на извѣстіи о передвиженіи улучичей одинаковыми выраженіями, а за этимъ тутъ и тамъ слѣдуетъ одинаково крупный перерывъ.

---

[1]) Новг. л. изд. 1888, стр. VII.

[2]) Замѣна въ новг. сокращеніи никоновскаго „откуда русская земля стала есть" черезъ: „откуда русская земля пошла есть именемъ" показываетъ, какъ понимали въ древности выраженіе: „откуда стала есть". По крайней мѣрѣ, первоначально это, очевидно, не значило: „устроилась", какъ понимаетъ, напр., *Забѣлинъ*, Исторія I, 487.



Stanford University Libraries
3 6105 012 198 326